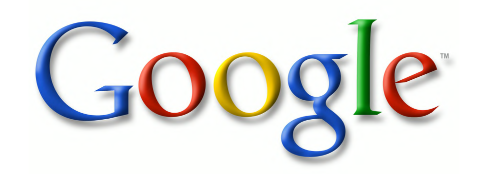
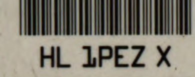





CHRISTO ET ECCLESIAE
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV · ANG ·
VE RI TAS

Противъ смертной казни.

Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1906.

Отъ редакціи.

Инициатива изданія настоящаго сборника пренадлежитъ группѣ учителей и дѣятелей по народному образованію, поручившей редактированіе его И. Н. Сахарову, исполнившему возложенную на него задачу совмѣстно съ приватъ-доцентомъ М. Н. Гернетъ и О. Б. Гольдовскимъ. Редакція обратилась къ русскимъ и иностраннымъ общественнымъ дѣятелямъ, ученымъ и публицистамъ съ просьбой принять участіе въ сборникѣ. Цѣль сборника — агитація противъ смертной казни — требовала по условіямъ переживаемаго страшнаго времени крайней спѣшности его изданія. Вынужденная этимъ краткость срока представленія статей въ связи съ тѣмъ, что всѣ наличныя силы русской интеллигенціи были всецѣло поглощены въ послѣднее время выборной компаніей, лишило, къ сожалѣнію, многихъ видныхъ представителей русскаго общественнаго мнѣнія возможности участвовать въ сборникѣ. Рядъ цѣнныхъ статей и матеріаловъ, поступившихъ въ распоряженіе редакціи уже во

время печатанія сборника, пришлось отложить до 2-го изданія сборника, если ему суждено будетъ осуществиться.

Редакція выражаетъ горячую признательность какъ авторамъ помѣщенныхъ статей и писемъ, такъ и проф. М. М. Ковалевскому и А. В. Тырковой, принявшимъ на себя трудъ личныхъ сношеній съ многими изъ участниковъ сборника какъ въ Россіи, такъ и за границей, и Г. А. Рачинскому, разрѣшившему перепечатать изъ полнаго собранія сочиненій покойнаго Вл. С. Соловьева статью о смертной казни.

О смертной казни[1]).

I.

Учрежденіе смертной казни есть послѣдняя важная позиція, которую *варварское* уголовное право (прямая трансформація *дикаго* обычая) еще отстаиваетъ въ современной жизни. Дѣло можно считать рѣшеннымъ. Все болѣе и болѣе рѣдѣетъ еще недавно густая толпа защитниковъ, которую собралъ кругомъ себя ветхій полуистлѣвшій идолъ, еле держащійся на двухъ подбитыхъ глиняныхъ ногахъ: на теоріи возмездія и на теоріи устрашенія.

Въ любопытной сравнительно-статистической таблицѣ, которую проф. Н. С. Таганцевъ [2]) приводитъ изъ книги Гетцеля, наглядно представленъ быстрый прогрессъ науки относительно этого вопроса. Гетцель, котораго сочиненіе по этому предмету отличается своею библіографической полнотою, беретъ всю извѣстную ему (западную) литературу о смертной казни за столѣтіе слишкомъ (отъ появленія знаменитой книги Беккаріи Dei delitti e delle pene и до 1869 г.). Оказывается, что во второй половинѣ XVIII вѣка число защитниковъ смертной казни еще было значительнымъ и нѣсколько превышало число ея противниковъ (первыхъ—61, вторыхъ—45), но уже съ начала XIX вѣка устанавливается обратное отношеніе, которое за первую половину этого вѣка

---

[1]) Статья Вл. Соловьева (изъ Полн. Собр. Сочин.).

[2]) Лекціи по русскому уголовному праву, стр. 1424 (выпускъ 4. Спб. 1892 г.).

выражается въ такихъ цифрахъ: на 79 защитниковъ уже 128 противниковъ, а затѣмъ въ эпоху, современную Гетцелю (1848—1869 гг.), число противниковъ (158) слишкомъ *втрое* больше числа защитниковъ (48), при чемъ нужно замѣтить, что къ числу послѣднихъ Гетцель съ нѣмецкою «Billigkeit» относитъ и тѣхъ криминалистовъ, которые, отрицая въ принципѣ смертную казнь, допускаютъ только ея сохраненіе на практикѣ, какъ временную мѣру. Если не останавливаться на 1869 г., то результатъ былъ бы еще болѣе блестящимъ. Такъ, у насъ, въ Россіи, послѣ смерти Баршева и Лохвицкаго, не осталось *ни одного* криминалиста съ нѣкоторымъ именемъ въ наукѣ, который бы защищалъ смертную казнь.

Этому прогрессу въ наукѣ или въ теоретическомъ правосознаніи соотвѣтствуетъ такой же прогрессъ въ жизни или въ юридической практикѣ, законодательной и судебной. Во-первыхъ, поразительно сокращается самый объемъ приложенія смертной казни по закону, или число тѣхъ родовъ и видовъ преступленій, за которыя полагается эта кара. Еще въ концѣ XVIII вѣка (передъ революціей) во Франціи, напримѣръ, сумма такихъ криминальныхъ категорій была 115 (въ томъ числѣ контрабанда, протестантская проповѣдь, блудъ при духовномъ родствѣ, печатаніе и сбытъ запрещенныхъ книгъ), уже по code pénal 1810 г. оно сократилось до 38, а затѣмъ еще значительно уменьшилось по законамъ 1832 и 1848 гг. Въ Германіи и Австріи по кодексу Карла V, дѣйствовавшему и въ XVIII вѣкѣ, смертной казни подлежали 44 рода преступныхъ дѣяній (между ними: сочиненіе пасквилей, порча межевыхъ знаковъ, двоебрачіе, кража плодовъ и рыбы), а въ настоящее время смертная казнь сохраняется только въ двухъ случаяхъ: при предумышленномъ убійствѣ (Mord) и при посягательствѣ на жизнь императора. Въ Англіи по статутамъ, дѣйствовавшимъ еще въ началѣ XIX вѣка, число всѣхъ подлежавшихъ смертной казни родовъ и видовъ пра-

вонарушеній съ различными казуистическими подраздѣленіями выражается чудовищною цифрой: 6789, которая кажется нѣсколько менѣе изумительною, когда мы узнаемъ, что смертной казни по этимъ законамъ подлежали между прочимъ: порубка деревьевъ, увѣчье чужого скота, воровство выше одного шиллинга при нѣкоторыхъ отягчающихъ обстоятельствахъ, простое воровство въ 5 шиллинговъ, кража писемъ, злостное банкротство, угрозы на письмѣ, окрашиваніе серебряной монеты въ золотую или мѣдной въ серебряную и т. п.

Съ первыхъ годовъ XIX в. начинается въ Англіи фактическое, а затѣмъ и законодательное ограниченіе этой уголовной безмѣрности; особенно быстро пошло дѣло въ первой половинѣ царствованія королевы Викторіи, и послѣ коренного пересмотра статутовъ въ 1861 г., отъ 6789 случаевъ остается только два: государственная измѣна и убійство. Съ тѣхъ поръ предложеніе о совершенной отмѣнѣ смертной казни неоднократно вносилось въ парламентъ, и принятіе его, уже имѣвшее за себя большинство въ одной парламентской комиссіи, есть только вопросъ времени. Вполнѣ отмѣнена смертная казнь законодательнымъ путемъ: въ Румыніи съ 1864 г., въ Португаліи съ 1867 г., въ Голландіи съ 1870 г. и въ Италіи съ 1890 г. Въ Швейцаріи, отмѣненная по конституціи 1874 г., она была черезъ пять лѣтъ законодательно возстановлена изъ 25 въ 8 кантонахъ, но и здѣсь остается на практикѣ почти безъ примѣненія. Въ Россіи законодательное движеніе противъ смертной казни началось раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, но не пошло прямымъ путемъ къ ея полной отмѣнѣ, какъ въ только что названныхъ странахъ. Хотя за преступленія противъ общаго права эта казнь de jure не назначается съ самаго начала царствованія императрицы Елизаветы Петровны, но болѣе ста лѣтъ она сохранялась фактически и притомъ квалифицированная—подъ

видомъ тѣхъ чрезмѣрныхъ тѣлесныхъ наказаній, которыя имѣли неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ, а иногда и предуказанною цѣлью—мучительную смерть преступника. Послѣ отмѣны этого рода истязаній въ царствованіе императора Александра II, смертная казнь и фактически, какъ и по закону, исчезла у насъ изъ общаго порядка юстиціи и осталась карательною мѣрою лишь для случаевъ особаго, исключительнаго порядка, разумѣя здѣсь исключительность какъ въ смыслѣ криминальномъ (политическія преступленія), такъ и въ смыслѣ процессуальномъ (судимость военными судами), каковая спеціальная подсудность можетъ имѣть своимъ основаніемъ или военное званіе судимаго въ связи съ особыми требованіями военной дисциплины, или военное положеніе данной мѣстности въ данное время, или, наконецъ, чудовищный и исключительно опасный характеръ даннаго преступленія, при чемъ первое основаніе есть въ своемъ родѣ общее, второе—особенное, а третье—единичное, вновь опредѣляемое для каждаго отдѣльнаго случая.

Кромѣ все большихъ и большихъ законодательныхъ ограниченій смертной казни, прогрессъ въ этомъ дѣлѣ можно усмотрѣть, во-вторыхъ, и еще прямѣе, изъ чрезвычайнаго уменьшенія числа смертныхъ приговоровъ вообще и приговоровъ, исполненныхъ въ особенности. Въ прошлые вѣка, несмотря на малочисленное сравнительно населеніе, въ каждой изъ европейскихъ странъ ежегодное количество казнимыхъ смертью считалось тысячами. Такъ, въ Англіи за послѣднія 14 лѣтъ царствованія Генриха VIII было казнено около 72,000 человѣкъ, слѣдовательно, среднимъ числомъ болѣе 5000 въ годъ. За все царствованіе королевы Елизаветы (1558 — 1603) было казнено свыше 89,000, то-есть около 2000 въ годъ. Въ началѣ XIX вѣка, несмотря на значительно увеличившееся народонаселеніе, тысячи ежегодныхъ казней замѣняются сотнями и десятками: за двадцатилѣтіе (1806—

1825) было казнено 1614 чел., слѣдовательно, по 80 въ годъ (въ частности въ 1813 г. казнено 120 чел., а въ 1817—115), а въ царствованіе Викторіи годовыя цифры казни колеблются между 10 и 38. Во Франціи еще въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка среднее число казненныхъ въ годъ было 72, но въ тридцатыхъ уже только 30, въ сороковыхъ—34, въ пятидесятыхъ—28, въ шестидесятыхъ—11, въ семидесятыхъ тоже 11, въ восьмидесятыхъ—только 5. Въ Австріи среднее годовое число въ шестидесятыхъ годахъ — 7, а въ семидесятыхъ—только 2.

«А потому, — справедливо заключаетъ проф. Таганцевъ разсужденіе объ этомъ предметѣ въ своихъ лекціяхъ,—не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнетъ изъ уголовныхъ кодексовъ, и для нашихъ потомковъ самый споръ о ея цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ вопросъ о необходимости и справедливости колесованія, или сожженія преступниковъ» [1]).

Но пока это желанное и близкое будущее еще не наступило, пока этотъ остатокъ варварства не исчезъ совсѣмъ изъ законодательства и юридической практики большинства европейскихъ странъ, нельзя оставлять общественное сознаніе безъ постоянныхъ напоминаній объ этомъ тягучемъ позорѣ, и хотя бы новый опытъ его нравственно-юридическаго освѣщенія была тысяча первымъ или тысяча вторымъ, онъ не можетъ считаться лишнимъ [2]).

---

[1]) Стр. 1450.

[2]) Изъ спеціальной литературы вопроса, которую нашъ криминалистъ называетъ „почти необъятною“, мнѣ, какъ не спеціалисту, можно было ограничиться слѣдующими сочиненіями: *Guizot,* De la peine de mort, 2-е изд. 1838; *Mittermaier* Die Todesstrafe, 1862; *Berner,* Abschaffung der Tobesstrafe, 2-е изд. 1863; *Кистяковскій.* Изслѣдованіе о смертной казни, 2-е (посмертное) изд. 1896. Къ этимъ



II.

Разсматривая (въ третьей главѣ) воззрѣніе на уголовное наказаніе, какъ на воздаяніе зломъ за зло, мы обратили вниманіе только на два крайніе конца этого воззрѣнія—на terminus a quo: первобытный, грубый обычай кровавой мести, связанный съ родовымъ бытомъ, и на terminus ad quem: схоластически отвлеченную «абсолютную» теорію равномѣрнаго возмездія. Но есть еще въ уголовно-правовомъ развитіи третій элементъ, давно утратившій въ этой области прямое практическое значеніе, не лишенный, однако, скрытаго вліянія на умы консервативнаго направленія, и именно по вопросу о смертной казни.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отдѣльность нормъ и учрежденій политико-юридическихъ отъ нормъ и учрежденій религіозныхъ есть фактъ сравнительно поздній, а первоначально эти двѣ области сливались между собою, что порождало явленія и понятія совершенно на нашъ взглядъ неожиданныя. Если современный человѣкъ, знающій по-латыни, но незнакомый съ древностями, прочтетъ въ законѣ XII таблицъ при обозначеніи какого-нибудь преступленія, напри-

---

монографіямъ я долженъ присоединить весьма содержательное резюме вопроса въ упомянутомъ 4-мъ выпускѣ лекцій Н. С. Таганцева (стр. 1234—1253 и далѣе 1422—1450). Фактическія данныя взяты мною главнымъ образомъ у Кистяковскаго и Таганцева. Что касается до моего, безусловно отрицательнаго взгляда, на смертную казнь, то онъ предшествовалъ моему знакомству съ литературою предмета. Еще въ отрочествѣ, высказавъ какъ-то свое отвращеніе къ холодному убіенію безоружнаго человѣка, я услышалъ отъ моего отца такое внушительное опредѣленіе: „Смертная казнь—это мерзость, это измѣна христіанству!“ Съ тѣхъ поръ отрицаніе этой „мерзости“ сдѣлалось во мнѣ неподвижною идеей, потребовавшею затѣмъ только отчетливаго логическаго выраженія и фактическихъ подтвержденій.

мѣръ, ночной кражи плодовъ, такую краткую формулу наказанія: *sacer esto*, то онъ хотя и не переведетъ этого *да будетъ священнымъ* (вспомнивъ, быть-можетъ, auri sacra fames и французское sacré nom d'un chien), однако, подъ вліяніемъ новѣйшихъ понятій не сразу догадается, что это собственно значитъ: *да будетъ зарѣзанъ* или да подлежитъ закланію. Во всякомъ случаѣ такая омонимія покажется ему очень странной. Между тѣмъ тутъ не было вовсе никакой омонимiи, т.-е. употребленія одного слова для различныхъ понятій, одному слову здѣсь отвѣчало одно понятіе, такъ какъ въ извѣстную эпоху подъ *освященіемъ*, когда дѣло касалось живыхъ существъ, ничего другого и не мыслилось, кромѣ предустановленнаго *умерщвленія* [1]). Вообще освящать значило: изъ суммы однородныхъ предметовъ (людей, животныхъ, плодовъ и т. д.) *отдѣлять* нѣкоторые, чтобы отдать ихъ божеству. Первоначальный, коренной способъ этого отдаванія состоялъ въ жертвоприношеніи, то-есть въ торжественномъ истребленіи отдѣленныхъ предметовъ, что и было ихъ окончательнымъ освященіемъ. Основаній, по которымъ именно такіе и эти, а не другіе, предметы подлежали освященію, или истребленію, было много; главныя изъ нихъ были двоякаго рода: естественныя, каково *первородство* (приносились въ жертву *первенцы* людей и скота, *начатки* плодовъ и т. д.) и соціальныя, въ силу которыхъ приносились въ жертву чужеземцы (что было особенно лестно для національнаго божества), военноплѣнные и преступники. Такъ какъ нормы общежитія тѣснѣйшимъ образомъ связывались съ богопочитаніемъ, какъ прямыя выраженія высшей воли, то всякое нарушеніе этихъ нормъ понималось какъ оскорбленіе божества, которому нарушитель и выдавался головой: sacer esto!

---

[1]) По-сербски и теперь *осветитс*, значитъ — *зарѣзать*.

Въ области библейскихъ представленій между двумя основаніями «освященія»: первородствомъ и преступленіемъ, просвѣчиваетъ мистическая связь, поскольку первенецъ рода человѣческаго, Адамъ, и его первенецъ, Каинъ, были оба и первыми преступниками—одинъ прямо противъ Бога, другой—противъ человѣка [1]). Не касаясь теологической стороны вопроса, замѣтимъ, однако, что именно Библія, разсматриваемая въ цѣломъ, высоко поднимаетъ человѣческое сознаніе надъ темною и кровавою почвою дикой религіозности и религіозной дикости, изъ которой языческіе народы лишь отчасти выбивались въ своихъ высшихъ классахъ, благодаря развитію греческой философіи и римской юриспруденціи.

Въ Библіи по нашему вопросу обозначаются три главные момента: 1) Послѣ перваго убійства *провозглашеніе нормы:* преступникъ, даже братоубійца, не подлежитъ казни человѣческой: «И отмѣтилъ Превѣчный Каина, чтобы кто-нибудь не убилъ его». 2) Послѣ потопа, вызваннаго крайними обнаруженіями зла въ человѣческой природѣ—*приспособленіе нормы* къ «жестокосердію людей»: «Кто прольетъ кровь человѣка,—человѣкомъ прольется кровь его»; это приспособительное положеніе подробно развивается и осложняется въ Моисеевомъ законодательствѣ. 3) Возвращеніе къ нормѣ: у пророковъ и въ Евангеліи. «Мнѣ отмщеніе,—говоритъ Превѣчный, — я воздамъ». Чѣмъ воздастъ? «Милости хочу, а не жертвы». «Я пришелъ взыскать и спасти погибшее».

Библія есть многосложный, тысячу лѣтъ выраставшій духовный организмъ, совершенно чуждый внѣшняго однообразія и прямолинейности, но удивительный по внутреннему единству и стройности цѣлаго. Выхватывать произвольно изъ

---

[1]) Потомство же Каина, истребленное потопомъ, представляло собой третій типъ преступности — противъ природы, что впослѣдствіи въ малыхъ размѣрахъ повторилось въ Содомѣ и Гоморрѣ.



этого цѣлаго однѣ промежуточныя части, безъ начала и конца, есть дѣло фальшивое и пустое; а ссылаться на *Библію вообще* въ пользу смертной казни—свидѣтельствуетъ или о безнадежномъ непониманіи, или о безпредѣльной наглости. Тѣ, кто, подобно Жозефу де-Местръ, сближаютъ понятіе смертной казни съ понятіемъ искупительной жертвы, забываютъ, что искупительная жертва за всѣхъ уже принесена Христомъ, что она всякія другія кровавыя жертвы упразднила и сама продолжается лишь въ безкровной евхаристіи—забвеніе изумительное со стороны лицъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру. Поистинѣ допускать еще какія-нибудь искупительныя жертвы, значитъ—отрицать то, что сдѣлано Христомъ, значитъ—измѣнять христіанству.

III.

Негодная лже-религіозная замазка не можетъ исправить растреснувшуюся глину «абсолютной» метафизической криминалистики, требующей сохраненія смертной казни, какъ должнаго воздаянія за преступленіе. Посмотримъ, крѣпче ли другая глиняная нога этого гнуснаго кумира—утилитарное воззрѣніе, находящее смертную казнь самою цѣлесообразною мѣрою общественной обороны противъ важнѣйшихъ преступниковъ.

Лишь очень немногіе криминалисты, стоящіе на точкѣ зрѣнія пользы, понимаютъ пользу смертной казни въ прямомъ смыслѣ — какъ самаго простого и дешеваго способа отдѣлаться отъ преступника. Большинство писателей *стыдятся* этой простоты. А между тѣмъ, если стоять на точкѣ зрѣнія пользы и только пользы, то что можно противопоставить соображенію о надежности и дешевизнѣ висѣлицы сравнительно съ тюрьмой? И не ясно ли также, что если это средство выгодно относительно десяти или двадцати преступниковъ, то

оно тѣмъ болѣе выгодно относительно десяти тысячъ, и что всего выгоднѣе для общества вѣшать всѣхъ преступниковъ и всѣхъ людей, которые ему въ тягость. А если такого вывода стыдятся, то, значитъ, стыдятся и того принципа, изъ котораго этотъ выводъ съ логическою необходимостью вытекаетъ. Но какую же цѣну можетъ имѣть теорія, сторонники которой должны признать постыднымъ ея собственный принципъ?

Со времени Анзельма Фейербаха почти всѣ криминалисты утилитарнаго направленія признаютъ пользу смертной казни лишь въ косвенномъ смыслѣ—со стороны ея устрашающаго дѣйствія. Но именно относительно смертной казни этотъ взглядъ допускаетъ *опытную провѣрку*. Если (какъ мы признали въ предыдущей главѣ) вопросъ о цѣлесообразности устрашающихъ наказаній вообще остается на *эмпирической почвѣ* спорнымъ, то о смертной казни въ частности этого сказать нельзя: здѣсь вслѣдствіе простоты и опредѣленности данныхъ, вопросъ можетъ получить безспорное опытное рѣшеніе.

Если бы защитники смертной казни въ смыслѣ необходимаго устрашенія, удерживающаго отъ совершенія преступленій, были серьезно и послѣдовательно убѣждены въ своемъ тезисѣ и признавали его полную силу, то они должны бы были задуматься надъ слѣдующимъ приведеніемъ ихъ взгляда къ абсурду. Производимое смертною казнью устрашеніе есть *необходимое* средство для удержанія отъ преступленій; слѣдовательно, по мѣрѣ неупотребленія этого необходимаго средства, число преступленій должно соотвѣтственно возрастать; независимо отъ этого, оно, конечно, возрастаетъ естественнымъ приростомъ (и увеличивающеюся скученностью) населенія. Приложимъ это къ фактамъ. При Генрихѣ VIII въ Англіи казнили ежегодно 5000 преступниковъ; съ тѣхъ поръ населеніе возросло въ 12 разъ, слѣдовательно, если бы



«необходимое» средство устрашенія продолжало примѣняться, то слѣдовало бы теперь казнить ежегодно 60,000 злодѣевъ; вмѣсто того теперь казнятъ среднимъ числомъ всего 15 человѣкъ, то-есть въ 4000 разъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы; такое сокращеніе «необходимой» мѣры устрашенія должно бы соотвѣтственно повліять на увеличеніе числа преступленій, и если для царствованія Генриха VIII считать ихъ (чтобы быть великодушнымъ) столько же, сколько было казнимо, т.-е. по 5000 въ годъ, то теперь этихъ, уже болѣе не казнимыхъ, преступленій должно бы совершаться не менѣе 20 милліоновъ ежегодно, то-есть не только всѣ взрослые англичане должны бы оказаться поголовно профессіональными преступниками, но, пожалуй, и нѣкоторой части грудныхъ младенцевъ обоего пола пришлось бы для оправданія теоріи обкрадывать своихъ кормилицъ или дѣлать порубки въ чужихъ лѣсахъ.

Противъ такого абсурднаго вывода изъ ихъ теоріи приверженцы устрашенія имѣютъ только одинъ доводъ, который въ сущности есть отреченіе отъ ихъ принципа. Они могутъ сказать, что обиліе казней есть лишь условная необходимость и вопросъ времени: при Генрихѣ VIII нужно было по 5000 казней въ годъ, вслѣдствіе грубости и дикости нравовъ и неустойчивости общежитія, а теперь довольно и 15 для устрашенія наиболѣе опасныхъ преступныхъ стремленій; но если преступность до такой степени ослабѣла въ силу общественнаго прогресса или благопріятнаго измѣненія жизненныхъ условій, то на этой положительной почвѣ и нужно до конца бороться съ преступленіями, оставивъ разъ навсегда казни какъ безполезную жестокость.

Но есть ли въ самомъ дѣлѣ вопіющая безсмыслица утверждать, что вчера еще склонность къ воровству была такъ сильна въ обществѣ, что воровъ можно было напугать только висѣлицей, а сегодня эта склонность вдругъ почему-то ослабѣла, и для нихъ уже и тюрьма оказывается достаточно

страшной, а висѣлица должна оставаться только для убійцъ, которые почему-то тюрьмы не боятся?

Опытная провѣрка мнимой устрашающей силы смертной казни можетъ быть сдѣлана прямо безъ всякаго сопоставленія между собою отдаленныхъ эпохъ. Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка сравнительно съ двадцатыми годами того же вѣка никакой существенной разницы въ соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ жизни не было, а потому если бы вообще смертная казнь имѣла вліяніе на проявленіе преступности, то послѣдовавшее въ это время, вслѣдствіе отмѣны старыхъ статутовъ, быстрое сокращеніе смертныхъ казней (со 115 въ годъ до 15 и даже 10) должно было бы сказаться значительнымъ увеличеніемъ злодѣяній, за которыя больше не грозила смерть. Между тѣмъ не только значительнаго, но и никакого увеличенія числа преступленій въ Англіи не произошло, а обнаружилось, напротивъ, нѣкоторое ихъ уменьшеніе [1]). Въ Тосканѣ, гдѣ смертная казнь была совершенно отмѣнена еще въ XVIII вѣкѣ (сначала фактически, потомъ и по закону), никакого увеличенія преступности не оказалось, и безполезность ея была такъ очевидна, что всѣ позднѣйшія попытки ея возстановленія (по соображеніямъ политическимъ) не имѣли успѣха: общественное мнѣніе не допускало исполненія смертныхъ приговоровъ. Въ Австріи въ самомъ Императорскомъ декретѣ (1803), которымъ возстановлялась смертная казнь, отмѣненная прежде Іосифомъ II, признается тотъ фактъ, что за время отмѣны число преступленій не увеличилось. И во всѣхъ другихъ случаяхъ отмѣны, кончая послѣдними, совершившимися на нашихъ глазахъ, результатъ неизмѣнно одинъ и тотъ же: замѣтнаго увеличенія числа преступленій, какъ слѣдовало бы по теоріи устрашенія, въ дѣйствительности не происходитъ. Нельзя себѣ представить болѣе блестящаго

---

1) Archiv des Criaminalrechts, 1840, 1841. Кистяковскій, 40.



опытнаго опроверженія этой теоріи, послѣдній ударъ которой нанесенъ въ наши дни устраненіемъ публичнаго исполненія смертной казни. Ясно, что казнь, совершаемая секретно и стыдливо, не предназначена для устрашенія. Фактъ этой секретности довольно краснорѣчивъ, но еще краснорѣчивѣе его основаніе: было констатировано, что публичныя экзекуціи, производя деморализующее дѣйствіе на толпу, сопровождались подъемомъ преступности въ данной мѣстности.

Сравните теперь это робкое, краснѣющее, по возможности комфортабельное для жертвы, юридическое убійство украдкой, въ стѣнахъ тюрьмы, въ утреннія сумерки,—сравните его со всѣми великолѣпіями прошлыхъ временъ: торжественно по цѣлымъ днямъ, на многолюдныхъ площадяхъ при колокольномъ звонѣ у сотенъ людей вытягивали кишки, сдирали кожу, жгли ихъ медленнымъ огнемъ, разрывали по суставамъ, заливали горло свинцомъ, варили въ кипяткѣ, въ горячемъ маслѣ и винѣ! Отъ всего этого пришлось отказаться, и если самъ адъ не устоялъ передъ проснувшеюся совѣстью, неужели устоитъ его блѣдная трепещущая тѣнь?

IV.

«Никто,—говоритъ извѣстный ученый, знатокъ этого вопроса,—никто даже изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ смертной казни не могъ въ защиту необходимости ея привести хотя малѣйшій фактъ, который бы доказалъ, что отмѣна ея въ упомянутыхъ государствахъ (въ Тосканѣ и др.) повлекла за собою увеличеніе преступленій, что она сдѣлала менѣе безопасными общественный порядокъ, жизнь и имущество гражданъ. Упомянутая отмѣна естественно низводила изслѣдованіе о смертной казни изъ заоблачныхъ сферъ теоріи на почву здраваго и нелживаго опыта» [1]. Благодаря этому

[1]) Кистяковскій, стр. 11.



опыту личное мнѣніе отдѣльныхъ передовыхъ умовъ *о безполезности* смертной казни для защиты общества стало теперь положительною истиной, экспериментально доказанною, и оспаривать эту истину могутъ только или незнаніе, или недобросовѣстность, или предвзятость.

Но безполезная матеріально для общества, смертная казнь духовно вредна, какъ безнравственное дѣйствіе самого общества.

Это есть дѣйствіе нечестивое, безчеловѣчное и постыдное.

И во-первыхъ, смертная казнь нечестива, такъ какъ, по своей безотносительности и окончательности, она есть присвоеніе человѣческою юстиціей того абсолютнаго характера, который можетъ принадлежать только суду Божію, какъ выраженію божественнаго *всевѣдѣнія*. Преднамѣренно и обдуманно вычеркивая этого человѣка изъ числа живыхъ, общество заявляетъ: *я знаю*, что этотъ человѣкъ безусловно виновенъ въ прошедшемъ, безусловно негоденъ въ настоящемъ и безусловно неисправимъ въ будущемъ. А такъ какъ на самомъ дѣлѣ не только о будущей неисправимости этого человѣка, но и о его прошедшей виновности, хотя бы лишь фактической, обществу и его судебнымъ органамъ ничего вполнѣ достовѣрнаго неизвѣстно, что достаточно доказывается многими обнаруживающимися судебными ошибками, то не есть ли это явно нечестивое посягательство на предѣлы вѣчные и слѣпое безуміе человѣческой гордости, ставящей свое относительное знаніе и условную справедливость па мѣсто всевидящей правды Божественной. Или смертная казнь совсѣмъ не имѣетъ никакого смысла, или она имѣетъ смыслъ нечестивый.

Во-вторыхъ, смертная казнь *безчеловѣчна*—не со стороны чувства, а со стороны нравственнаго принципа. Вопросъ совершенно принципіальный: *должно* ли признавать въ человѣческой личности какой-нибудь предѣлъ для внѣшняго

на нее дѣйствія, что-нибудь неприкосновенное и неупраздняемое извнѣ? Тотъ ужасъ, какой внушаетъ убійство, достаточно показываетъ, что *есть* такой предѣлъ и что онъ связанъ съ жизнью человѣка. Не самый фактъ физическаго существованія важенъ, а то, что въ узкія рамки этого факта вмѣщена для насъ теперь и имъ обусловлена вся безконечная судьба человѣка. Убійство возмутительно не разрушеніемъ видимой дѣйствительности, всегда ограниченной и большею частью неважной, а тѣми безграничными возможностями, которыя оно, не вѣдая ихъ, уничтожаетъ. Это есть преступленіе по преимуществу, потому что здѣсь переступается крайній предѣлъ между двумя существами, и ниспровергается послѣднее основаніе всякихъ отношеній,—то, что есть необходимое условіе для всего остального. Но вотъ страшное дѣло совершилось, человѣкъ превратилъ другого въ бездушную вещь. Допустимъ, что этому нельзя было помѣшать, допустимъ, что общество пока не виновато. Оно возмущается, негодуетъ, и это хорошо: было бы очень печально, если бы оно оставалось равнодушнымъ. Но, справедливо ужасаясь передъ убійствомъ, какимъ дѣломъ выразитъ оно свое чувство?—новымъ убійствомъ. По какой же это логикѣ повтореніе зла есть добро? Развѣ убійство возмутительно тѣмъ, что убитъ хорошій человѣкъ? Онъ былъ, можетъ-быть, негодяемъ. Но возмутительно самое дѣйствіе воли, переступающей нравственный предѣлъ, возмутителенъ человѣкъ, говорящій другому: ты для меня ничто, я не признаю за тобою никакого значенія, никакого права, даже права на существованіе, и доказывающій это на дѣлѣ. Но вѣдь именно такъ и поступаетъ общество относительно преступника, и притомъ безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, безъ страсти, безъ порочныхъ инстинктовъ, безъ душевнаго разстройства. Виновна, но заслуживаетъ снисхожденія фанатическая толпа, которая, подъ вліяніемъ безотчетнаго негодо-

ванія, убиваетъ преступника на мѣстѣ; но общество, которое дѣлаетъ это медленно, хладнокровно, отчетливо, не имѣетъ извиненія.

Особое зло и ужасъ убійства состоитъ, конечно, не въ фактическомъ отнятіи жизни, а во внутреннемъ отреченіи отъ основной нравственной нормы, въ рѣшимости отъ себя, собственнымъ дѣйствіемъ, разорвать окончательно связь общечеловѣческой солидарности относительно этого дѣйствительнаго, передо мною стоящаго ближняго, такого же, какъ и я, носителя образа и подобія Божія. Но эта *рѣшимость покончить* съ человѣкомъ гораздо яснѣе и полнѣе, чѣмъ въ простомъ убійствѣ, выражается въ смертной казни, гдѣ кромѣ этой рѣшимости и ея исполненія совсѣмъ ничего нѣтъ. У общества по отношенію къ казнимому преступнику остается только animus interficiendi въ абсолютно чистомъ видѣ, совершенно свободный отъ всѣхъ тѣхъ физіологическихъ и психологическихъ условій и мотивовъ, которые затемняли и закрывали сущность дѣла въ глазахъ самого преступника, совершилъ ли онъ убійство изъ корыстнаго расчета, или подъ вліяніемъ менѣе постыдной страсти. Никакихъ такихъ осложненій мотиваціи не можетъ быть при смертной казни; все дѣло здѣсь выведено на чистоту: единственная цѣль—покончить съ этимъ человѣкомъ, чтобы его вовсе не было на свѣтѣ. Смертная казнь есть убійство, какъ такое, абсолютное убійство, то-есть принципіальное отрицаніе коренного нравственнаго отношенія къ человѣку.

Это въ сущности признаютъ и защитники смертной казни, которые иногда проговариваются самымъ неожиданнымъ образомъ. Такъ, одинъ изъ нихъ на требованіе отмѣны смертной казни отвѣчалъ знаменитой фразой: «Пусть господа убійцы начнутъ первые!» Здѣсь казнь прямо приравнивается къ убійству, и казнящее общество ставится на одну доску съ «господами убійцами», то-есть съ единичными преступ-

никами, которымъ даже присваивается привилегія быть образцами и руководителями цѣлаго общества въ его исправленіи.

Менѣе наивные сторонники гильотины и висѣлицы прибѣгають къ уловкамъ, заслуживающимъ вниманія по своей непослѣдовательности. Смерть, говорятъ они, не есть окончательная потеря существованія, человѣческая душа живетъ и за гробомъ, смерть есть только переходъ, вовсе не имѣющій безусловнаго значенія и т. д. Но если конецъ видимаго, земного существованія такъ не важенъ, то почему же васъ до такой степени ужасаетъ убійство? А если, несмотря на загробную жизнь, есть основаніе ужасаться убійствомъ, то позволительно ли его повторять въ худшихъ условіяхъ? Если вы въ самомъ дѣлѣ такъ легко смотрите на смерть, то относитесь легче къ убійствамъ, а если они васъ такъ возмущаютъ, то остерегайтесь подражать имъ въ этой жизни подъ предлогомъ ея продолженія за гробомъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ смертная казнь могла быть допущена только съ точки зрѣнія будущей жизни, то произносить и исполнять смертные приговоры было бы по совѣсти позволительно только лицамъ, вѣрящимъ въ безсмертіе души, что въ настоящее время есть, къ сожалѣнію, скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило, да и помимо этого совмѣстима ли съ понятіемъ закона и суда подобная обусловленность субъективными мотивами личной вѣры?

Будучи нечестивою и безчеловѣчною, смертная казнь имѣетъ и *постыдный* характеръ, который уже давно закрѣпленъ за нею общественнымъ чувствомъ, какъ это видно изъ всеобщаго презрѣнія къ *палачу*. Война, дуэль, открытое убійство могутъ быть безчеловѣчны, ужасны, съ извѣстной точки зрѣнія безсмысленны, но особаго, специфическаго элемента *постыдности* въ нихъ нѣтъ. Что бы ни говорили сторонники вѣчнаго мира, военный человѣкъ, сражающійся про-

тивъ вооруженныхъ противниковъ съ опасностью собственной жизни, ни въ какомъ случаѣ не можетъ возбуждать къ себѣ презрѣнія. Хотя дуэль нельзя и сравнивать съ войною, хотя дуэлистъ справедливо вызываетъ негодованіе и преслѣдуется какъ за преступленіе, но все-таки человѣка, выходящаго на барьеръ, никто за одню это искренно не презираетъ и по той же причинѣ: этотъ человѣкъ возвышается, по крайней мѣрѣ, надъ инстинктивнымъ страхомъ смерти и показываетъ, что его собственная физическая жизнь сама по себѣ безъ извѣстныхъ нравственныхъ (хотя бы и ошибочно понятыхъ) условій не имѣетъ для него цѣны. То же до нѣкоторой степени можно сказать и про иные случаи убійства. Но вся эта сторона самопожертвованія, или риска собственною жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая въ извѣстныхъ случаяхъ ужасъ прямого убійства,—въ смертной казни совершенно отсутствуетъ. Здѣсь заранѣе и завѣдомо обезоруженный и связанный человѣкъ убивается человѣкомъ вооруженнымъ, совершенно ничѣмъ не рискующимъ и дѣйствующимъ исключительно изъ низкаго своекорыстія. Отсюда специфически постыдный характеръ смертной казни и безграничное всеобщее презрѣніе къ палачу.

Лучше всякихъ отвлеченныхъ аргументовъ говоритъ здѣсь прямое нравственное сознаніе и чувство, которое такъ ярко выражено въ превосходномъ стихотвореніи Хомякова Rittersprucһ — Richterspruch:

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ,
Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь ли съ коня ты, поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,

По градамъ и селамъ пожары простеръ, —
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани:
Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!
А если васъ много, убьете ли вы
Того, кто охваченъ цѣпями,
Кто стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете ль? О стыдъ и позоръ!

Странно было бы опровергать постыдность смертной казни и презрѣнность палача указаніемъ на тѣ древнія времена, когда смертная казнь была священнодѣйствіемъ и совершалась жрецами, а также и на ту болѣе позднюю старину, когда и свѣтскія высокопоставленныя лица не гнушались исполнять обязанности палача. Что же это можетъ доказывать? Было время, когда проституція, какъ въ естественныхъ, такъ и въ противоестественныхъ формахъ, была религіознымъ учрежденіемъ. Но изъ того, что женщины древняго Вавилона смотрѣли на блудъ съ иностранцами за деньги, какъ на священнослуженіе богинѣ Милиттѣ, не вытекаетъ никакого оправданія проституціи для нашихъ дней. Точно также никакія воспоминанія о каннибальской старинѣ не помѣшаютъ тому, что на той ступени нравственнаго сознанія, которой уже достигъ теперешній средній человѣкъ, смертная казнь осуждена не только какъ нечестивое и безчеловѣчное, но и какъ постыдное дѣло.

Будучи противна первоосновамъ нравственности, смертная казнь вмѣстѣ съ тѣмъ есть отрицаніе *права* въ самомъ его существѣ. Мы знаемъ (см. во II-й главѣ), что это существо состоитъ въ равновѣсіи двухъ нравственныхъ интересовъ:

личной свободы и общаго блага, откуда прямой выводъ, что послѣдній интересъ (общаго блага) можетъ только *ограничивать* первый (личную свободу каждаго), но ни въ какомъ случаѣ не имѣть въ намѣреніи его полное упраздненіе, ибо тогда очевидно всякое равновѣсіе было бы нарушено. Поэтому мѣры противъ какого бы то ни было лица, внушенныя интересомъ общаго блага, никакъ не могутъ доходить до устраненія этого лица, какъ такого, чрезъ лишеніе его жизни или чрезъ пожизненное отнятіе у него свободы. Слѣдовательно, законы, допускающіе смертную казнь, пожизненную каторгу, или пожизненное тюремное заключеніе, не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія юридической, какъ упраздняющіе окончательно данное правовое отношеніе чрезъ упраздненіе одного изъ его субъектовъ. Притомъ утвержденіе, что общее благо въ извѣстныхъ случаяхъ требуетъ окончательнаго упраздненія даннаго лица, представляетъ и внутреннее логическое противорѣчіе. Общее благо потому только и есть *общее,* что оно содержитъ въ себѣ благо всѣхъ единичныхъ лицъ безъ исключенія,—иначе оно было бы лишь благомъ большинства. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы общее благо состояло въ простой ариѳметической суммѣ всѣхъ частныхъ интересовъ отдѣльно взятыхъ, или заключало въ себѣ сферу свободы каждаго лица во всей ея безпредѣльности,—это было бы другое противорѣчіе, такъ какъ эти сферы личной свободы могутъ сами по себѣ отрицать другъ друга и, дѣйствительно, отрицаютъ. Но изъ понятія *общаго* блага съ логическою необходимостью слѣдуетъ, что, ограничивая именно какъ общее (общими предѣлами) частные интересы и стремленія, оно никакъ не можетъ упразднять хотя бы одного носителя личной свободы или субъекта правъ, отнимая у него жизнь и самую возможность свободныхъ дѣйствій. Общее благо по самому своему понятію должно быть благомъ *и этого человѣка;* но когда оно лишаетъ его суще-

ствованія и возможности свободныхъ дѣйствій, слѣдовательно, возможности какого бы то ни было блага,—тѣмъ самымъ это мнимо-общее благо перестаетъ быть благомъ и для него, слѣдовательно, утрачиваетъ свой общій характеръ, само становится лишь частнымъ интересомъ, а поэтому теряетъ и свое право ограничивать личную свободу.

И въ этомъ пунктѣ мы видимъ, что нравственный идеалъ вполнѣ согласенъ съ истинною сущностью права. Вообще право въ своемъ особомъ элементѣ принужденія къ минимальному добру, хотя и различается отъ нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, но и въ этомъ своемъ принудительномъ характерѣ, служа реальному интересу той же нравственности, ни въ какомъ случаѣ не можетъ ей противорѣчить. Поэтому, если какой-нибудь положительный законъ находится въ принципіальномъ противорѣчіи съ нравственнымъ сознаніемъ добра, то мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что онъ не отвѣчаетъ и существеннымъ требованіямъ права, и правовой интересъ относительно такихъ законовъ можетъ состоять никакъ не въ ихъ сохраненіи, а только въ ихъ *правомѣрной* отмѣнѣ.

Смертная казнь—преступленіе.

И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни. И сталъ человѣкъ душою живою. (Быт. 2 гл., 7 ст.).

Не знаете, какого вы духа, ибо Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать. (Ев. Лук. 9 гл., 55-56 ст.).

Правительство должно бороться съ преступленіемъ, не подражая послѣднему. Слова Екатерины II.

Смертная казнь есть преступленіе. Преступленіе тяжкое. Преступленіе жестокое. Преступленіе безсмысленное.

1. Смертная казнь есть преступленіе. Она есть величайшее самоуправство, какое только можетъ быть совершено на землѣ. Она попираетъ права Божіи и убиваетъ, разрушаетъ самое дорогое на землѣ—жизнь человѣка.

Жизнь человѣка есть даръ Бога, и никакая человѣческая сила, никакая земная власть не въ правѣ этотъ даръ отнять. Жизнь есть Божій огонь въ человѣкѣ. Его зажигаетъ въ человѣкѣ Самъ Богъ. И Самъ Богъ только и воленъ этотъ огонь, это дыханіе души живой прекратить.

Мы считаемъ грубымъ разрушеніемъ, проявленіемъ дикаго варварства, если кто уничтожаетъ произведенія искусства, разбиваетъ статуи, превращаетъ въ прахъ картины, книги, изобрѣтенія и другія производства. Что сказать о казни человѣка? О разрушеніи совершеннѣйшаго произведенія природы?

И наука и религія говорятъ намъ о длинномъ пути творческихъ силъ, о постепенномъ, все болѣе премудромъ, все болѣе прекрасномъ раскрытіи и проявленіи ихъ. Образовы-

вались міры. Зажигались солнца. Возникала жизнь на землѣ. Появлялись животныя. Сначала простѣйшія, потомъ болѣе сложныя, болѣе развитыя. И наконецъ Господь вдунулъ въ лицо человѣка дыханіе жизни, озарилъ земное существо отблескомъ своего Божества, даровалъ праху Свой образъ и Свое подобіе. На землѣ загорѣлась мысль. Душа человѣка наполнилась чувствомъ прекраснаго. Сердце стало волноваться самыми разнообразными чувствами.

Человѣкъ, явившійся въ концѣ мірового творенія, самъ сталъ творить. Творитъ науку, творитъ искусство, творитъ новыя, все лучшія и лучшія формы жизни. Раскрываетъ, разрабатываетъ заложенныя въ немъ высшія Божіи начала.

Нѣкогда древніе греки сложили сказаніе, что Прометей, жалѣя темную и холодную жизнь людей безъ огня, поднялся на небо къ богамъ, похитилъ тамъ священный огонь и принесъ его на землю, осчастливилъ человѣчество. Мы послѣ грековъ ушли много впередъ, стали лучше и глубже ихъ понимать и жизнь и человѣка. Мы знаемъ теперь, что каждый человѣкъ можетъ быть Прометеемъ, что въ каждомъ и въ каждой изъ насъ есть священный огонь внутри и что для блага человѣчества, для тепла и свѣта радости жизни этотъ священный огонь надо добыть; высѣчь, какъ изъ кремня, изъ человѣка. Надо добыть. Раздуть. Пробудить.

Раздуть, а не *задуть*. Оживить духъ человѣка, а не умертвить совсѣмъ душу живую. Когда ученики Іисуса Христа въ гнѣвѣ на обидчиковъ самарянъ хотѣли однажды молиться объ истребленіи виновныхъ, — Христосъ Спаситель остановилъ учениковъ и сказалъ:

— Не знаете, какого вы духа. Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать.

Кто же теперь въ правѣ губить человѣческую жизнь, обрекать ее на смерть? Какою силою и во имя чего кто-либо воленъ переходить отъ одного живого Божія свѣтильника

къ другому и грубою рукою тушить зажженный Богомъ огонь жизни? Огонь мысли? Огонь чувствъ? Самовластно разбить образъ Божій?

Богъ «вдунулъ дыханіе жизни», а мы задуваемъ. Богъ творитъ душу живу, а мы разрушаемъ. Развѣ это не преступленіе?

---

2. Смертная казнь есть преступленіе тяжкое. Это не просто только насильственное отнятіе жизни, какъ и всякое другое убійство. Нѣтъ, это въ сравненіи со всякимъ другимъ убійствомъ—преступленіе, такъ сказать, сугубое, усиленное, болѣе преступное.

Убійство обычное, убійство ли въ дракѣ, по злобѣ, изъ мщенія или другое какое, всегда есть преступленіе, совершенное человѣкомъ или людьми, въ неспокойномъ, въ раздраженномъ, въ возбужденномъ состояніи. Люди тутъ или совсѣмъ не разсуждаютъ, или разсуждаютъ очень мало. Разсудокъ у нихъ помраченъ: они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ какой-либо страсти.

Иное дѣло—смертная казнь. Тутъ убійство совершается не въ запальчивости или раздраженіи. Не подъ вліяніемъ той или другой страсти. Тутъ смертный приговоръ произносится, убійство опредѣляется судомъ. Въ состояніи полнаго спокойствія. Съ яснымъ сознаніемъ. Безстрастно, безтрепетно. Какъ въ счетной машинѣ: одну-другую кнопку надавилъ, и получился итогъ. Плати или получай такую-то сумму. То же самое и со смертнымъ приговоромъ.

Судьи, произносящіе его, сами могутъ и не знать совсѣмъ подсудимаго, могутъ сочувствовать ему, могутъ, наконецъ, его любить и уважать, и все-таки должны будутъ обречь его на смерть. Таковъ существующій законъ. И, подчиняясь закону, судья творитъ беззаконіе. За нарушеніе подсудимымъ закона человѣческаго самъ нарушаетъ, грубо попи-

раетъ законъ Божескій, законъ, который ясно и громко говоритъ:

— Не убій.

Дикая нелѣпица жизни. Крайнее смѣшеніе добра и зла. Высшее противорѣчіе между стремленіемъ удовлетворить правду и дѣйствительною справедливостью. Древніе римляне, лучшіе законники своего времени, чувствовали это противорѣчіе, почему и сказали:

«Summum jus — summa injuria», т.-е. высшій законъ, самое строгое, точное право бываетъ иногда величайшею несправедливостью.

Такимъ величайшимъ беззаконіемъ человѣческаго закона и является прежде всего смертная казнь, ибо она есть беззаконіе, возведенное въ законъ, что составляетъ уже не просто преступленіе, а преступленіе сугубое, наиболѣе преступное.

---

3. Смертная казнь есть преступленіе жестокое. Обрекая подсудимаго на казнь, смертный приговоръ попираетъ не только Божію заповѣдь: «не убій», онъ оскорбляетъ достоинство и человѣческаго закона. Говоритъ о жестокости этого закона, о злобности его, о безпощадной мстительности.

Въ печальной исторіи нашего далекаго прошлаго мы знаемъ, что когда при столкновеніи Руси съ татарщиной татары взяли верхъ, они не удовольствовались побѣдой. Имъ мало было, что они одолѣли враговъ. Имъ нужны были злое упоеніе побѣдой, злая потѣха надъ побѣжденными. Они связали всѣхъ захваченныхъ русскихъ князей, положили ихъ на землю, накрыли ихъ досками, а сами сѣли пировать на этотъ помостъ и такъ раздавили своихъ плѣненныхъ противниковъ.

Такимъ татарскимъ торжествомъ государства надъ личностью подсудимаго является и смертный приговоръ. Въ чемъ

заключается задача государства по отношенію къ тѣмъ, кто подпадаетъ осужденію законовъ? Если человѣкъ или люди опасны для общества или государства,—государство ихъ можетъ удалить изъ своей среды. Можетъ отправить въ ссылку. Можетъ изгнать изъ государства. У древнихъ грековъ и римлянъ нерѣдки были случаи такихъ изгнаній за предѣлы родины.

Если же государству кажется, что обвиняемые особенно опасны, что они могутъ бѣжать изъ ссылки, могутъ вернуться изъ изгнанія,—у государства, все-таки, достаточно средствъ оградить себя. Государство можетъ держать виновныхъ передъ его законами въ заключеніи. Держать, пока они не перестанутъ быть опасными. Зачѣмъ же убивать ихъ? Зачѣмъ казнить? Вѣдь опасные люди, которыхъ государство хочетъ уничтожить,—вѣдь они въ рукахъ государства. Они ужъ, стало-быть, не опасны. Опасность уничтожена. Зачѣмъ же безъ нужды уничтожать людей? Не будетъ ли это уничтоженіе ихъ мщеніемъ имъ со стороны государства? Злораднымъ торжествомъ надъ побѣжденными? Злобной потѣхой надъ безсильными и беззащитными? Такое торжество государства надъ виновнымъ передъ нимъ будетъ торжествомъ татаръ на Калкѣ. Торжествомъ преступнымъ. Возмутительнымъ.

Величіе и святость законовъ не допускаютъ мщенія. Имъ чуждо злорадство. Ихъ основаніе—правда и милость.

«*Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!*»

Предъ лицомъ же милости смертный приговоръ, отнятіе жизни по суду есть оскорбленіе суда, попраніе лучшихъ свойствъ его.

---

4. Смертная казнь есть преступленіе безсмысленное. Безсмысленное потому, что оно не достигаетъ своей цѣли. Цѣль всякой кары, всякаго наказанія есть устрашеніе, обузданіе

страхомъ. Предполагается, что наказаніями можно запугать людей и тѣмъ удержать ихъ отъ нарушенія закона. Глубокая ошибка, свидѣтельствующая о недомысліи всѣхъ вѣрящихъ въ спасительную силу угрозъ и суровыхъ, какъ вообще и всякихъ наказаній.

Исторія человѣчества знаетъ въ прошломъ всякія времена. Были и времена жестокихъ, безпощадныхъ наказаній. И это не были времена добрыхъ нравовъ. Жестокія кары виновныхъ не улучшали людей. Наоборотъ. Жизнь грубѣла. Жестокости наказаній огрубляли людей. Люди грубѣли, привыкали къ жестокостямъ и сами легко творили жестокости.

Жизнь давно осудила жестокости наказаній. Признала, что онѣ не помогаютъ дѣлу. Не устрашаютъ виновныхъ и не исправляютъ нравовъ.

Императрица Елисавета еще полтораста лѣтъ тому назадъ говорила:

«Съ преступленіемъ надо бороться не суровыми наказаніями, еще менѣе смертными казнями, а исправленіемъ народныхъ нравовъ, просвѣщеніемъ и воспитаніемъ общества и народа».

На это, какъ послѣднее возраженіе, защитники смертной казни, съ сознаніемъ якобы своей правоты, замѣчаютъ:

«Хорошо. Государство не будетъ произносить никому смертныхъ приговоровъ, отмѣнитъ смертную казнь, но пусть господа преступники, за которыхъ хлопочутъ, жизнь которыхъ щадятъ, пусть они первые подадутъ благой примѣръ. Пусть убійцы перестанутъ убивать. Тогда государство перестанетъ казнить».

Это возраженіе, сдѣланное однимъ французомъ въ оправданіе смертной казни, имѣетъ, *какъ будто бы*, свою убѣдительность. Но именно только *какъ будто бы*. Оно падаетъ, теряетъ всякую силу, если мы вспомнимъ слова Екатерины

Второй, которая, разсуждая о смертной казни хотя бы только за убійство, сказала:

«Правительство должно бороться съ преступленіемъ, не подражая ему».

Изреченіе великой государственной мудрости и государственной правды. Если признано, что убійствамъ надо положить конецъ, что отнятіе жизни кѣмъ бы то ни было и отъ кого бы то ни было преступно, то ясно, что правительство должно не ждать примѣра и почина отъ убійцъ, а само обязано дать примѣръ, само призвано положить начало должному признанію великой цѣнности человѣческой жизни. Что это было бы за правительство, которое ждало бы уроковъ и образцовъ отъ своихъ подсудимыхъ? Пусть люди злой или грубой, раздраженной воли творятъ зло, свершаютъ преступленія. Истинное правительство должно быть представителемъ разумной, благой и спокойной, ясной, сознательной воли. Для такой воли правительства смертная казнь осужденныхъ—не средство борьбы съ преступленіями, а новое преступленіе,—преступленіе тяжкое, постыдное и безполезное.

Нравственное чувство общества въ своемъ развитіи дошло уже до сознанія преступности смертной казни и въ своей совѣсти отвергло ее. Смертной казни въ Россіи произнесенъ смертный приговоръ. Остается приговоръ привести въ исполненіе, совершить послѣднюю смертную казнь,—казнь надъ смертною казнью, отмѣнить навсегда казнь.

Богъ вдунулъ въ лицо человѣка дыханіе жизни, — перестанемъ это дыханіе Бога въ человѣкѣ грубыми человѣческими руками задувать.

Священникъ Г. Петровъ.

Смертная казнь и убійства „по долгу службы".

(Ихъ психологія съ точки зрѣнія священника).

Каинъ, Раскольниковъ, Смердяковъ, „Губернаторъ" Андреева.

Зависть совершила первое убійство. Братъ убилъ брата. Какое впечатлѣніе оставило на душѣ убійцы его преступленіе, объ этомъ хорошо говоритъ намъ Библія. Съ этой поры клеймо проклятія легло на чело Каина. И онъ «стеняй и трясыйся» не находилъ себѣ мѣста на землѣ. Это клеймо на челѣ, которое въ Библіи представляется почти физическимъ пятномъ на его лбу, было, конечно, отраженіемъ клейма, легшаго на его совѣсти. Онъ стоналъ и трясся... А когда этотъ человѣкъ сталъ бояться, что за убійство ему будетъ отплачено его убійствомъ, Каину было обѣщано, что въ семь разъ отомстится убійство его, если кто-нибудь дерзнетъ наложить свою руку на жизнь человѣка... даже человѣка-убійцы.

И законъ «неприкосновенности чужой жизни» жилъ среди людей... Клеймо на братоубійцѣ до того было ужасно, что «боязнь такого же пятна» удерживала всякую мстящую руку.

Одинъ библейскій патріархъ, когда ему угрожали смертью за какое-то преступленіе, отвѣтилъ: «Если даже за Каина отомстится всемеро, то за меня (и Богъ и жизнь) отомстятъ въ семьдесятъ разъ всемеро».

Убійства были... Но эти убійства были между звѣрями, столкнувшимися въ погонѣ за одной и той же добычей. Время «ветхаго завѣта» богато убійствами.

Человѣкъ не умѣлъ справиться съ природой. Онъ былъ въ ея власти и отдался ея закону. А этотъ законъ былъ «война», пожираніе слабаго, борьба за добычу.

И вотъ законъ звѣрей сталъ закономъ человѣческимъ...

А отсюда, конечно, и убійство въ пьяной борьбѣ, въ экстазѣ звѣриной жестокости. Убивали, испытывая такъ же мало муки совѣсти, какъ мало испытываетъ мукъ совѣсти звѣрь, убивая свою добычу. Это въ сознаніи тѣхъ людей не было убійствомъ. И то, что они умѣли (Ламехъ) различать между своей звѣриной охотой и убійствомъ Каина, показывало, какая глубокая пропасть была между двумя видами уничтоженія жизни даже для дочеловѣческаго сознанія тогдашняго человѣка.

Однако ужасъ передъ убійствомъ Каина побѣдилъ въ ослабѣвшей, «испуганной» совѣсти человѣка ужасъ передъ его «клеймомъ».

Послѣ того, какъ природа и ея законъ побѣдили человѣка, Каинъ уже не могъ бы даже «стенай и трясыйся» бродить по землѣ. Онъ былъ бы уничтоженъ.

Постоянная боязнь за жизнь, ужасъ передъ смертью, созданный борьбою съ природой страшной и мстительной, дала страшный законъ: «кровь за кровь».

Это былъ для человѣка законъ не моральный, а почти физическій.

Они его обожествили, отожествили его съ самой жизнью, природой, ея стихійнымъ законодательствомъ.

Кровь за кровь—это тотъ же, заложенный въ самой природѣ, притаившійся за каждымъ деревомъ, скрытый вездѣ, законъ общественной самоохраны противъ опасной для жизни *силы* одного. Это законъ, въ силу котораго, какъ говорятъ

легенды, даже въ мірѣ животномъ убійцу-звѣря убиваетъ стадо, сплотившись вмѣстѣ, недоумѣло испуганное, внутренне затронутое въ своей боязни за жизнь, уничтожающее убійцу, какъ народившуюся угрозу своей общей цѣлости.

И это не было еще ложью, настоящимъ убійствомъ, это было слишкомъ безсознательно, стихійно, чтобы назваться убійствомъ. Здѣсь было естественное жертвоприношеніе безъ злобы и мести, жертва богу—жизни, богу—природѣ. Рефлективный отвѣтъ: «Кровью за кровь» казался тогдашнему человѣку вѣчнымъ закономъ самой природы.

Тогдашнимъ людямъ казалось, что во всемъ, вездѣ голосъ этого закона—мстители. И тяжкія громады горъ въ вѣковомъ молчаніи хранятъ законъ возмездія и готовы своей тяжестью раздавить его грудь. И солнце, во имя того закона, «съ безпечнымъ смѣхомъ» выжигаетъ мозгъ убійцы...

(«Губернаторъ» Андреева. Правда, 1906, 3 ок.)

Но человѣчество уже двигалось и въ то время къ убійству по суду.

Можно представить себѣ такой моментъ, когда въ первый разъ во власти людей оказался ихъ живой плѣнникъ. Конечно, они убили его съ такой же звѣриною хищностью и звѣриною яростью, какъ убивали во время битвы. Конечно, они разорвали его на куски. Но все же это было уже убійство по рѣшенію воли, т.-е. болѣе холодное и потому болѣе преступное, чѣмъ убійство звѣрей, и, вмѣстѣ, болѣе страстное и потому болѣе преступное, чѣмъ жертвенная стихійная казнь...

А еще немного далѣе явилось и самое это судебное холодное и законное убійство.

Одному человѣку—такъ я представляю рожденіе убійства по суду—понадобилось устранить изъ жизни другого человѣка, неугоднаго для него. Для того, чтобы его убить чужими руками, нужно было раздразнить противъ него народную ярость, нужно было натравить на него его сосѣдей, толпу

или народъ. И вотъ это удается... Народъ смущенный, не понимающій вины того, кого хотятъ убить, не сразу рѣшается наложить на него свою руку. Онъ колеблется. Его надобно убѣждать.

Даже тогда, когда удается убѣдить его, онъ лѣниво и вяло идетъ на убійство.

Но, наконецъ, убійство совершено, совершено съ большою тугою и напряженіемъ мятущейся совѣсти. Это убійство, по общему сговору съ колебаніемъ и нерѣшительностью, было первою смертною казнью. Смущеніе совѣсти, которымъ оно несомнѣнно сопровождалось, ненависть, которая, можетъ-быть, родилась на первый разъ и *противъ виновника убійства,* заставила выдумывать декоративную обстановку для будущаго убійства «по тому же порядку и чину».

И вотъ мысль слѣдующаго человѣчества въ этой области вся направляется на изобрѣтеніе декорацій.

И нельзя сказать, чтобы работали безуспѣшно... Цѣлый рядъ аргументовъ возводитъ убійство, въ концѣ-концовъ, не только въ позволительное, но даже въ добродѣтель. Убійство становится во многихъ случаяхъ заповѣдью. Нѣкоторыя морально-религіозныя построенія, какъ построеніе христіанства, не мирятся съ этимъ воззрѣніемъ, не допускаютъ убійства, какъ добродѣтели. Тогда постарались обезвредить міровоззрѣніе, добывая изъ него аргументы, по крайней мѣрѣ, въ пользу дозволенности.

Удалось и здѣсь... Крайнимъ апогеемъ и поруганія Христа и человѣческой изобрѣтательности въ оправданіе убійства явился этотъ крестъ и послѣднее увѣщаніе іерея предъ казнію, со слезами и восторженнымъ обѣщаніемъ будущаго царства, которое такъ остро и осмѣялъ и заклеймилъ Достоэвскій. Шмидтъ, говорятъ, отказался отъ причастія, потому что оно не мирится съ его казнью, и онъ не можетъ принять

св. дара отъ тѣхъ, кто принимаетъ и этотъ проклятый даръ Каина,—«смертную казнь». Увы, онъ былъ правъ.

Мы сказали, что крестъ передъ казнью сталъ послѣдней кощунственной ступенью въ оправданіи преступленія.

Впрочемъ, кто знаетъ, было ли это послѣднею ступенью... Теоретическая мысль внесла даже въ вѣроисповѣдныя формулы, въ катихизисы, эту позорную фразу: «Не нужно считать преступленіемъ лишеніе жизни, когда это убійство, совершенное по суду, во исполненіе правосудія».

Но въ преступленіи и его освященіи есть предѣлъ, далѣе котораго мѣшаютъ итти спящія «клѣточки» совѣсти.

Одурманенная человѣческая совѣсть пытается дерзнуть еще дальше и... обрывается.

Сначала вопросъ рѣшается въ личной совѣсти тѣхъ, которые дерзнули законъ «дозволеннаго убійства» возвести въ догматъ для отдѣльной совѣсти. Говорю о Раскольниковѣ. Онъ рѣшилъ, что вообще можно перейти черезъ жизнь, принять убійство на одну личную совѣсть—можно уничтожить чужое сознаніе, волю, мысль, личность.

Это послѣдній выводъ, который сдѣлала человѣческая совѣсть изо всей предыдущей системы оправданія убійства, и она здѣсь, эта ищущая «новыхъ путей», совѣсть должна была потерпѣть и потерпѣла крахъ, который и былъ моментомъ движенія въ обратную сторону.

Съ раздробленной отвѣтственностью за убійство, когда вина падала по частямъ на всѣхъ, можно было справиться... На одну совѣсть принять ужасъ «крови, разрѣшенной по совѣсти», оказалось слишкомъ тяжкимъ...

Раскольниковъ «не перешелъ» своего преступленія. Его совѣсть не могла съ нимъ справиться.

Наоборотъ, совершенное имъ убійство своимъ ужасомъ освѣтило до дна его человѣческую совѣсть. Раскольниковъ понялъ, что жизнь каждаго человѣка абсолютно и безусловно

священна, и никто не смѣетъ во имя какого угодно принципа, во имя даже спасенія всего міра, порвать нити самой ничтожной человѣческой жизни. Всякое убійство есть хула противъ духа. Нѣтъ ничего дороже человѣческой личности, человѣческаго «я».

И вотъ Раскольниковъ умеръ; цѣлыя семь лѣтъ онъ мертвъ подъ ужасомъ убійства, и даже его воскресеніе на концѣ—кажется почти невозможностью, выдумкой.

Совѣсть Раскольникова была, конечно, исключительной, сверхординарной совѣстью. И процессъ, совершающійся въ его душѣ, почти не имѣлъ общечеловѣческаго интереса по своей индивидуальности. Съ другой стороны, этотъ процессъ не имѣлъ большого значенія и потому, что все-таки отношеніе Раскольникова къ его дѣлу, какъ намъ кажется (и это не будетъ противорѣчить предыдущему), было отношеніемъ обыкновеннаго убійцы. Это все-таки простой убійца, только совершившій «обычное» преступленіе по болѣе глубокимъ мотивамъ, чѣмъ жители «Мертваго дома», товарищи Достоевскаго по каторгѣ. Здѣсь все-таки было *личное дѣло Раскольникова.* Онъ дѣйствовалъ на свой страхъ, не имѣлъ за собой согласія, воли, *благословенія* всѣхъ—и слѣдовательно, и въ отношеніи къ факту убійства онъ стоялъ въ томъ же положеніи, какъ Орловъ и другіе жители «Мертваго дома». Онъ совершилъ убійство *изъ-за себя* и несетъ кару такъ же, какъ всѣ убійцы въ *себѣ.* «Преступленіе и наказаніе» во второй половинѣ — это рядъ пытокъ смущенной совѣсти. Раскольникова преслѣдуютъ галлюцинаціи. Онъ видитъ свою жертву передъ собой. Для него муки его совѣсти воплощаются въ видѣ постоянно преслѣдуемаго его сыщика. Его тянетъ видѣть пролитую имъ кровь, и онъ остро переживаетъ ужасъ и муки старухи и ея сестры. Все это обыденно, развѣ болѣе остро и сложно.

Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ преступленіемъ по суду, такъ какъ онъ разрѣшаетъ себѣ кровь по совѣсти, но, очевидно, также, что по самой сущности это преступленіе не имѣетъ такого страшнаго, холоднаго и такого преступнаго характера, какъ дѣйствительное судебное убійство.

Мы называемъ убійствомъ по суду такого рода убійство, гдѣ совѣсть убійцы совершенно и окончательно порѣшила вопросъ о моральной цѣнности дѣянія, признала убійство не преступнымъ или, вѣрнѣе, за нее рѣшило это *прошлое*. Не мучительность этого убійства основана на томъ, что дѣйствительный звѣриный самоохранительный характеръ и мотивъ убійства стушевался для сознанія индивидуума въ силу того, что здѣсь каждый убиваетъ за себя, *но вмѣстѣ съ другими*.

Жизнь и искусство должны были вынести судъ и надъ этимъ убійствомъ, а для этого нужно было заставить хоть одну совѣсть рѣшиться казнить по суду, для себя, но не на личный страхъ, а въ силу уже сложившаго въ совѣсти общечеловѣческаго разрѣшенія на убійство—разрѣшенія, которое человѣчество, какъ думается убійцѣ, уже дало, но не рѣшается «объявить» громко.

Это сдѣлалъ Смердяковъ.

Убійство по суду это—именно убійство Смердякова. И въ образѣ этого убійцы впервые, можетъ-быть, въ литературѣ обнаруженъ ужасъ холоднаго судебнаго убійства.

У Смердякова атрофирована его совѣсть. Когда Иванъ Карамазовъ подсказываетъ ему то же, что подсказалъ себѣ Раскольниковъ, что все позволено, всякое убійство разрѣшено, можно разрѣшить кровь по совѣсти, то Иванъ Карамазовъ отвѣчаетъ, въ сущности, на рѣшеніе воли, практически поставленное Смердяковымъ для себя, и рѣшенія не личнаго, а заложеннаго въ крови по наслѣдству отъ прошлыхъ, постепенно привыкавшихъ къ убійству, по-

колѣній. Онъ не чувствуетъ никакого внутренняго ужаса предъ уничтоженіемъ чужой жизни, и потому въ словахъ Ивана Карамазова ему чудится только формулировка не только его внутреннихъ думъ, но и истиннаго, признаннаго человѣчествомъ закона жизни. И вотъ убійство совершается.

Смердяковъ осудилъ Θеодора Карамазова, призналъ, что для блага его (Смердякова) Карамазова должно убить. И свой судебный приговоръ исполнилъ.

А черезъ нѣсколько времени и самъ Смердяковъ *умеръ*. Убилъ себя. Такимъ образомъ даже это атрофированная совѣсть не могла перенести факта.

Смердяковъ испугался того, что имъ было сдѣлано, но отношеніе его къ совершившемуся факту совершенно не то, что у Раскольникова. Оно гораздо ужаснѣе и гораздо сложнѣе. Его не мучилъ Θеодоръ Карамазовъ. Онъ не ходилъ за нимъ тѣнью, не являлся ему въ галлюцинаціи. Смердяковъ несомнѣнно ни разу не видѣлъ и не представлялъ себѣ крови, которую онъ пролилъ. Призракъ Θеодора Карамазова, если стоялъ передъ нимъ, то только трупомъ, тяжелою тушею, которая стояла на дорогѣ какъ что-то холодное, мѣшающее, скользкое. Въ то же время Смердяковъ видѣлъ и чувствовалъ, что, разрѣшивши себѣ кровь по совѣсти, онъ не могъ устранить этой тяжелой и скользкой туши. И онъ долженъ былъ устранить изъ жизни себя.

Это былъ уже второй протестъ, заложенный въ самыхъ глубинахъ души, даже совершенно разложившейся совѣсти противъ убійства, совершеннаго судомъ.

Развиваясь далѣе, психологія убійства даетъ третью форму протеста противъ убійства по суду въ яркой фигурѣ Андреевскаго «Губернатора».

За откровеніемъ Смердякова, убившаго за себя, должно было послѣдовать откровеніе убійцы, который убиваетъ за себя, но не за *себя* только, а вмѣстѣ и за другихъ и съ дру-

гими, которые убиваютъ «за себя» его руками, какъ руками палача.

Губернаторъ совершилъ казнь цѣлыхъ 47-ми человѣкъ, потому что это было, по его мнѣнію, необходимо. Онъ былъ обязанъ сдѣлать это, и сдѣлалъ только однимъ взмахомъ платка. Онъ помнитъ этотъ взмахъ надушеннымъ платкомъ и не можетъ стереть его изъ своей памяти. Онъ не понимаетъ, отчего на его совѣсть такъ тяжело легъ этотъ фактъ. Себя онъ считаетъ вполнѣ правымъ. Въ то же время онъ не испытываетъ никакой острой муки. Постоянно преслѣдующая его мысль—бѣлый платокъ и эти ряды вытянувшихся мертвыхъ фигуръ, которыя онъ видѣлъ въ больницѣ, совсѣмъ не напоминаютъ мукъ леди Макбетъ, которая старается отмыть свои запачканныя въ крови руки.

Нѣтъ, по отношенію къ этимъ тѣнямъ онъ почти то же, что Смердяковъ. Онѣ для его души лежатъ тяжелымъ, смутнымъ препятствіемъ. И онъ сознательно осуждаетъ себя на казнь. Онъ увѣренъ, что долженъ быть убитымъ, потому что этого требуютъ тѣ 47 тѣней. Ему почти не жалко ихъ. Еще больше,—можно сказать, что ему не больно отъ того, что онъ переживаетъ. «Онъ спокойно, какъ о фигурахъ изъ папье-маше, думалъ объ убитыхъ, даже о дѣтяхъ,—сломанными куклами казались они, и не могъ онъ почувствовать ихъ боли и страданій... Но онъ не могъ не думать о нихъ, онъ продолжалъ видѣть ихъ ясно, эти фигурки изъ папье-маше, эти сломанныя куклы, и въ этомъ была страшная загадка, почти чародѣйство»... «Заслоняя весь міръ, все неподвижно стоитъ окаменѣвшій изваянный образъ, взмахъ бѣлаго платка, выстрѣлы, кровь»... Его состояніе тупое, по-своему безболѣзненное и страшное. Если бы проанализировать сущность этого страшнаго состоянія, можно было бы сказать, что губернаторъ естетически, неожиданно для самого себя, оцѣнилъ свое дѣло и увидѣлъ себя въ положеніи палача.

Мы улавливаемъ такой ходъ мыслей въ больной душѣ убійцы, характерный именно для убійствъ по суду... Для мысли губернатора нѣтъ средины между его бѣлымъ платкомъ и длиннымъ рядомъ фигуръ съ вытянутыми ногами въ больницѣ. У всякаго убійцы, обыкновеннаго убійцы, центръ тяжести падаетъ на *на ту боль, на то насиліе, которое причиняется жизни и личности другого человѣка,* все дѣло въ томъ, что убійца *причиняетъ* боль, *наноситъ рану,* и затѣмъ смерть уже стоитъ отдѣльно отъ *этого насилія, особнякомъ.* Преступленіе убійцы все въ этихъ ударахъ, которые онъ наноситъ вблизи и издали, въ этомъ хищнически-звѣриномъ нападеніи на другого человѣка.

Здѣсь, у губернатора, не совсѣмъ такъ. Онъ совсѣмъ не чувствуетъ себя виновнымъ въ томъ, что эти 47 фигуръ пережили въ извѣстную минуту острую боль въ моментъ прекращенія ихъ жизни. Онъ совсѣмъ не переживаетъ и не представляетъ этого момента. Для него начало—платокъ; конецъ же—мертвыя, спокойныя, холодныя, страшныя фигуры уже «покойныхъ» покойниковъ. Середины нѣтъ.

Если вдуматься въ эту особенность психологіи губернатора, то, очевидно, можно вывести слѣдующее: губернаторъ увидѣлъ себя въ положеніи не убійцы, а именно палача, «казеннаго мастера».

Отношеніе палача къ убійству совершенно то же. Все предшествующее концу не существуетъ для него. Въ его дѣлѣ психически отсутствуетъ этотъ актъ причиненія боли, насилія надъ человѣкомъ. Здѣсь, съ одной стороны, судебный приговоръ—бѣлый платокъ губернатора, съ другой—уже готовый мертвый человѣкъ, «бывшій человѣкъ».

Понятно, какъ долженъ былъ оттолкнуться отъ своего «дѣла» губернаторъ, когда онъ прозрѣлъ, какъ онъ долженъ былъ естетически оцѣнить совершившееся, послѣ того, какъ увидѣлъ себя палачомъ. Это было переживаніе самой страш-

ной муки, какую могъ чувствовать убійца. Онъ накладываетъ своими руками, хотя и чрезъ надушенный платокъ, петлю на шею; онъ механически двигаетъ веревку... и вотъ... тамъ лежитъ человѣкъ съ вытянутыми длинными ногами. Покойный... мертвый, бывшій человѣкъ. И вотъ съ этой поры губернаторъ не живетъ, онъ осудилъ себя и стоитъ внѣ жизни, ходитъ какъ мертвецъ, улыбается иногда, какъ мертвецъ. Онъ до такой степени понялъ ужасъ совершеннаго имъ убійства, что у него не является никакой мысли протестовать противъ того, что онъ будетъ убитъ. Это законъ, это фактъ, что то ужасное дѣло, которое онъ совершилъ, не можетъ быть искуплено иначе и не можетъ имѣть другого исхода. Это исходъ почти физическій. Смерть его—за смерть тѣхъ людей.

Итакъ, губернаторъ убитъ и осужденъ... А его судьи...

Они чисты ли отъ крови этого «неправеднаго»?

Мы рады были найти, что Андреевъ съ жалостью и страданіемъ вынужденъ обвинить и этихъ.

Убійцы губернатора «фатумъ» сомнамбулы, дѣйствующіе чужой волей...

Но посмотрите, какъ, однако, описываетъ убійство Андреевъ.

Эти руки, которыя съ трудомъ, съ усиліемъ вытаскиваютъ запутавшійся револьверъ. Эти ноги, которымъ «холодно». Зелено-блѣдное лицо... Глухой, пугающій самъ себя, голосъ... Шагаетъ неслышно, какъ босой... И прячется въ себя, и спина его словно смотритъ назадъ... И, наконецъ, эта неуловимая, тихая и покорная, тоскливая мольба о пощадѣ въ глазахъ губернатора.

Убійство—убійство всегда...

***

Такимъ образомъ въ разсказѣ Андреева психологія убійства, высшаго убійства, судебнаго убійства нашла послѣднее свое выраженіе и послѣднее осужденіе.

Можно найти и причину, по какой можно считать это осужденіе убійства въ беллетристическомъ разсказѣ фактическимъ осужденіемъ въ жизни, въ сознаніи вообще человѣчества. Почти понятно, почему для губернатора долженъ былъ вдругъ освѣтиться весь ужасъ судебнаго убійства — смертной казни. Въ оправданіи убійства по суду люди перешли эстетическую мѣру. Для оправданія этого факта сдѣлано такъ много, можно сказать, такъ неумѣренно много, что, въ концѣ-концовъ, эта декоративная обстановка должна была обвалиться, упасть подъ тяжестью собственныхъ своихъ аксессурсовъ, собственной бутафоріи.

Губернатору просто даже надоѣло это со всѣхъ сторонъ *оправданіе факта, вплоть до возведенія факта въ гражданскій подвигъ, до архіерейскаго благословенія*. И вотъ, когда декоративная обстановка пала, фактъ стоялъ предъ совѣстью голый и открытый. И, конечно, не только предъ губернаторскою совѣстью. Съ тѣхъ поръ онъ долженъ встать предъ совѣстью всего человѣчества...

А христіанство какъ было, такъ и останется по отношенію къ факту со своимъ старымъ мнѣніемъ. Если преступно убійство, какъ актъ злой воли, направленный противъ жизни и личности другого, то этотъ преступный актъ становится тѣмъ преступнѣе, чѣмъ больше заложено въ немъ холодности и разсудительности воли. Чѣмъ больше дано въ оцѣнкѣ этого факта одобренія этому факту со стороны совѣсти, тѣмъ страшнѣе содержаніе этой совѣсти и тѣмъ преступнѣе человѣкъ. Поэтому, въ то время, какъ убійство въ эффектѣ, есть низшій видъ и типъ убійства, убійство по суду есть высшій и наиболѣе преступный типъ.

Арх. Михаилъ.

Смертная казнь.

Когда христіанская совѣсть устами церкви называетъ складъ быта тягостнымъ, это не значитъ, что она «мирно уживается» съ нимъ: она этотъ порядокъ жизни осуждаетъ. Матеріальная сопротивляемость отсутствуетъ, но нравственный судъ апеллируетъ своимъ приговоромъ. Христосъ и Его ученики не агитировали ни противъ рабства съ его безнравственностью, ни противъ общественнаго неравенства, которое тяготѣло надъ бѣдными, ни противъ деспотическихъ правительствъ, которыя давили міръ; но они не были ни солидарны съ этимъ складомъ ни въ совѣсти своей нейтральны.

Христосъ не издавалъ приказа объ упраздненіи палачей, но отъ дыханія его любви исчезло варварство и пытки и сама смерть для несчастныхъ стала жалостливѣе въ орудіяхъ и формахъ своихъ, а на горизонтѣ насъ манитъ та страна, гдѣ нѣтъ мечей: ихъ перековали на орала (Ис. 2, 4). Св. Павелъ подклонилъ голову свою подъ мечъ. Но можно ли сказать, что мирно уживаются Христосъ и спекуляторъ? Тамбовскій епископъ Иннокентій призываетъ дворянъ, служа родинѣ, «говорить правду, какъ говорилъ правду, хотя бы и горькую, въ глаза царю своему Іоаннъ Креститель» (Моск. Вѣд. 1906 г. № 29). Но какъ квалифицируется образъ дѣйствій Іоанна Крестителя по уголовному уложенію абсолютизма?

Есть ли симпатія между требованіями—однимъ: «говори горькую правду въ лицо» и другимъ: «не смѣть касаться?» Не рискованно думать, что они полярны, а есть люди, которымъ кажется, что они «мирно уживаются» между собою. Провоцировать, возбудить Іоанновъ мы не прочь, но когда ихъ сажаютъ въ Махеронъ или ведутъ на эшафотъ, мы хватаемся за теорію мирной уживчивости и либо прячемся въ нейтралитетъ, либо готовы осуждать то, чему вчера рукоплескали.

«Стоя передъ пилатовымъ судищемъ, Господь призналъ судейскую власть римскаго прокуратора».

Но какъ Онъ держалъ Себя передъ этой властью? Онъ не отвѣчалъ Пилату ни на одно слово (Матѳ. 26, 14). Это не было молчаніе безотвѣтности (срав. Матѳ. 22, 14). Пилатъ обидѣлся и погрозилъ (Іоан. 19, 10). Тогда Господь отверзъ уста Свои, чтобы изрѣчь лицемѣрному судьѣ Свое осужденіе (Іоан. 19, 11). И не у Христа, а у Пилата сыскалась мораль мирной уживчивости: осуждая на смерть, онъ всенародно умывалъ руки [1]).

Антонинъ Нарвскій.

---

[1]) Изъ статьи „Предѣлы Самодержавія“.

Лукавыя слова.

«И выпивъ *цикуты*, Сократъ сталъ ходить по комнатѣ, пока не почувствовалъ тяжести въ ногахъ. Тогда онъ легъ и сказалъ окружающимъ:—Не забудьте принести въ жертву (богу Асклепію) пѣтуха.—Такъ записано въ «Федонѣ» Платона о смерти Сократа, умершаго по приговору несправедливаго аѳинскаго суда. «Жертвоприношеніе пѣтуха»... какою это древностью звучитъ! Какая несбыточность для насъ, христіанъ! Уже 2.400 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—мы именуемся «христіанами»: и вотъ христіанинъ-палачъ, окруженный для обезпеченія дѣла христіанами-воинами, по приговору христіанскаго суда и во исполненіе христіанскаго закона «святой» Руси, затягиваетъ петлю на горлѣ человѣка и давитъ его, какъ кошкодеръ на живодернѣ.

Эти живодерни именуются отчего-то и обставлены въ «дѣлопроизводствѣ» не своими словами, не собственными названіями, а уворованными чужими словами изъ лексикона добропорядочныхъ людей: «уголовный судъ», «приговоръ о смертной казни», «судъ приговорилъ такого-то къ повѣшенію», «приговорилъ къ разстрѣлянію». Когда нужно говорить просто: «Мы, судьи, удавили сегодня Петра», «мы приказали солдатамъ Николаю и Ѳаддею застрѣлить мѣщанина Семена».

«Вѣшаютъ» платье въ гардеробъ, а человѣка давятъ. Кто же говоритъ о разбойникѣ: «онъ повѣсилъ домовладѣлицу такую-то и конфисковалъ ея имущество». Развѣ судъ говоритъ: «Ванька Каинъ повѣсилъ такого-то мирнаго обывателя и ограбилъ». Отчего же, когда вѣшаютъ Ваньку Каина, онъ обязанъ употреблять болѣе мягкіе термины: «Господа

судьи изволили приговорить меня къ повѣшенію». И онъ въ правѣ сказать: «Я удавилъ помѣщицу Киселеву, а меня завтра удавятъ судьи. И всѣ мы—душители: я—вчера, судьи—завтра». И уже читателю остается добавить: «И всѣмъ вамъ та же цѣна: отродья Сатаны, дьяволы».

Дьявольская эта вещь, при свѣтѣ дня, въ торжественной обстановкѣ, творится только государствомъ. Его «регалія»... Всѣ остальные, «послѣдніе люди», стыдятся этого: и «средь бѣла дня зарѣзалъ»—это звучитъ какъ жалоба на послѣднюю степень безстыдства, вызова человѣку и человѣчеству. Обыкновенно ночью, гдѣ-нибудь въ глубинѣ дома, въ гущѣ лѣса, въ тайгѣ «приканчиваетъ» человѣкъ человѣка... Бррр... ужасъ. Только государство, «милое отечество», «сѣдины» родины, барабанитъ въ барабанъ, сзываетъ народъ, душители надѣваютъ мундиръ, всѣ ордена, становятся, молчатъ, точно за обѣдомъ; и на глазахъ ихъ удавливаютъ человѣка.

Черная месса.

Такъ «удавливаютъ», а не «вѣшаютъ». Вѣшаютъ платье на гвоздь, и вообще это терминъ—привычный, нашъ, городской, невинный, и этимъ-то словомъ привычно-знакомымъ: «повѣсить *карточку на стѣну*», «повѣсить *сюртукъ въ гардеробъ*» прикрывается этотъ кошмаръ цивилизаціи, попраніе христіанства, отреченіе отъ всякаго Бога, передъ которымъ остановились язычники и теперь отскакиваютъ назадъ турки. «Чтобы своими руками задушить человѣка: нѣтъ, я не могу, я мусульманинъ», «не можемъ приговорить къ этому мы, правовѣрные турки [1]): есть Аллахъ»! «Ни мы,

---

[1]) Какъ и у древнихъ грековъ, султанъ избѣгаетъ „расправы своими руками“, и имѣющему умереть посылается шелковый шнуръ. Не споримъ, ужасно, какъ и аѳинскій судъ; однако, *въ душѣ что-то было*: страхъ, протестъ, ужасъ; и *кровь не течетъ*, удавленный *не корчится въ судорогахъ* вотъ передъ глазами, какъ у насъ, людей безъ нравственнаго обонянія.



поклонники Аполлона и Деметры»—вторятъ имъ изъ древности греки. Только статскіе и тайные совѣтники въ мундирѣ министерства юстиціи, посморкавшись въ мѣченный хорошей мѣткой платокъ, недоумѣваютъ: «Не понимаемъ!.. Почему не задушить?.. Суевѣріе язычества, тупость мусульманъ: мы сознательные христіане и спокойно душимъ. Потомъ спимъ. Между сномъ и удушеніемъ—обѣдаемъ. И пищевареніе—ничего, и сновъ не видимъ».

Въ язычествѣ и теперь у турокъ посылаютъ *приговоръ* умереть: но мысль *самому* задавить человѣка, самимъ *офиціально* задушить, застрѣлить—это деретъ по кожѣ, проходитъ морозомъ по мысли древнихъ и новыхъ *не* христіанъ. Пропорціонально этому ужасу передъ «лишеніемъ человѣка жизни», тамъ это совершалось и совершается рѣдко, какъ что-то исключительное и выходящее изъ ряда вонъ. Не замѣчаете ли вы, что и у насъ, при «христіанскомъ братствѣ», смертные приговоры собственно обширно практикуются лишь въ отношеніи простонародья, которое гг. «привилегированные» не чувствуютъ какъ «своего брата», а приблизительно чувствуютъ какъ человѣкъ кота, котораго ему предстоитъ «ободрать» и онъ при этомъ ничего не чувствуетъ. Дворяне дворянъ не «обдираютъ» и, напримѣръ, чиновники чиновниковъ никогда не «вѣшаютъ», хотя бѣдствія отъ чиновниковъ, иногда ставящихъ государство на край гибели, превосходятъ вредъ отъ воровъ и разбойниковъ. Но «свой братъ»—и морозъ проходитъ по кожѣ при мысли. Ну, какъ тайный совѣтникъ удавитъ тайнаго совѣтника? Но «тайный совѣтникъ» мѣщанина Иванова? Это—котъ, котораго можно ободрать, «чужая кровь, чужая душа», не «мы» и не «наше».

Мнѣ кажется, ужасъ смертной казни удерживается оттого въ качествѣ «особой привилегіи государства», что хотя мы и «сознательные христіане», а на самомъ дѣлѣ беремъ все цѣликомъ, въ комкѣ и не расчленяя, и вовсе не пости-

гаемъ живымъ воображеніемъ дѣлаемаго. И на первую ступень пониманія насъ не пускаютъ просто эти чужіе, не вѣрные, не фактичные слова и термины, которыми мы, какъ приличною капсюлею, обволокли вонючее и нестерпимое содержаніе.

В. Розановъ.

Ужасная тема.

Ужасная тема—смертная казнь и какъ-то странно, страшно затрогивать ее. Слишкомъ полная увѣренность трудно выливается въ слова, полнота и сила убѣжденности останавливаетъ, дѣлаетъ излишней рѣчь. Непререкаемость истины родитъ молчаніе. Противъ смертной казни, казалось бы, нечего говорить, самое сильное возраженіе здѣсь—молчаніе, потому что можно сказать все, все противъ смертной казни, отрицаніе ея—самоочевидная правда религіи и морали, философіи, науки и искусства. Все противъ смертной казни, и, однако, она существуетъ, она растетъ, получаетъ страшные, чудовищные размѣры въ наше время, и мысль отказывается вмѣстить фактъ, душа безсильна объять ужасъ совершающагося.

Смертная казнь не наказаніе, она всегда—преступленіе, и убійца, убивая чужими руками чужую жизнь, чужое тѣло, умерщвляетъ душу свою, вѣрнѣе — просто констатируетъ смердящую мертвенность души своей. Подписывающіе смертный приговоръ и попускающіе его исполненіе могутъ дѣлать это только потому, что холодъ сковалъ уже ихъ собственный духъ. Они не ощущаютъ, не сознаютъ того, что свершаютъ, и безсознательно, сами не вѣдая того, обнажаютъ свое полное духовное банкротство. Въ признаніи смертной казни, всегда лишенномъ всякой санкціи, кромѣ грубаго утилитарнаго, хищническаго расчета, всегда таится очень ося-

зательное религіозное безсиліе, нравственная немочь, здѣсь не только кроется цинически-нигилистическое отрицаніе безсмертія и правды суда Божія, здѣсь кроется просто кощунство, отрицаніе Бога въ человѣкѣ, поруганіе вѣчно цѣннаго образа Божія во имя политическаго идолопоклонства, дикаго, нерасчетливаго. Обороняющіеся смертною казнью отъ натиска исторіи не хотятъ усчитать простой психологической ариѳметики: смерть вызываетъ смерть, и кровь — кровь... Грубо-животный, тупой страхъ толкаетъ власть къ примѣненію смертной казни, обезумѣвшее отъ ужаса чудовище сбрасываетъ, наконецъ, маску своей мнимой божественности и обнажаетъ свою истинную звѣриную морду съ оскаленными зубами, съ искаженными чертами задыхающейся, отвратительной злобы. Съ опаленной шерстью несется это чудовище, надѣясь убѣжать отъ собственной гибели, но, въ концѣ-концовъ, ускоряя ее... Безсиліе палачей, таящееся за смертной казнью, преступность ея сказывается и въ томъ, какъ скоро и легко эта казнь переходитъ въ истязаніе, въ мучительство, въ инквизицію; самой смертной казни становится мало, и ожесточеніе идетъ дальше, цинизмъ силы власти оголяется больше и больше, посягая на все во имя «ничто», во имя пустоты...

На огненное безуміе революціоннаго пожара трусливая власть отвѣчаетъ холоднымъ безуміемъ смертной казни; въ фактѣ смертной казни безбожіе власти обнажается до послѣдней испытующей наготы, безсмыслица жизни достигаетъ страшнаго выраженія,—всѣмъ осужденная, никому не нужная, ничего не достигающая смертная казнь, какъ послѣднее отчаяніе, какъ проклятье, какъ дьяволова печать клеймитъ собой прибѣгающую къ ней власть. Примѣненіе смертной казни казнящіе своей человѣческой волей подписываютъ, въ сущности, собственный смертный приговоръ передъ судомъ Высшей Воли, вскрывая демоническое начало въ себѣ.

Смертная казнь отвратительнѣе, гаже всякаго убійства. Ужасъ ея въ оголенности, въ безчувственности убійцъ, въ отсутствіи живой человѣческой психологіи, трепетной, волнующейся, горящей,—здѣсь преступленіе совершенно безпсихологично, непостижимо холодно, мертво, механично. Достоевскій устами своего «Идіота» просто и страшно выразилъ эту мысль: «Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ всю эту послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно;* тутъ приговоръ и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Привидите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно,* и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: «Ступай, тебя прощаютъ». Вотъ этакой человѣкъ могъ бы разсказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!

Смертная казнь воистину безчеловѣчна, потому что человѣческая воля отдается здѣсь во власть чего-то бездушнаго, неживого, какому-то внѣличному руководительству адскихъ силъ... И чѣмъ глубже всматриваешься въ ужасъ смертной казни, тѣмъ ощутительнѣе погружаешься въ какую-то безпросвѣтную темь пустой бездны, и бездна эта губительнымъ

соблазномъ всасываетъ въ свою тайную глубь царей и царства, правительства и правителей, власть и силу суда человѣческаго, обращая этотъ судъ въ омерзительную дьявольскую игру, наполняя исторію какимъ-то сумасшедшимъ отвратительнымъ кошмаромъ... Кошмаръ этотъ душитъ насъ, мучительно хочется крикнуть, сбросить его, не видѣть, очнуться, проснуться...

И эти крики слышатся, крики спящихъ, которыхъ душитъ кошмаръ смертной казни. Голоса эти раздражаютъ власть имущихъ; голоса во имя Христово изъ церкви, изъ устъ пастырей пугаютъ ихъ и вызываютъ гоненіе, омертвѣвшая душа судей и палачей глуха къ голосу жизни, къ голосу правды, но вѣдь Христосъ зоветъ, поймите, Христосъ, и не минуетъ суда Его ни единый изъ васъ ни единый изъ насъ, очнитесь, проснитесь, остановитесь и... имѣйте же хотя страхъ Божій, если любви не имѣете...

Волжскій.

О смертной казни.

Всякое убійство есть дѣло ненависти. Не можетъ быть, чтобы человѣкъ убивалъ человѣка изъ любви къ нему. Смертная казнь есть одинъ изъ самыхъ ужасныхъ видовъ убійства потому, что она есть холодное, расчетливое, сознательное, принципіальное убійство,— убійство безъ всякаго аффекта, безъ всякой страсти, безъ всякой цѣли, внѣ себя: убійство ради убійства. И въ этомъ главный ея грѣхъ и ужасъ. При всякомъ убійствѣ есть виноватый, есть тотъ, кто этого убійства хотѣлъ, кто его замыслилъ и взлелѣялъ, кто изъ-за него велъ съ собой ожесточенную иногда борьбу, кто принялъ его на свою совѣсть. При всякомъ убійствѣ есть убійца, живой человѣкъ, способный падать и возвышаться, грѣшить и каяться. При смертной казни нѣтъ убійцы, въ смыслѣ живого лица, есть отвлеченный убійца, законъ или государство. Убили Шмидта и трехъ матросовъ не тѣ солдаты, которые дали по нимъ смертельный залпъ и послужили лишь орудіемъ убійства, и не тотъ прокуроръ, который примѣнилъ къ нимъ статьи закона, какія онъ не могъ не примѣнить, стоя на его почвѣ, и даже не адмиралъ Чухнинъ, лишь конфирмовавшій этотъ не имъ поставленный и имѣющій силу закона приговоръ, вообще ни одному изъ звеньевъ этого бездушнаго аппарата, имѣющаго на одномъ концѣ параграфъ закона, а на другомъ — человѣческій трупъ, не можетъ быть вмѣнено цѣликомъ

убійство, хотя каждый виновенъ въ немъ: и стрѣлявшій солдатъ, и неумолимый прокуроръ, и жестокій, безпощадный адмиралъ. Никто изъ нихъ, можетъ-быть, искренно не хотѣлъ и не хочетъ убійства и тѣмъ не менѣе принимаетъ въ немъ участіе. Здѣсь есть какая-то ужасная логика событій и отношеній, есть зло сверхъ-индивидуальное, какимъ всегда является дурной, безбожный законъ, и это сверхъ-индивидуальное зло воплощается въ индивидуальные грѣхи. Но зато, это сверхъ-индивидуально, а слѣдовательно, и въ большей или меньшей степени всеобще, не можетъ принять вину цѣликомъ никто, ибо виноваты въ сущности *всѣ*. Да, всѣ, и тѣ, кто теперь заливаютъ Россію кровью казнимыхъ, и тѣ, которые на это негодуютъ, пишутъ «Письма въ редакцію» противъ смертной казни, всѣ, кто терпитъ этотъ строй и мирится съ нимъ.

Двоякое чувство въ людяхъ возбуждаетъ смертная казнь: въ однихъ ненависть и жажду мести, которыя въ соединеніи съ личной самоотверженностью вызываютъ отвѣтныя политическія убійства, ведущія къ новымъ смертнымъ казнямъ, — этимъ люди какъ бы облегчаютъ свою совѣсть, жертвуя собой, въ другихъ — безсильный ужасъ и чувство стыда, отвѣтственности, виновности, — соотвѣтственности и совиновности. Да, виновны всѣ мы и каждый изъ насъ въ отдѣльности: это я и вы и наши знакомые, вмѣстѣ съ несчастными молодыми матросами разстрѣляли Шмидта и безчисленное количество жертвъ, кровь ихъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ, и эта солидарная отвѣтственность не пустая фраза. Я слышу самодовольные и негодующіе голоса: «Да развѣ мы не подписывали протестовъ, развѣ мы не негодовали, но мы безсильны». Однако, по чистой совѣсти, предъ лицомъ великаго таинства смерти, торжественность котораго только подчеркивается обстановкой

казни, можетъ ли каждый изъ насъ сказать, что онъ сдѣлалъ *все*, что́ могъ, а слѣдовательно, и что́ долженъ былъ, для борьбы съ этимъ зломъ, что онъ не былъ погруженъ въ себялюбивые интересы или житейскую суету, именно тогда, когда проливалась кровь, что онъ не *чувствовалъ* крови... А развѣ же мы чувствуемъ кровь? Развѣ могли бы мы теперь жить, какъ мы всѣ живемъ: пить, ѣсть, спать, ходить въ театръ, на службу, къ знакомымъ, если бы мы чувствовали кровь, которой захлебывается страна? Мы хотимъ отмахнуться отъ назойливаго безпокоющаго призрака, обезпечить свой покой, отъ котораго должны бы отказаться, отъ котораго не осталось бы и тѣни, если бы мы не были такъ безчувственны. А если мы внутренно не правы, если мы не сдѣлали того, къ чему обязываетъ насъ наша совѣсть, то какъ же мы можемъ утверждать, что мы безсильны, а отрицать свою совиновность, свое соучастіе въ смертной казни, въ убійствѣ. Я не знаю, какое чудо тогда совершилось бы, какъ распались бы стѣны темницы, какъ переродились бы сердца жестокихъ правителей, если бы совѣсть сдѣлала во всѣхъ насъ свое дѣло... Тѣ, которые казнены, умерли, удостоившись мученическаго вѣнца,—ихъ нечего уже жалѣть, имъ можно только завидовать и желать всякому той преданности идеи, того самоотверженія, которое увѣнчивается мученичествомъ. Быть готовымъ къ мученичеству, совершить актъ внутренняго самоотреченія — развѣ это не высшая свобода, не высшая сила, для которой не страшно ничто, и которой — и только ею одною — побѣждается зло. Но мы содрогаемся при извѣстіяхъ о смертной казни не только непосредственнымъ ужасомъ предъ происходящимъ, но и стыдомъ своего безсилія, своей неготовности, своей привязанности къ жизни, которая застилаетъ намъ глаза и притупляетъ совѣсть.

Будемъ бороться съ смертной казнью всѣми внѣшними средствами, какія существуютъ въ нашемъ распоряженіи: будемъ издавать сборники, принимать резолюціи, подписывать петиціи, говорить рѣчи. Но отъ всего этого въ глубинѣ души, предъ всевидящимъ окомъ совѣсти — чего-то стыдно, неловко, чувствуется какая-то ложь. И ложь эта въ томъ, что говорить мощнымъ и властнымъ голосомъ о смертной казни и громить ее можетъ только тотъ, кто самъ готовъ принять смертную казнь, и только тогда, когда онъ совершилъ внутренне эту казнь надъ собой, отрекся отъ себя. Только равный можетъ выступать за равнаго, и только эта защита неотразима и непобѣдима. Жертва за жертву! Вотъ почему такъ страшно и такъ стыдно только *писать* противъ смертной казни.

Внѣ этого условія мы не можемъ избыть своей собственной вины, своего соучастія, какъ бы мы ее ни устраняли словеснымъ негодованіемъ. Въ нравственной экономіи міра ничто не пропадаетъ даромъ, а кровь казненныхъ, эта драгоцѣннѣйшая влага изъ всѣхъ земныхъ влагъ, менѣе чѣмъ что-либо. И она должна научить насъ не только протестовать словесно противъ смертной казни, но и самимъ дѣлаться достойными этого протеста, пріобрѣсть на него право, внутренне его оправдать. И когда и если совершится это перерожденіе, смертная казнь будетъ дѣйствительно побѣждена—не внѣшне, хотя при этомъ условіи и внѣшняя побѣда станетъ легка и естественна—но внутренне,—переставъ страшить насъ самихъ, она дастъ намъ силы страшить наемныхъ, механическихъ, бездушныхъ, жалкихъ или презрѣнныхъ убійцъ.

Вотъ этой-то внутренней побѣды надъ смертной казнью и прежде всего я желаю и себѣ и своимъ читателямъ. И *эта* побѣда зависитъ только отъ насъ самихъ, отъ нашихъ личныхъ усилій, за насъ ея никто не можетъ совершить, а

потому, поскольку это имѣетъ значенiе и для самаго существованiя смертной казни, никто не можетъ исполнить за насъ того, что можетъ быть сдѣлано нами самими. Внѣшнiй успѣхъ или неуспѣхъ — дѣло внѣшнихъ силъ, внутренняя побѣда наше собственное дѣло, и поскольку оно является условiемъ и внѣшняго успѣха, на нашу личную совѣсть ложится и существованiе смертной казни въ обществѣ.

С. Булгаковъ.

Викторъ Гюго противъ смертной казни.

У насъ въ Россіи очень часто приходится наблюдать весьма странное отношеніе къ разрѣшенію тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Разсматриваютъ вопросъ не по его существу, а потому, какъ къ нему относятся представители тѣхъ или иныхъ партій. Такимъ образомъ самый серьезный вопросъ оказывается въ положеніи какого-то жалкаго просителя, къ которому экзекуторъ обращается съ недовѣрчивой миной: «А кто, молъ, за тебя, любезный, ходатайствуетъ?»

Въ такомъ именно положеніи у насъ въ настоящее время находится вопросъ о смертной казни.

Въ газетахъ промелькнуло какъ-то извѣстіе, что этотъ огромной важности вопросъ разсматривался въ совѣтѣ министровъ, и будто бы окончательно рѣшена отмѣна смертной казни. Къ сожалѣнію, очень скоро появилось компетентное разъясненіе, что, молъ, дѣйствительно, по поводу смертной казни разговоры были, но что вопросъ этотъ отнюдь не обсуждался господами министрами серьезно.

Такое *несерьезное* отношеніе къ такому серьезному вопросу до нѣкоторой степени можетъ быть объяснено тѣмъ, что на вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни у насъ въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ смотрятъ, какъ на вопросъ, состоящій въ исключительномъ вѣдѣніи либераловъ. Поэтому, молъ, уважающимъ себя консерваторамъ заниматься этимъ вопросомъ не слѣдуетъ, а если по долгу

службы и придется столкнуться съ этимъ вопросомъ, то въ пику господамъ либераламъ необходимо отнестись къ нему отрицательно.

Между тѣмъ казалось бы, что вопросъ о смертной казни есть вопросъ настолько существенный и важный, что его нельзя не признать выходящимъ за всякіе предѣлы тѣхъ партій, на которыя дробится то или иное человѣческое общество.

Когда заходитъ разговоръ о смертной казни, то многимъ кажется, что это что-то отвлеченное, академичное, доступное пониманію однихъ спеціалистовъ, что для правильнаго рѣшенія этого вопроса необходимы какія-то особыя познанія. Но вѣдь это совершенно не такъ. Вѣдь это вопросъ очень близкій для всѣхъ насъ, къ какимъ бы общественнымъ кругамъ мы ни принадлежали, на какихъ бы ступеняхъ общественной лѣстницы мы ни стояли.

Для того, чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ сдѣлать ссылку на сочиненія человѣка, бывшаго всегда ярымъ противникомъ смертной казни и возвышавшаго свой могучій голосъ въ защиту всякаго, кому эта казнь угрожала. Я говорю о Викторѣ Гюго.

Въ маѣ 1867 года жены приговоренныхъ къ смерти, такъ называемыхъ, политическихъ преступниковъ, ирландскихъ борцовъ за свободу — феніевъ, обратились къ Гюго, прося его заступничества. Великій поэтъ обратился къ Англіи съ горячимъ воззваніемъ, въ которомъ, между прочимъ, высказывалъ слѣдующія мысли:

«Слезы и тоска воцарились въ Дублинѣ. Смертные приговоры слѣдуютъ другъ за другомъ, и обѣщанныя милости медлятъ своимъ появленіемъ. Письмо, лежащее передъ нашими глазами, гласитъ: «Генералъ Буркъ будетъ повѣшенъ первымъ, за нимъ послѣдуютъ капитанъ Макъ Афферти, капитанъ Макъ Клюръ, Келли, Жуасъ и Сюлли-

манъ... Нельзя терять ни одной минуты... Женщины и молодыя дѣвушки умоляютъ васъ... Получите ли вы во-время наше письмо?» Мы читаемъ эти строки и отказываемся имъ вѣрить. Намъ говорятъ: плаха уже готова. Мы отвѣчаемъ: это невозможно. Казнь политическихъ преступниковъ невозможна въ Англіи. Довольно и того, что она существуетъ еще въ другихъ странахъ... Неужели въ одно майское или іюньское утро повѣсятъ человѣка только оттого, что онъ боролся, отстаивая интересы своего народа. Неужели сегодня или завтра будутъ стягивать петлю на шеѣ связаннаго человѣка до той минуты, пока онъ не умретъ — только оттого, что этотъ несчастный побѣжденъ силой въ неравной борьбѣ?...

«Ваше государство находится въ полномъ разсвѣтѣ политической зрѣлости и стремится къ великой реформѣ всеобщей подачи голосовъ, долженствующей увѣнчать зданіе самоуправленія, построенное могущественнымъ народомъ habeas corpus. Всѣ проявленія вашего духа свободны: печать, судъ, промышленность, личность—независимы и неприкосновенны въ вашей странѣ... И что же? къ этому великолѣпію вы хотите прибавить повѣшеннаго Бурка. Послѣ его казни вы, величайшій изъ народовъ, станете ниже всѣхъ...

«Капля безчестія омрачаетъ блестящую славу... Ужасенъ видъ солнца, лучи котораго несутъ землѣ тьму. Нѣтъ, нѣтъ, не таково назначеніе Англіи! Англія предназначена показать народамъ прогрессъ, трудъ, починъ, истину, право, разумъ, правосудіе, величіе свободы! Англія предназначена показать народамъ плодородное поле, гдѣ царитъ жизнь, а не холодное кладбище, надъ которымъ вѣетъ смерть...

«Англія не настроитъ у себя плахъ. Буркъ, Макъ Клюръ, Макъ Афферти, Келли, Жуасъ, Сюллиманъ не будутъ повѣшены. Жены и дочери, написавшія ко мнѣ, не должны себѣ шить черныхъ одеждъ. Качайте спокойно своихъ

дѣтей, мирно спящихъ въ уютныхъ колыбеляхъ; Англіей правитъ теперь женщина, одѣтая въ черное сукно и крепъ. Мать не осиротитъ вашихъ дѣтей; вдова не отниметъ у васъ мужей.»

Голосъ великаго изгнанника тронулъ сердце королевы, и феніи не были казнены.

Не прошло еще и мѣсяца послѣ этого письма, какъ его автору пришлось снова взяться за перо для борьбы противъ смертной казни. Какъ и три недѣли тому назадъ, ему пришлось защищать человѣка, обвинявшагося въ политическомъ преступленіи, какъ и три недѣли тому назадъ, ему приходилось взывать къ лучшимъ чувствамъ власть имущихъ. Разница была только внѣшняя. Въ первомъ случаѣ обвиняемыми были представители политической партіи, во второмъ случаѣ обвиняемымъ былъ императоръ.

Изгнанникъ, лишенный родины насиліемъ и злобой одного императора, употребляетъ всѣ силы ума и таланта, чтобы спасти другого императора, и обращается къ президенту Мексиканской республики, Хуарецу съ просьбой помиловать взятаго въ плѣнъ мексиканскаго императора, Максимильяна.

Гюго напоминаетъ Хуарецу о тѣхъ невѣроятныхъ трудностяхъ, борьбѣ и лишеніяхъ, которыя пришлось пережить освободителю Мексики.

«Пять лѣтъ,—восклицаетъ Гюго,—продолжалась эта безпримѣрная война, пять лѣтъ грохотали пушки, окутывая дымомъ всю Мексику. Наконецъ тучи дыма и пыли разсѣялись, и передъ глазами изумленныхъ народовъ предстали поверженныя во прахъ имперія и свобода, гордо поднявшая голову и опиравшаяся на Хуареца.

«Это величественное зрѣлище было дѣломъ вашихъ рукъ, Хуарецъ! Теперь васъ ждетъ болѣе великое дѣло.

«Слушайте, гражданинъ, президентъ Мексиканской республики!

«Вы доказали могущество республиканизма, заставивъ власть преклониться передъ народомъ; докажите же теперь его нравственную красоту... покажите тиранамъ, похищающимъ власть и уничтожающимъ мысль—народъ, равный и терпимый. Покажите варварамъ просвѣщеніе и принципы.

. . . .

«Еще никогда не представлялся болѣе удобный случай для указанія человѣчеству на вѣчно прекрасную истину.

«У кого поднимется рука казнить Березовскаго, хотѣвшаго убить императора, зная о пощадѣ Максимильяна, желавшаго уничтожить цѣлую націю?..

«Вотъ какое второе великое дѣло ожидаетъ васъ, Хуарецъ. Первое исчерпывалось словами: побѣда надъ узурпаторомъ; второе—пощада побѣжденному. Покажите же коронованному міру, обагрившему наши земли кровью убитыхъ, какъ надо щадить голову человѣка-императора. Пусть узурпаторы, опирающіеся на висѣлицы, изгнанія и ссылки, захватившіе Ирландію, Гаванну и Критъ, увидятъ милосердіе республики къ беззащитному человѣку. Да повѣетъ свѣжее дыханіе жизни надъ землями, гдѣ царятъ короли, повинующіеся судьямъ, судьи, управляемые палачами, и палачи, слѣпо служащіе смерти.

«О, Хуарецъ! Кровью сочатся тяжелые томы законовъ тирановъ, и не вамъ, республиканцу, руководствоваться ими. Вы должны поднести республикѣ книгу высшей правды и прочесть міру указанныя ею священныя слова: «не убій».

«Эти два слова составляютъ долгъ человѣка».

Это письмо было написано 20 іюня 1867 года. На другой день оно появилось въ газетахъ, и австрійскимъ посольствомъ въ Лондонѣ, по просьбѣ престарѣлаго Фердинанда I, бывшаго австрійскаго императора, немедленно отправлена телеграмма Хуарецу съ сообщеніемъ о воззваніи Виктора

Гюго. Къ сожалѣнію, телеграмма пришла слишкомъ поздно. Максимильянъ былъ уже разстрѣлянъ.

Общее правило для безпристрастнаго рѣшенія какого-либо дѣла, близко касающагося другихъ лицъ,—это поставить себя въ положеніе этихъ лицъ. Другими словами,—древняя этическая формула: «Поступай съ другими такъ, какъ бы ты желалъ, чтобы поступали съ тобой».

Примѣните это правило къ политическимъ преступникамъ, примѣните къ преступникамъ уголовнымъ,—естественный инстинктъ самосохраненія подскажетъ вамъ простую, ясную мысль о нелѣпости и гнусности смертной казни.

Покойный Д. Григоровичъ за годъ или два до своей смерти, какъ-то говорилъ по поводу смертной казни: «Если бы вмѣсто смертной казни мнѣ предложили, что меня посадятъ въ каменный мѣшокъ, гдѣ будетъ абсолютная тишина и мракъ, такъ что я не буду ни видѣть, ни слышать, не буду ничего знать, что дѣлается, я все-таки предпочту это заточеніе смерти. Только бы жить».

Какъ ни ужасно такое заточеніе, но я понимаю покойнаго писателя. Мракъ и безмолвіе тюрьмы все-таки можно побѣдить силой мысли, съ ними можно бороться, и въ концѣ-концовъ, все-таки остается надежда. Но смерть... Это такая область мрака и безмолвія, передъ которой безсильна и мысль человѣка. И потому обрекать человѣка на смертную казнь могутъ лишь люди глубоко безнравственные, для которыхъ недоступно пониманіе высокой цѣнности человѣческой личности, или люди настолько ограниченные, что для нихъ невозможно представить себя въ положеніи человѣка, обреченнаго на смертную казнь.

А. Хирьяковъ.

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor.

Я видѣлъ гдѣ-то картину изъ исторіи франко-прусской войны.

Черная ночь на исходѣ... На далекомъ краю горизонта забрезжили первые лучи разсвѣта, и занялась алая заря...

Огромное, мертвое поле сраженія усѣяно трупами и костьми. Кровоточа изъ безчисленныхъ ранъ, лежатъ жертвы ошибокъ и честолюбія своихъ властителей. Но и въ смерти они живутъ. Въ застеклившемся взглядѣ застыло выраженіе безысходнаго страданія, ужаса и муки за настоящее, трогательной вѣры въ лучшее будущее...

Въ сжатыхъ губахъ—выраженіе непримиримой ненависти къ врагу, спокойное и величавое презрѣніе къ смерти. Даже черепа—и тѣ живутъ. Вы думаете, что мертвы впадины глазъ, вглядитесь—онѣ смотрятъ на васъ своими зіяющими отверстіями; вы думаете, что окостенѣлыя уста застыли въ холодномъ безразличіи смерти; всмотритесь—на нихъ та же улыбка презрѣнія, то же вдохновенное, спокойное безразличіе къ смерти...

Надъ тѣлами въ предутреннемъ туманѣ роится мгла. Чѣмъ внимательнѣе вы вглядываетесь, тѣмъ очертаніе ея опредѣленнѣе. Клубы предразсвѣтной мглы образуютъ складки широкаго бѣлаго одѣянія... Вырисовываются очертанія видѣнія,—то свѣтлый небожитель съ печальнымъ, но

строгимъ лицомъ, витающій свѣтлымъ призракомъ надъ чернымъ полемъ смерти. Въ десницѣ его лучезарный мечъ и на немъ огненными буквами, загорающимися въ лучахъ восходящаго солнца, великія слова угрозы и мести, надежды и утѣшенія:

«Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!»...

Меня неотступно преслѣдуетъ эта картина...

Это мертвое поле — Россія. Эти трупы—жертвы самовластія и гнета, вчера еще вмѣстѣ съ нами работали на священной нивѣ освобожденія отчизны. Эта ненависть къ насилію, это страданіе за настоящее, эта вѣра въ лучшее будущее, передъ которыми въ злобномъ безсиліи должна отступить сама смерть, вчера еще выливались въ вдохновенныхъ, пламенныхъ рѣчахъ, вчера еще одухотворяли ихъ дѣйствія. Жертвы организованнаго насилія, жертвы убійства, прикрытаго подобіемъ закона, вы пали мучениками за свои убѣжденія, за страстную любовь къ свободѣ и праву, за непримиримую ненависть къ беззаконію и произволу. Мертвые — вы остаетесь живымъ укоромъ отходящему, но, увы, еще не отошедшему строю; мертвые—вы остаетесь живыми вдохновителями тѣхъ, въ комъ ненависть ко злу и любовь къ правдѣ выше привязанности къ жизни; мертвые—вы остаетесь живымъ, бодрящимъ примѣромъ для тѣхъ, въ комъ въ часъ тяжелаго испытанія слабость плоти могла бы одолѣть силу духа... Это кровью вашей окрашена алая заря освобожденія; чѣмъ васъ больше, тѣмъ она ярче, тѣмъ горячѣе въ лучахъ восходящей свободы горятъ золотыя слова угрозы и мести, надежды и утѣшенія... Вы—живой протестъ противъ смертной казни, вы—яркое доказательство ея безцѣльной жестокости, необходимости исключенія изъ государственной жизни этого организованнаго убійства надъ безоружными. Смертью своей вы сказали: долой смертную казнь навсегда!

И пусть тѣ, на комъ лежитъ обязанность строительства жизни, услышатъ вашъ мощный призывъ, вашъ посмертный завѣтъ, ибо заря разгорается, и въ вооруженной десницѣ витающаго надъ вашими тѣлами печальнаго, но строгаго духа горитъ мечъ возмездія и сверкаютъ на немъ слова:

«Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!»...

О. Пергаментъ.

Смертная казнь.

Смертная казнь значится еще и въ настоящее время въ уголовныхъ кодексахъ почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ какъ, хотя и высшая, но нормальная мѣра наказанія за учиненіе наиболѣе тяжкихъ преступленій. И смертная казнь не только «значится», какъ иныя вышедшія изъ употребленія, но забытыя въ кодексахъ статьи закона, она не остается мертвой буквой; въ Англіи, Франціи, Германіи и въ иныхъ культурныхъ странахъ ежегодно судами приговариваются преступники къ смертной казни, и приговоры эти, хотя не всѣ, приводятся въ исполненіе. Существуетъ смертная казнь и въ Россіи.

Какъ объяснить, однако, такое чудовищное для непредвзятаго взгляда явленіе? Какимъ образомъ законодательная власть, избранная народомъ, можетъ допускать и санкціонировать положеніе противное физической и духовной природѣ человѣка, осужденное наукой, идущее въ разрѣзъ съ господствующимъ вѣроученіемъ и нравственными воззрѣніями общества? Какъ можетъ опирающееся на общественное мнѣніе правительство не только допускать, но поручать своимъ агентамъ учиненіе во имя закона убійства?

Точныхъ данныхъ для отвѣта на поставленные нами, напрашивающіеся сами собой вопросы, у насъ нѣтъ. Едва ли мы ошибемся, утверждая, что такихъ данныхъ и не существуетъ и что смертная казнь санкціонируется дѣйствующими

въ Европѣ уголовными кодексами по недоразумѣнію, что она не отмѣнена только благодаря рутинѣ и подобному гипнозу давленію на настоящее историческаго прошлаго. Необходимая для изгнанія смертной казни изъ кодексовъ и юридической дѣйствительности иниціатива парализуется тяжестью многовѣковой практики. Современный законодатель приходитъ къ выводу, что смертная казнь противна Божескимъ велѣніямъ и высшему нравственному закону, что она не удерживаетъ, угрозой лишенія жизни, отъ совершенія караемыхъ ею преступленій, что дѣйствіе ея на населеніе безусловно вредно,— и все-таки не рѣшается разстаться навсегда съ этимъ варварскимъ, позорящимъ человѣчество, наказаніемъ, процвѣтающимъ въ Китаѣ, Кореѣ, Аннамѣ, у народовъ Африки и въ иныхъ некультурныхъ странахъ, но допускающимся и въ Европѣ. Разумъ, чувство, опытъ,—все говоритъ противъ смертной казни, а, тѣмъ не менѣе, она не вычеркивается изъ старыхъ кодексовъ и включается въ нѣкоторые новые. Государству и обществу какъ бы жаль разстаться съ правомъ безнаказанно, во имя закона, лишать жизни людей. И смертная казнь остается и осуществляется, свидѣтельствуя объ отсутствіи у насъ истинной христіанской культуры и о томъ, что инстинкты звѣрства еще не побѣждены въ современномъ человѣчествѣ.

Явленіе это свидѣтельствуетъ о томъ, что эволюція нравственныхъ началъ, отвлеченной морали и этики въ человѣчествѣ сравнительно съ другими отдѣлами проявленія духовной мощи человѣка незначительна, особенно же въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни. До сихъ поръ общество и государство борются съ той сферой проявленія зла, которую мы именуемъ преступностью, почти тѣми же,—въ лучшемъ случаѣ палліативными,—средствами, которыя пускались въ ходъ и сто, и двѣсти, и тысячу лѣтъ тому назадъ. Средства эти: тюрьма, каторга, смертная казнь, въ недавнее еще время

плети, кнутъ и розги, и нынѣ еще примѣняющіеся въ исключительныхъ случаяхъ. Людской изобрѣтательности въ этомъ наиболѣе важномъ направленіи какъ бы положенъ предѣлъ. Борьба съ преступностью лишь въ самое недавнее время стала на раціональную точку зрѣнія, углубившись въ изученіе причинъ и условій, вызывающихъ и поддерживающихъ преступленія и стремясь достигнуть устраненія обнаруженныхъ факторовъ преступности оздоровленіемъ среды, въ которой она возникаетъ, и устраненіемъ условій ее вызывающихъ. Но все, что пока дѣлается въ этомъ отношеніи, незначительно: это—рабкія попытки, несмѣлые шаги, встрѣчаемые къ тому же недовѣріемъ со стороны самого общества.

Несомнѣнная неуспѣшность начавшейся еще въ доисторическую эпоху борьбы съ преступностью въ значительнѣйшей степени зависѣла и зависитъ отъ однообразія мѣръ борьбы, сводившихся, какъ мы уже говорили, къ наказанію преступниковъ причиненіемъ имъ того или другого страданія, или лишенія, безъ заботъ о духовномъ воздѣйствіи суда на нихъ и на общество, между тѣмъ, какъ устрашающее значеніе такого наказанія по болѣе крупнымъ преступленіямъ оказалось, какъ то доказывается уголовной статистикой, въ общемъ недѣйствительнымъ. Такимъ же, не достигающимъ цѣли устрашенія, наказаніемъ надо признать и смертную казнь; она въ эпохи наибольшаго ея примѣненія не останавливала развитія преступности, противъ которой была направлена; преступность эта, колеблясь внѣ всякой зависимости отъ количества казней, сокращалась подъ вліяніемъ совершенно другихъ факторовъ, — историческихъ, культурныхъ, соціально-экономическихъ. Общеизвѣстно, что смертная казнь въ примѣненіи ея къ преступленіямъ государственнымъ (политическимъ и религіознымъ) не только не уменьшаетъ количество ихъ, но, напротивъ, какъ бы содѣйствуетъ ихъ учащенію, создавая мученичество, прозелитизмъ, увле-

кая, съ одной стороны, идеей геройства, а съ другой—возбуждая въ населенiи чувство озлобленiя и мести...

Наука уголовнаго права и судебная практика допускаютъ необходимость «обезвреженiя» закоренѣлаго преступника-рецидивиста, манiака, но лишь способами возможно гуманными. Смертная казнь есть тоже одинъ изъ способовъ обезвреженiя и даже наиболѣе радикальный, простой и вѣрный, но настолько страшный и жестокiй, что за послѣднее время этотъ институтъ постепенно вымираетъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Количество преступленiй, караемыхъ смертной казнью, сокращается въ кодексахъ, смертные приговоры произносятся все рѣже и рѣже, и еще рѣже они конфирмуются; публичность смертной казни, считавшаяся прежде непремѣннымъ ея условiемъ, почти повсемѣстно отмѣнена, новые уголовные кодексы: Норвежскiй и Швейцарскiй (проектъ профессора Штосса) исключили ее изъ лѣстницы наказанiй, но все же смертная казнь еще существуетъ, и лишь немногiя счастливыя государства вовсе не знаютъ ея (Голландiя, Швецiя, Румынiя, Португалiя, Санъ-Марино).

Въ Россiи до послѣдняго времени случаи примѣненiя смертной казни были не часты. Такъ, въ перiодъ времени съ 1866 по 1892 годъ было постановлено 134 смертныхъ приговора и изъ нихъ приведено въ исполненiе только 44. Изъ общаго количества 134 смертныхъ приговоровъ военными судами было произнесено 83, а гражданскими—51. Наибольшая цифра смертныхъ приговоровъ падаетъ на 1879 г., когда ихъ состоялось 22, а было осуществлено 16. Съ 1888 по 1892 годъ не состоялось ни одной смертной казни.

Редакцiонная комиссiя, выработавшая проектъ нашего новаго уголовнаго уложенiя (частью введеннаго уже въ дѣйствiе), остановившись на вопросѣ о смертной казни, высказалась положительно противъ нея, признавъ, что она недѣйствительна, какъ мѣра устрашенiя, развращаетъ населенiе и

опасна, какъ недопускающая исправленія возможной судебной ошибки. Къ тому же, по мнѣнію комиссіи, устраненіе смертной казни было бы «новымъ дальнѣйшимъ шагомъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, съ царствованія императрицы Елисаветы»; но, тѣмъ не менѣе, авторы проекта не рѣшились вычеркнуть смертную казнь изъ кодекса въ виду «политической стороны», а за комиссіей послѣдовалъ и Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ гуманный и разумный починъ императрицы Елисаветы Петровны, болѣе полутора вѣка тому назадъ,—въ 1754 году,—повелѣвшей «въ новосочиняемомъ уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать», до сихъ поръ не завершился.

Въ настоящее время, когда смертная казнь примѣняется у насъ небывало часто и дѣйствуетъ на населеніе особенно вредно, временно угнетая его, но въ то же время возбуждая въ немъ дурные инстинкты, чувства злобы, мести, ненависти къ правительству, что неизбѣжно приводитъ, какъ въ заколдованномъ кругѣ, къ новымъ преступленіямъ,—особенно важно вспомнить завѣтъ милостивой императрицы и безповоротно, немедленно же, навсегда покончить съ офиціальнымъ, основаннымъ на законѣ, нарушеніемъ заповѣди «не убій».

Наука уголовнаго права въ лицѣ всѣхъ лучшихъ представителей ея давно осудила смертную казнь, какъ мѣру судебной репрессіи; въ сознаніи народныхъ массъ она является пережиткомъ тяжелаго прошлаго; законодатель теоретически высказывается противъ смертной казни, но существуетъ ложное представленіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она практически необходима, и хотя въ общемъ вредна, но въ особенные историческіе моменты служитъ единственнымъ орудіемъ борьбы государства со специальной преступностью. Это положеніе—очевидное заблужденіе, ибо абсолютное зло,

каковымъ нельзя не считать насильственное лишеніе жизни, никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ стать добромъ. Смертная казнь, примѣняющаяся въ данномъ государствѣ по суду, хотя бы во время народныхъ смутъ, по дѣламъ о политическихъ убійствахъ и о вооруженномъ возстаніи, столь же жестока, несправедлива, грѣховна и *безполезна*, какъ и въ спокойное время и по преступленіямъ общаго характера. Приводимый обычно въ защиту смертной казни аргументъ, что она не примѣняется, разъ населеніе живетъ мирно и не допускаетъ массовыхъ тягчайшихъ преступленій, что она является лишь возмездіемъ за убійства, грѣшитъ передъ логикой и этикой. Разъ государство воспрещаетъ своимъ подданнымъ убійства, считая ихъ преступными, то какъ же оно само можетъ ихъ совершать? Въ сущности — это прежняя кровавая месть, ужасный законъ таліона. Если слѣдовать такой посылкѣ, то государству надлежало бы за поджогъ наказывать поджогомъ, за насиліе—таковымъ же и т. д. Такъ оно и бывало въ тѣ времена, когда государство держалось только грубой физической силой и страхомъ. Но въ наше время авторитетъ государственной власти—не въ одной физической, но и въ духовной мощи, и не преступникамъ показывать государству примѣръ нравственнаго совершенствованія и терпимости. Извѣстное изреченіе Пакье: «il faut que les assasins commencent» грѣшитъ въ своемъ основаніи: Государству принадлежитъ иниціатива умиротворенія и обязанность нравственными, справедливыми мѣрами воспитывать въ населеніи добрыя чувства, а не наоборотъ. И обязанность эта остается въ силѣ и во времена смутъ и народныхъ волненій. Насиліе, творимое частью населенія надъ другой и надъ представителями власти, должно быть подавлено государствомъ; но затѣмъ не должны наступать репрессаліи, и власть не должна проявлять гнѣва и раздраженія. Казнями не успокоишь и не удовлетворишь страну; прошли времена, когда

казнь отдѣльнаго лица,—вождя, претендента, представителя династіи,—имѣла за собой хотя бы практическій смыслъ—устраненіе навсегда такого лица, вызывавшаго смуту, тѣмъ самымъ прекращавшуюся. Теперь отдѣльныя личности не имѣютъ такого рѣшающаго значенія: ихъ замѣнили идеи и принципы, не поддающіеся казни; въ силу этого на мѣсто одного казненнаго тотчасъ же становятся десятки другихъ лицъ.

Недостаточное развитіе моральныхъ идей въ обществѣ, отсутствіе искренняго религіознаго чувства, малая авторитетность нравственныхъ началъ проявляются, какъ мы говорили въ началѣ нашей замѣтки, между прочимъ, и въ примѣненіи государствомъ архаичныхъ и варварскихъ мѣръ борьбы съ нарушителями закона; та же причина вызываетъ тѣ многочисленныя насилія и политическія убійства, которыя въ настоящее время омрачаютъ общество. Группа населенія, отбросивъ, какъ излишній, стѣсняющій балластъ, непреложныя, всѣми въ глубинѣ души сознаваемыя велѣнія нравственнаго закона и Божественнаго откровенія (какъ въ христіанствѣ, такъ и во многихъ другихъ вѣроученіяхъ), борется съ противниками своими прежними варварскими способами,—убійствами какъ противниковъ своихъ, такъ и людей постороннихъ, если они становятся поперекъ дороги борцамъ. Страхъ предъ преступленіемъ, какъ грѣховнымъ дѣломъ, предъ собственною совѣстью исчезъ подъ вліяніемъ общественной страсти, массоваго психоза, благодаря которому люди, иногда даже мягкіе, стремящіеся къ добру, берутъ револьверъ и стрѣляютъ въ ничѣмъ передъ ними неповиннаго городового, предполагая, что они совершаютъ подвигъ и идутъ по пути «освобожденія народа». Остановить такое раскрѣпощеніе отъ узъ, налагаемыхъ высшимъ, неписаннымъ нравственнымъ закономъ, указать иной путь борьбы—дѣло той большей части общества, которой дороги духовные интересы человѣчества

и которая признаетъ обязательность христіанскаго ученія. Но государство обязано въ этомъ случаѣ оказать помощь обществу, доказавъ, что оно обладаетъ не одной физической, но и духовной силой, а первымъ, самымъ необходимымъ для того шагомъ, является отмѣна смертной казни.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вся лучшая и просвѣщенная часть нашего общества стоитъ за отмѣну смертной казни; достаточно для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, проглядѣть въ любой день газеты (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» получено болѣе 22.000 протестовъ противъ смертной казни); а если такъ, то нѣтъ болѣе мѣста колебаніямъ и выжиданіямъ. Если признать, что съ юридической точки зрѣнія, для неоспоримой правомѣрности закона, отмѣняющаго навсегда и *при всякихъ условіяхъ* смертную казнь, необходима санкція нашего новаго законодательнаго органа—Государственной Думы, то изданіе такого указа надлежитъ отсрочить до первой сессіи Думы, а до тѣхъ поръ высшее правительственное учрежденіе — совѣтъ министровъ — можетъ издать распоряженіе о неконфирмированіи ни одного смертнаго приговора, если таковые будутъ еще постановляемы. Твердое рѣшеніе правительства теперь же вычеркнуть фактически смертную казнь изъ уголовныхъ кодексовъ, внесло бы нѣкоторое успокоеніе въ общество и могло бы послужить началомъ новой эры общественной жизни—примиряющей и созидающей.

Н. В. Давыдовъ.

Вопіющее беззаконіе.

Разстрѣлы, разстрѣлы, разстрѣлы...

Разстрѣливаютъ мичманы, лейтенанты, поручики, штабсъ-ротмистры... Разстрѣливаютъ «агитаторовъ», «мазуриковъ», уличенныхъ въ приготовленіи и храненіи «взрывчатыхъ снарядовъ», въ «вымогательствѣ» и «браконьеровъ». Разстрѣливаютъ дѣтей за то, что бѣжали и скрылись ихъ отцы... Разстрѣливаютъ по ошибкѣ и потомъ говорятъ: «печальное недоразумѣніе»... Разстрѣливаютъ по рѣшеніямъ миѳическихъ «полевыхъ» судовъ... Разстрѣливаютъ ежедневно въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Варшавѣ... Раньше разстрѣливали въ Москвѣ и подъ Москвой...

Разстрѣливаютъ десятки, сотни людей...

Задержали въ моментъ отъѣзда заграницу революціонера. Его повели въ тюрьму. Оттуда его повели не къ слѣдователю и прокурору. Его повели въ отрядъ и тамъ разстрѣляли... Людей, задержанныхъ и посаженныхъ въ каменные мѣшки, выводятъ не на судъ, а на разстрѣлъ безъ суда... Да что же это такое? Государство во имя торжества права и закона, мобилизовало всю мощь своей силы. Оно это могло и должно было сдѣлать: на то оно союзъ правовой. Государство не можетъ терпѣть произвольнаго нарушенія права. Но попирать право, грубо и безчеловѣчно,— для государства во сто кратъ преступнѣе, чѣмъ для рево-

люціи. У него есть тюрьмы, суды, уголовный кодексъ. Тутъ нѣтъ никакого оправданія... Плакать, кричать хочется... Но пусть кричитъ безстрастный законъ. Не всѣ знаютъ, въ какой мѣрѣ онъ нарушается. Считаютъ, что военное положеніе, значитъ, конецъ юстиціи: военный судъ для всѣхъ и за все. А военный судъ, значитъ, смерть. Смерть кого угодно, за что угодно, кѣмъ угодно. Смерть безъ разбора, безъ права протеста. Это неправда! Это неправда!.. Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ лейтенанты, поручики, полковники, генералы? Его нѣтъ. Никакихъ полевыхъ судовъ законодательство Россійской Имперіи не знаетъ. Единственно компетентные органы для смертнаго приговора въ военное время и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, суды военно-окружные, суды армій и временные военные. Всѣ три органа однородны по составу и дѣйствуютъ съ соблюденіемъ одинаковыхъ процессуальныхъ формъ. Единственное изъятіе въ военно-судебномъ уставѣ гласитъ буквально слѣдующее:

«Ст. 1301 [1]). Коменданту осажденной непріятелемъ крѣпости или укрѣпленнаго мѣста, а равно и начальчику отряда, при неимѣніи военнаго суда и невозможности командированія такового въ отрядъ вслѣдствіе перерыва сообщенія съ прочими частями арміи, или по инымъ причинамъ предоставляется въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, учреждать судъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ выше для временныхъ военныхъ судовъ, съ возложеніемъ обязанностей чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на офицеровъ отъ войскъ. При неимѣніи же въ отрядѣ или крѣпости достаточнаго числа соотвѣтствующихъ офицеровъ, для составленія суда на общихъ основаніяхъ, коменданту или начальнику отряда предоставляется при перерывѣ сообщеній

[1]) Приказъ по военному вѣдомству отъ 24 янв. 1906 г. № 61.



дѣлать отступленія отъ общихъ правилъ, по своему усмотрѣнію и подъ личной отвѣтственностью». Согласно этому изъятію, начальниками отрядовъ, допустимъ, даже поручиками и ротмистрами, въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, могутъ быть учреждаемы суды безъ участія чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, и по второй части ст. 1301; вовсе произвольные по составу. Но, во-первыхъ, условіемъ для этого должно быть неимѣніе военнаго суда и невозможность командированія таковою въ отрядъ, вслѣдствіе перерыва сообщенія съ прочими частями арміи или по инымъ причинамъ; во-вторыхъ, произвольность можетъ касаться исключительно состава суда, а не условій и порядка производства или дѣлъ, ибо цитируемый законъ находится въ отдѣлѣ о судоустройствѣ; въ отдѣлѣ же о судоустройствѣ никакихъ особыхъ правилъ для такихъ произвольныхъ судовъ не постановлено. Всѣ судопроизводственныя правила въ четвертомъ раздѣлѣ военно-судебнаго Устава, трактующемъ о судѣ въ военное время, изложены въ формѣ дополненій къ нормальнымъ правиламъ мирнаго времени, которыя на основаніи ст. 1279 сохраняютъ свою силу и для военнаго времени, насколько онѣ не измѣнены. Сохраняетъ силу поэтому и заглавная ст. 213:

«Никто изъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, изъ лицъ частныхъ, подсудныхъ военному суду въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава».

Суду должно предшествовать, если не предварительное слѣдствіе, то, во всякомъ случаѣ, облеченное въ письменную форму дознаніе, (ст. 1334.) Затѣмъ письменное же заключеніе военно-прокурорскаго надзора, преданіе суду (ст.

562 и 1355) и внесеніе въ судъ обвинительнаго акта, въ которомъ должны быть означены:

«1) Событіе, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія; 2) время и мѣсто совершенія сего дѣянія, насколько это извѣстно; 3) званіе, имя, отчество и фамилія или прозвище обвиняемаго, а равно команда или часть, гдѣ состоитъ онъ на службѣ; 4) сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго, и 5) опредѣленіе по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія (ст. 713).

Далѣе слѣдуетъ обязательное врученіе подсудимому обвинительнаго акта и списка вызываемыхъ въ судъ лицъ, судей и прокурора и предоставленіе ему суточнаго срока на заявленіе о выборѣ или назначеніи защитника, о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и объ отводѣ судей и прокурора (ст. 1379 и 1380). Судебное разсмотрѣніе производится на общихъ для мирнаго времени основаніяхъ, съ ограниченіями только въ отношеніи гласности и устности, и то не обязательными, а факультативными (ст. 1387—1390). Судомъ немедленно по разсмотрѣніи дѣла должна быть вынесена письменная резолюція, а въ теченіе двухъ сутокъ за тѣмъ долженъ быть изготовленъ подробный приговоръ (ст. 922 и 1393).

«Ст. 921. Въ резолюціи суда означаются: 1) годъ, мѣсяцъ и число, когда происходило судебное по дѣлу засѣданіе; 2) составъ присутствія; 3) званіе, имя, отчество, фамилія или прозвище и лѣта подсудимаго, а если ихъ нѣсколько, то каждаго изъ нихъ, и 4) сущность приговора».

«Ст. 931. Въ приговорѣ, сверхъ указаннаго въ резолюціи, означаются: 1) предметы обвиненія, выведенные въ обвинительномъ актѣ и въ жалобѣ частнаго обвинителя и въ заключительныхъ, по судебному слѣдствію, преніяхъ; 2) соображенія суда по предметамъ, относящимся до примѣ-

ненія законовъ, а заключеніе о винѣ или невиновности прописывается безъ указанія его основаній, и 3) подробное изложеніе, согласно съ разумомъ и словами закона, сущности приговора».

Приговоръ къ смертной казни, прежде приведенія въ исполненіе, долженъ быть представленъ на усмотрѣніе главнокомандующаго или, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на усмотрѣніе командующаго арміи, а въ случаяхъ, упомянутыхъ въ приведенной выше ст. 1301, коменданта или начальника отряда (ст. 1409).

Вотъ процессуальныя формы, безъ соблюденія которыхъ ни одно присужденіе къ смерти по закону не можетъ состояться. И нигдѣ въ дебряхъ приложеній къ своду законовъ и къ своду военныхъ постановленій нѣтъ никакихъ, хотя бы временныхъ правилъ, допускающихъ отступленія отъ нихъ.

Въ Варшавѣ, какъ видно изъ телеграммъ, ссылаются на ст. 12 положенія о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Она гласитъ:

«Если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны, принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ положеніи, то главнокомандующій, непосредственно или по представленію командующаго арміей, дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственной властью, донося о томъ Государю Императору».

Ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Сибири, ни въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ лицъ, въ законномъ порядкѣ облеченныхъ званіемъ и правами главнокомандующаго. Уже одно это обстоятельство дѣлаетъ ссылку абсолютно ничтожной. Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ «агитаторовъ», за приготовленіе и храненіе взрывчатыхъ снаря-

довъ, за браконьерство, за вымогательство? Его не существуетъ.

Въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, сохраняютъ силу и дѣйствіе опредѣленія общаго или военнаго уголовныхъ кодексовъ, поскольку они не измѣнены въ спеціальныхъ правилахъ.

Эти спеціальныя правила назначаютъ смертную казнь за слѣдующія преступныя дѣянія:

«1) За бунтъ противъ верховной власти и государственную измѣну; 2) за умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе, либо приведеніе въ негодность предметовъ воинскаго снаряженія и вооруженія и вообще всего, принадлежащаго къ средствамъ нападенія или защиты, а также запасовъ продовольствія и фуража; 3) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе въ районѣ театра войны водопроводовъ, мостовъ, плотинъ, гатей, шлюзовъ, водоспусковъ, колодцевъ, дорогъ, бродовъ или иныхъ средствъ, назначенныхъ для передвиженія, переправы, судоходства, предупрежденія наводненій или необходимыхъ для снабженія водою; 4) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе служащихъ тамъ же для правительственнаго пользованія: а) телеграфнаго, телефоннаго или иного снаряда, употребляемаго для передачи извѣстій, и б) желѣзнодорожнаго пути, подвижного состава онаго или предостерегательныхъ знаковъ, установленныхъ для безопасности желѣзнодорожнаго движенія или судоходства, и 5) за нападеніе на часового или военный караулъ, за вооруженное сопротивленіе военному караулу или чинамъ военной и гражданской полиціи, а равно за убійство часового или чиновъ караула и полиціи» (ст. 17).

Сверхъ того, смертная казнь можетъ быть назначаема:

«Лицамъ, виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи обязан-

ностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджоговъ» (ст. 20).

Во всѣхъ прочихъ случаяхъ назначеніе смертной казни составляетъ преступное убійство.

Ст. 90-я воинскаго устава о наказаніяхъ предоставляетъ главнокомандующему, лицамъ, пользующимся равной съ нимъ властью, и коменданту или начальнику осажденной крѣпости, укрѣпленія или города, въ военное время, въ случаѣ чрезмѣрнаго увеличенія какихъ-либо преступленій или проступковъ, право усиливать временно строгость наказаній, въ законѣ положенныхъ, т.-е. самовольно повышать уголовную репрессію дѣяній, объявленныхъ закономъ преступными, но «не доводя только усиленія до назначенія смертной казни» (законъ 11 ноября 1899 г.).

Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ несовершеннолѣтнихъ за государственныя преступленія?

Отвѣтственность за государственныя преступленія съ іюня 1904 г. должна опредѣляться по новому уголовному уложенію, согласно ст. 55 и 57, коего никто изъ недостигшихъ совершеннолѣтія не можетъ быть присужденъ къ смертной казни.

Разстрѣлы безъ суда или по приговору фантастическихъ «полевыхъ» судовъ, разстрѣлы за то, что или непреступно вовсе, или не обложено закономъ смертной казнью, напрасно называютъ превышеніемъ власти. И формально они не подходятъ подъ это понятіе. Глава пятая воинскаго устава о наказаніяхъ, предусматривая, какъ особые виды превышенія власти: употребленіе «при исполненіи обязанностей службы» истязаній и жестокостей (ст. 149) и причиненіе «безъ явной необходимости» ранъ или тяжкихъ побоевъ или увѣчья (ст. 150), и не упоминая вовсе о причиненіи, при исполне-

ніи служебныхъ обязанностей, смерти,—тѣмъ самымъ исключаетъ причиненіе смерти военнымъ начальникомъ изъ числа дѣяній, относимыхъ къ превышенію власти.

А потому не можетъ имѣть примѣненія къ разстрѣламъ безъ суда п. 2, ст. 143, гласящій, что не почитается наказуемымъ превышеніе власти:

«Когда военный начальникъ или иное должностное лицо въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры и потомъ докажетъ, что оная, въ видахъ государственной пользы, была необходима или что по настоятельности дѣла онъ не могъ, безъ видимой опасности или вреда для службы, отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія».

Разстрѣлы безъ суда — предумышленныя убійства, за которыя въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, для всѣхъ и каждаго положено: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь. А для военнослужащихъ положено, такъ сказать, вдвойнѣ, ибо усиленная репрессія имѣетъ въ виду, чтобы именно они при условіяхъ военной обстановки строго соблюдали законъ. Кто разстрѣливаетъ—убійцы. Кто приказываетъ разстрѣливать—подстрекатели убійства.

Ст. 277 воинскаго устава устраняетъ отвѣтственность за «смертоубійство», бывшее послѣдствіемъ употребленія оружія воинскими чинами, призванными для содѣйствія гражданскому начальству лишь тогда, когда смертоубійство совершено «при точномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и безъ всякаго отступленія отъ установленныхъ на сей предметъ правилъ».

Войска для того и посылаются, чтобы стрѣлять въ революціонеровъ. Стрѣлять, слѣдовательно, и лишать жизни. Но роль палача надъ обезоруженнымъ, бывшимъ революціонеромъ и съ момента захвата ставшимъ простымъ

преступникомъ, роль палача, который самъ же приговариваетъ къ смерти, недостойна войска.

Въ смертной казни всего ужаснѣе ея безповоротность и непоправимость ошибки.

Въ Голутвинѣ искали, нашли, арестовали и разстрѣляли Стопчука. Да, задержанный и разстрѣлянный былъ Стопчукъ... только не тотъ, а другой. Тоже Сапожкова: искали Николая, разстрѣляли Александра...

«Печальное недоразумѣніе»! Нѣтъ, преступное убійство безъ разбора тѣмъ, кто не имѣетъ права ни судить ни наказывать смертью...

Не только каръ на голову убивающихъ мы требуемъ. Мы требуемъ ни мести ни крови.

Общество въ правѣ требовать торжества закона и прекращенія беззаконія...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Смертная казнь и военные суды.

(Замѣтка изъ текущей жизни).

Переживаемая въ наши дни Россіей бурная эпоха отличается въ высшей степени характерными особенностями, изъ которыхъ, на нашъ взглядъ, самой характерной является полное несоотвѣтствіе между требованіями, диктуемыми выросшимъ общественнымъ правосознаніемъ, и тѣми мѣрами, которыя умирающій режимъ продолжаетъ примѣнять, несмотря на торжественное провозглашеніе началъ, необходимыхъ для водворенія спокойствія въ измученной и дезорганизованной странѣ.

Намъ твердо и категорически обѣщано настоящее народное представительство и свобода, но время осуществленія этого обѣщанія теряется въ туманномъ сумракѣ, а пока... законодательство идетъ старымъ бюрократическимъ путемъ, а практика управленія по-прежнему не выплываетъ изъ омута произвола и насилія и въ ожиданіи грядущаго парламента все шире и шире покрываетъ Россію сѣтью военнаго положенія и усиленной охраны. Благодаря особенностямъ двухъ послѣднихъ институтовъ, этихъ единственныхъ въ мірѣ «хартій вольности наоборотъ», наступившая новая эра россійской жизни по справедливости можетъ быть названа эрою военныхъ судовъ и смертной казни.

Не проходило, кажется, ни одной недѣли безъ того, чтобы столбцы журналовъ и газетъ не принесли сообщеній о новыхъ смертныхъ приговорахъ и о новыхъ казняхъ, и конца этому мартирологу пока далеко еще не видно.

А между тѣмъ картина была бы совершенно иная, если бы правосудіе шло правильными путями, т.-е. если бы обыкновенные суды не замѣнялись чрезвычайными. Новое уголовное уложеніе, которое объявлено дѣйствующимъ по отношенію къ политическимъ преступленіямъ, во-первыхъ, сильно сократило сферу примѣненія смертной казни, а во-вторыхъ, *во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ* предоставило суду право при наличности смягчающихъ обстоятельствъ переходить отъ смертной казни къ каторгѣ. Мы далеки отъ признанія этого порядка идеальнымъ, но всякому ясно, какая пропасть лежитъ между нимъ и существующей мрачной дѣйствительностью.

Обратимся къ этой дѣйствительности. Источникомъ чрезвычайныхъ судовъ и произносимыхъ ими смертныхъ приговоровъ являются, прежде всего, 17 и 18 ст. положенія о мѣрахъ охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Въ силу этихъ статей, министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторамъ (а въ мѣстностяхъ, объявленнымъ на военномъ положеніи, сверхъ того временнымъ генералъ-губернаторамъ или военнымъ главноначальствующимъ) предоставлено право цѣлый рядъ преступленій общаго характера передавать для сужденія *по законамъ военнаго времени,* когда они признаютъ это неизбѣжнымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія.

Но не слѣдуетъ думать, что указанное право ограничено хотя бы твердыми территоріальными границами: по ст. 28 и 31 даже «въ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже *во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства*» можетъ

быть отданъ приказъ о примѣненіи военнаго суда; достаточно, значитъ, чтобы хоть *гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ* была введена усиленная охрана.

Если же мы поинтересуемся узнать, за какія вины грозитъ сужденіе по военнымъ законамъ, то увидимъ, что оно грозитъ виновнымъ «въ вооруженнымъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ».

Какъ видимъ, кругъ необычайно широкій и не вполнѣ точно опредѣленный, но и онъ еще не является послѣднимъ словомъ неопредѣленности; для военныхъ сверхъ этого существуетъ спеціальная 91 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, позволяющая главному военному начальству и въ мирное время предавать суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени «въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда по особой важности обстоятельствъ, коими сопровождалось преступленіе, представляется необходимымъ для охраненія воинской дисциплины судить виновныхъ по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ.

Но этого мало. Нѣсколько неопредѣленное выраженіе ст. 17 — «сужденіе по законамъ военнаго времени» — не разъяснено въ законодательномъ порядкѣ. Когда рѣчь идетъ о человѣческой жизни, позволительны самыя щепетильныя сомнѣнія и необходимы самыя строгія ограничительныя толкованія; можно думать, что законодателемъ допущена въ этихъ случаяхъ лишь ускоренная и суровая процессуальная обстановка военно-полевого суда, а вовсе не примѣненіе каръ, диктуемыхъ военно-полевыми законами; но закона, раз-

рѣшающаго эти сомнѣнія, нѣтъ, а есть простое «разъясненіе» главнаго военнаго суда (1887 г., № 117), который заявилъ, что законы военнаго времени, о которыхъ идетъ рѣчь въ 17 статьѣ, «обнимаютъ собою нормы какъ процессуальныя, такъ и матерьяльныя», а потому... допустилъ примѣненіе смертной казни и внѣ *исчерпывающаго* перечня 18 статьи! Итакъ, по самому широкому кругу дѣлъ (до нанесенія тяжкихъ побоевъ городовому включительно) высшая администрація можетъ, разъ гдѣ бы то ни было объявлена усиленная охрана, въ любомъ мѣстѣ отдать русскаго гражданина подъ военный судъ и предписать примѣненіе къ осужденному знаменитой 279 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, т.-е. смертной казни. Она, высшая администрація, рѣшаетъ этотъ вопросъ по своему произволу, ибо законъ позволяетъ ей это дѣлать въ каждомъ случаѣ, когда она, «въ видахъ охраненія общественнаго порядка и спокойствія» (а чего нельзя подвести подъ эту категорію?), *сама* признаетъ это необходимымъ, не давая никому отчета и даже не спрашивая ни у кого совѣта.

Но, можетъ-быть, самая угроза смертной казнью не является категорической и абсолютной, хотя 279 ст. говоритъ только объ этомъ наказаніи?

Къ сожалѣнію, практика даетъ отвѣтъ отрицательный, хотя положительный отвѣтъ категорически диктуется и закономъ и здравымъ разсудкомъ.

По непреложнымъ началамъ всякаго уголовнаго суда, если только это все-таки судъ, а не застѣнокъ и не глухое и слѣпое орудіе власти, даже такъ называемое абсолютно-опредѣленное наказаніе (въ данномъ случаѣ смертная казнь) въ цѣломъ рядѣ случаевъ примѣнена быть не можетъ; военный судъ не имѣетъ въ своихъ законахъ цѣлаго ряда указаній и долженъ за ними обращаться къ общимъ

уголовнымъ законамъ, т.-е. въ наши дни къ новому уголовному уложенію. Тамъ ясно сказано, напримѣръ, что нельзя казнить малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ; казнить ихъ въ порядкѣ даже военно-полевого суда — это значитъ совершить не казнь, а убійство, а, между тѣмъ, цѣлый рядъ такихъ случаевъ на практикѣ имѣлъ мѣсто. Такъ тотъ самый главный военный судъ, который въ 1883 году (рѣшеніе № 8) призналъ, что для замѣны смертной казни каторгой вообще достаточно *одного* смягчающаго обстоятельства, теперь твердо и упорно отвергаетъ такое толкованіе во всѣхъ политическихъ процессахъ и, между прочимъ, упорно отказывается отъ кассаціи тѣхъ приговоровъ, которыми на казнь осуждены несовершеннолѣтніе.

Что значитъ это непонятное и беззаконное упорство? Отвѣтъ на это полученъ русскимъ обществомъ лишь случайно, благодаря опубликованію рѣчей Спасовича по политическимъ процессамъ, а также благодаря проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ о рѣчахъ въ главномъ военномъ судѣ прокуратуры. Оказывается, что военнымъ судамъ предписано путемъ *циркуляра,* и до сихъ поръ *неопубликованнаго* въ приказахъ по военному вѣдомству, примѣняя 279 ст., приговаривать *исключительно къ смертной казни.* Циркуляръ этотъ данъ министромъ Ванновскимъ и ссылается на словесное Высочайшее повелѣніе отъ 11 августа 1887 года.

Но, если мы вспомнимъ, что по основнымъ законамъ «Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи существующихъ законовъ», и что «никакой законъ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ такимъ же закономъ», намъ станетъ ясно какъ день, что приведенный циркуляръ, отмѣняющій общій порядокъ, установленный уголовными законами, изданными въ надлежащемъ порядкѣ и съ Высочай-

шаго утвержденія, не можетъ быть признанъ закономъ; онъ есть беззаконіе и какъ таковое не можетъ имѣть силы. Не даромъ его облекли покровомъ тайны: чистое дѣло не боится свѣта.

Но рабское преклоненіе передъ циркулярами сыграло здѣсь свою роль, и на практикѣ мы видимъ, что военный судъ, разъ не можетъ оправдать обвиняемаго по 279 ст. по недостатку уликъ, *обязанъ* приговорить его къ смертной казни, каковы бы ни были смягчающія обстоятельства, и хотя бы эти обстоятельства сто разъ были указаны другими законами.

Такимъ образомъ преданіе суду въ порядкѣ статей усиленной охраны или военнаго положенія фактически есть приказаніе приговорить всѣхъ изобличенныхъ къ смертной казни. Такъ суды и поступаютъ и, напримѣръ, изъ свѣдѣній, проникшихъ въ печать по дѣлу объ убійствѣ бакинскаго губернатора Накашидзе, мы узнаемъ, что къ смертной казни въ числѣ другихъ былъ приговоренъ и юноша, которому (если даже, вопреки категорическому заявленію защиты, признать его участникомъ убійства) было *пятнадцать* лѣтъ во время совершенія преступленія. Дальше итти некуда. Очевидно, такіе суды съ судомъ дѣйствительнымъ и законнымъ ничего общаго, кромѣ имени, не имѣютъ.

Посмотримъ теперь, какъ происходитъ самый судъ. Какъ ни скудны свѣдѣнія, проникшія въ печать, но и они вопіютъ къ небу. Въ Двинскѣ по дѣлу Маньковскаго (см. «Право» № 24) судъ далъ *однѣ сутки* для вызова свидѣтелей со дня врученія обвинительнаго акта, при чемъ судъ *не обязанъ* вызывать свидѣтеля, живущаго въ другомъ городѣ, а, слѣдовательно, подсудимый, оправданіе котораго зависитъ отъ ссылки именно на показанія такого свидѣтеля, заранѣе обрекается на погибель. Далѣе, въ дѣлахъ, разби-

раемыхъ военными судами, какъ видно, напримѣръ, изъ дѣла Накашидзе, фигурируютъ такъ называемыя агентурныя свѣдѣнія отъ агентовъ, на судъ *не являющихся*, и такія показанія, вмѣстѣ съ показаніями явившихся, но весьма сомнительныхъ элементовъ, иногда перевѣшиваютъ цѣлый рядъ показаній въ пользу подсудимаго, данныхъ на судѣ лицами вполнѣ почтенными и достойными уваженія.

Но вотъ смертный приговоръ готовъ. Судьи вынесли его, но ихъ судейская совѣсть неспокойна; они видѣли въ дѣлѣ рядъ смягчающихъ обстоятельствъ, а потому ходайствуютъ о смягченіи наказанія. Это ходатайство поступаетъ къ главной мѣстной военной власти, которая не только въ теоріи можетъ не удовлетворить этого ходатайства, но нерѣдко фактически его не удовлетворяетъ и посылаетъ на казнь людей, даже вопреки убѣжденію того чрезвычайнаго суда, который, какъ и всякій чрезвычайный судъ, всегда по свидѣтельству исторіи клонится значительно больше въ сторону суровости, чѣмъ въ сторону милости. Особенно чудовищнымъ по своей несообразности является случай, извѣстія о которомъ недавно прошли въ печать: случай съ виновниками перваго бунта въ черноморскомъ флотѣ; въ своей конфирмаціи приговора адмиралъ Чухнинъ отказалъ въ смягченіи наказанія осужденнымъ на смертную казнь, несмотря на ходатайство суда и указаніе послѣднимъ цѣлаго ряда смягчающихъ обстоятельствъ, и они были немедленно казнены!

Но и это не все. Если осужденный можетъ подать кассаціонную жалобу на смертный приговоръ и исполненіе приговора этимъ задерживается, то открывается, во-первыхъ, возможность отмѣны приговора главнымъ военнымъ судомъ, а во-вторыхъ, возможность обращенія къ государю съ просьбой о помилованіи. Казалось бы, что такое право, право необходимое и неотъемлемое, ибо иначе приходится признать, что

военно-полевой судъ непогрѣшимъ, не можетъ впасть въ судебную ошибку и осудить невиннаго. Но и здѣсь невозможное оказывается возможнымъ; ст. 1041 и 1404 военно-суд. устава главному военному начальству предоставляютъ право не давать хода кассаціоннымъ жалобамъ, когда они находятъ необходимымъ немедленное исполненіе смертнаго приговора «въ виду охраненія существенныхъ интересовъ арміи, военной дисциплины или общественной безопасности». Практика, какъ оказывается, не отстаетъ отъ закона: уже были неоднократные случаи отказа въ пріемѣ кассаціонныхъ жалобъ, а, между тѣмъ, если мы вспомнимъ, что осужденный въ Двинскѣ на смерть Маньковскій былъ оправданъ послѣ кассаціи о немъ приговора, мы имѣемъ твердое основаніе сказать, что *были* фактически *случаи осужденія невинныхъ,* что они возможны всегда, и что никто не можетъ поручиться за безусловную виновность тѣхъ поспѣшно казненныхъ, которымъ не дали права кассаціи, этой, хотя и слабой, но все же гарантіи отъ судебныхъ ошибокъ, *непоправимыхъ,* когда дѣло идетъ о смертной казни. Прибавимъ также, что въ печать проникли слухи, въ которыхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что были и такіе случаи, когда помилованіе, испрошенное у государя помимо мѣстнаго военнаго начальства, приходило слишкомъ поздно, благодаря поспѣшному совершенію казни по волѣ этого мѣстнаго начальства.

Какіе бы факты мы не привели еще, они будутъ уже тонуть на черномъ и кровавомъ фонѣ развернувшейся передъ нами картины. Если мы хотимъ говорить о наказаніи виновныхъ, а не объ истребленіи ихъ во что бы то ни стало, если мы хотимъ, чтобы судъ имѣлъ право называть свою работу правосудіемъ, мы должны твердо сказать: при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ въ государствѣ, претендующемъ на титулъ культурнаго, нетерпимы чрезвы-

чайные суды и ихъ худшій видъ, суды военно-полевые, въ особенности, когда ихъ дѣятельность, какъ у насъ, выходитъ за предѣлы арміи и практикуется не на театрѣ войны, а на театрѣ гражданской жизни страны.

Мы почти ничего не говорили по существу о карѣ, являющейся обычной въ этихъ судахъ, т.-е. о смертной казни. Мы не считаемъ здѣсь нужной какую бы то ни было полемику, ибо указанная кара безповоротно осуждена исторіей и находится въ полномъ противорѣчіи съ умственнымъ, нравственнымъ и культурнымъ развитіемъ современнаго человѣчества. Эта кара повсемѣстно вымираетъ, но и тамъ, гдѣ она сохраняется, какъ историческій пережитокъ, она обычно примѣняется къ худшимъ элементамъ преступнаго люда (звѣрскимъ убійцамъ, поджигателямъ и т. п.), тогда какъ у насъ на казнь посылаютъ главнымъ образомъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ, т.-е. людей, которыхъ на формально преступный путь ведетъ идея, людей, которыхъ въ одну эпоху казнятъ, а въ послѣдующую снабжаютъ нерѣдко именемъ героевъ и борцовъ за свободу. Такое положеніе дѣлъ терпимо быть не можетъ, и смертная казнь должна быть безповоротно вычеркнута изъ нашего законодательства. Это непреложное требованіе науки, это дружное требованіе всего сознательнаго русскаго общества. Это одно изъ дополненій къ указу объ амнистіи, которое необходимо не менѣе, чѣмъ доведеніе этой амнистіи до тѣхъ предѣловъ, когда она будетъ полной и безусловной.

Мы могли бы дополнить наше изложеніе данными о новѣйшей практикѣ казней и экзекуцій съ пародіей па судъ и даже безъ всякаго суда, но . . . . довольно. Мы твердо вѣримъ, что виновники этого моря беззаконій будутъ призваны къ отвѣту народными представителями, но, говоря о реформахъ, осуществленіе которыхъ необходимо въ *зако-*

нодательномъ порядкѣ, мы ничего не найдемъ для насъ пригоднаго тамъ, гдѣ не витала даже тѣнь законности.

Озираясь же на все, нами изложенное, мы можемъ сказать лишь одно: при современныхъ безпримѣрныхъ условіяхъ громко долженъ звучать голосъ безпристрастной науки; въ полной гармоніи съ общественнымъ правосознаніемъ онъ долженъ твердо настаивать на полной отмѣнѣ смертной казни и чрезвычайныхъ судовъ и на полной амнистіи всѣхъ осужденныхъ этими судами.

Проф. М. Чубинскій.

Смертная казнь и соціальный подборъ.

Въ настоящее время вопросъ о смертной казни рѣшенъ какъ въ области науки, такъ и практики.

Наука показала, особенно при помощи психологіи преступниковъ, что смертная казнь не является устрашительной въ большей степени, чѣмъ другія наказанія: страхъ парализуется здѣсь или силою страсти, опредѣляющей къ дѣянію, или надеждою на безнаказанность преступниковъ, задумавшихъ преступленіе и всегда разсчитывающихъ не быть обнаруженными.

Въ области практики Италія (съ ея громаднымъ количествомъ кровавыхъ преступленій) показала вмѣстѣ со Швейцаріей, Голландіей, Бельгіей и др., что послѣ отмѣны смертной казни (въ 1890 г.) число убійствъ продолжало постепенно уменьшаться, что является однимъ изъ слѣдствій нашей цивилизаціи, стремящейся замѣнить физическое насиліе обманомъ.

Съ другой стороны, единственный аргументъ практическаго свойства, который можно бы привести въ защиту смертной казни,—отборъ вырожденныхъ субъектовъ, ненормальныхъ и неспособныхъ къ общественной жизни (таковыми являются убійцы), при всей своей цѣнности, отпадаетъ вслѣдствіе нравственной невозможности примѣнять въ наши дни смертную казнь настолько часто, какъ это необходимо въ

цѣляхъ дѣйствительнаго подбора и какъ это практиковалось въ средніе вѣка.

Посылать на эшафотъ **каждый годъ** десятокъ или дюжину убійцъ, какъ въ **Англіи**, или пять-шесть, какъ во Франціи, это, значитъ, совершать дикую, глупую бойню и притомъ... безполезную. Между тѣмъ, чтобы сдѣлать подборъ дѣйствительнымъ, слѣдовало бы ежегодно казнить не менѣе 300 въ Англіи, 400—во Франціи и... 2.000—въ Италіи! Легальная бойня, которую наши нравы, къ счастью, дѣлаютъ совершенно невозможною!

И съ другой стороны, заточеніе на неопредѣленный срокъ наиболѣе опасныхъ и вырожденныхъ преступниковъ служитъ дѣйствительнымъ средствомъ замѣны смертной казни, чтобы остановить произведеніе потомства и повтореніе ихъ преступныхъ подвиговъ.

***

Но что можно сказать о смертной казни, отмѣненной для обыкновенныхъ преступниковъ, но сохраненной для политическихъ?!

Политическій преступникъ не имѣетъ особаго антропологическаго типа. Онъ можетъ быть *прирожденнымъ преступникомъ* точно такъ же, какъ и *сумасшедшимъ*, хотя чаще бываетъ *преступникомъ по страсти*.

И то, что отличаетъ, напримѣръ, обыкновеннаго убійцу отъ политическаго убійцы—это совокупность психологическихъ мотивовъ, побуждающихъ его къ дѣянію.

У обыкновеннаго убійцы—*эгоизмъ*, дикій и грубый, толкаетъ его на убійство человѣка.

У политическаго убійцы—это *альтруизмъ*, потому что онъ дѣйствуетъ не въ собственномъ интересѣ, не изъ чувства личной мести или ненависти и корысти. Онъ дѣйствуетъ ради идеала, который можетъ быть ошибочнымъ, но который все-

гда альтруистиченъ. Онъ вѣритъ, что дѣйствуетъ въ интересахъ человѣчества или родины, или какого-либо класса.

Буржуазная революція, поборовшая вмѣстѣ съ насиліемъ и кровью абсолютизмъ въ Западной Европѣ, насчитываетъ длинный рядъ «мучениковъ», начиная отъ француженки Шарлоты Кордэ, убившей Марата, и до итальянца Феликса Орсини, бросившаго въ 1857 г. бомбу въ Наполеона III за то, что этотъ императоръ не рѣшился помочь итальянцамъ противъ Австріи.

Итакъ, примѣнять смертную казнь къ политическимъ преступникамъ является абсурдомъ (если они сумасшедшіе) и грубою несправедливостью (если они воодушевленные альтруисты).

И во всякомъ случаѣ, это форма *обратнаго* общественнаго подбора—une selection sociale «à retours».

Присуждая къ смерти революціонеровъ (включая сюда политическихъ убійцъ), тѣмъ самымъ вызываютъ уменьшеніе числа наиболѣе возвышенныхъ и альтруистичныхъ и повсюду приводятъ къ преобладанію и господству душъ, наиболѣе низкихъ, отсталыхъ и эгоистичныхъ и т. п., страшно понижаютъ уровень души націи.

Испанія послѣ изгнанія дѣятельныхъ и развитыхъ мавровъ своими убійствами (инквизиціей) тысячъ тысячъ свободныхъ мыслителей, еретиковъ и др., осудила сама себя къ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, ея національная душа и вся ея общественная жизнь стоятъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ у другихъ сосѣднихъ народовъ, несмотря на традиціи и воспоминанія о политическомъ и соціальномъ величіи этой же Испаніи.

Этотъ примѣръ слѣдуетъ прибавить къ доводамъ науки и человѣческой справедливости, чтобы побудить всѣ законодательства къ отмѣнѣ смертной казни повсюду и особенно за политическія убійства, за которыя тѣ же самыя основанія

привели во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ къ исключенію возможности выдачи преступниковъ.

Конечно, политическое убійство всегда несчастіе, и было бы желательнѣе, чтобы общественное развитіе совершалось безъ пролитія крови.

Но это будетъ возможно лишь съ достиженіемъ прогресса гуманности всѣми народами послѣ мученичества и жертвъ, которыя, несмотря на ихъ внѣшніе признаки преступности, вызываютъ къ себѣ лишь уваженіе и очень часто преклоненіе всѣхъ людей съ сердцемъ.

Энрико Ферри.

Профессоръ уголовнаго права въ Римскомъ университетѣ.

Римъ, 28 марта 1906 г.

Она придетъ!..

... Обѣдали, кромѣ своихъ, сенаторъ Чуринъ, старушка-француженка, женихъ Ани...

Викторъ Иванычъ противъ обыкновенія молчалъ, ѣлъ медленно, точно наказывая каждый кусокъ. Катерина Петровна по обыкновенію говорила много, громко, на одной нотѣ, и все объ «этомъ»...

— Ихъ нельзя щадить... Они сами ничего не щадятъ... Для нихъ нѣтъ святынь... Я не считаю себя жестокой женщиной... Когда пришлось усыпить «Миньону», я, помните, mademoiselle Marie, прорыдала всю ночь...

— Elle etait si douce, — пробормотала француженка.

— Très douce,—подтвердила Катерина Петровна,—милое благодарное животное! Ужъ двигаться не могла, а подойдешь къ ней, бывало, скажешь: Миньонъ! и она сейчасъ же полижетъ руку...

Растроганная Катерина Петровна умолкла и въ два глотка выпила большую рюмку вина.

Викторъ Иванычъ съ брезгливой гримасой поглядѣлъ на запрокинутую, жирную шею жены съ нависшимъ, рыхлымъ подбородкомъ и по какой-то странной ассоціаціи идей ему представилась на этой шеѣ веревка.

— Не пей,— сказалъ онъ,— вѣдь тебѣ вредно.

— Бѣлое ничего, — возразила она, и хотѣла продолжать, но ее перебилъ сенаторъ Чуринъ.

— Меня,— началъ онъ,— больше всего въ этихъ дѣлахъ возмущаютъ «гг. защитники». Къ чему они? Вѣдь измѣнить они все равно ничего не могутъ! А, между тѣмъ, смущаютъ... И насъ и подсудимыхъ. Сегодняшній, напримѣръ! Чего онъ только не наговорилъ Виктору Иванычу.

— Я его остановилъ,— сказалъ Викторъ Иванычъ.

— Ну, пока вы его остановили, онъ успѣлъ вамъ столько всыпать...

— Нахалъ, — воскликнула Катерина Петровна. — Это потому, что Викторъ Иванычъ слишкомъ слабъ. Его считаютъ либераломъ и пользуются...

— А какъ держалъ себя подсудимый?—спросилъ женихъ Ани, выхоленный, гладковыбритый, изящный молодой человѣкъ съ розовой лысинкой и такимъ мягкимъ голосомъ, словно онъ былъ ватный.

— Изображалъ героя, но видно было, что струсилъ,— сказалъ сенаторъ Чуринъ.

Викторъ Иванычъ вдругъ оживился.

— Вотъ этого я не понимаю,— началъ онъ.— Зачѣмъ искажать истину? Вѣдь мы тутъ у себя!.. Безъ публики... Зачѣмъ же говорить неправду?.. Вѣдь мальчика этого ужъ все равно что нѣтъ... Почему не признать! Держалъ онъ себя удивительно... Ни одной пустой фразы... Фанатикъ, опасный... все, что хотите!.. но, не трусъ... А васъ онъ осадилъ подѣломъ.

Викторъ Иванычъ немного помолчалъ и продолжалъ, повысивъ голосъ, точно поучая:

— Долгъ, присяга обязываютъ насъ ставить висѣлицы, но ставить передъ висѣлицей безтактные вопросы — это ужъ «немножко много»...

И, довольный своимъ каламбуромъ, Викторъ Иванычъ совсѣмъ повеселѣлъ...

— Позвольте, въ чемъ же безтактность? — возразилъ Чуринъ.—У меня мелькнула мысль...

— Какъ въ чемъ? (Викторъ Иванычъ не то вздохнулъ, не то поперхнулся.) Спрашиваетъ у мальчика, уже облаченнаго, такъ сказать, въ саванъ: «Вы незаконорожденный?» Ну, тотъ и отвѣтилъ: «А вы, господинъ сенаторъ, вполнѣ увѣрены въ законности своего рожденія?»

— Bien tapé, — произнесла Аня.

— Просто, дерзкій хамъ, — проворчалъ Чуринъ.

Катерина Петровна поднялась. Кофе пили у нея въ будуарѣ.

— А какой *онъ* красивый!.. — неожиданно выпалила Аня.

Катерина Петровна взволновалась.

— А ты почему знаешь?

— У меня есть портретъ... Мнѣ ужасно хотѣлось... И онъ (она кивнула на жениха) принесъ.

— Какъ вы... (Катерина Петровна хотѣла сказать «смѣли», но во-время вспомнила, что женихъ Ани — богачъ, и сказала: ее балуете!)

Аня засмѣялась, торжественно вытащила изъ сумочки фотографическую карточку и поднесла ее Чурину.

— Похожъ?

— Не знаю-съ. Для меня эти «сверхчеловѣки» всѣ на одно лицо. Гдѣ вы достали? — спросилъ Чуринъ жениха Ани.

— Тотъ запнулся, покраснѣлъ и промолвилъ своимъ мягкимъ голосомъ:

— У меня цѣлая коллекція... начиная съ Екатерины... потомъ декабристы... поляки... и... позднѣйшіе. Есть замѣчательные экземпляры... Уники!..

— Гмъ... любопытно взглянуть... — процѣдилъ Чуринъ.

— Ахъ, если бъ можно было достать его автографъ,— воскликнула Аня. — Папа... нельзя?

Викторъ Иванычъ отстранилъ руку дочери и, словно стряхивая съ себя что-то, сказалъ:

— Оставь. Нехорошо...

Чуринъ откланялся. Катерина Петровна съ Аней и Анинымъ женихомъ поѣхали смотрѣть скандинавскую актрису. Викторъ Иванычъ остался одинъ. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ. Тамъ было темно и холодно. Онъ хотѣлъ было позвонить лакею, чтобы затопили каминъ, но раздумалъ и легъ на диванъ. Вообще онъ любилъ эти минуты полнаго уединенія. Но сегодня ему было не по себѣ. Мигрень. Болевые круги жгутъ темя, захватываютъ скулу, високъ, глазъ... И опять... это гложущее чувство... *Страхъ смерти*... не бомбы!.. Что бомба!.. глупая случайность... а именно смерти... Вѣдь вотъ, мальчишка... ребенокъ!.. смотритъ *ей* прямо въ глаза... Да, но *онъ*... *знаетъ*... Да и что ему терять!..

Сегодня *этотъ*... присяжный повѣренный... описывалъ жизнь русскаго революціонера. Какая это жизнь! Сплошной ужасъ...

Викторъ Иванычъ вздохнулъ, но мысли его невольно возвращались къ сегодняшнему засѣданію. Этотъ... присяжный повѣренный узналъ его... Они были вмѣстѣ въ университетѣ... Онъ и тогда, студентомъ, былъ краснобай... Хорошо говоритъ. Но чувства мѣры нѣтъ. Смотритъ прямо въ глаза и вѣщаетъ: если бы господа сенаторы на одну минуту могли вообразить, что они сами реально должны выполнить надъ обвиняемымъ смертный приговоръ, ни одна рука не рѣшилась бы его подписать... Ну, что это за тонъ!.. Какой англійскій адвокатъ рѣшится такъ оскорбить высшій судъ страны!.. А нашимъ все нипочемъ... Никакихъ традицій...

Валяй вовсю... Не понравилось (Викторъ Иванычъ самодовольно усмѣхнулся), когда я его осадилъ.

А хорошенькій *этотъ* мальчикъ... И кого-то ужасно напоминаетъ... Я положительно встрѣчалъ это лицо...

— Но гдѣ?.. — проговорилъ вслухъ Викторъ Иванычъ и самъ испугался.

— Не надо думать... не надо!..—Онъ повернулъ винтъ, стоявшей на столикѣ, у дивана, электрической лампы, всталъ, отыскалъ на этажеркѣ «Mannequin d' Osier» А. Франса, опять улегся на диванъ и сталъ читать. Онъ любилъ изысканную манеру France'а и находилъ, что между главнымъ героемъ романа и имъ, Викторомъ Иванычемъ, масса «точекъ соприкосновенія». Онъ умѣетъ думать!.. Не то что это животное, Чуринъ, для котораго «всѣ они» на одно лицо... Но лучше не думать!.. Викторъ Иванычъ почувствовалъ, что у него тяжелѣютъ вѣки и обрадовался. Заснуть... заснуть крѣпко...

Онъ погасилъ лампу, и, какъ это часто бываетъ, сонъ точно убѣжалъ отъ него. Но онъ не сдавался, прижался щекой къ подушкѣ, мысленно считалъ: разъ, два, три... десять... сто... А мысли проползали между счетомъ и, какъ тонкія иголки, вонзались въ мозгъ... «Жизни — мышья бѣготня»... Да!.. Пушкинъ — единственный поэтъ... Единственный русскій геній... А всѣ эти «алости», «бѣлости» — вздоръ... Il pleut sur la ville... Il pleut... Дождь идетъ... Идетъ дождь...

Какая неприличная прическа у Ани... Этотъ локонъ на носу... Кокотки тоже такъ... Неужели ея жениху это нравится... Какъ зовутъ Анинаго жениха?.. Я всегда забываю. Нехорошо. Надо записать... *Я положительно знаю это лицо!..* Господи, сколько Катерина Петровна говоритъ! Неужели она никогда не перестанетъ?.. Хоть бы она умерла... Вѣдь умираютъ же у другихъ жены... Почему же это моя жена не можетъ умереть...

Въ эту минуту дверь неслышно раскрылась, и въ комнату не вошла, а какъ-то вплыла Катерина Петровна и опустилась на диванъ рядомъ съ мужемъ. Такое наглое вторженіе вывело изъ себя Виктора Иваныча. Онъ грубо закричалъ на жену:

— Неужели я никогда не могу быть одинъ!.. Чего вы отъ меня хотите? Пожалѣйте, вѣдь я тоже человѣкъ...

Но вдругъ онъ увидалъ, что это не Катерина Петровна, а другая женщина, чужая, бѣлая, холодная и безъ глазъ... Неумолимымъ, жгучимъ, какъ ледяная струя, шопотомъ она прошептала:

— *Ты сдѣлаешь это самъ...*

Онъ мгновенно понялъ, *чего* она требуетъ отъ него.

— Пойми, — промолвилъ онъ, — вѣдь на это есть палачъ. Я не имѣю даже права... Я сенаторъ, судья...

— *Ты самъ ему сказалъ, что онъ долженъ умереть... Ты самъ, своими руками затянешь на его шеѣ веревку,*— шептала безглазая женщина.

Холодный потъ покрылъ лобъ Виктора Иваныча...

— Я не могу!.. Вѣдь я его знаю... Я только не могу припомнить... Гдѣ палачъ, — пролепеталъ онъ, съ невыразимымъ, безнадежнымъ отчаяніемъ...

— Бѣлая женщина сжала его въ своихъ неумолимыхъ объятіяхъ.

— *Палачъ — ты!* — словно рухнуло въ его сердце.

Викторъ Иванычъ напрягъ всѣ свои силы, крикнулъ:

— Помогите!.. — и вырвался изъ страшныхъ объятій.

Лампа полетѣла на полъ. Викторъ Иванычъ проснулся, вскочилъ и сѣлъ въ кресло.

— Какой дурацкій кошмаръ, — проговорилъ онъ, тяжело дыша. — Никогда не надо спать послѣ обѣда.

Онъ позвонилъ и велѣлъ лакею подать содовой воды.

Р. М. Хинъ.

Законное злодѣйство.

„Ημῖν οὐκ ἔξεστιν ἀποκτεῖναι οὐδένα“.
(Отъ Іоанна, 18, 31)[1]).

I.

Пробилъ, наконецъ-то, часъ, когда по всей Россіи пронесся могучій кличъ:

— «Долой смертную казнь!»

И вотъ, на склонѣ моего писательскаго пути, вношу я лепту уже въ цѣлый «сборникъ», гдѣ всѣ его участники, иностранцы и русскіе, движимые однимъ страстнымъ и непримиримымъ протестомъ...

Насильственное отнятіе жизни, холодное и разсчитанное убійство во имя государственнаго возмездія или какого-то іезуитскаго моральнаго равновѣсія, а въ сущности, варварскій пережитокъ... Какой позоръ!

Да еще полно «пережитокъ» ли это эпохъ варварства? Древніе наши предки, и не они одни, смотрѣли на высшее преступленіе, на убійство, гораздо гуманнѣе и разумнѣе, а не съ той лицемѣрной кровожадностью, съ какой самые якобы культурные народы XX вѣка «караютъ» точно такую же вину передъ человѣчествомъ. Они брали «виру», заставляли убійцу или его родичей платить въ родъ убитаго денежную пеню, потому что для тѣхъ это былъ прежде всего

---

1) „Намъ никого не дозволено убивать“.

огромный матеріальный ущербъ. Ихъ понятіе о «возмездіи» было гораздо гуманнѣе и дѣльнѣе. Они всѣ были связаны родовымъ или общиннымъ бытомъ. Для нихъ всякая потеря «мужа», члена рода, общины или дружины была слишкомъ чувствительна. И они посмотрѣли бы, вѣроятно, какъ на величайшую нелѣпость и *нечестіе,* на такой актъ «правосудія», путемъ котораго, кромѣ убитаго, подвергался истребленію еще и другой членъ рода, общины, дружины. Такая очевидная нелѣпость не приходила имъ въ голову.

А вотъ мы, утонченныя дѣти общеевропейской культуры, не только терпимъ такой отвратительный обычай, но цѣлые вѣка ведемъ теоретическія ученія, философскія пренія на эту гнусную тему, силясь доказать всякими софизмами, что смертная казнь не только *гуманнѣе* другихъ видовъ уголовнаго возмездія, но и справедливѣе съ высшей *этической* точки зрѣнія.

Нечего грѣха таить: и такіе умы, такіе чистые характеры, какъ Дж. Стюартъ, Милль или Эмиль Меттре, ученикъ Огюста Кòнта, поддавались также этой соблазнительной доктринѣ о гуманности смертной казни, не чувствуя того, что они сами дѣлались жертвами воздѣйствія кровожаднаго пережитка, который изощрялъ умы цѣлыхъ столѣтій на выискиванье доводовъ въ защиту этого чудовищнаго противорѣчія въ нѣдрахъ *христіанства,* проповѣдь котораго считается обязательной для самыхъ закорузлыхъ защитниковъ государственныхъ убійствъ.

Дѣло дошло и у насъ въ *настоящую минуту* до того, что фарисеи полицейской церковности ехидно спрашиваютъ:

«Гдѣ Іисусъ Христосъ говоритъ хоть одно слово *противъ* смертной казни?»

Имъ, вѣроятно, хотѣлось бы, чтобы Онъ осквернилъ Свои уста защитою *законнаго* злодѣйства. Про нихъ-то псалмопѣвецъ и сказалъ: «Ядъ василисковъ на устахъ ихъ».

Такіе кощунственные подвохи показываютъ, что пришелъ послѣдній день для защитниковъ смертной казни. Для меня это утѣшительный признакъ! Дальше въ іезуитскихъ пріемахъ итти уже нельзя.

II.

Мнѣ всегда были особенно симпатичны тѣ изъ защитниковъ свободы и гуманности, кто не хочетъ входить ни въ какія пренія *за* или *противъ* смертной казни.

«Она *не должна* существовать!»—вотъ что они знаютъ, во что вѣрятъ. И «ultima ratio» въ этомъ *лже*-вопросѣ. Это простое голосованіе—«да» или «нѣтъ»—честныхъ и добрыхъ людей.

Не ученый, не законникъ, не философъ, не резонёръ,—діалектикъ написалъ около 80-ти лѣтъ назадъ: «Le dernier jour d'un condamné», а поэтъ и романистъ, Викторъ Гюго, создавшій своимъ воображеніемъ и трепетнымъ чувствомъ всю трагедію въ душѣ молодого, полнаго силъ, человѣческаго существа, осужденнаго на гильотину.

Этотъ эпизодъ, размѣромъ съ небольшой разсказъ, составилъ «эпоху» въ исторіи всемірной литературы, какъ я это показываю и въ моей книгѣ: «Европейскій романъ въ XIX столѣтіи».

Весь ужасъ душевной бури въ осужденномъ на гильотину переданъ былъ съ поражающей, особенно для того времени, силой, если и не съ безусловной психической правдой. Осужденный могъ быть и политическій преступникъ, хотя Гюго и не выбралъ именно этотъ мотивъ. Но тогда (въ концѣ реставраціи) смертная казнь за государственныя преступленія еще была въ полной силѣ. Франція «побила рекордъ», какъ многіе выражаются, въ жестокости политическихъ каръ. Великая революція обагрила себя потоками крови «революціонныхъ трибуналовъ», которые въ дни террора не знали

другого наказанія, кромѣ смертныхъ приговоровъ, въ чемъ имъ до сегодня подражаютъ военные суды. И у нихъ «сказъ» короткій: «Повѣсить!» А въ видѣ особой милости: «Разстрѣлять!»

Бойня въ дни французскаго террора воспитала въ народѣ, въ уличной толпѣ и въ болѣе образованномъ классѣ кровожадную *похоть* къ такимъ отвратительнымъ зрѣлищамъ. Палачи, рубя по нѣскольку десятковъ головъ сразу лучшихъ сыновъ родины, издѣвались надъ ними, а отвратительныя бабы, извѣстныя подъ прозвищемъ: «les toirotteuses», сидя подъ эшафотомъ, вязали чулки и провожали осужденныхъ циническими криками и ругательствами.

Политическіе взгляды и принципы (т.-е. то, въ чемъ нѣтъ и подобія какого бы то ни было «преступленія») сдѣлались въ культурной Европѣ главнымъ поводомъ къ безпощаднымъ казнямъ, и Франція только Наполеону III (уже настоящему *злодѣю* передъ народомъ и законной конституціей) была обязана отмѣной смертной казни за государственныя преступленія, что не помѣшало эму казнить Орсини, друга Герцена, когда дѣло дошло до собственной шкуры; а императоръ не былъ тогда при взрывѣ бомбы у Оперы даже раненъ!..

Французъ съ «традиціями»—настоящій буржуа; въ Парижѣ и въ провинціи всякій аристократъ клерикалъ и патріотъ, судейскій, даже адвокатъ, католическіе патеры и ихъ духовныя «дщери», милліоны француженокъ всѣхъ классовъ и слоевъ общества, крестьяне-собственники, военные,—всѣ стоятъ горой за гильотину, все равно, какъ за неприкосновенность красныхъ штановъ у солдатъ: «le pantalon garance!»

Будь это иначе,—развѣ смертная *казнь* за *общія* преступленія держалась бы еще въ республикѣ, имѣющей демократическое представительство и избравшей своимъ девизомъ: «liberté, égalité...» и въ особенности «fratenité?»

III.

Кто живалъ въ Парижѣ подолгу, какъ я, тотъ знаетъ, что это было за отвращеніе: публичныя казни, происходившія около тюрьмы «La Koquette». Гаже, гнуснѣе этого нельзя было ничего и вообразить!

Тысячи народа, отъ свѣтскихъ вивёровъ и первоклассныхъ кокотокъ до отребья: «сутенеровъ», уличныхъ потаскушекъ, воровъ и бѣглыхъ каторжниковъ, проводили всю ночь въ окрестныхъ кабачкахъ, пьянствовали, пѣли похабныя пѣсни и съ разсвѣтомъ устремлялись къ кордону солдатъ, окружавшему площадку, гдѣ высились «les bois de la justice», какъ офиціально называютъ этотъ омерзительный аппаратъ.

Издали нельзя было хорошенько видѣть, но вся эта масса чувствовала себя въ восхищеніи только оттого, что она «была на казни», такъ лихо и весело провела ночь въ ожиданіи такого плѣнительнаго зрѣлища.

Я все это говорю на основаніи тѣхъ газетъ, тѣхъ отчетовъ, которые приходилось читать въ тѣ годы и всегда съ омерзеніемъ. И чего я, грѣшный человѣкъ, никогда не могъ простить Тургеневу, это того, что онъ *по доброй волѣ* отправился на казнь Тропмана, какъ почетный гость и «знатный иностранецъ»,—того знаменитаго Тропмана, убійцы цѣлой семьи, которую онъ заманилъ и поодиночкѣ всѣхъ перерѣзалъ.

Какъ бы ни соблазнительно было для художника-писателя изобразить то, что онъ можетъ видѣть, ему *слѣдуетъ* сдержать въ себѣ это нездоровое любопытство. И описанная Тургеневымъ казнь Тропмана совсѣмъ не вызываетъ того отвращенія, какое она *сама по себѣ*, по своей идеѣ, должна бы вызывать въ каждомъ истинно-гуманномъ человѣкѣ. Каково бы ни было злодѣйство преступника, оно не ниже сор-

томъ *законнаго* злодѣйства власти, которая *такъ* понимаетъ и отправляетъ правосудіе.

Въ натурѣ средняго француза сидитъ еще много жестокости. Это всегда прорывается въ революціонныя эпохи, въ ужасахъ междоусобной войны.

Когда версальцы взяли Парижъ у коммунаровъ, въ 1871 г., каннибальская жестокость «карательныхъ» отрядовъ (которыхъ теперь столько расплодилось), дошла до апогея. Генералъ Галлифъ, когда велъ плѣнныхъ коммунаровъ въ Версаль, остановивъ ихъ на пути, разстрѣливалъ цѣлыми сотнями. Это были не убитые на войнѣ, а *казненные* безъ подобія суда. Такимъ подвигамъ могутъ позавидовать и тѣ начальники, которые послѣ московскаго возстанія и въ Остзейскомъ краѣ *собственноручно* (если вѣрить газетнымъ отчетамъ) разстрѣливали рабочихъ, крестьянъ, машинистовъ и начальниковъ станцій.

И версальскіе правосудцы, обходя законъ, запрещавшій смертную казнь за *политическія* преступленія, нарядили военный судъ, который троихъ коммунаровъ и приговорилъ къ разстрѣлу. Я былъ на этихъ засѣданіяхъ въ августѣ 1871 г. и до сихъ поръ слышу гнусавый голосъ военнаго обвинителя, какого-то «бурбона», въ майорскомъ чинѣ, вижу его уродливую жестикуляцію, сопровождавшую выкрикиванья настоящаго «заплечныхъ дѣлъ мастера».

IV.

И у насъ казни давались, какъ всенародныя зрѣлища, вплоть до послѣдняго времени, когда ихъ стали немного стыдиться и производить кровавыя экзекуціи или безмолвныя вздергиванія на висѣлицы, келейно, на дворахъ крѣпостей и тюремъ въ такіе часы, когда все еще спитъ.

Картина Верещагина, запрещенная до сихъ поръ въ Россіи, обошла оба полушарія. На совѣсти покойнаго худож-

ника, такъ трагически погибшаго, осталась его склонность: присутствовать при казняхъ, чѣмъ онъ завлекался и въ Турецкую кампанію, но онъ взялъ главнымъ сюжетомъ своего громаднаго полотна не самую казнь—ее видно только издали, сквозь петербургскую мглу,—а публику. Но онъ поставилъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ зрителей спинами и бокомъ къ тѣмъ, кто смотритъ на картину. Пріемъ ловкій!.. А было бы лучше,—изобразить полную игру физіономій, показать, насколько всѣ эти обыватели всякаго ранга и званія *устрашены* казнью; а вѣдь это, т.-е. устрашающее воздѣйствіе публичныхъ казней, защитниками ихъ и считается все еще главнымъ аргументомъ въ пользу смертной казни вообще.

Въ этихъ фигурахъ въ полъ и четверть лица, со спинами, обращенными къ смотрящему на картину, нѣтъ никакого ужаса, а только пошлое любопытство, равнодушіе и кое у кого злорадство—у тѣхъ, кто при проѣздѣ осужденныхъ на казнь изъ крѣпости на плацъ зубоскалили надъ ними. И нашлись писатели «съ именемъ», которые подобрали тогда эти прибаутки толпы. Одинъ изъ нихъ недавно умеръ. Я не хочу называть его...Кто желаетъ это провѣрить — можетъ.

И нашъ народъ, мягко относящійся къ *осужденнымъ* преступникамъ, можно легко довести до озвѣрѣнія. Не нужно сентиментальничать!.. И въ немъ звѣрскіе инстинкты возмездія сказываются достаточно. И въ немъ не трудно разбудить звѣря. Самосудъ крестьянской толпы ужасенъ. То, что въ деревняхъ дѣлаютъ съ конокрадами, извѣстно всѣмъ и каждому, а вѣдь это не что иное, какъ народно-русскій законъ Линча.

Еврейскіе погромы и звѣрства черныхъ сотенъ (въ ужасные дни послѣ 17 октября), какіе учинялись и надъ природными русскими, надъ «интеллигентами», надъ юношами и подростками гимназій, курсовъ, университетовъ, достаточно показываютъ, что, если бъ всѣхъ этихъ защитниковъ

«истинно-русскихъ началъ» заставить голосовать по вопросу о смертной казни, они, какъ одинъ человѣкъ, стали бы *за нее*!

Но развѣ одни только «черносотенцы» изъ уличнаго сброда стоятъ за казни и экзекуціи? Развѣ петербургская газета, отличающаяся своимъ «откровеннымъ» направленіемъ, не печатаетъ аналогій смертной казни своихъ почетныхъ сотрудниковъ, причисляющихъ себя также къ сливкамъ интеллигенціи?

И если вы знаете, *что* это за личности, что это за продукты нашего бюрократическаго болота, то одинъ тотъ фактъ, что *они* именно выступаютъ съ пѣной у рта *за* смертную казнь, самъ за себя говоритъ!.. Ихъ скандальная нравственная негодность, смрадъ и гниль ихъ душонокъ ждали только такого случая—распустить свое удушливое зловоніе... Защита законнаго злодѣйства никому не могла быть поручена съ большимъ правомъ, какъ такимъ приспѣшникамъ всякаго насилія, хищничества и распутства!..

V.

Что того же русскаго безобиднаго «мужичка», передѣланнаго въ живую машину, въ солдата, можно легко превратить въ полчище палачей, слишкомъ ярко показали позорные ужасы китайскихъ погромовъ, предтечъ такихъ же позорныхъ пораженій японской войны.

Эти бойни и массовыя потопленія мирныхъ обывателей въ Благовѣщенскѣ!.. Послѣ Ивана Грознаго, смирявшаго такимъ же способомъ новгородцевъ и псковичей, ничего подобнаго не происходило ни въ Западной Европѣ ни въ колоніяхъ, не исключая и жестокихъ расправъ англичанъ съ сипаями. Но тѣ были вооруженные инсургенты, а тутъ беззащитное стадо безоружныхъ китайцевъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ...

И эти человѣческіе «гекатомбы» были не что иное, какъ массовыя *казни* надъ населеніемъ цѣлыхъ городовъ и областей. Чтобы ихъ исполнять и офицерамъ и простымъ рядовымъ нельзя не таить въ себѣ задатковъ жестокости. Тутъ нечего оправдываться дисциплиной, исполненіемъ долга! Такіе факты въ странѣ съ развитымъ гуманнымъ чувствомъ должны были бы вызывать не единичные протесты въ газетахъ, а всенародное возмущеніе совѣсти *христіанской* націи.

А чѣмъ хуже собственноручныя экзекуціи въ Москвѣ, ея окрестностяхъ и въ Остзейскомъ краѣ? Эти *казни* даже спеціалисты по военносудной наукѣ называютъ въ печати «убійствами».

Бывшему профессору военно-юридической академіи, г. Кузьмину-Караваеву, дѣлаютъ большую честь слова его статьи («Русь», отъ 29 января 1906 г.), гдѣ онъ оцѣниваетъ такъ экзекуціи:

«Разстрѣлы безъ суда—*предумышленныя убійства* (курсивъ мой), за которыя въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, для всѣхъ и для каждаго положено: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь. Кто разстрѣливаетъ—*убійца* (курсивъ мой). Кто приказываетъ разстрѣливать—подстрекатель убійства».

А мы требуемъ, чтобы не было *никакихъ* разстрѣловъ, *никакихъ* казней *и по суду!* Мы живемъ въ государствѣ, гдѣ верховная власть еще полтора вѣка назадъ торжественно отмѣнила смертную казнь за какія бы то ни было преступленія. Но эта отмѣна была и остается по сегодня облыжной, существующей только на бумагѣ, да и то лишь для общихъ уголовныхъ дѣлъ. Политическія преступленія изъяты изъ категорій этихъ дѣяній, которыя смертью якобы не наказываются. Исключительные виды репрессіи, чрезвычайныя охраны и военныя положенія съ ихъ разстрѣлами и висѣ-

лицами, въ корень извращаютъ то, что было создано болѣе гуманнымъ настроеніемъ законодателя.

Рухнетъ казнь за гражданскую борьбу, за взгляды и принципы, за пропаганду, даже за насилія и кровь междоусобныхъ схватокъ, не будетъ больше и никакихъ другихъ «законныхъ» видовъ казни и за общія преступленія.

Въ этомъ лежитъ ядро постыднаго вопроса: имѣетъ ли государство право насильственно отнимать жизнь у своихъ гражданъ, т.-е. ограждать себя такимъ печальнымъ подражаніемъ... самымъ закоренѣлымъ злодѣямъ?

Настанетъ ли часъ, когда всѣ, кто считаетъ себя «людьми», крикнутъ: «Нѣтъ, *не* имѣетъ!»

П. Боборыкинъ.

Мартъ 1906 г.

Въ черной шапочкѣ съ поднятымъ воротникомъ...

Такой я видѣлъ ее три раза.

Первый разъ она смѣялась и прыгала.

Второй разъ—плакала и была одна между всѣми, которыя...

Третій...

Но разскажу по порядку.

Невинныя, чистыя дѣти холодно-прозрачныхъ высотъ окутали землю причудливой нѣжною тканью; искрились въ длинныхъ дрожащихъ лучахъ невысокаго солнца, неслышно и грустно скользившихъ по грудамъ сокровищъ; и крыши, и стѣны, и землю окутали бѣлымъ пушистымъ покровомъ... И черные сучья корявыхъ деревьевъ—тоской изможденныя души — и тѣхъ обманули сверкающимъ смѣхомъ надежды и имъ обѣщали отраду, тихонько шепнули, что есть разрѣшеніе черныхъ скорбей въ бѣломъ, пушистомъ, сверкающемъ...

Цѣлый вечеръ вчера и всю ночь и сегодня весь день кружились и падали мягкія бѣлыя звѣзды. А къ вечеру вдругъ проглянуло нежданное солнце...

И вмѣстѣ съ косыми лучами—звонкая искристось нѣжныхъ малютокъ и легкая грусть у порога стоящаго вечера.

Шелъ по бульвару безъ цѣли одинъ; искрились звѣзды мечтаній. Небо, низко склонившись, глядѣло съ улыбкой въ просинь-просвѣтъ межъ пушистыхъ сказочныхъ путниковъ,

легкой гурьбой уплывавшихъ въ просторъ. Бѣлыя птицы надежды вѣяли крыльями, лаской нездѣшней манили.

Хотѣлось итти далеко—къ закатному, близкому солнцу. Вѣрилось, можно ступить за кривую черту горизонта къ свѣтлымъ отшельникамъ, въ царство вечернихъ улыбокъ.

И все это тамъ, за бульваромъ... Тамъ, гдѣ кончается онъ, начиналось волшебное царство лазури.

Шла впереди меня.

Давно, еще издали, глазъ мой отмѣтилъ ее:

Въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Шла она быстро. Головкой качала чуть-чуть. Небольшая и тонкая.

Дѣвочка? Дѣвушка?

Не все ли равно?..

Шла она быстро, походкой упругой и радостной. Сразу, отчетливо видно: радость торопитъ ее.

Небогато одѣта: потертая шапочка, и воротникъ уже несвѣжій... Но улыбался и онъ вмѣстѣ съ нею.

Шла она быстро, но я шелъ быстрѣй, и только почти догнавъ, замедлилъ шаги,—жаль вдругъ стало разстаться съ этимъ наивнымъ и радостнымъ образомъ: слегка опушенная все еще падавшей—тихо, кружась...—небесною благостной вѣстью, вся въ поцѣлуяхъ нѣжно скользящихъ вечернихъ лучей, съ какой-то робко смѣющейся радостью—быть-можетъ, самой ей невѣдомой — въ чистой дѣвичьей душѣ своей...

Шелъ я сзади, въ тактъ ея легкимъ шагамъ, неслышно, чтобы не спугнуть дѣтскихъ грезъ. Что-то въ душу вошло вмѣстѣ съ чистою прелестью облика этой незнаемой—дѣвочки, дѣвушки...—не все ли равно, кто она?..—той, что шла впереди, въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ... Гдѣ-то въ самыхъ нетронутыхъ, въ самыхъ юныхъ и дѣв-

ственныхъ глубинахъ глубинъ всталъ ея образъ, вошелъ туда тою же легкой и радостной поступью.

Я невольно замедлилъ шаги.

Дорога ты мнѣ стала, близка мнѣ невѣдомо, милая, легкая дѣвочка!..

Сяду здѣсь на скамью. Пусть никогда не узнаешь ты ласковой близости того человѣка, что шелъ за тобой и вотъ сѣлъ на скамью.

Иди все быстрѣй и воздушнѣй въ лазурное царство надеждъ,—со мной остается твой обликъ вечерній...

Вотъ она у обрыва... Я знаю, тамъ дальше обрывъ за тонкой чертой горизонта, крутая дорожка къ рѣкѣ... Встала на самой чертѣ. Точно кто вырѣзалъ легкіе контуры въ небѣ...

На минутку тамъ замерла на порогѣ... Вотъ опустилась, подняла какую-то палочку и, нагнувшись, чертила ей тайные знаки. Потомъ подняла свои руки, развела широко-широко на полнеба, точно къ груди прижала воздушную ласковость нѣжащихъ тайнъ, и вдругъ... засмѣялась... Недолго, но слышно—сверкающе, ясно, какъ эти алмазы... Смѣхъ покатился внизъ по обрыву, падалъ, звеня, замирая... И вдругъ, точно рѣшившись, бросилась книзу сама, расправила крылья и ринулась внизъ—въ безконечный просторъ.

Я невольно вскочилъ, побѣжалъ, и когда добѣжалъ до тонкой, кривой черты горизонта, то была далеко-далеко уже—скакала и прыгала, и смѣялась опять, и сама обгоняла свой смѣхъ... И искрился онъ, какъ алмазы, какъ невинныя, чистыя дѣти холодно-прозрачныхъ высотъ...

Чему ты смѣялась? Какая весна на душѣ у тебя?

И вдругъ увидалъ на снѣгу эти тайные знаки:

«Сергѣй на свободѣ и будетъ здѣсь завтра...»

Назадъ шелъ одинъ. Погасли вечернія ласки закатнаго солнца, и мягко ложились, безъ блеска, пушистыя рѣдкія

звѣзды, и близкая, — рядомъ... — пошла одинокая, вѣрная грусть.

Но все еще смѣхъ твой звенѣлъ въ душѣ... Грустный улыбку тебѣ посылаю, дитя мое! Тебѣ и Сергѣю... Хотя и одинъ...

Назадъ шелъ одинъ...

Другой разъ...

Странный, волнующій вечеръ былъ въ этихъ нетопленныхъ комнатахъ. Чья-то пустая большая квартира въ глуши, на окраинахъ города. Хозяева сами не жили въ ней, но разрѣшили собраться безъ нихъ.

Было тоскливо и грустно въ душѣ, когда я вошелъ. Такъ безнадежно-тоскливо... Казалось, не будетъ просвѣта надолго...

Знакомыя лица, знакомыя рѣчи... Въ подполье отъ жизни проклятьемъ забитые люди...

Сердце болитъ... Не сердце, а каждая клѣточка кровью больною отравлена, кровью, несущею ядъ... За что же? За что эти муки и ужасы, о которыхъ слышу опять? Отъ одного отраженія ихъ разрывается сердце... Какая безумная, злостная сила нависла надъ жизнью людей?

Но слушаю дальше.

Былъ рефератъ о кровавыхъ безумствахъ въ далекой, громадой набросанныхъ зданій давящей столицѣ...

Говорилъ очевидецъ. Говорилъ такъ, что слышна была между пальцами липкая кровь. Густая и липкая.

Груды набросанныхъ тѣлъ, этихъ недавно горѣвшихъ и рвавшихся всѣмъ напряженіемъ трепетныхъ силъ... На голыхъ камняхъ, между тумбами...

Довольно! Довольно!..

Но все еще выстрѣловъ трескъ сухой и бездушный... Все еще слышится... Топотъ чугунныхъ шаговъ — сомкнутый строй—завернулъ въ переулокъ отрядъ. И опять и опять...

Это самъ дьяволъ орѣхи грызетъ—сухіе и хрупкіе... Хрустятъ черепа...

Новыя жертвы... Новая кровь... Кто же погибъ и кого пощадила судьба?..

Тише! Слушайте!.. Тише...

Цѣлый синодикъ...

. . . .

...Сергѣй Рагозинскій...

Боже! Не онъ ли?..

И тотчасъ увидѣлъ въ углу...

Все та же... Все въ томъ же... Какъ вошла,—не раздѣлась. Черная шапочка и воротникъ приподнятъ... Закрыла руками лицо и, молча, согнувшись, застыла...

Вотъ оно что!.. Вотъ оно что!..

Но дальше и дальше синодикъ...

Молчаніе, но въ нѣдрахъ его загорается буря. Все ближе и ближе гроза. Все ярче, все напряженнѣй задержанный взрывъ...

Слушали всѣ, затаивши дыханіе... Блѣдныя лица, сжатыя губы, сдержанный взглядъ. Эта сдержанность больше таитъ, чѣмъ порывы; властная сила владѣетъ порывами, они на уздѣ, они дисциплинѣ послушны; но это гроза—безъ грома, безъ блеска—пока; это грозящее будущее стоитъ у порога и ждетъ, чтобы властно войти; тишина, затаившая силу; только изрѣдка нервный изломъ пробѣгающихъ молній, рябь надъ бездонною пропастью океана неисчерпаемыхъ безднъ въ душѣ человѣка—губы скривятся въ больную улыбку... но сжаты опять, но опять затаенная сила въ грозномъ плащѣ тишины...

И грусть и тоска, точно пепелъ, сотлѣли на этомъ вулканѣ огня... Нельзя не отдаться пылающей силѣ его, покоряющей власти. И дышала въ этой пустой, въ этой нетопленной комнатѣ одна только общая грудь—раскаленно зловѣ-

щая, жгучая; и становились упругими ноги, подняться хотѣлось куда-то, итти, чтобы воздухъ, просторъ охладили ее... Это вѣчно зовущая, дѣвственно чистая, недосягаемо чистая, только одна ты, свобода, потушишь сжигающій пламень... Нѣтъ, не потушишь, ты разольешь его въ тысячи благостныхъ искръ; въ вихрѣ сверкающихъ брызгъ ты озаришь новымъ свѣтомъ просторы міровъ; ты въ сокровенныя тайны укажешь пути; ты, свѣтозарное солнце, дашь новую жизнь, ты пробудишь міры еще ждущихъ разсвѣта созданій, нѣжныхъ и тонко глубокихъ, благоуханныхъ и свѣтлыхъ... тамъ, на пути въ безконечность...

Да, велика наша жажда!

Да, горяча наша жажда!

Да, необузданъ порывъ нашъ! И все, что стоитъ на пути, все, что мѣшаетъ...

Вдругъ чей-то, какъ молній изломъ, хриплый, сухой, нечеловѣческій голосъ:

— Господа, здѣсь шпіонъ!..

И моментально у всѣхъ—я убѣжденъ былъ, что это у всѣхъ: всѣ мы дышали одною грозой—также сжалось и высохло горло, и хриплый и дикій вырвался крикъ. И опять та же мертвая, гробовая, зловѣщая, жгучая, какъ пропасть глубокая и темная, какъ могильные ходы въ подземныхъ пещерахъ, слѣпымъ и невидящимъ окомъ смотрѣла межъ насъ тишина. Но уже были зарницы, но ужъ поплыли предъ вѣками закрывшихся глазъ кровавыя пятна...

Этотъ возгласъ былъ первый рокочущій, глухой и тяжелый, съ гнетущимъ усиліемъ нашедшій свой голосъ— первый предвѣстникъ грозы, громъ, углубившій, открывшій какія-то новыя бездны во тьмѣ; точно отхлынули волны и обнажили несказанныя тайны и глуби морей, и отъ этихъ невиданныхъ тайнъ зажглись кровожадныя точки, кровь от-

лила отъ глазъ, опустошила блѣдныя вѣки, но предчувствіе набѣгающей мощи прилива родило эти факелы...

И вотъ началось. Загорѣлось и вспыхнуло и разразилось грохотомъ словъ и проклятій, бѣшенымъ натискомъ крови. Все залила она, все поглотила, вырвались волны, бунтуя, и плещутъ, и все растутъ еще, все растутъ... И молній изломы купаются въ волнахъ, и тучи все ниже склоняются къ нимъ, и дикая пѣсня хаоса изъ бездны временъ доноситъ внѣмірные звуки... И изъ клубящихся тучъ чей-то невѣдомый обликъ готовъ воплотиться въ реальность. Чей это ликъ?

Крики, шумъ голосовъ, искаженныя лица... Месть безпощадно кровавая близко... Гдѣ же враги? На кого же обрушить ударъ? Гдѣ они? Гдѣ же я самъ? На волнахъ вспѣненной стихіи гдѣ мое я? Смутно колеблются гдѣ-то границы души, вотъ-вотъ поглотитъ ихъ общая пляска стихій... Гдѣ же враги?

Вижу почти фантастически, точно съ границы міровъ, но ясно, отчетливо...

Вижу:

Прижавшись въ углу, сталъ человѣкъ.

Да, онъ былъ человѣкъ.

Такой же, какъ всѣ...

Но губы дрожали, и челюсть, въ припадкѣ животнаго страха, прыгала, громко стуча, ударяясь въ верхніе зубы; блѣдный,—не блѣдный, а бѣлый; маленькій; жидкіе волосы; полуспущены вѣки; бѣгаютъ робко глаза—безцвѣтные, тоже блѣдные, бѣлые тоже...

Да... человѣкъ...

Но на минуту видѣнье.

Снова волна... и мутно кровавыя брызги спадаютъ съ изгиба спины ея... съ крутого изгиба...

Вотъ гдѣ враги, вотъ гдѣ то самое подлое, самое гнусное, что родила незаконно земля; это дѣти разврата ея, дѣти тьмы,

это позоръ ея, это плѣсень, зловонный и гнусный ядъ, отравляющій землю; это поганая жаба на молодомъ и прекрасномъ лицѣ...

Какъ надъ омутомъ, волны людскія все ближе смыкали свой кругъ надъ этимъ... надъ тѣмъ, что въ углу... человѣкомъ... Все ярче, мрачнѣе всплески огня... Все слышнѣе, все липче... здѣсь, между пальцами...

Что это—кровь?

Кто-то ударилъ...

И еще и еще поднялись, замелькали упругія молоты-руки...

— Постойте!..

Тонкій, звенящій, но сильный и свѣтлый лучъ солнца прорѣзалъ вдругъ комнату...

Солнце? Откуда же солнце?..

Ночью?.. Здѣсь?.. Надъ хаосомъ?

Но правда: лучъ солнца. Я тотчасъ увидѣлъ ее...

Я тотчасъ узналъ ее:

Въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Чудо на землю сошло, нѣжное, хрупкое чудо... Это она была чудо—та, что только что сидя въ углу, услышала страшныя вѣсти,—та, что скакала тогда, скакала и прыгала... та, что смѣялась... блѣдная, свѣтлая—улыбка вечернихъ небесъ... Вспомнилъ тотчасъ же пушистыя, мягкія звѣзды, ласку закатныхъ лучей... И тамъ надъ обрывомъ она, точно кто вырѣзалъ контуры легкіе... разъ навсегда... въ душѣ моей вырѣзалъ... руки раскрыла... хотѣла обнять безпредѣльную ширь... Слова ея: «Сергѣй на свободѣ и будетъ здѣсь завтра»...

Сергѣй на свободѣ... Сергѣй Рагозинскій...

И вотъ это ты — наше солнце... И вотъ это ты — наше чудо...

Это она была чудо...

Я тотчасъ увидѣлъ и тотчасъ узналъ ее...

Гдѣ же твой смѣхъ, гдѣ же звонкость его, бѣгущая съ камня на камень уступами, вперегонку съ тобой?.. Или гдѣ твои слезы, тѣ, что ты скрыла въ ладоняхъ своихъ... только что... сидя, согнувшись, въ углу... Гдѣ онѣ?

Точно изъ мрамора высѣкъ ее вдохновенный рѣзецъ, высѣкъ и бросилъ священный огонь въ тайники ея глазъ. Словно застыло лицо, застыла сама, стоитъ безъ движенья... Но въ глазахъ ея власть... Но въ глазахъ ея сила...

Но въ глазахъ ея свѣтлая сила глубоко скорбящей души...

Все оборвалось вокругъ. Всѣ сразу опомнились. Всѣ опустили глаза. Всѣ тихо, неслышно, отхлынувъ, продвинулись къ двери. Рефератъ былъ оконченъ. Всѣ расходились. Вышелъ и я. И не ждалъ ея выхода. Зачѣмъ мнѣ,—онъ вѣдь со мной... ея образъ... Со мной навсегда. Вижу: стоитъ...

Въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Домой шелъ одинъ.

Послѣ того былъ еще длинный рядъ дней, тяжелыхъ и мрачныхъ и поднимающихъ бодростью духъ. Я жилъ и дышалъ вмѣстѣ съ этими днями и такъ же окрашенъ былъ, какъ и они. Жилъ и дышалъ одинъ, какъ всегда... Ея я не встрѣтилъ ни разу. Все также не зналъ, кто она.

И наконецъ насталъ этотъ единственный день, одинъ, ни на что не похожій, день свѣта и ужаса вмѣстѣ...

Самый счастливый и самый ужасный изъ дней моей жизни. Тотъ день, когда самое чистое, такъ безконечно желанное, долго и трепетно жданное, сосудъ, драгоцѣннѣй котораго нѣтъ, сотканный изъ свѣта, изъ нѣжныхъ лучей, богиню, улыбкой своей освѣщавшую плаху дѣтей ея, цвѣтокъ изъ небесныхъ садовъ, первые проблески солнца свободы... когда все святое втоптали въ позорную грязь, и полили кровью обильно, и нагло, безстыдно смѣялись, и били такъ грубо и дико, хлестали расцвѣтшія души, что къ солнцу открылись довѣрчиво...

Этотъ кошмарный, безумный, горячечный бредъ, эта дѣйствительность, превзошедшая мѣру вещей, дикій, безумный хаосъ, для передачи чего нѣтъ человѣческихъ словъ,—все это было въ тотъ день...

Рано съ утра загорѣлась, какъ свѣчка, душа, первая мысль, первый привѣтъ мой былъ ей. Она и свобода... Сестры родныя... Гдѣ же она? Она тоже, вѣрно, на улицахъ, въ этихъ ликующихъ толпахъ, въ красномъ лѣсу изъ знаменъ...

Но не встрѣтилъ весь день ея: гдѣ же она? Здѣсь ли? Или уѣхала вовсе? Что на душѣ у ней? Есть ли сквозь раны кровавыя улыбка нездѣшней, небесной весны?

Къ вечеру встрѣтилъ...

Встрѣтилъ?..

Это было уже позднею ночью, послѣ всего... Было тогда, когда самъ невидящій Ужасъ съ глазами слѣпыми, съ одеждой, промокшей въ крови, промокшей насквозь, ходилъ между нами по улицамъ... Это было тогда, когда всюду звенѣлъ уже стонъ отъ разбитыхъ сердецъ и нельзя было сдѣлать ни шагу, чтобы острый обломокъ отъ нихъ не рѣзалъ ноги, чтобы безумная боль не пронзала зачѣмъ-то живого еще, зачѣмъ-то все еще цѣлаго сердца...

Я повернулъ въ переулокъ и сразу увидѣлъ ее... Въ полутѣни у фонаря... Но лицо ея ясно свѣтлѣло.

Лежала, раскинувши руки, и была все такая же, все въ томъ же... Даже черная шапочка какой-то невѣдомой силой держалась на головѣ ея, и воротникъ ея кофточки все такъ же былъ поднятъ... Лежала, откинувши голову навзничь. Въ ногахъ ея темный, недвижный комокъ. Нельзя разобрать, что такое...

Все вынесло сердце. Все вынесъ разсудокъ. Даже по виду спокойно къ ней подошелъ. Ноги шли сами. Но ужасъ, но боль, но отчаянье были отъ этого только сильнѣе. Если бы можно было заплакать или закричать голосомъ, равнымъ без-

умной тоскѣ... Но тогда бы пронесся надъ всею вселенною вихрь сокрушающей силы, небо въ оковахъ безстрастной, вѣчно безстрастной, лазури дало бы—должно было дать!—отвѣтъ мнѣ на стоны души, земные устои должны были бы дрогнуть...

Но нѣтъ, все спокойно. Все тихо. Все на своихъ мѣстахъ...

И она лежала такъ смирно...

Было блѣдно лицо, чисто и нѣжно, и только узкая черная рана пониже виска—небольшая и узкая... немного косая... Кровь запеклась тонкой шершавой струей... Ноги прикрыты, будто оправила, падая...

Вотъ и все. Вотъ и вся ея жизнь передо мною. Склонился, хотѣлъ поднять ее, взять. Пусть хоть мертвой, пусть тѣлу ея буду я близокъ. Тамъ, въ моей комнатѣ, ты будешь лежать у меня, и душа твоя будетъ близка мнѣ... Я, твой товарищъ невѣдомый, закрою глаза тебѣ... Я окажу тебѣ эту послѣднюю печальную услугу, которую можетъ дать сынъ земли отходящимъ съ нея...

Всю мою жизнь я прожилъ одинокимъ. Но теперь въ этотъ единственный мигъ, когда ты передо мною мертва, ты моя, ты со мной... Ты мой звонкій, смѣющійся вечеръ, ты блѣдное чудо, ты скорбь моя, безпредѣльная, вѣчная скорбь...

Низко склонился надъ трупомъ... Руку съ прощальнымъ привѣтомъ поднесъ къ пересохшимъ губамъ. Коснулся прикрытыхъ колѣнъ, чтобы поднять ея тѣло...

И вздрогнулъ невольно.

Безумнымъ и тусклымъ огнемъ горѣли глаза; тонкая, призрачно блѣдная кожа; жидкіе рыжіе волосы...

Выросъ изъ тьмы, возлѣ ногъ ея, этотъ полуночный призракъ. Это онъ былъ застывшей и странно безформенной грудой.

— Не троньте! Не троньте ея...

Это... Вѣдь это?..

Узналъ и его...

Гдѣ-то метнулась въ изсохшемъ мозгу фантастически ярко та же фигура...

Въ углу... Да, въ углу... Въ этой нетопленной комнатѣ... Красныя волны и толпы народа...

Только стучала тогда въ нервномъ припадкѣ и била о зубы нижняя челюсть...

Да, это онъ! Это тотъ, кто могъ быть растерзанъ. Это тотъ, кого спасла она... та, что лежала передъ нами... его спасла и другихъ... всѣхъ насъ спасла отъ пятна на одеждѣ... небольшого, кроваваго пятнышка въ родѣ того, что у ней на вискѣ...

Что же онъ дѣлаетъ здѣсь?..

— Стойте!.. Не троньте ея... Это святая лежитъ...

Святая?.. Да, да... Онъ правъ...

Какъ?.. Для него?.. И для насъ?.. И для меня?.. Вмѣстѣ святая для насъ?

Или святые—святые для всѣхъ?

Или... Или и онъ уже нашъ?..

— Не троньте ея... Это святая... Она спасла меня...

— Да, я знаю... Я видѣлъ... Я былъ тамъ, когда защитила она...

— Вы были? Вы были?

— Да, былъ. И я видѣлъ... Она спасла вашу жизнь.

— Душу,—не жизнь...

Настало молчаніе.

Душу?..

Онъ нашъ; онъ нашъ.

Душу у сыщика, душу шпіона, душу Іуды спасла?..

Да, да... Спасла...

Это она, та, что лежала—дѣвушка, дѣвочка... не все ли равно?..—та, что всегда была та же, что здѣсь, такъ, какъ

видѣлъ ее я всегда... да... да... она сдѣлала это чудо—великое, свѣтлое чудо.

Здѣсь, посреди безумія дьявольской оргіи, когда готовы были, какъ ржавыя нитки, порваться всѣ струны души, когда единственной вѣрой готова была остаться лишь новая вѣра въ Великаго Дьявола, что въ пурпурныхъ отъ крови одеждахъ возсѣдаетъ на тронѣ, свободномъ отъ Бога... въ этотъ часъ крушенія свѣтлыхъ основъ міроздавія,—словно улыбка далекихъ, тоскующихъ свѣтлой великой тоскою небесъ, эта лежащая дѣвушка явила намъ чудо...

— Не троньте... Не троньте...—молилъ онъ меня, и бережно, точно святыню, тронулъ ей платье у ногъ.

Это онъ такъ оправилъ ей... Онъ ей оправилъ и сѣлъ недвижимый.

— Надо взять ее...—тихо промолвилъ я.

Онъ промолчалъ, точно не понялъ.

— Взять ее надо...

— Да!.. Да... Да? Вы мнѣ поможете?

Всталъ.

— Я помогу? Куда же? Куда помогу отнести я?

— Здѣсь недалеко.

Къ нему?..

Взяли тихонько. Пошли переулками.

Къ нему? Да, быть-можетъ, и правъ онъ. Быть-можетъ, такъ и должно быть.

Въ тѣни простояли, прождали патруль. Бережно ношу несли. Онъ шелъ впереди, позади—я, между нами—она.

Да; такъ рѣшилъ я. Пусть будетъ такъ. Пусть снова одинъ я пойду. Назадъ я пойду одинъ. Какъ и тогда... Какъ и всегда.

Пусть этотъ спасенный тобой человѣкъ послѣднее скажетъ прости на землѣ... Для него ты, быть-можетъ, нужнѣй... Да будетъ такъ!

Но ты не его, не Сергѣя, ничья. И не моя, одинокаго, носящаго образъ твой свѣтлый въ глубинахъ души... Пусть снова одинъ я пойду. Ты все же со мной, ибо ты—для всѣхъ: и для меня, и для Сергѣя, и для этого... Да... И для нихъ ты должна свѣтить. Божье великое чудо, гори все сильнѣй, согрѣй, растопи, обойми своимъ свѣтомъ весь міръ...

Дѣвушка... Дѣвочка... Ты что качаешься легко и послушно въ нашихъ неловкихъ, въ нашихъ недостойныхъ рукахъ... ты, что и въ часъ твоей святости, вся та же русская средняя дѣвушка—въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Ночь... Ночь кругомъ.

Два дома осталось?

Пусть такъ.

Божье, великое чудо, гори намъ въ кромѣшнемъ, кровавомъ хаосѣ... Великое, свѣтлое пламя, гори!

Иванъ Новиковъ.

Двѣ казни.

I. Безъ суда.

Синія курмы китайцевъ мелькаютъ въ гаолянѣ. Только что мотыжившіе поля работники разбѣгаются во всѣ стороны—вѣрный признакъ того, что сейчасъ начнется бой. Вершины сопокъ на югѣ точно присыпало чѣмъ-то — тамъ уже появились японцы... Черныя точки ползутъ оттуда внизъ. Въ бинокль видны на пустынныхъ доселѣ дорогахъ струйки пыли. Никакого сомнѣнія: оттуда двигается непріятельская артиллерія. И въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ вѣтеръ относитъ эту пыль въ сторону, на какихъ-то черныхъ блестящихъ черточкахъ играетъ солнце. Мы угадываемъ хоботы орудій, и не прошло часу, какъ вдругъ далеко-далеко что-то глухо и зловѣще ахнуло. Высоту разсѣкъ громадный стальной бичъ, и съ визгомъ лопнула надъ ними и разсыпалась кругомъ первая шрапнель. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ наудачу. Еще нѣсколькяко минутъ — загрохотали орудія и передъ нами и позади насъ начали рваться «шимозы», взрывая съ желтыхъ полей бурые клубы убійственнаго газа и пыли. Точно отыскивая кого-то, завыли и засвистали чугунные осколки.

Генералъ осматривалъ мѣстность, на которой намъ надо было держаться.

— Растянись!.. Эй, растянись!..

Блестящій штабъ слишкомъ скучился за нимъ. Несомнѣнно, японцы это замѣтили, потому что шрапнели направлялись именно по его пути. Всадники вытянулись въ ниточку гуськомъ. Скоро мы въѣхали въ узкій коридоръ между двумя закрывавшими насъ съ головою стѣнами гаоляна. Только изрѣдка надъ его колыхавшимися метелками мерещилась казачья пика. Въ мощныхъ камышахъ слышно было движеніе. На одинъ мигъ я тамъ различилъ нѣсколько испуганныхъ оливковыхъ лицъ и меланхолически опустившаго голову осла. Должно-быть мирные работники спрятались въ эту гущу отъ всего нежданнаго и негаданнаго ими ужаса. Солнце жгло, лошади были въ поту и съ трудомъ втягивали впалые бока.

— И что онъ суется!—ропталъ офицеръ около.—Какая тутъ рекогносцировка. Простымъ глазомъ видно непріятеля.

— У него Владимира съ мечами нѣтъ на шеѣ. А тутъ кстати великолѣпная реляція: въ бою, подъ огнемъ, осмотрѣлъ въ виду японской пѣхоты ея позиціи.

— Перехлопаютъ у насъ лошадей...

— А то и самихъ...

И точно накликали. Будто нѣсколько сухихъ вѣтокъ сломалось въ гаолянѣ, что-то затрещало. Мимо съ дрожащимъ свистомъ свинцовые шмели пронизали воздухъ... чья-то лошадь взвилась было, и по ея мокрой бѣлой шеѣ поползла красная струйка.

— Эй, казаки!..—обернулся генералъ.

Нѣсколько широкоскулыхъ и косоглазыхъ бурятъ кинулось на зовъ.

— Отыскать мерзавцевъ.

Тѣ сослѣпу — въ гаолянъ и совсѣмъ не туда, откуда стрѣляли... Сплошной шорохъ и легкій трескъ ломавшихся камышей... Во всѣ стороны заколебались ихъ султаны, расходясь и скрещиваясь. Какіе-то крики... Тяжелый

топотъ копытъ по твердымъ грядкамъ... Визгъ придавленной собаки... Сытая жирная птица взвилась и медленно закружила въ свѣтѣ и знoѣ...

Черезъ часъ мы повернули назадъ. Непріятель занялъ новыя позиціи и, разумѣется, намъ ихъ ужъ не было видно. Весь спрятался въ складки и за холмы. Оттуда тѣ же шрапнели преслѣдовали насъ... Кто-то крикнулъ, какъ намъ показалось, больше отъ неожиданности, чѣмъ отъ боли, и мы быстро нагнали офицера, котораго въ сѣдлѣ поддерживалъ вѣстовой.

— Что съ вами?

Тотъ остановилъ на мнѣ удивленные, странно расширенные глаза, задышалъ тяжело, раскрывая неестественно ротъ, точно кругомъ, на всемъ этомъ необъятномъ просторѣ, не хватало ему воздуху. И только тутъ я замѣтилъ, что съ затылка у него падаютъ на спину красные, противные сгустки.

— Владимиръ будетъ навѣрное, — поравнялся со мною давешній офицеръ.

— А что?

— Рекогносцировка не только подъ огнемъ, но и съ потерями.

Еще нѣсколько шаговъ — мы нагнали казаковъ, исполнившихъ приказаніе генерала. Они гнали передъ собою четырехъ китайцевъ, косы которыхъ были связаны въ одинъ узелъ. Ничего, подобнаго ужасу, на этихъ оливковыхъ лицахъ я не помнилъ за всю войну. Головы арестованныхъ бились одна о другую, несчастные бѣжали впередъ, ноги врозь, а плечи вмѣстѣ. Выпученные глаза, казалось, не видали передъ собою, и только глухое хрипѣніе вырывалось изъ темножелтыхъ грудей, съ рѣзко очерченными ребрами подъ раскрывшимися синими куртками...

— Вотъ те и на! Да вѣдь это нашъ учитель!

Я всмотрѣлся: старикъ, у котораго въ фанзѣ мы остановились наканунѣ.

— И остальные—его дѣти.

Они весь вечеръ прислуживали и кормили насъ, ухаживали за нашими ранеными, а старикъ что-то долго говорилъ, должно-быть очень краснорѣчивое, но тѣмъ не менѣе намъ непонятное. Когда мы позвали переводчика, оказалось, ученый китаецъ живописалъ прелести мирнаго и благоденственнаго житія на землѣ, на которой для каждой семьи достаточно только клочка. Солнца и воздуху хватитъ на всѣхъ, а люди дерутся, убиваютъ и умираютъ, тогда какъ Богъ создалъ ихъ для взаимной любви и счастія. Онъ приводилъ изреченія изъ Лао-дзы, и когда мы за его курицъ, яйцы и чумизу хотѣли ему заплатить, онъ рѣшительно отказался отъ этого.

— Не возьметъ!—Подтвердилъ намъ знавшій его раньше казакъ.

— Почему? Чтобы китаецъ да отказался!

— Онъ у нихъ съ дѣтьми на особомъ положеніи. Они разъ нашего раненаго спрятали, какъ здѣсь япошки проходили... Подъ крышу его засунули, тамъ онъ и отлежался. Потомъ честь честью къ намъ привезли. Пятьдесятъ рублей ему хотѣли дать, а онъ генерала похлопалъ по плечу, на небо показалъ и пошелъ себѣ назадъ. Сказываютъ, ему медаль дадутъ.

Солнце садилось. Золотая дымка стояла надъ зелеными стѣнами гаоляна. По чистому песку текла тихая, прозрачная рѣка. За нею изъ-за мелколистыхъ съ круглыми шапками омелы деревьевъ мерещились изогнутыя, какъ спины драконовъ, кровли китайскаго села. Первые часы тамъ сплошь ушли на то, чтобы отыскать себѣ уголъ гдѣ-нибудь на канѣ въ фанзѣ. Народу было много, а домовъ мало... Когда удалось устроиться, мои спутники пошли къ генералу. Надо

было его адъютанту разсказать все, что узнали о семьѣ школьнаго учителя и о немъ самомъ. Надѣялись, что ихъ не отправятъ въ военный судъ, а прямо освободятъ съ мѣста...

— Какой судъ!—удивился адъютантъ, щеголеватый офицеръ изъ Петербурга, пріѣхавшій сюда вмѣстѣ съ своимъ дивизіоннымъ.

— Какъ какой?

— Эту сволочь, да еще судить!

— Что же вы ихъ такъ отпустили?

Гдѣ-то въ сторонѣ грянулъ залпъ...

— Слышали? Вотъ вамъ и весь судъ.

Мы бросились по направленію этихъ выстрѣловъ. Вечеръ ужъ окутывалъ дали, въ лощинахъ стоялъ туманъ, въ сизой мглѣ тускло желтѣло пламя костровъ. Слышалось ржаніе лошадей и говоръ биваковъ. Гдѣ-то вспыхнула пѣсня... Въ синевѣ небесъ прорѣзывались робкія, печальныя звѣзды...

— Гдѣ стрѣляли?..

— А тамъ вонъ... Измѣнниковъ, которые...

Мы свернули въ сырую лощину. Тутъ копыта нашихъ коней уходили въ вязкую землю. Кругомъ китайскія ивы. Темно; гдѣ-то начинали обычный оглушительный концертъ лягушки...

Вдругъ лошади остановились, храпя и сторожко поводя ушами.

Сошли съ сѣделъ.

Въ слякоти лощины — попрежнему связанныя въ общій узелъ четыре косы, и отъ нихъ во всѣ стороны раскинуты четыре тѣла. Курмы раскрыты, темныя груди внаружу, выпуклые желтые глаза пристально смотрятъ въ небесную глубину. Старикъ-учитель—лицомъ въ землю, только онъ не видитъ звѣздъ и недвижныхъ вершинъ родной ивы. Рука его закинулась за спину и сжата въ кулакъ. Кругомъ острый запахъ крови...

***

Изъ рапорта, полученнаго на другой день: «Имѣю честь донести, что вчера мною во время разъѣзда взята въ гаолянѣ партія хунхузовъ, стрѣлявшихъ по вашему превосходительству. Двое изъ нихъ принадлежатъ къ знаменному отряду китайскихъ солдатъ и дезертировали изъ Хайджоу, а шестеро пришли изъ-за Ляохе и состоятъ въ шайкахъ Тулисана въ Даванѣ. Принятыми мною мѣрами они приведены къ сознанію въ томъ, что хотѣли убить ваше превосходительство и лицъ вашего штаба. Прошу указать, куда мнѣ направить арестованныхъ, такъ какъ развѣдочное отдѣленіе главной квартиры въ настоящее время находится далеко, а я изъ своей полусотни не могу расходовать людей на предметъ препровожденія».

Резолюція генерала:

«Значитъ», учитель съ дѣтьми не былъ виноватъ. Жаль! Съ хунхузами поступить кратко, не доводя до суда, ибо возиться некогда и отвлекать людей отъ ихъ прямой службы не слѣдуетъ. На то и война».

II. По суду.

Въ громадномъ шатрѣ темно. Снаружи солнце садится. Тамъ все тонетъ въ золотомъ свѣтѣ, здѣсь прохлада. Судьи въ военнопоходной формѣ. Предсѣдатель—полковникъ, я его знаю: отличный отецъ семейства, ежедневно пишетъ отсюда женѣ, при чемъ называетъ ее «кукочкой», хотя по-христіански она значится Серафимой. Сосѣдъ его справа любитъ гитару, и каждый вечеръ мы слышимъ изъ его палатки: «Было бы сердце согрѣто жаромъ взаимной любви». Поетъ онъ фистулой, и комендантскій мопсъ при этомъ неистово воетъ. Сосѣдъ слѣва кромѣ винта ничего не признаетъ на свѣтѣ. О немъ разсказываютъ: во время одного наступленія японцевъ онъ съ партнерами чуть не попался въ плѣнъ.

Непремѣнно хотѣлось доконать роберъ по четырехсотой. Остальные—утомленные боевые офицеры. Имъ бы выспаться, глаза слипаются, а тутъ суди, и поэтому каждый обвиняемый въ ихъ глазахъ «мерзавецъ», если онъ, разумѣется, солдатъ. Къ своему брату «субалтерну» они относятся снисходительно: «кто Богу не грѣшенъ».

Направо—прокуроръ. Вчера въ одномъ изъ вертеповъ онъ показывалъ заблудшей американкѣ свою «образованность», читалъ ей Байрона и танцовалъ передъ нею кейкуокъ. Сегодня на его челѣ — оставь надежду навсегда. Слѣва—защитникъ: молодой офицеръ, уже заранѣе весь въ поту и смущеніи... Онъ только что подалъ о зачисленіи его въ строй и проклинаетъ «очередь», вручившую ему судьбу двухъ шершавыхъ, взъерошенныхъ и оборванныхъ солдатъ.

Тѣ держатся передъ судомъ бодро. Глаза въ глаза начальству, руки по швамъ.

— Такъ ты, Педькò, корову взялъ?

— Узявъ, ваше высокоблагородіе.

— А деньги заплатилъ?

— Никакъ нѣтъ! Мое дѣло было узять корову... А деньги, ротный...

— А китаецъ за тобой гнался?

— Никакъ нѣтъ.

— И ты его не убивалъ?

Солдатъ недоумѣло моргаетъ на начальство.

— Прикладомъ по головѣ его не ударилъ?..

— За што?

— Рядовой Жидкихъ! Ты былъ съ Педькò?

Этотъ еще старательнѣе ѣстъ глазами начальство и точно въ ротъ ему вскочить хочетъ. Штаны оборваны и по откровенности ихъ все у него наружу, но онъ, видимо, чувствуетъ себя молодцомъ и тянется во всю.

— Корову вы взяли?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.
— Какъ вы ее брали?
— Укупили.
— А деньги не платили?
— Денегъ? Такъ что намъ дадено не было.
— Китаецъ за вами бѣжалъ?
— Такъ что не звѣстно.
— Какъ не извѣстно?
— А мы, ваше в-іе, верхомъ на ее сѣли, на корову, и погнали къ ротному.
— Кто убилъ китайца: ты или Педько̀?
— Никакъ нѣтъ-съ.
— Не ты?
— Такъ тошно.
— И не Педько̀?
— Не могимъ знать.
— Ты прикладъ въ рѣкѣ мылъ?
— Мылъ, ваше в-іе.
— На немъ кровь была?
— Такъ точно.
— Какая?
— Человѣчья, ваше в-іе.
— Значитъ, ты убилъ?
— Такъ тошно.
— Сознаешься?
— Радъ стараться... Самъ ротный благодарилъ.
— За что?
— За японца.
— За какого японца?
— А котораго я въ кавылянѣ долбанулъ.
— А я тебя не объ японцѣ спрашиваю, а о китайцѣ.
— Такъ тошно.
— Ты когда японца убилъ?

— У сопки, ваше в-іе.

— Въ бою?

— Такъ тошно...

Объявляется перерывъ.

Солдаты оба и Педькò и Жидкихъ вышли съ конвоемъ. Синій вечеръ. Сѣли у оврага. Внизу костеръ, шумитъ рѣка. Издали генеральскій поѣздъ горитъ всѣми своими окнами... И «подсудимые» и ихъ охрана болтаютъ между собой.

— Съ чего мнѣ его убивать, — вдругъ обрѣлъ даръ слова Педькò.—Когда онъ самый любезный китаёзъ... Сказалъ, что пойдетъ за нами съ ротнаго деньги получать. Точно, что я его за косу дернулъ... потому она длинная... Каждому лестно, какъ она на емъ держится? Лобъ бритый и затылокъ бритый, а коса до пятъ...

— Такъ, что, братцы, — вступился горячо Жидкихъ,— ежели на высидку, гдѣ наше не пропадало, я согласенъ. По крайности, отосплюсь...

— Съ чего на высидку?—обрываетъ его Педькò.

— Съ начальствомъ не поспоришь. Пущай его, по малости ничего. Надо же и ему покуражиться.

— Таперича жана мнѣ пишетъ. Мы курскіе, у насъ мельница... Жернова мѣнять надо, стерлись жернова-то... А гдѣ я ей возьму на жернова. Тоже и младшій сынишко, дай ему Богъ здоровья, померъ. Хилый былъ. Конь его копытомъ, должно, Семенко баловался.

— Нѣтъ, ежели на высидку — ничего. Даже такъ, что благодаримъ покорнѣюще ваше в-іе. Потому что я изначала кампаніи настоящаго сна не видѣлъ...

Перерывъ кончился.

Въ шатрѣ горятъ свѣчи...

Молодой защитникъ весь въ волненіи: «Навѣрное, оправдаютъ — свидѣтелей нѣтъ. Китайцы, родственники

убитаго не явились... Они вѣдь страшно боятся. Ни за что на судъ не придутъ. Даже жена этого Хо куда-то убѣжала...»

И Жидкихъ и Педько̀ совершенно спокойны. Только еще шаршавѣе стали.

— Ежели на высидку, съ полнымъ удовольствіемъ, — бормочетъ Жидкихъ.

Судъ выходитъ, мы всѣ встаемъ.

— По указу .... и т. д. Рядовыхъ Педько̀ и Жидкихъ... идетъ какое-то сплошное бормотанье. Лица полковника и его ассистентовъ равнодушны до послѣдней степени. Прокуроръ на часы смотритъ: ѣсть хочется. На лицѣ у любителя винта: «подлецы, вѣрно, не дождались, безъ меня сѣли»... И вдругъ точно неожиданный ударъ — слышу: «Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣляніе».

— Ежели на высидку, я согласенъ, — лопочетъ Жидкихъ.

Педько̀ смотритъ тупо. Видимо, ничего не понимаетъ...

Черезъ нѣсколько дней я опять съ боевыхъ позицій пріѣхалъ сюда. Захожу въ судъ. Тѣ же и казакъ Дубяга, весь оплывшій и одурѣвшій отъ ханшина. Онъ занимаетъ мѣсто, на которомъ недѣлю назадъ стояли Жидкихъ и Педько.

— Ты убилъ китайца Хо?

— Такъ точно, выше в-іе. Виноватъ.

— Прикладомъ по головѣ?

— По башкѣ, по самой.

— За что?

— Пьянъ былъ.

— Введите свидѣтелей.

Робко входятъ китайцы и вдова Хо, опоздавшіе къ прошлому процессу. Ихъ съ трудомъ отыскали и еще съ большимъ трудомъ убѣдили явиться въ судъ.

Озираются, кланяются во всѣ стороны, присѣдаютъ.

Они узнали казака, пьянствовшаго у нихъ.

Ханшинъ только на китайскій желудокъ ничего. Наши — отъ него безумѣютъ. Стоитъ на другой день послѣ выпить простой воды и пьяный наканунѣ дѣлается сумашедшимъ сегодня...

Опять перерывъ, вновь мы выходимъ къ той же прохладной лощинѣ.

Синяя ночь кругомъ ласкаетъ нѣжною прохладою.

— Значитъ, теперь Жидкихъ и Педько̀ освободятъ?— встрѣчаю я защитника.

— Какъ?

— Да вѣдь не два же раза убивали этого Хо?

— Разумѣется, одинъ. Только... Нѣтъ, знаете, слава Богу, завтра состоится приказъ о моемъ переводѣ въ строй. Лучше съ японцами драться, чѣмъ...

— Что чѣмъ?

— Да вѣдь и Педько̀ и Жидкихъ разстрѣляли...

— Когда?

— Третьяго дня.

Вас. Немировичъ-Данченко.

Смертная казнь.

(Переводъ съ рукописи).

Когда мы слышимъ о преступникѣ, который изъ-за нѣсколькихъ копеекъ, съ умысломъ, убилъ невиннаго человѣка, въ насъ закипаетъ гнѣвъ и мы говоримъ: «Такого негодяя слѣдовало бы повѣсить».

Потомъ беретъ верхъ разумъ, и мы вспоминаемъ, что хотя отъ незапамятныхъ временъ примѣняютъ къ убійцамъ смертную казнь, результаты ея ничтожны.

Несмотря на рафинированныя судебныя убійства, количество преступленій не уменьшается. Мало того, публичное исполненіе смертной казни, пробуждаетъ въ зрителяхъ самые низкіе инстинкты, а иногда толкаетъ на новыя преступленія. И это еще не все: судъ иногда ошибается, приговариваетъ къ смертной казни людей невиновныхъ, и это ужасно. Чѣмъ глубже вникаешь въ этотъ вопросъ, тѣмъ больше работаетъ мысль. Что такое преступникъ? Не продуктъ ли онъ общества?.. Не поражаетъ ли насъ несомнѣнный и ужасный фактъ, что въ человѣческомъ родѣ муссируетъ скрытая жажда крови и убійствъ? Не останавливаетъ ли нашего вниманія общій апоѳеозъ войны, прославленіе поединковъ, охоты, устраиваемыя для развлеченія, въ которыхъ принимаютъ участіе не только взрослые лѣнтяи, но даже юноши и женщины? Что, напримѣръ, думать о такомъ

развлеченіи, какъ стрѣльба въ голубей, купленныхъ и взращенныхъ для этой цѣли?

При наличности такихъ явленій трудно бороться противъ мысли, что почти каждый человѣкъ таитъ въ своемъ сердцѣ хищное животное: одинъ паука или скорпіона, другой медвѣдя или тигра. Вслѣдствіе этого одинъ убиваетъ ради забавы зайцевъ и голубей, другой ради жалкой выгоды — людей.

Заключеніе простое: устранить изъ міра убійцъ можно не при помощи смертной казни, которая уничтожаетъ только единицу, а воспитаніемъ молодого поколѣнія въ этическихъ началахъ. Только воспитаніе въ духѣ гуманности ослабляетъ хищные инстинкты, и одинъ изъ базисовъ такого воспитанія, несомнѣнно, — уничтоженіе смертной казни, всегда безполезной, а иногда вопіющей о возмездіи.

Въ Россіи нѣтъ смертной казни для уголовныхъ преступниковъ, но какъ бы въ насмѣшку ее тѣмъ щедрѣе примѣняютъ къ политическимъ преступникамъ. Благодаря этому, мы бываемъ свидѣтелями такихъ, напримѣръ, приговоровъ:

Двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, несправедливо заподозрѣнную въ кражѣ, участковый приставъ допрашивалъ слѣдующимъ образомъ: схвативъ ее за волосы, онъ ударяетъ ее головой о стѣну. Ребенокъ обливался кровью, падалъ въ обморокъ; въ результатѣ — глухота и идіотизмъ. Приставъ попалъ подъ судъ; судъ его оправдалъ... Нѣсколько дней спустя передъ судомъ, на этотъ разъ военнымъ, предсталъ человѣкъ, ударившій въ запальчивости солдата желѣзнымъ прутомъ въ руку, и его приговорили... къ повѣшенію.

Какой нравственный выводъ можетъ сдѣлать общественная совѣсть изъ этихъ двухъ приговоровъ?

Только одинъ: приставъ имѣетъ право пытать дѣтей безнаказанно, а человѣкъ, толкнувшій солдата, который

самъ могъ дать поводъ къ дракѣ, платитъ за это жизннью. Извѣстно, что уголовныя преступленія происходятъ чаще всего отъ злобы и жестокости человѣческой натуры. Но откуда берутся политическія преступленія, совершаемыя очень часто людьми, глубоко честными, иногда женственно мягкими?

Мнѣ кажется, что этотъ родъ преступленій создаетъ правительство. Во-первыхъ, притѣсняя общество, во-вторыхъ, терзая и убивая тѣ благородныя и чрезмѣрно впечатлительныя единицы, которыя дерзаютъ возмущаться противъ его гнета. Сколько тысячъ людей было сослано въ Сибирь, сколько десятковъ повѣшено за дѣйствія, которыя теперь дозволены и которыя оправдываетъ манифестъ 17 октября?

Преслѣдованіемъ и убійствомъ только сѣяли въ обществѣ ненависть къ правительству,—ненависть, принявшую въ настоящее время такіе ужасные размѣры.

Между тѣмъ политическія убійства, совершаемыя какъ правительствомъ, такъ и революціонерами ни къ чему не ведутъ. Сколько людей правительство перевѣшало и перестрѣляло за покушенія, и все-таки покушенія не уменьшаются, а увеличиваются. То же самое съ революціонерами. Убили реакціонера Плеве, а теперь у насъ реакція еще хуже. Хотя покушеніе на Побѣдоносцева не удалось, намъ обѣщаны свобода совѣсти и школьная реформа. Плеве—это единица, а реакція если не общественное, то правительственное направленіе. Устраненіе единицы не можетъ затормозить политическое направленіе такъ же, какъ, выкачавъ изъ колодца стаканъ воды, нельзя исчерпать весь колодецъ. Повторяю: политическія убійства, именуемыя приговорами, равно какъ и покушенія, не даютъ положитеьныхъ результатовъ. Напротивъ, они еще сильнѣе возбуждаютъ озлобленіе и дразнятъ дремлющее въ человѣкѣ животное.

Что же дѣлать?.. Конечно, прекратить политическія убійства... Кто же долженъ подать примѣръ? Конечно, правительство, которое въ сравненіи не только съ единицами, но и съ цѣлыми революціонными организаціями имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ физическихъ силъ. Оно бы должно обладать тѣмъ паче нравственной силой и принять на себя иниціативу этой реформы.

Настоящая система не можетъ продолжать существовать, такъ какъ вызываетъ чудовищныя явленія. Говорятъ, что Абрамова подвергли медицинскому испытанію. Весьма справедливо. Этотъ человѣкъ не можетъ быть нормальнымъ. Самъ собой напрашивается вопросъ: почему Спиридонову тотчасъ послѣ покушенія не подвергли медицинскому испытанію, вмѣсто того, чтобы пытать ее такими пытками, которыя запятнали все общество и превратили эту несчастную, слишкомъ впечатлительную, издерганную дѣвушку въ мученицу, буквально въ мученицу, безъ аллегорій...

Резюмирую свое мнѣніе. Смертной казни за уголовныя преступленія нѣтъ въ Россіи. Это хорошо. Политическіе преступники, наоборотъ, подвергаются смертной казни и всяческимъ терзаніямъ. Это отвратительно и нелогично. Выходитъ такъ, будто правительство предпочитаетъ имѣть въ своемъ государствѣ убійцъ, чѣмъ людей, способныхъ къ протесту противъ самоволія и насилія.

Когда восторжествуетъ мудрая свобода и возможная при человѣческой природѣ справедливость, тогда исчезнутъ политическія преступленія. Вѣдь они только жатва посѣва. Уголовныя же преступленія будутъ еще долго существовать; ихъ питаютъ условія, озлобляющія человѣческую природу. Тамъ дурно зерно, тутъ дурна почва.

Болеславъ Пруссъ.

Казнь и убійство.

Кровь, которую проливаетъ русское правительство, убійства, которыя оно совершаетъ, не могутъ быть подведены подъ юридическій институтъ смертной казни. Этотъ криминальный институтъ давно уже признанъ нецѣлесообразнымъ наукой уголовнаго права, давно уже возстало противъ него моральное сознаніе человѣчества. Но ужасъ, который сейчасъ происходитъ, нельзя обсуждать съ юридической точки зрѣнія, какъ-то, неумѣстно аргументировать противъ смертной казни, да и слишкомъ элементарный это вопросъ. Контръ-революція черной смертью пронеслась надъ Россіей, террористическую тактику примѣнила, передъ которой блѣднѣютъ всѣ революціонные терроры міра, убійство сдѣлала своимъ главнымъ, почти единственнымъ, орудіемъ. Всѣ черныя, звѣриныя силы страны мстятъ за то, что пошатнулось ихъ безбожное царство и что призваны они, наконецъ, исторіей къ отвѣту за вѣковыя свои преступленія. Контръ-революціонный терроръ, не знающій границъ, звѣрская месть, организованное убійство беззащитныхъ, — вотъ что называютъ у насъ въ эти дни смертной казнью. Совершаетъ эти преступленія государственная власть, мнящая себя христіанской.

Сказано было: «Взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ». Это про государство сказано было, такъ какъ государство не только первое взяло мечъ, въ кровавыхъ убійствахъ роди-

лось, но и убійство возвело въ законъ, смерть однимъ изъ законовъ жизни признало. Извѣстно, что смертная казнь исторически развилась изъ кровавой мести, что государство заботливо взяло на себя задачу организовать возмездіе, превративъ его въ безличное. Стихія кровавой мести — ирраціональная, въ ней первосозданный хаосъ шевелится, и безконечно благороднѣе, святѣе этотъ хаосъ, чѣмъ организованное, разумное, сознательно-звѣрское возмездіе государства, чѣмъ чудовищная его безличность. Страшна смерть и отвратительно убійство, но что сказать о смерти, возведенной въ законъ жизни, объ убійствѣ, организованномъ сознательно хозяевами жизни, во имя поддержанія призрачнаго въ ней порядка. Есть въ мірѣ правда высшая, чѣмъ эта кровавая месть, и не къ мести этой призываетъ наше сознаніе, но не государству объ этой правдѣ напоминать, не передъ государствомъ будетъ данъ отвѣтъ за ужасъ убійства. Человѣку было сказано: «Не убей», но государство,— люди государственные, люди власти не приняли этого на свой счетъ, отнесли заповѣдь лишь къ подвластнымъ имъ и поддерживаютъ свое существованіе закономъ звѣринымъ, о Богѣ ничего не вѣдающемъ.

Смерть—самое крайнее, самое страшное выраженіе мірового зла, отпаденіе міра отъ Бога, и цѣлью религіи всегда была побѣда надъ смертью, утвержденіе жизни вѣчной. Если крестная смерть Христа была побѣдой надъ смертью, то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была и самымъ властнымъ, религіознымъ осужденіемъ убійства. Казнящій смертью, утверждали истинные христіане, присоединяется къ дѣлу мучителей Христа, убиваетъ не только человѣка, но и Бога. Вл. Соловьевъ, который былъ въ то время еще славянофиломъ и вѣрилъ въ религіозное призваніе царя, сказалъ послѣ 1 марта вѣщія слова: «Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы царя на смерть. Царь можетъ про-

стить ихъ, и если онъ, дѣйствительно, чувствуетъ свою связь съ народомъ, онъ долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божію за правду, то другой для него нѣтъ, а правда Божія говоритъ: «Не убій». *Если можно допускать смерть какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное надъ безоружнымъ претитъ душѣ народа.* (Курсивъ мой.) Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія. Пусть царь и самодержецъ Россіи заявитъ на дѣлѣ, что онъ прежде всего — христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа, онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ».

Революціонеры, совершающіе политическія убійства, на которыя ссылается правительство для оправданія своихъ преступленій, не первые подняли мечъ, не «холодно» убиваютъ, не «безоружныхъ» убиваютъ. И эти убійства ужасны, мы жаждемъ выйти изъ кроваваго круга, въ который вступило правительство, но не всякій смѣетъ осуждать ихъ, не всякій имѣетъ на это право и менѣе всѣхъ, конечно, обагренная кровью невинныхъ, государственная власть. Въ политическихъ убійствахъ, совершенныхъ отдѣльными героями, въ дуэляхъ, въ защитѣ чести личность человѣческая отдаетъ и свою жизнь, отвѣчаетъ за себя собою, а государство всегда безотвѣтственно по своей безличности. Убійство, изъ «хаоса» рожденное, невиннѣе, благороднѣе, для совѣсти нашей выносимѣе, чѣмъ убійство по «закону», холодно-звѣрское, разсудочно-мстительное. И смерть хаотическую и смерть законническую преодолѣетъ свободная гармонія, но вѣримъ, что передъ судомъ Божіимъ къ отвѣту будутъ призваны прежде всего убійцы-законники, мѣшавшіе смерть преодолѣть, и вѣчный ужасъ откроется передъ ихъ прозрѣвшимъ сознаніемъ, поймутъ они, кому служили.

Николай Бердяевъ.

Современныя казни.

ГЛАВА I.

Казнь по суду.

Россія переживаетъ время пытокъ, время казней... Человѣческая жизнь приносится въ жертву будущему счастью народа. Руками правительственныхъ палачей проливается ежедневно кровь лучшихъ людей нашей родины.

Кровь льется ручьями. Каждый день приноситъ новыя извѣстія о новыхъ жертвахъ, о новыхъ казненныхъ черезъ повѣшеніе, черезъ разстрѣляніе... Иногда повѣшеніе замѣняется разстрѣляніемъ и обратно, за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ по спеціальности палачей (Шмидтъ разстрѣлянъ потому, что были налицо палачи-солдаты, но не было палача-арестанта). У правительства не хватаетъ теперь палачей: работа ихъ такъ горяча, спросъ на ихъ руки такъ великъ, что ему приходится или увеличить штаты и расширить институтъ своихъ палачей, или же придумать русскую гильотину. На чемъ же оно остановится?..

Какимъ образомъ создадутся эти новые палачи? Что нужно сдѣлать для того, чтобы человѣкъ подходилъ для своей роли, чтобъ онъ могъ спокойно творить свою ужасную работу? Что нужно для этого? Нужно убить прежде всего свою совѣсть, отнять у себя же свою душу, а потомъ уже убивать тѣло другого, прекращать другую жизнь. Нужно воспитаться такому человѣку, долго подготовляться къ этой работѣ, тренироваться. Не-

обходимо для этого, чтобы была соотвѣтствующая среда. Вѣдь работа палачей свободна; выборъ ихъ ничѣмъ не стѣсненъ. Нужно быть охотникомъ, любителемъ человѣческой крови и тамъ, гдѣ есть спросъ, является предложеніе. Современная политика казней и пытокъ, политика террора и анархіи, переживаемая нынѣ страною, рождаетъ нужныхъ ей для этой цѣли палачей. Правительству одинаково нужны палачи, какъ высшаго ранга: судьи, прокуроры и лица, конфирмирующія смертный приговоръ, такъ и низшаго — непосредственно трудящіеся, съ физической силой, которые своими знаніями, дѣломъ прекращаютъ жизнь человѣка.

Которая должность труднѣе, чья роль требуетъ большей работы надъ собой, больше усилій погасить въ себѣ искру Божію? Что легче, сдѣлаться ли палачомъ высшаго ранга, подписывающимъ смертный приговоръ, или же быть палачомъ-арестантомъ, накидывающимъ петлю на шею и саванъ на голову? Трудно сказать. Надо въ обоихъ случаяхъ убить свою душу, совѣсть, все чистое, прекрасное, что живетъ въ человѣкѣ. Тотъ, — кто подписываетъ смертный приговоръ, или прокуроръ, оканчивающій громовую обвинительную рѣчь словами: «Я требую отъ васъ, господа судьи, во имя справедливости смертной казни». Развѣ оба они не знаютъ, что отнимать жизнь человѣка нѣтъ ни у кого права, и что такого права никто дать не можетъ? Жизнь дарована не ими, поэтому отнимать эту жизнь, то, чего не можетъ дать человѣкъ, никто не имѣетъ права. Жизнь — это безцѣнный даръ природы, которымъ владѣетъ каждый по праву, данному самой природой, и никто не можетъ его оспаривать. Поэтому, одинаково, какъ коллегія лицъ, подписавшихъ и конфирмировавшихъ смертную казнь, такъ и тѣ, кто приводитъ дѣло въ исполненіе, работаютъ совмѣстно, рука объ руку, какъ палачи, проливающіе человѣческую кровь. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково создаются правительственнымъ режимомъ, спросомъ на ихъ преступныя руки.

Меня интересовалъ вопросъ, какимъ путемъ создаются палачи-арестанты, истязующіе плетьми и убивающіе своего же брата, арестанта, одинаково заброшеннаго и загнаннаго. Я внимательно приглядывался къ этимъ страннымъ людямъ во время моихъ скитаній по тюрьмамъ; я наблюдалъ ихъ, разспрашивалъ сахалинцевъ, много разъ бѣжавшихъ съ каторги и потому неоднократно, близко, спиной сталкивающихся съ палачами. Что толкаетъ человѣка на это гнусное ремесло? Выгоды, преимущество положенія, деньги? Или недостатокъ въ задерживающихъ центрахъ, въ нравственной этикѣ, преступность и извращенность натуры?

Да, всѣ эти факторы участвуютъ въ этой сложной работѣ; вся совокупность сложныхъ человѣческихъ соотношеній порождаетъ въ немъ нравственное паденіе, подавленность, извращеніе человѣческой природы и толкаетъ его къ крови!

Когда являлась партія арестантовъ въ центральную Сибирскую тюрьму, гдѣ она пересоставлялась и вновь разсылалась по мѣстамъ назначенія, палачъ считалъ барыши и потиралъ руки отъ удовольствія, если въ партіи было много лицъ, приговоренныхъ къ наказанію плетьми. Хорошая, настоящая партія арестантовъ давала ему дохода отъ полутора до двухъ, двухъ съ половиной тысячъ рублей. Среди арестантовъ всегда дѣлалась круговая складчина, которая подкупала жестокость и звѣрство палача и апеллировала къ его человѣческимъ чувствамъ; тогда милость палача сохраняла жизнь наказуемому, смягчала его муки и страданія; вѣдь съ пяти-шести ударовъ опытный палачъ можетъ перешибить спинной хребетъ, а на второмъ десяткѣ ударовъ лишить жизни человѣка; при милостивомъ же отношеніи палача послѣ двухсотъ плетей человѣкъ себя сносно чувствуетъ и даже забываетъ кричать во время бичеванія. Бывали въ такихъ случаяхъ напоминанія палача о предварительномъ уговорѣ между нимъ и наказуемымъ — кричать до потери сознанія, чтобъ окружающая тюремная администрація не догадывалась

«о снисхожденіи», и тогда однимъ, настоящимъ ударомъ, онъ вышибалъ такіе мучительные, душу раздирающіе крики, которые не прерывались уже до конца истязанія. Палачъ-арестантъ, помимо крупнаго заработка, получаетъ, благодаря своей дѣятельности, большія преимущества по прохожденію въ тюрьмѣ наказанія, назначеннаго судомъ.

Тюремная администрація ему мирволитъ, оказываетъ разныя послабленія въ суровомъ тюремномъ режимѣ, не посылаетъ его на работы, держитъ не въ общихъ камерахъ, а отдѣльно, на привилегированномъ положеніи, сокращаетъ сроки наказанія, — однимъ словомъ, выдѣляетъ его, какъ своего радѣтельнаго служащаго, нужнаго и полезнаго, которымъ администрація дорожитъ.

Товарищи по тюрьмѣ ненавидятъ палача всей силой своей души. На ихъ жаргонѣ слово палачъ служитъ олицетвореніемъ всего самаго ужаснаго, сквернаго въ человѣкѣ. Это слово собирательное, въ которомъ группируется вся гадость и мерзость людская, и оно служитъ самымъ сильнымъ ругательнымъ словомъ.

Ненависть къ палачу настолько велика, что если его встрѣтятъ гдѣ-либо арестанты безъ охраны тюремныхъ надзирателей, то убиваютъ.

Меня удивляло, что его даже днемъ одного не пускали проходить по большому тюремному двору, гдѣ арестанты предавались играмъ и отдыху; рядомъ съ нимъ шелъ конвоиръ-надзиратель, и дворъ моментально оглашался свистками, ругательствами и хохотомъ.

Бывали минуты, когда у палача просыпалась совѣсть — рѣдкія минуты въ ихъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ ужасныя...

Такія пробужденія совѣсти, запросы души не проходятъ даромъ и стоятъ иногда жизни.

Въ той тюрьмѣ, гдѣ пришлось мнѣ однажды сидѣть, въ центрѣ Сибири потребовалось казнить приговореннаго военнымъ судомъ черезъ повѣшеніе татарина, по прозванію Бикъ-Бока. Въ то время

при тюрьмѣ палача не оказалось, такъ какъ партіи ссыльныхъ еще не приходили.

Тюремной администраціи предстояла трудная задача: создать этого палача, отыскать среди заключенныхъ такого подходящаго человѣка, который бы согласился на это дѣло. Задача трудная и сложная.

Всѣ поиски ни къ чему не приводили. Изъ состава всѣхъ заключенныхъ не находилось никого, кто бы согласился на эту работу.

Въ самый послѣдній день пришелъ въ контору начальника тюрьмы одинъ арестантикъ и предложилъ себя въ добровольцы. Раньше онъ былъ мало замѣтенъ среди другихъ арестантовъ, ничѣмъ не выдѣлялся изъ ихъ среды, былъ нѣсколько застѣнчивъ, скроменъ; въ его внѣшнемъ обликѣ было много смѣшного, товарищи любили смѣяться надъ нимъ и много обижали злыми шутками. Онъ безучастно переносилъ ихъ, не любилъ огрызаться.

Сѣрое невыразительное лицо, такое же сѣрое и однообразное, какъ весь его арестантскій сѣрый костюмъ, безцвѣтные мутные глаза, широкій некрасивый носъ, — все это мало обращало на себя вниманіе окружающихъ. Его прозвали почему-то «Пронькой» имъ всѣ понукали, не позволяли вмѣшиваться въ вечернія бесѣды, устраиваемыя послѣ повѣрокъ, не принимали его въ карточныя игры, очевидно, считали неинтереснымъ человѣкомъ, не замѣчали, игнорировали.

И вотъ этотъ самый «Пронька» взялся быть палачомъ.

О своемъ намѣреніи онъ никому изъ товарищей не сказалъ ни слова. Молча прошелъ въ контору, долго мялся за рѣшеткой, прежде чѣмъ войти и категорически заявить о своемъ желаніи, видѣть начальника тюрьмы.

Говорилъ онъ несвязно, не то просилъ, не то соглашался на услуги. Изъ его тона нельзя было ничего заключить, почему онъ, такой незамѣтный, такой тихій, вдругъ рѣшился на это страшное ремесло. Но какъ бы то ни было, начальникъ очень обрадо-

вался, приласкалъ, подбодрилъ его и перевелъ на другое положеніе, положеніе палача — нужнаго человѣка. Ему отвели отдѣльное помѣщеніе, тюремные надзиратели стали оказывать вниманіе, стали величать его уже не «Пронькой», а Иваномъ Матвѣевичемъ.

Товарищи его, арестанты, были страшно удивлены, узнавъ, что палачъ нашелся, и этотъ палачъ никто другой, какъ «Пронька», — предметъ ихъ всеобщихъ насмѣшекъ и язвительныхъ шутокъ.

Тюремная администрація предварительно обучила его новому для него дѣлу, показала всѣ пріемы, необходимые для казни и въ назначенный день «Пронька» явился во всей своей красѣ въ своей новой роли.

Съ методичностью, съ заученными пріемами онъ поставилъ подъ ноги Бикъ-Боку скамейку, накинулъ саванъ на голову, пеньковую петлю на шею, укрѣпилъ другой конецъ веревки у столба и рѣшительнымъ ударомъ ноги вышибъ скамейку изъ-подъ ногъ несчастнаго. Тѣло всей тяжестью повисло на веревкѣ, натянуло ее, затрепетало въ воздухѣ и вдругъ «Пронька» совершенно ни къ чему, по сбственной иниціативѣ, бросился къ повѣшенному, обхватилъ его за ноги, потянулъ книзу и всей тяжестью своего корпуса повисъ; тѣло перестало трепыхаться, конвульсіи кончились...

Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Что побудило его употребить такой пріемъ, котораго ему администрація не показывала, который не входилъ въ программу его дѣйствій,—трудно сказать.

Результатъ ли это его жестокихъ инстинктовъ, жажда упиться сознаніемъ своего гнуснаго, жестокаго дѣла или, быть-можетъ, въ немъ вдругъ проснулась совѣсть, и, чтобы скорѣе прекратить муки несчастнаго, онъ потянулъ его книзу?

Какъ знать!...

Всѣ говорили про это, всѣ обсуждали на разные лады. Каково же было удивленіе тюрьмы, когда на утро нашли холодный трупъ «Проньки», болтающимся на той же самой веревкѣ...

Развѣ не то же самое наблюдается въ жизни палачей высшаго ранга? Развѣ не тѣ же самые факторы человѣческихъ воздѣйствій и вліяній участвуютъ въ созидательной современной работѣ нашего правительства? Какимъ образомъ вырабатываются высшіе судьи, высшіе палачи?

Выгоды, преимущество положенія, блескъ, почетъ, вниманіе со стороны высшей администраціи, быстрый ходъ по службѣ, извращенность человѣческой природы, отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ — вотъ причины, толкающія человѣка на ремесло палача. Они же помогаютъ правительству вербовать нужныхъ агентовъ для пролитія человѣческой крови.

И у высшихъ палачей, какъ и у низшихъ, бываютъ моменты пробужденія совѣсти, когда они словно понимаютъ, какое гнусное и презрѣнное дѣло творятъ. Тогда они постановляютъ: «Заслуживаетъ снисхожденія, ходатайствовать о помилованіи».

Зачѣмъ имъ ходатайствовать о помилованіи, когда они сами судьи, когда въ ихъ власти помиловать? Зачѣмъ «ходатайствовать», когда они могутъ, на основаніи велѣнія своей совѣсти, вынести подсудимому другой приговоръ.

Но судьи-палачи не могутъ этого сдѣлать потому, что они продались правительству, и они отнимаютъ у безоружнаго человѣка жизнь не на основаніи постановленій совѣсти, а по требованію своего господина, купившаго ихъ душу, ихъ честь.

Прослѣдимъ на наиболѣе яркомъ и типичномъ представителѣ современныхъ палачей, созданныхъ усиліями правительства въ самый короткій срокъ, этотъ быстрый переходъ отъ скромнаго, честнаго труженика до крупнаго и жестокаго директора, заливающаго цѣлые округа кровью, около котораго стоны, плачъ и ужасъ несутся страшнымъ призракомъ по всей Россіи, вызывая среди измученнаго населенія проклятія своему мучителю.

Я говорю о Луженовскомъ, котораго убила Марія Спиридонова. Раньше онъ былъ скромный присяжный повѣренный.

Вся его дѣятельность, начиная со студенческихъ годовъ и кончая послѣдними полутора годами, носила характеръ стремленія проводить въ жизнь прогрессивныя начала освободительнаго движенія. Во время студенчества онъ якобы страдалъ за правду, какъ онъ самъ разсказывалъ, такъ какъ точно это никому неизвѣстно, и будто бы отсидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ.

Работая потомъ въ Тамбовѣ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, онъ держался всегда самыхъ передовыхъ взглядовъ и не находилъ нужнымъ передъ кѣмъ-либо скрывать ихъ.

Наоборотъ, онъ любилъ всегда выставлять свои либеральные взгляды на показъ, афишировать ихъ.

На одномъ изъ обѣдовъ, въ честь almae matris, 12 января во время застольной рѣчи одного изъ своихъ пріятелей, въ которой тотъ проводилъ взглядъ, что студенты совершенно напрасно занимаются рѣшеніемъ общеполитическихъ вопросовъ, что это не ихъ дѣло, что имъ нужна только академическая свобода, Луженовскій очень взволновался, не могъ дослушать ее до конца, началъ кричать, чтобы тотъ замолчалъ, наконецъ, не выдержалъ и бросился къ оратору со словами: «Я его побью, заставлю его замолчать.» Съ трудомъ Луженовскаго удержали.

На одномъ изъ музыкальныхъ вечеровъ курсистокъ онъ былъ приглашенъ въ качествѣ распорядителя и тамъ, увлекаясь настроеніемъ и своей почетной ролью, совершенно даже не къ мѣсту, началъ говорить зажигательныя революціонныя рѣчи. Всѣ удивились, хотя и слушали его, но не вѣрили въ искренность его словъ.

Въ прошломъ году въ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» появилось въ печати патріотическое стихотвореніе съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ одного крестьянина, въ которомъ тотъ пишетъ про себя, про свою темноту и благодаритъ

царя-батюшку за его реформы, такъ какъ, благодаря имъ, ему удалось выбраться изъ темноты.

При болѣе внимательномъ чтеніи оказалось, что это злой и грубый акростихъ на Сергѣя Григорьевича Кишкина (редакт. «Тамб Губ. Вѣд.»). Больше всѣхъ распространялъ это стихотвореніе самъ Луженовскій, онъ первый догадался, въ чемъ тутъ соль, и по городу ходили слухи, что онъ же его авторъ. Луженовскій этихъ слуховъ не отрицалъ и даже, смѣясь, соглашался съ ними.

Часто Луженовскій воевалъ съ своими коллегами, другими присяжными повѣренными, обвинялъ ихъ въ некрасивомъ веденіи увѣчныхъ дѣлъ и требовалъ суда надъ ними. Часто высказывался по поводу того, что они берутся за темныя, нехорошія дѣла, накладывая пятно и подрывая этимъ довѣріе обществу ко всему институту присяжныхъ повѣренныхъ.

Относительно Луженовскаго въ Тамбовѣ составилось опредѣленное мнѣніе и репутація, какъ о честномъ и либеральномъ человѣкѣ, къ которому направлялось множество крестьянскихъ и рабочихъ дѣлъ.

Ему крестьяне вѣрили, охотно шли къ нему, зная, что онъ за нихъ, крестьянъ, заступится не изъ-за гонорара, не за вознагражденіе за свои труды, а для постановленія истины и справедливости, въ силу хорошихъ, честныхъ свойствъ своей души и запросовъ совѣсти.

Однажды по одному изъ такихъ дѣлъ онъ пришелъ за справкой въ канцелярію государственныхъ имуществъ относительно лѣса, и когда справка оказалась неисполненной, задержанной по какому-то пустяку изъ-за канцелярской волокиты, онъ пришелъ въ сильное волненіе и сказалъ: «Да, у васъ, у всѣхъ крестьянскія дѣла—послѣднія; какъ только хватаетъ у крестьянъ терпѣнія ждать. Я понимаю ихъ, если они пойдутъ на васъ, я самъ впереди ихъ понесу «кровавое знамя»...

Черезъ нѣсколько дней послѣ такого сильнаго заключенія, сказаннаго въ присутствіи всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, онъ предложилъ въ собраніи членовъ Тамбовскаго клуба послать отъ лица всего клуба телеграмму съ глубокой надеждой на несокрушимость самодержавной власти, съ выраженіемъ любви и преданности и т. д., и сказалъ: «Кто не согласенъ, — прошу встать».

Это было во время «весны» Святополкъ-Мирскаго.

Этотъ вопросъ былъ дипломатично снятъ членами клуба съ обсужденія въ виду того, что онъ не былъ помѣченъ въ повѣсткѣ и что для его обсужденія не находилось въ засѣданіи достаточнаго количества членовъ. Тѣмъ не менѣе Луженовскій послалъ таковую телеграмму отъ лица собранія за своею подписью.

Когда это узналось, было созвано повое собраніе, вопросъ о телеграммѣ былъ совершенно проваленъ, но депеша Луженовскаго была уже послана, и отвѣтная телеграмма на его имя «съ благодарностью» получена.

Послѣ телеграммы къ нему пріѣхалъ съ визитомъ сначала архіерей, затѣмъ губернаторъ и съ этихъ дней начала расцвѣтать слава и развиваться блестящая карьера Луженовскаго на новомъ его поприщѣ.

Когда отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ посылали питицію министру юстиціи, Муравьеву, съ ходатайствомъ вернуть судебные уставы 1864 года и собирали подписи, Луженовскій подписался послѣднимъ, сдѣлавъ слѣдующую оговорку: «Судебные уставы были отобраны правильно у русскаго общества, неумѣвшаго имя пользоваться на точномъ основаніи статей... Даръ отбирается, если одаренный оказывается неблагодарнымъ». Послѣ этого совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ хотѣлъ исключить его изъ своей корпораціи, но онъ предупредилъ совѣтъ и вышелъ самъ, не дожидаясь офиціальнаго постановленія.

Вскорѣ администрація назначила его совѣтникомъ губернскаго правленія, гдѣ онъ пріобрѣлъ себѣ славу усердствующаго

цензора «Тамбовскаго Голоса», вычеркивающаго цѣлые номера газетъ.

Потомъ Луженовскій занялся усиленно организаціей черной сотни, для чего къ его услугамъ былъ предоставленъ губернскій органъ «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости». Тамъ онъ помѣщалъ статьи, удивительныя по своему цинизму, открытому порицанію всего того, чему онъ прежде вѣрилъ, поклонялся. На страницахъ этой газеты, бесѣдуя со вновь организованной бандой — черной сотней, которой онъ считается родоначальникомъ и патріархомъ, Луженовскій торопливо сжигалъ свои корабли, сжигалъ безъ остатка, съ озлобленіемъ, подкидывая горючіе матеріалы, чтобы ускорить этотъ процессъ.

И, дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ былъ отмѣченъ высшимъ начальствомъ, какъ человѣкъ, вполнѣ преданный бюрократизму, готовый раздѣлить и участвовать во всѣхъ дѣяніяхъ его, какъ человѣкъ, достаточно убившій въ себѣ живую душу.

Правительство назначило его съ отрядомъ солдатъ усмирить крестьянъ и подавить аграрные безпорядки.

Здѣсь онъ развернулся вовсю, далъ выходъ всѣмъ своимъ жестокимъ инстинктамъ; не было границъ его безпредѣльной жаждѣ мучить, наносить страданья. Характерны слова Аврамова, обращенныя къ Спиридоновой во время пытокъ надъ ней: «У насъ цѣлыя села коровами ревѣли». — Дѣйствительно, ревѣли коровами, но въ то же время и проклинали своего палача, взывая къ отмщенію.

Крестьяне на сходахъ сговаривались, что если бы нашлась такая душа, которая бы избавила всю округу отъ этого звѣря, то они заранѣе берутся замолить вину передъ Господомъ Богомъ за содѣянный грѣхъ, принявъ на себя отвѣтственность за него, за эту пролитую кровь.

Не та душа будетъ отвѣчать передъ Господомъ, а всѣ они, крестьяне, всѣ измученные, изстрадавшіеся, судимые и засѣченные имъ...

Вотъ кто дастъ отвѣтъ передъ Богомъ.

Когда крестьяне селенія «Пески», находившагося недалеко отъ Борисоглѣбска, узнали, что недавній укротитель ихъ — Луженовскій кѣмъ-то убитъ, они послали въ городъ Борисоглѣбскъ трехъ крестьянъ, чтобы они точно узнали имя того человѣка, избавившаго ихъ отъ жестокаго мучителя, одно упоминаніе о которомъ вызывало кошмаръ среди населенія.

Имъ необходимо было узнать имя избавителя, чтобы поминать его въ церкви, при чемъ, если то лицо живо — то за здравіе, если же умерло — то за упокой души.

Теперь тамъ имя «Марія» занесено въ поминаніе, и все селеніе знаетъ и возноситъ свои горячія мольбы передъ Богомъ, когда священникъ произноситъ: «о здравіи болящей Маріи».

Въ городѣ Борисоглѣбскѣ обыватели очень интересовались, сколькими пулями и куда былъ раненъ Луженовскій. Они настолько хотѣли его смерти, что когда узнали, что Луженовскій не убитъ, а только раненъ, то ходили спеціально къ доктору, чтобъ узнать его мнѣніе, дѣйствительно ли Луженовскій останется живъ, возможно ли получить выздоровленіе послѣ двухъ пуль, попавшихъ въ животъ.

Когда получался отрицательный отвѣтъ, радовались и успокоивались.

Самъ Луженовскій — помѣщикъ Тамбовской губерніи, имѣнія Токаревки; среднихъ лѣтъ 32—35.

По своей внѣшности онъ былъ до смѣшного отвратителенъ: огромнаго роста, широкоплечій и непомѣрно толстый, настолько, что казалось, у него нѣтъ ни мускуловъ ни костей, а одинъ только жиръ.

Брюнетъ, курчавый, безъ бороды, съ небольшими усами. Лицо большое, опухшее, мягкое, желтое; большой мясистый носъ, глаза на выкатѣ. Толстыя губы были раскрыты, точно нѣтъ силъ закрыть ихъ; вѣки тяжелыя, опухшія, какъ тряпки повисли надъ глазами.

Луженовскій типическій для нынѣшняго времени герой-палачъ. Мы указали его быстрый, но правильный переходъ отъ порядочнаго человѣка къ позорному холопу реакціоннаго правительства.

Разница въ положеніи палачей между проведенными двумя параллелями только одна: палачей низшаго ранга всѣ ненавидятъ. открыто позорятъ, кричатъ имъ въ лицо «палачъ»; палачей же высшаго ранга окружаютъ почестями, вниманіемъ и благодарностью, какъ охранителей порядка и справедливости, защищающихъ лицъ, власть имущихъ, цѣлость ихъ награбленныхъ богатствъ, ихъ позорныя кровавыя дѣла, ихъ сытость.

Поэтому воздухъ не оглашается, какъ въ первомъ случаѣ, свистками и заслуженными кличками, а лишь въ глубинѣ сердецъ честныхъ гражданъ имена ихъ записываются, какъ въ скрижали исторіи, на вѣчное проклятіе и позоръ.

Канунъ сочельника.

Черный сводъ неба ярко усѣянъ мерцающими звѣздами. Темная холодная ночь опустилась на землю. Въ воздухѣ чувствуется глубокая прозрачность и чистота. Малѣйшій звукъ или шорохъ ясно отражаются въ немъ, и гулко отдаются шаги часовыхъ за стѣною, гдѣ сидятъ заключенные тамбовской тюрьмы... Снѣгъ хруститъ подъ ихъ мѣрными тяжелыми шагами на небольшой площадкѣ двора съ каменными стѣнами, съ каменнымъ заборомъ... Въ эту прекрасную темную ночь дышится легко, полной грудью.

Глядя изъ маленькаго окна подъ самымъ потолкомъ одиночной камеры на черное небо съ милліардами блестящихъ, яркихъ звѣздъ, въ душѣ узника воскресаетъ, цѣлый рой милыхъ, дорогихъ воспоминаній...

Грезится воля... семья, близкіе, родные люди... Вспоминаются всѣ тѣ, кто свободно гуляетъ на волѣ, кто смотритъ

на небо не черезъ желѣзную рѣшетку, а открыто; всѣ тѣ, кто живетъ тамъ, на свободѣ, за тюремною стѣною и готовится встрѣтить великій праздникъ Рождества Христова.

Въ эти минуты тихой предрождественской ночи человѣкъ испытываетъ приподнятое настроеніе; въ тюрьмѣ онъ принимаетъ особенно острую форму. Развивается неопредѣленная тоска, глубокія думы, обращеніе къ прошлому...

Хочется безъ помѣхи отвѣтить на свои внутренніе запросы, на самыя сокровенныя мысли. Это настроеніе у политическихъ тамбовской тюрьмы было рѣзко нарушено еще съ утра.

Они знали, что раннимъ утромъ были увезены изъ тюрьмы, подъ чрезвычайной охраной, два ихъ товарища Катинъ и Кузнецовъ для присутствія на торжественномъ засѣданіи военнаго трибунала. Для всѣхъ понятно было, что этотъ трибуналъ, собранный на скорую руку изъ офицеровъ мѣстнаго баталіона, долженъ сыграть гнусную роль палачей съ заранѣе предписаннымъ рѣшеніемъ отъ высшихъ властей приговорить двухъ лицъ къ смертной казни за убійство вице-губернатора Богдановича.

Никто не сомнѣвался, что приговоръ судей-палачей будетъ жестокій, безапелляціонный и скорый.

Апеллировать къ ихъ совѣсти было бы равносильнымъ апелляціи къ палачу въ тотъ моментъ, когда онъ затягиваетъ пеньковую петлю на шеѣ несчастнаго.

Рѣшеніе этого военнаго трибунала должно быть скорое, чтобъ не дать времени ни одуматься ни проявить колебанія малодушнымъ членамъ. Чѣмъ гнуснѣе предстоитъ кровавое дѣло, тѣмъ скорѣе убійца долженъ довести его до желаннаго конца. Всякое промедленіе опасно.

Когда Катина и Кузнецова утромъ выводили изъ «секретки» подъ вооруженнымъ конвоемъ и они проходили по узкому проходу тюремнаго двора мимо камеръ своихъ товарищей, — политическихъ заключенныхъ, тѣ повскакали на окна, привѣтствовали борцовъ-мучениковъ радостными криками, пропѣли имъ по-

хоронный маршъ... Этой пѣснѣ вторила буря, и вѣтеръ съ неимовѣрной силой крутилъ и злился и обдавалъ снѣжной пылью разгоряченныя лица товарищей, высунувшихся въ открытыя форточки.

Эта расходившаяся непогода вторила настроенію; какъ будто злыми порывами, вихремъ вздымая снѣгъ, она хотѣла выразить свой протестъ противъ судейской жестокости.

Вѣдь одинъ изъ тѣхъ, кого вели на засѣданіе трибунала, былъ совершенно невиненъ. Всѣ улики сводились противъ него только къ тому, что онъ побѣжалъ послѣ того, какъ Катинъ выстрѣлилъ въ Богдановича и при обыскѣ у него нашли револьверъ. Развѣ это доказательство виновности? А вѣдь судъ его присудилъ къ смерти!

Это понимали всѣ... Всѣ были увѣрены...

Въ 10 часовъ утра Катина и Кузнецова, окруженныхъ плотнымъ кольцомъ изъ казаковъ, промчали по улицамъ Тамбова къ зданію Окружнаго суда. Эта кавалькада мчалась съ такой скоростью, какъ будто соперничала съ быстротою вѣтра, залѣплявшаго снѣгомъ глаза прохожихъ, и мчавшихся всадниковъ.

Небо покрылось черными свинцовыми тучами, не пропускавшими солнца. Настроеніе было мрачное и тяжелое, какъ и въ самомъ залѣ суда, гдѣ должна была разыграться наглая игра въ справедливость, законность, въ то время, когда смертный приговоръ былъ уже заранѣе предрѣшенъ судьями.

Когда судъ начался и офицера-судьи заняли свои мѣста за краснымъ столомъ съ торжественными, равнодушными лицами, явился на засѣданіе только что пріѣхавшій изъ столицы Кальмоновичъ, защитникъ невиннаго Кузнецова. Поздоровавшись со своимъ кліэнтомъ, котораго онъ впервые увидалъ здѣсь, на судѣ, Кальмоновичъ занялъ свое мѣсто и приступилъ къ дѣлу.

Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ онъ былъ вызванъ кѣмъ-то изъ залы суда. Черезъ нѣсколько минутъ Кальмоновичъ возвратился и заявилъ военному суду, что сейчасъ его вызы-

валъ жандармскій офицеръ, который объявилъ ему, что пріѣхалъ его арестовать. Кальмоновичъ просилъ судъ не допускать этого, такъ какъ подсудимый Кузнецовъ останется безъ защитника; объяснялъ суду, что этотъ арестъ жандармы могутъ произвести позднѣе, послѣ суда, такъ какъ онъ обѣщаетъ не скрываться, не уклоняться отъ ареста.

Судъ сдѣлалъ перерывъ и ушелъ въ совѣщательную комнату.

Возвратившись и открывъ вновь засѣданіе, судъ вызвалъ въ залъ пріѣхавшаго за Кальмоновичемъ жандармскаго офицера и спросилъ его, имѣетъ ли онъ секретное предписаніе объ арестѣ генералъ - губернатора Клавера.

Послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ.

Заявленіе это занесли въ протоколъ, и судъ попросилъ защитника Кальмоновича покинуть залъ суда.

Возмутившись такимъ грубымъ нарушеніемъ правъ защитника на судѣ, возможностью вмѣшиваться въ дѣло защиты полицейскимъ чинамъ, Кальмоновичъ горячо отстаивалъ свои права, убѣждалъ судъ или отложить этотъ арестъ до окончанія разсмотра дѣла, или отложить засѣданіе суда, пока другой присяжный повѣренный не будетъ имѣть возможности принять на себя защиту.

Говорилъ сильно, убѣдительно...

Просилъ занести въ протоколъ суда отвѣтъ Кузнецова на заданный ему вопросъ: считаетъ ли онъ возможнымъ судопроизводство безъ защитника, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, указывалъ, что этимъ нарушаются основные принципы суда, его справедливость, уничтожается къ нему довѣріе общества.

Всѣ его слова были тщетны.

Его вывели изъ зала, посадили на лошадь чиновника особыхъ порученій Болдырева и окруженнаго конвоемъ казаковъ быстро умчали въ тюрьму.

За то, что добрый, хорошій человѣкъ хотѣлъ честно исполнить свой долгъ, — защищать невиннаго человѣка предъ военнымъ

трибуналомъ, вырвать его изъ рукъ палачей, спасти ему жизнь, его самого какъ преступника, безъ объясненія причинъ, безъ всякаго повода посадили въ острогъ, въ одиночную камеру.

Безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ чужомъ далекомъ городѣ, ему пришлось встрѣчать рождественскіе праздники въ тюрьмѣ, за одну лишь попытку своимъ горячимъ честнымъ словомъ открыть преступнымъ судьямъ глаза, что тотъ, котораго они заранѣе предрѣшили по указанію властей казнить, не можетъ быть казненъ, — онъ невиненъ...

Если же все-таки его казнятъ, то онъ имъ ясно, безошибочно, докажетъ, что они не судьи, а убійцы, что они — не честные люди, руководящіеся велѣніями своей неподкупной совѣсти, въ тогу которыхъ они нарядились.

И вотъ правительство испугалось этого и рѣшило смѣльчака спрятать, убрать подальше, чтобы голосъ его, какъ изъ гроба, не могъ быть ни кѣмъ услышанъ.

Подсудимаго Кузнецова тоже увели изъ зала суда, но потомъ черезъ нѣсколько времени вернули.

На судѣ Катинъ показалъ, что онъ убилъ Богдановича, онъ одинъ и больше никто... Кузнецовъ невиненъ и никакого участія не принималъ.

Кузнецовъ показалъ, что онъ не убивалъ Богдановича, не принималъ участія, находился въ толпѣ совершенно случайно.

Но для этихъ судей всѣ доводы были неубѣдительны... Имъ нужно было только скорѣе довести свою роль до конца. Имъ нужно было разыграть эту гнусную комедію въ справедливость, въ защиту законности и права.

Въ воздухѣ уже чувствовалась смерть. Настроеніе на этомъ судбищѣ было кошмарное, тяжелое.

Невиновность Кузнецова чувствовалась всѣми, она доказана, неоспорима; защитникъ его увезенъ изъ залы въ тюрьму.

Смерть этого несчастнаго, невиннаго человѣка, какъ призракъ бродила въ этомъ залѣ между креслами суровыхъ инквизиторовъ и торопила ихъ скорѣе прійти къ желанному концу.

Состояніе присутствующихъ было ужасное... Не хотѣлось вѣрить, чтобъ это былъ дѣйствительный судъ, переживаемый нынѣ, въ цивилизованной странѣ. Это даже не нашъ старинный Шемякинъ судъ, нѣтъ... Это — судъ средневѣковый; сколокъ съ испанской инквизиціи въ старыя времена. Та же тяжелая атмосфера, удручающая жестокость, несправедливость, жажда крови...

Одно лицо, присутствовавшее на этомъ трибуналѣ, разсказывало, что болѣе тяжелаго, страшнаго въ жизни ему не приходилось наблюдать; никакія картины, рисовавшіяся въ его воображеніи, не могли набросать ему такой суровой дѣйствительности, ни чтеніе книгъ ни разсказы не дѣйствовали на него такъ удручающе какъ эта современная картинка суда равнаго для всѣхъ, справедливаго и скораго.

Всѣ знали, что во время судопроизводства губернаторъ Лауницъ сообщилъ прокурору, чтобъ онъ позаботился о приготовленіяхъ къ казни.

Къ чему же этотъ судъ, когда съ утра готовятся для двухъ лицъ столбы, вкапываются въ ямы, слѣдуютъ распоряженія...

Кого хочетъ этимъ обманывать правительство? Все равно преступленіе скрыть нельзя, оно будетъ взывать къ народу и потребуетъ возмездія... И оно скоро явится!..

Послѣ продолжительнаго совѣщанія судьи вынесли приговоръ: смертная казнь обоимъ, и тутъ же объявили имъ, что права кассаціи они не имѣютъ и что казнь будетъ немедленно приведена въ исполненіе.

Дѣйствительно, съ утра въ тюрьмѣ шли приготовленія къ казни.

Мимо оконъ политическихъ заключенныхъ сначала пронесли два деревянныхъ столба, потомъ прошло нѣсколько человѣкъ съ кирками, ломами... потомъ пронесли два деревянныхъ, некрашен-

ныхъ гроба. Въ этомъ узкомъ проходѣ было замѣтное оживленіе, сновали люди взадъ, впередъ, суетились...

Съ тревогой, съ тяжелымъ чувствомъ ожиданія товарищи слѣдили за развитіемъ ужасной картины приготовленія къ казни.

Черезъ открытыя форточки они ясно услышали звонкіе удары желѣза о мерзлую заледянѣвшую землю. Слышны имъ были сухіе, гулкіе звуки разворачиваемой земли... То вкапывали въ землю столбы, къ которымъ будутъ привязаны ихъ дорогіе товарищи, отдавшіе свою жизнь за счастье родины.

Слышались разговоры, отдѣльныя короткія распоряженія, отдаваемыя начальникомъ тюрьмы, замѣчанія, хохотъ...

Долетали до ихъ ушей циничныя шутки тюремщиковъ.

Въ срединѣ дня пріѣхалъ главный руководитель казни, главный тамбовскій палачъ реакціоннаго правительства — Луженовскій. Онъ внимательно осмотрѣлъ всѣ приготовленія, сдѣлалъ кой-какія указанія, дополненія, спросилъ у начальника тюрьмы, отыскалъ ли онъ среди содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ палача для повѣшенія и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сердито насупился.

Проходя мимо оконъ политическихъ заключенныхъ и увидѣвъ въ окнахъ встревоженныя лица, приказалъ начальнику тюрьмы, когда прибудетъ въ тюрьму военный караулъ для казни, поставить противъ каждаго окна часового, съ наведеннымъ ружьемъ. Въ случаѣ какого-либо демонстративнаго протеста съ ихъ стороны приказалъ стрѣлять въ эти окна.

Отдавъ всѣ распоряженія самъ, онъ уѣхалъ къ воинскому начальнику для вызова изъ мѣстныхъ военныхъ командъ добровольцевъ для разстрѣла. Не даромъ насупился Луженовскій, получивъ отвѣтъ отъ начальника тюрьмы, что не находится палачей среди арестантовъ тамбовской тюрьмы. Каторжанамъ предлагали по 100 руб. за голову, но они дали начальству такой отвѣтъ: «Вотъ васъ мы даромъ повѣсимъ на собственныхъ кандалахъ и ничего не возьмемъ, а ихъ не хотимъ вѣшать».

Что дѣлать, если среди солдатъ также не найдется ни одного добровольца палача, какъ быть тогда?

Невольно этотъ вопросъ заставилъ Луженовскаго непріятно нахмурить брови.

Останется тогда исполнить ему, какъ усердному служакѣ, эту роль и самому затянуть петлю...

Правда, работа грязная, но... другого выхода нѣтъ!

Поиски его оказались успѣшными, и среди солдатъ нашлись добровольцы, и даже много, больше чѣмъ нужно.

Въ 8 часовъ вечера заключенные видѣли, какъ мимо нихъ подъ окнами съ быстротой промчались казаки, съ рѣзкимъ гиканьемъ какъ дикая орда, среди облака снѣга. Это они везли Катина и Кузнецова изъ суда для приведенія надъ ними въ исполненіе приговора. Ихъ посадили вновь въ «секретку».

Нужно было торопиться съ казнью: скоро наступитъ сочельникъ, а въ этотъ великій день даже у грязныхъ преступныхъ людей и то есть желаніе отдохнуть отъ крови, отъ своихъ злыхъ дѣяній.

Па дворѣ было крайне шумно, казаки громко хохотали, вели оживленныя бесѣды; всѣ суетились, къ чему-то готовились, точно къ празднику, чему-то торжественному.

Окна «секретки», въ которой находились Катинъ и Кузнецовъ, выходили на лобное мѣсто, гдѣ были вкопаны въ землю два столба. Изъ оконъ они смотрѣли на всю эту оживленную толпу, на ихъ старательную работу.

Вотъ протащили мимо нихъ нѣсколько концовъ веревокъ и бросили ихъ у подножія столбовъ.

Невдалекѣ стояли два простыхъ сосновыхъ гроба.

Ругательства казаковъ, цинизмъ ихъ, смакующій обстоятельства предстоящей казни, долетали до ушей несчастныхъ, приговоренныхъ къ смерти.

Приготовленія всѣ кончились... но почему-то ихъ не выводятъ, ждутъ чего-то.

Ждутъ начальство!.. Ждутъ палачей!..

Первымъ пріѣхалъ Луженовскій. Онъ подошелъ къ столбамъ, потолкалъ ихъ: убѣдился, что они вкопаны въ землю крѣпко, основательно, сказалъ: «Хороши столбы, но лучше было бы, если бъ на нихъ была перекладина. Жаль палача не нашлось, а то бы совсѣмъ хорошо было!»

Затѣмъ появились добровольцы-солдаты и нѣсколько представителей отъ черной сотни, получившихъ отъ губернатора билетъ на входъ для присутствія на мѣстѣ казни.

Буря утихла. Прекрасная ночь съ блестящими яркими звѣздами окутывала эту зловѣщую картину казни. Морозъ крѣпчалъ.

Вскорѣ собрались всѣ власти, и Катина и Кузнецова вывели изъ «секретки». Они шли безъ шапокъ, въ верхней одеждѣ; ихъ окружали четыре тюремщика съ факелами, дальше шли казаки; вдоль стѣны двора были разставлены часовые...

Наступила тишина.

Они приблизились къ столбамъ, ихъ привязали...

Подошелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ.

Они отказались, пославъ его къ тѣмъ, кто осудилъ и кто прольетъ ихъ кровь...

Имъ прочли смертный приговоръ... Они выслушали его твердо, молча.

Раздалась команда: «Ружья на плечо!..»

Прошла длинная пауза, затѣмъ: «пли»... второй залпъ... и все смолкло...

Въ морозномъ воздухѣ съ сухимъ трескомъ простреkотали пули. Звукъ растаялъ въ черномъ эѳирѣ ночи... И спокойныя, прекрасныя звѣзды все такъ же весело мигали и ярко свѣтили на землю, какъ будто не видали человѣческой жестокости, — пролитой крови.

На другое утро хмурый и пасмурный солдатъ угрюмо вынималъ пули, засѣвшія въ каменной стѣнѣ. Ихъ было много и сидѣли онѣ глубоко и часто.

***

Пс осмотрѣ врача, приглашеннаго констатировать смерть казненныхъ, оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ мертвъ, а другой еще дышалъ.

Присутствовавшія власти забезпокоились и готовы были подвергнуть умирающаго новому разстрѣлу, но врачъ на заданный ему вопросъ заявилъ категорически, что несчастный скоро умретъ самъ, такъ какъ раны смертельны.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени смерть прекратила его ужасныя мученія.

***

Наступила широкая масленица...

Но невесело въ этомъ году встрѣчаютъ и проводятъ на Руси любимые народные праздники. Всюду льется кровь, слышатся предсмертные стоны, со всѣхъ сторонъ несутся вопли засѣченныхъ нагайками, замученныхъ, разоренныхъ людей.

Особенно встревожились въ эти дни жители Верхнеудинска. 13 челѵвѣкъ предстали, по распоряженію генерала Ренненкампфа, предъ военнымъ судомъ.

Что ихъ ждетъ? Какая участь будетъ рѣшена этимъ военнымъ трибуналомъ подъ предсѣдательствомъ командира стрѣлковаго полка Хрусталева и офицеровъ того же полка? Всѣ съ замираніемъ сердца ожидали страшнаго жестокаго приговора.

Суду было предписано окончить къ вечеру того же дня засѣданіе и вынести приговоръ, а вѣдь свидѣтелей нужно допросить болѣе, чѣмъ 70 человѣкъ.

Этотъ судъ долженъ былъ вестись на скорую руку, такъ, для проформы только; развѣ можно было дѣйствительно выяснить истинную виновность 13-ти человѣкъ въ теченіе 12-ти часовъ при такой массѣ свидѣтельныхъ показаній?

Конечно, нѣтъ. Этотъ судъ такъ же, какъ и тотъ, который былъ описанъ выше, выполнялъ только свою гнусную роль подъ личиной присвоеннаго уваженія къ себѣ общества, того довѣ-

рія, которое воспиталось за многіе годы въ цивилизованныхъ странахъ.

Защищалъ всѣхъ тринадцать подсудимыхъ одинъ казенный защитникъ, назначенный военнымъ судомъ, — пѣхотный подпоручикъ Ослизловъ. Что могъ онъ одинъ сдѣлать, имѣя такъ много кліэнтовъ. вѣдь не судьба ихъ, а жизнь находилась въ рукахъ защиты. Отъ него, какъ отъ сильнаго, опытнаго защитника, могло зависѣть многое, если бы ему было подъ силу одному вести такое огромное и страшное отвѣтственное дѣло.

Но, очевидно, судъ рѣшилъ, что защита не нужна, будетъ тормозить только дѣло; но такъ какъ офиціально устранить ее совершенно нельзя, то оставили ее въ такихъ размѣрахъ и поставили ее въ такія условія, въ которыхъ все равно защита не дѣйствительна.

Обвинительный актъ былъ врученъ всѣмъ обвиняемымъ за семь часовъ до начала суда, который былъ составленъ на основаніи жандармскаго дознанія ротмистромъ Плѣшаковымъ.

Какъ видитъ читатель, всѣ данныя такого судопроизводства говорятъ за то, что судьями были приняты всѣ необходимыя мѣры, чтобы какимъ-нибудь путемъ намѣченныя генераломъ Ренненкампфомъ жертвы не могли избѣжать смерти. Это былъ не судъ, а лишь необходимая для обмана общества и всего народа лицемѣрная игра; это было верховное судилище испанской инквизиціи.

Изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній были выслушаны и приняты во вниманіе только тѣ, которыя доказывали или косвеннымъ путемъ подтверждали виновность обвиняемыхъ.

Всѣ же показанія, которыя могли бы уничтожить первыя или показать невѣрность, сбивчивость ихъ и послужить къ оправданію человѣка, къ доказательству его полнѣйшей невиновности, совершенно не выслушивались, прерывались предсѣдателемъ, если защитникъ останавливалъ на нихъ вниманіе судей.

Въ числѣ свидѣтелей находился священникъ Климовичъ, показаніямъ котораго придавалось со стороны обвиненія большое значеніе: но при болѣе внимательномъ отношеніи его показанія могли быть отнесены только къ числу такихъ, которыя не имѣютъ никакой цѣны. Съ этимъ священникомъ произошелъ на судѣ любопытный инциндентъ. Показывая на одного рабочаго, (Гордѣева) служащаго въ депо, добрый пастырь называлъ его лѣнтяемъ, бездѣльникомъ, бунтовщикомъ. Судъ спросилъ священника, почему онъ знаетъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, и есть ли эта характеристика плодъ его собственныхъ наблюденій.

Батюшка отвѣтилъ, что ему часто приходится бывать въ депо, по нѣсколько разъ въ недѣлю, и потому онъ лично знаетъ всѣхъ рабочихъ.

Тогда изъ группы обвиняемыхъ вышелъ рабочій и спросилъ: «Скажите, батюшка, а кто я такой? — Знаете ли меня?»

Богобоязненный іерей осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, подумалъ и отвѣтилъ: «Какъ же васъ всѣхъ-то узнать! Много народу въ депо»...

«А я, батюшка, и есть тотъ самый Гордѣевъ, про котораго вы сейчасъ такія скверныя слова говорили. И не стыдно вамъ, не видавши человѣка въ глаза, напраслину на него возводить». Но тутъ рѣзко вмѣшался предсѣдатель и прекратилъ этотъ инциндентъ.

Отсюда ясно, дѣйствительно ли нужны были для суда свидѣтели, нужно ли было судьямъ доискиваться истины, или для нихъ было достаточно тѣхъ «агентурныхъ» данныхъ, которыя имъ доставила услужливая жандармская полиція. Сыскъ и шпіонство при современныхъ условіяхъ, очевидно, признается наивѣрнѣйшимъ путемъ для овладѣнія истиной, а потому судъ исключительно основывается на этихъ базахъ.

Засѣдали въ судѣ 5 судей; изъ нихъ одинъ былъ предсѣдателемъ.

Въ залѣ, въ коридорахъ, въ свидѣтельскихъ комнатахъ, у входовъ и вокругъ подсудимыхъ, всюду были разставлены солдаты съ ружьями и штыками. Этотъ видъ войска въ зданіи суда и судей, одѣтыхъ въ военные мундиры, производилъ удручающее впечатлѣніе; жутко становилось за подсудимыхъ, глядя на тупыя, суровыя физіономіи судей, совершенно не знакомыхъ съ кодексомъ судопроизводства и даже въ общемъ смыслѣ мало культурныхъ. Члены этого военнаго трибунала служили какъ бы олицетвореніемъ физической силы, права кулака и оружія. Мысль объ отвѣтственности судьи, а не мысли, во власти котораго казнить и миловать стоящихъ людей, очевидно, никого не смущала предъ нимъ.

Сознавая свою силу, предсѣдатель грубо и рѣзко обращался съ подсудимыми и свидѣтелями. Каждый свидѣтель, въ свою очередь, боялся попасть на скамью подсудимыхъ, разгнѣвавъ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ суровыхъ судей.

Три часа подсудимые стояли предъ судомъ, не получая разрѣшенія сѣсть, и послѣ того, какъ многіе не могли этого больше вынести, вслѣдствіе большой усталости, предсѣдатель разрѣшилъ.

Кто же эти преступники и въ чемъ заключается ихъ вина? За что ихъ судятъ такимъ суровымъ судомъ? За убійство, за грабежъ, за вооруженное нападеніе на мирныхъ гражданъ?

Нѣтъ! ихъ судятъ за «слово»! За то, что они повѣрили манифесту 17 октября, повѣрили въ возвѣщенную имъ «свободу слова» и свободно говорили на митингахъ, собраніяхъ, произносили рѣчи на современныя политическія темы. Наконецъ за то, что участвовали, а нѣкоторые руководили желѣзнодорожной забастовкой.

Вотъ вся ихъ вина!..

Всѣ они желѣзнодорожные служащіе: начальникъ депо инженеръ Медвѣдниковъ, завѣдующій матеріальнымъ складомъ Гольцсобель, машинистъ Малютинскій, рабочій Гордѣевъ, Шульцъ, начальникъ станціи Пашинскій и др.

Къ тремъ часамъ пополудни судъ закончилъ это дѣло. Разбирательство длилось всего 5—$5^1/_2$ часовъ. Точный исполнитель предписаній начальства, судъ, вынесъ слѣдующій приговоръ: Для девятерыхъ человѣкъ — смертная казнь черезъ повѣшеніе и для четырехъ — каторга.

Затѣмъ военная администрація сейчасъ же распорядилась, лицъ, приговоренныхъ къ смерти, отправить въ арестантскій вагонъ, стоявшій на запасномъ пути, а четырехъ счастливцевъ, избѣжавшихъ смерти, подъ конвоемъ препроводить въ тюрьму.

Въ числѣ приговоренныхъ къ повѣшенію находился начальникъ станціи Пашинскій. У него было четверо человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ младшему четыре года. Мать слегла въ постель подъ вліяніемъ всего пережитаго, а дѣтишки, по собственному почину, написали генералу Ренненкампфу письмо, въ которомъ своимъ дѣтскимъ лепетомъ молили суроваго генерала «пожалѣть папу» и не убивать его. Ночью бѣдныя дѣти были потребованы въ вагонъ къ Ренненкампфу, и нужно думать, дѣтское горе было безгранично велико, если смягчилось сердце этого жестокаго человѣка, и онъ замѣнилъ казнь каторгой... Говорятъ, онъ даже приласкалъ самую маленькую дѣвочку, сказавъ, что дѣтокъ очень любитъ.

Кромѣ Пашинскаго, Ренненкампфъ помиловалъ еще троихъ, приговоренныхъ къ смерти.

12 февраля, около 3 часовъ пополудни, т.-е. приблизительно черезъ 36 часовъ, казнь пятерыхъ осужденныхъ была приведена въ исполненіе... Подъ сильнымъ конвоемъ ихъ повели къ лѣсу около вокзала(фамиліи ихъ приведены выше въ спискѣ).

Собралось множество публики, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; съѣхались изъ сосѣднихъ деревень и селъ посмотрѣть на эту публичную казнь. Чтобы лучше было видѣть, многіе залѣзали на деревья, располагались на нижнихъ сучьяхъ. Нужно замѣтить, что послѣ казни на Семеновскомъ плацу въ Петербургѣ въ 81-омъ году больше ни одна казнь не производилась публично,

это было запрещено закономъ. За 25 лѣтъ это впервые казнили людей среди бѣлаго дня, при громадномъ стеченіи народа.

За неимѣніемъ палачей, исполненіе казни было возложено на офицера Верхнеудинскаго полка Галуба, а самое большое вниманіе техникѣ казни удѣлилъ гвардейскій офицеръ изъ штаба Ренненкампфа, Гулевичъ. Онъ завязывалъ петли па веревкахъ, пробовалъ ихъ прочность, давалъ всѣ необходимыя указанія, распоряженія.

Но, несмотря на большіе чины и громкія имена добровольцевъ-палачей, техника казни была отвратительно поставлена.

Не были приготовлены заранѣе необходимыя для повѣшенія скамейки, и осужденнымъ пришлось ждать болѣе часа.

Въ лѣсу было вырыто пять могилъ и поставлено столько же висѣлицъ. Въ ожиданіи приготовленія скамеекъ, осужденные бодро и съ большимъ достоинствомъ держали себя. Они разговаривали другъ съ другомъ, курили папиросы, разсматривали вырытыя для нихъ могилы. Окружавшая толпа хранила гробовое молчаніе. Картина была до ужаса грандіозна. Спокойствіе, равнодушіе къ смерти мучениковъ-героевъ, короткое слово, обращенное завѣдующимъ матеріальнымъ складомъ Гольцсобелемъ къ народу:

«Мы умираемъ за васъ, за вашу свободу.—Вы отомстите имъ!»

Все это наэлектризовывало нервы тысячной толпы... Эти минуты не забудутся никогда въ жизни, передадутся изъ устъ въ уста, перейдутъ отъ родителей къ дѣтямъ.

Въ сердцахъ запечатлѣется навѣки, что казнили не разбойниковъ и грабителей, а лучшихъ людей родины, самыхъ мужественныхъ, сильныхъ и прекрасныхъ.

Первымъ вѣшали рабочаго Гордѣева, но веревка оказалась длинна, и казненный, когда повисъ на ней, коснулся ногами земли. Начались страшные судороги. Со стороны было мучительно смотрѣть на несчастнаго, у котораго ноги при раскачиваніи корпуса цѣпляли землю. Въ толпѣ прошелъ какой-то зловѣщій шо-

потъ. Одинъ солдатикъ не смогъ перенести эту картину человѣческихъ страданій, по собственной иниціативѣ пристрѣлилъ его изъ ружья. Остальные четверо осужденныхъ смотрѣли на жестокую казнь своего товарища и съ поразительнымъ спокойствіемъ ожидали и себѣ такой же участи.

Второго стали вѣшать другимъ способомъ: солдаты подняли его на руки за туловище и просунули его голову въ петлю. Палачъ, стоя на табуретѣ, расправилъ эту петлю на шеѣ, затянулъ ее у затылочной части, а потомъ сразу, по указанью палача, солдаты разжали руки; въ то же время стоявшій на табуретѣ своей рукой прижалъ за плечи повѣшеннаго къ землѣ, такимъ образомъ удалось имъ избѣжать первой ошибки: ноги его не волочились по землѣ, и петля скоро сдѣлала свое дѣло. Послѣ небольшихъ конвульсій онъ скоро затихъ.

Когда вѣшали Гольцсобеля тѣмъ же пріемомъ, онъ самъ давалъ указанія палачу, какъ именно слѣдуетъ наложить петлю, чтобъ скорѣе задушить человѣка, объясняя, почему указываемыя имъ пріемы вѣрнѣе и быстрѣе достигаютъ своей цѣли.

Инженеръ-технологъ Медвѣдниковъ долго мучился въ судорогахъ, очевидно, петля была плохо положена на горловыя связки, здѣсь сказалась неопытность палачей. Его мученія были прекращены только тогда, когда солдатъ выстрѣлилъ ему въ високъ. Тогда конвульсіи прекратились, и трупъ спокойно повисъ на веревкѣ.

Послѣднимъ вѣшали машиниста Малютинскаго; когда его солдаты приподняли и просунули голову въ петлю и разжали руки по слову палача, то Малютинскій, повисѣвъ нѣсколько секундъ. отъ конвульсій и судорогъ сорвался и грохнулся на землю.

Толпа, какъ одинъ человѣкъ, вскрикнула: «Нельзя вѣшать! Нельзя!.. Самъ Богъ за него!..» Въ отвѣтъ на этотъ крикъ, по приказу военнаго начальства послѣдовала грозная команда: «Ружья на прицѣлъ! Пли!..» и грянули въ толпу два залпа.

Толпа въ страшной паникѣ разбѣжалась, къ счастью, большинство солдатъ стрѣляло въ воздухъ. Раненыхъ оказалось только трое.

Малютинскаго подняли съ земли... вновь просунули голову въ петлю... и покрѣпче затянули ее.

Больше онъ не срывался!

Безсердечность генерала Ренненкампфа пошла дальше... Онъ приказалъ семьямъ убитыхъ выѣхать за предѣлы Забайкалья въ 24 часа. Послѣ Гольцсобеля остались беременная на 8-омъ мѣсяцѣ жена и семь человѣкъ дѣтей; двухъ мальчиковъ, учившихся въ реальномъ училище, велѣлъ взять изъ училища...

***

Спиридонова была весела, улыбалась и привѣтливо качала головой при встрѣчахъ со своими знакомыми, когда ее везли въ судъ. Былъ одиннадцатый часъ утра; рядомъ съ ней сидѣлъ на извозчикѣ жандармъ, а кругомъ ея верхами гарцовали казаки.

Было хорошее утро, солнце ярко освѣщало пробуждающуюся весеннюю природу, оно своими мягкими, теплыми лучами нѣжно ласкало первые проблески новой жизни, ободряя души, вселяя надежды. На улицахъ было много народа, многіе хотѣли ее видѣть, поклониться ей, послать привѣтствія.

Она была блѣдна, только щеки неестественно горѣли красными пятнами, да темные круги подъ глазами придавали ей что-то воодушевленное, загадочное. Большіе глаза, казалось, смотрѣли откуда-то изъ глубины, изъ черной пропасти и оттуда горѣли прекраснымъ огнемъ. Эти глаза ощущали близость смерти. Она знала, что другого приговора, кромѣ того, который она получила, т.-е. смертной казни и не могло быть.

Да, кромѣ того, смерть ей будетъ желаннымъ концомъ, выходомъ изъ настоящаго положенія...

Она много принесла уже на алтарь своей родины, она принесла свои муки, страданія. Она отдала ей свою чистоту, цѣломудріе дѣвушки, красоту, молодость.

Теперь же ей вѣчный покой будетъ лучшимъ концомъ, лучшимъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ послѣ ея мукъ. Все равно жить она не сможетъ. Она не переживетъ всего того, что перенесла за это время. Она умретъ счастливо... съ радостью...

Такъ говорили ея умные, выразительные глаза... Такъ говорило ея вдохновенное прекрасное лицо...

Судъ продолжался всего $3—3^1/_2$ часа.

На судѣ Марія держала себя очень просто, объясненія давала въ живой, образной формѣ, много смѣялась хорошимъ безыскусственнымъ смѣхомъ. Одинъ господинъ, присутствовавшій на судѣ Спиридоновой, и раньше три мѣсяца назадъ на судѣ Катина и Кузнецова, приговоренныхъ также къ смертной казни, разсказывалъ, что на этомъ судѣ онъ вынесъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, бодрое, сильное... Насколько тогда въ воздухѣ чувствовалась смерть, пахло чѣмъ-то тяжелымъ, средневѣковымъ, кошмарнымъ, настолько теперь, благодаря обаятельному впечатлѣнію Маріи, этого не чувствовалось, онъ присутствовалъ какъ бы на митингѣ, гдѣ докладчицей была не приговоренная къ смерти дѣвушка, а одна изъ работницъ освободительнаго движенія.

Когда Марія сидѣла въ тюрьмѣ до суда, она съ громадными трудностями написала свою рѣчь для судебнаго засѣданія; это стоило ей огромнаго труда, такъ какъ надзоръ за ней велся со стороны тюремной администраціи и часовыхъ, поставленныхъ у дверей, самый тщательный, самый невозможный.

Ни одной минуты она не могла быть предоставленной самой себѣ, всюду глазокъ наблюдателя слѣдилъ за ней, за каждымъ ея движеніемъ. Послѣдній мѣсяцъ она ложилась въ кровать не раздѣваясь, такъ какъ не могла разоблачаться на глазахъ любопытствующаго солдата.

Если она заходила за край притолки тюремной двери и часовому ея не было видно черезъ форточку въ дверь, онъ окрикивалъ ее, говорилъ ей, чтобы она не пряталась, звонилъ въ контору къ начальству. Всѣмъ часовымъ было отдано приказаніе,

что если они увидятъ, что она что-либо пишетъ, даже если увидятъ карандашъ въ ея рукѣ, то чтобы немедленно звонили къ начальству. И, дѣйствительно, тюремная стража усердствовала и даже изъ ряда вонъ усердствовала: однажды, сидя на кровати, Марія глубоко о чемъ-то задумалась; глаза устремились впередъ; неясно, неопредѣленно блуждали они по сѣрой, штукатурной тюремной стѣнѣ; въ головѣ проносились мысли, воспоминанія о прошломъ, о волѣ... Въ эту минуту раздался грубый окрикъ часового: «Ей, ты! Куда уставилась-то?.. Перестань смотрѣть».

Марія улыбнулась.

Ей даже нельзя смотрѣть. Такъ почему же Аврамовъ оставилъ ей второй глазъ; если нельзя смотрѣть, то пусть выбилъ бы и этотъ глазъ, какъ выбилъ первый. И все-таки, несмотря на такой надзоръ, на надзоръ только въ смыслѣ шпіонскаго сыска, она пролеживала на полу безъ всякаго участія, безъ всякаго человѣколюбиваго вниманія, захлебываясь въ собственной крови, хлеставшей изъ горла; она падала въ безпамятствѣ на полъ даже въ послѣднее время, когда уже значительно поправилась, въ приступѣ сильнаго кашля и волненія. Полъ окрашивался кровью, и часовой успокоительно рѣшалъ, глядя на это состояніе черезъ форточку, что теперь она не опасна, ничего не напишетъ; въ такомъ положеніи можетъ пребывать сколько угодно, отъ этого никакого худа не выйдетъ ни для тюремщиковъ ни для администраціи.

И вотъ, несмотря на такой полицейскій надзоръ, она написала для суда свою рѣчь, тщательно прятала рукопись во французскую булку, оберегала ее всячески, и каковъ ея былъ ужасъ, когда однажды торжествующая надзирательница открыла мѣсто конспираціи и похитила рѣчь и булку. Послѣ такой утраты Марія захворала, усилилось кровотеченіе, боль въ груди. Ея послѣднія думы, ея мысли, которыя она хотѣла открыто сказать на судѣ. передъ всѣми, у нея похитили незаконно, какъ нѣчто преступное, опасное.

Около трехъ часовъ дня ее также провезли черезъ весь городъ изъ залы суда назадъ въ тюрьму.

Попрежнему по улицамъ гуляли толпы народа. Приговоръ суда «смертная казнь черезъ повѣшеніе», какъ молнія облетѣлъ весь городъ. Всѣ знали, что теперь ее везутъ уже «приговоренную къ смерти».

Она попрежнему весело смотрѣла своими большими глазами на эту нарядную гуляющую толпу. На улицѣ ея этотъ страшный приговоръ ничѣмъ не отразился. Она ѣхала, какъ будто не было вблизи призрака смерти. Она такъ же улыбалась, такъ же привѣтливо и мило кивала головой своимъ знакомымъ...

И эта готовность къ смерти, такое равнодушное отношеніе къ жизни, въ то время, когда полной грудью вдыхаешь въ себя весенній кислородъ воздуха, когда нѣжные лучи ласкающаго солнца яркими красивыми бликами ложатся на щеки, на лицо, когда кругомъ шумъ, говоръ сытой и веселой толпы, съ ея животной потребностью хвататься за жизнь до послѣдней капли своей крови, до послѣдняго издыханія, — все это производило ужасное, потрясающее впечатлѣніе.

Ея прекрасная, обоятельная личность произвела глубокое впечатлѣніе на судей. Спокойная, плавная рѣчь, излагавшая во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства убійства Луженовскаго, со всѣми мелочами и деталями, искренность изложенія дѣйствовали подкупающимъ образомъ на слушателей на весь персоналъ суда.

Разсказывая о Луженовскомъ, рисуя картину тѣхъ дѣяній палача, отъ которыхъ жутко становилось судьямъ, обрисовывая личность того, кого она убила, въ яркихъ сильныхъ краскахъ, она завоевывала себѣ всеобщую симпатію.

Ея маленькая хорошенькая фигурка съ прекраснымъ одухотвореннымъ лицомъ выдѣлялась на этомъ судбищѣ среди окружавшихъ штыковъ, сѣрыхъ солдатскихъ шинелей и грубыхъ лицъ

судей, какъ свѣтлый лучъ, упавшій въ подземное царство, гдѣ господствуютъ темныя силы, произволъ и анархія.

Ея спокойствіе, веселый задушевный смѣхъ давали присутствовавшимъ внутреннее успокоеніе, что свѣтъ побѣдитъ царство тьмы, озаритъ эти инквизиціонные застѣнки, разрушитъ ихъ.

Подкупающимъ образомъ дѣйствовало на судей сознаніе того ужаса, тѣхъ мукъ, которые пришлось пережить этой хрупкой по внѣшности, но могучей по духу, прекрасной женщинѣ. Ея видъ, вся внѣшность говорили о тѣхъ нечеловѣческихъ страданіяхъ, которыя она испытала. Протоколъ осмотра слѣдовъ на тѣлѣ ея истязаній, прочитанный на судѣ тюремнымъ врачомъ Финкомъ, уничтожилъ всякія сомнѣнія въ нихъ. Стало страшно и жутко судьямъ. Въ нихъ проснулась совѣсть. Неужели имъ придется добить эту несчастную дѣвушку, повѣсить ее?..

Вѣдь они созваны сюда правительствомъ, какъ вѣрные рабы своего повелителя, чтобы безъ милосердія, безъ колебаній казнить ее. А между тѣмъ рука не подымается. Красота духа, величіе ея образа, трагизмъ пережитаго тронули жестокія, холодныя сердца судей-палачей, и въ душѣ своей они готовы уже были вынести ей мягкій гуманный приговоръ, который подсказывала имъ совѣсть. Но запросы души, колебанія совѣсти были подавлены тотчасъ же въ одну минуту, какъ только поняли они, что сдѣлать этого они не могутъ, что они продались и теперь не свободны руководиться совѣстью. Минута борьбы была тяжелая и трудная. Они искали какого-нибудь выхода и нашли его въ слѣдующемъ: «заслуживаетъ снисхожденія, ходатайствовать о помилованіи»...

Но сколько новыхъ и сильныхъ страданій причинили они этимъ бѣдной, измученной Спиридоновой.

Знаютъ ли они, что должна была она пережить и перечувствовать за эти 16 дней ожиданія казни?

Вѣдь она ни одной минуты не сомнѣвалась въ томъ, что ее повѣсятъ. Она приготовилась къ смерти, ждала ее минутами,

часами, долгими днями... Она ждала смерти, 16 дней жизнь ея висѣла на волоскѣ; она не могла спокойно ложиться спать, такъ какъ каждую ночь ожидала, что раздадутся шаги въ коридорѣ, отворится дверь, и тюремная стража съ холоднымъ равнодушіемъ скажетъ: «Собирайтесь»... Она знала, что за этимъ предложеніемъ послѣдуетъ смерть.

Всѣ казни большею частью приводятся въ исполненіе по утрамъ, на разсвѣтѣ. При восходѣ солнца обыкновенно заканчивается жизнь приговоренныхъ къ смертной казни. Спиридонова встрѣчала утреннюю зарю съ предположеніемъ, что эта послѣдняя заря пробуждаетъ ее отъ сна.

Каждая минута приносила ей новыя ожиданія, новыя тревоги. Когда раздались шаги въ коридорѣ, топотъ многихъ ногъ, а затѣмъ ключъ завертывался въ замкѣ, она ждала увидѣть палача, и вмѣсто него входили мать и сестра. Онѣ раза два приходили къ ней на свиданіе. Два раза тревога ея, страшныя ожиданія смѣнялись безумной радостью встрѣчи съ своими родными, любимыми людьми.

Сестра каждый разъ убѣждалась, что ея бѣдная, дорогая Маруся таетъ съ каждымъ днемъ. Пытка ожиданія послѣ пытокъ палачей Аврамова и Жданова дѣлала свое страшное дѣло. Держать приговоренную къ смерти 16 дней, въ ожиданіи лишить ее жизни каждую минуту, каждый часъ, это должно тяжело отразиться на психикѣ человѣка, на его нервахъ. Какъ ни будь сильна и богата натура, какъ ни будь приготовленъ человѣкъ къ смерти, но такое продолжительное, нервное, повышенное состояніе должно измучить его въ конецъ, причинить ему такую массу страданій, что эта пытка надъ бѣдной страдалицей должна была окончательно убить ее.

Ее точно хотѣли казнить не при помощи веревки или пули, а пыткой, тонкой, психически точно разсчитанной, отъ которой смерть такъ же неизбѣжна, какъ неизбѣжна отъ веревки. Почему для конфирмаціи приговора понадобилось 16 дней раздумья?

Вѣдь если бы дѣйствительно хотѣли смягчить и не лишать человѣка жизни, то сдѣлали бы это быстро. При работѣ телеграфовъ, телефоновъ потребовалось бы на это не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Лучше было казнить ее, чѣмъ пытать и мучить и безъ того изстрадавшуюся дѣвушку.

Вѣдь теперь она все равно не жилица на этомъ свѣтѣ.

Здоровье ея въ конецъ пошатнулось; ея смерть — это вопросъ нѣкотораго небольшого времени по заключенію врача. Она теперь умретъ... безъ веревки на шеѣ.

При свиданіи съ сестрой 20 марта, т.-е. на десятый день послѣ приговора, Маруся жаловалась, что силы ея падаютъ, куда-то уходятъ, она слабѣетъ каждый день... Аппетита нѣтъ, постоянныя сильныя лихорадки, глаза горятъ больнымъ неестественнымъ блескомъ, подъ глазами большіе черные круги. Безсонныя ночи, ежеминутныя ожиданія смерти издергали ея нервы до того, что кровь у нея изъ горла идетъ въ большомъ количествѣ, мокрота постоянно окрашена кровью; каждый день она смачиваетъ кровью не менѣе четырехъ платковъ; иногда она идетъ такъ сильно, что докторъ не можетъ остановить ее.

По словамъ доктора Финка, который ее теперь лѣчитъ, въ тюрьмѣ у нея развился туберкулезъ легкихъ въ жестокой формѣ, и она таетъ съ каждымъ днемъ на его глазахъ.

По его мнѣнію, она не въ состояніи будетъ перенести этапнаго пути въ каторгу и умретъ въ дорогѣ.

На судѣ ее защищали казачій эсаулъ Филимоновъ и присяжный повѣренный Тесленко.

Филимоновъ сказалъ характерную рѣчь для представителя той военной касты, которая въ дни переживаемой въ Россіи революціи играетъ гнусную и позорную роль насильниковъ и палачей.

Въ защиту Спиридоновой на судѣ первая рѣчь была произнесена защитникомъ по назначенію, кандидатомъ на военно-судебныя должности эсауломъ А. П. Филимоновымъ.

Онъ сказалъ:

«Защитительное слово въ пользу Маріи Спиридоновой будетъ сказано моимъ болѣе опытнымъ и талантливымъ товарищемъ. Я же пользуюсь правомъ защитника, чтобы высказать одно соображеніе, одну мысль, которая всецѣло владѣетъ мной съ момента начала настоящаго засѣданія.

«Я впервые присутствую на судебномъ процессѣ подобнаго рода, не могу отрѣшиться отъ необычайности обстановки, въ которой совершается этотъ процессъ. Съ одной стороны я вижу блестящую коллегію строевыхъ офицеровъ, экстренно собравшуюся для сужденія по законамъ чрезвычайнаго времени политической преступницы. Съ другой стороны я вижу слабую, измученную, едва достигшую совершеннолѣтія молодую дѣвушку, почти дѣвочку, которой предъявили обвиненіе по статьѣ закона, знающей только одно наказаніе — лишеніе жизни. Съ одной стороны я слышалъ обвинительный актъ, безстрастный и суровый, требующій обсужденія и наказанія. Съ другой стороны у меня въ ушахъ стоитъ горячая, искренняя исторія — исповѣдь этой удивительной дѣвушки съ горячей головой и пылкимъ воображеніемъ, увлекшейся сладкой, но несбыточной мечтой, о счастіи дорогого намъ всѣмъ народа. Мы всѣ съ содроганіемъ и ужасомъ услышали отъ нея разсказъ о безбожныхъ и безчеловѣчныхъ истязаніяхъ ея во время ареста, подтвержденныхъ актомъ медицинскаго осмотра. Мы слышали, наконецъ, заключеніе врача-эксперта, удостовѣрившаго, что молодой организмъ охваченъ неизлѣчимымъ недугомъ, который особенно опасенъ для нѣжнаго возраста подсудимой.

«Гг. судьи, я такъ же какъ и вы, выросъ въ военной средѣ, посвящающей всю свою жизнь военному дѣлу. Мы всѣ воспитаны въ сознаніи необходимости прямо и смѣло смотрѣть въ глаза смерти, а въ случаѣ необходимости причинять ее другимъ. Но я такъ же, какъ и вы, твердо знаю, что рука честнаго воина даже въ пылу брани, въ самомъ горячемъ бою не опу-

скается на голову женщины. Мы знаемъ, что военные люди женщинъ не убиваютъ. Вотъ почему я съ безпокойствомъ и трепетомъ смотрю на ваши лица, чтобы прочесть въ нихъ ваши намѣренія.

«Я хочу вѣрить и вѣрю, что ваши руки, предназначенныя для удара въ открытомъ честномъ бою, не подпишутъ смертнаго приговора этой несчастной дѣвушкѣ. Я вѣрю, что вы найдете законный исходъ изъ вашего тяжелаго безотраднаго положенія. Исходъ этотъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть, указаніе на него дастъ вамъ и законъ.

«Я же позволю себѣ обратиться къ вамъ, моимъ собратьямъ по оружію, съ горячей мольбой: не забывайте, подписывая приговоръ, что военные люди не убиваютъ женщинъ».



Какъ искра облетѣла всю Россію телеграмма изъ Севастополя, напечатанная въ «Руси»: «Если Петербургъ не сдѣлаетъ немедленнаго распоряженія, то приговоръ о Шмидтѣ завтра, въ субботу будетъ приведенъ въ исполненіе. Дѣлаются грозныя приготовленія».

Эта телеграмма поразила всѣхъ...

Не хотѣлось вѣрить этому; всѣмъ казалось, что если правительство не казнило его сразу, сейчасъ же послѣ приговора суда, то не казнитъ его вовсе, помилуетъ. Каждый гражданинъ лелѣялъ въ душѣ своей глубокую увѣренность, что кровь не прольется, что правительство не проявитъ себя столь жестокимъ. Желаніе народа видѣть своего героя живымъ было настолько сильно, что особенно хотѣлось вѣрить и вѣрилось, что правительство не пойдетъ противъ него, будетъ считаться съ мнѣніемъ и желаніемъ всего народа.

Протестъ всего общества настолько ярко былъ выраженъ въ прессѣ, такія горячія пожеланія высказывались всѣми лицами

всѣхъ слоевъ, что послѣ этого каждому думалось, что лейтенантъ Шмидтъ и матросы должны остаться живы.

Но 6 марта грустная дѣйствительность показала другое.

Въ 4 часа утра, когда первые лучи восходящаго солнца озолотили широкій просторъ волнующагося моря и свѣтлыми переливами отразились въ свободныхъ шумныхъ волнахъ, было совершена казнь...

Шмидта и трехъ матросовъ казнили...

Эта казнь подѣйствовала на всѣхъ такъ тяжело, такъ удручающе, что въ сердцахъ ихъ вырвался стонъ проклятія.

Только силою оружія, силою штыковъ могла совершиться казнь, какъ издѣвательство надъ чувствами народа. Не «право» высшихъ руководящихъ сферъ, какъ органовъ, стоявшихъ во главѣ народа, а только физическая сила дала возможность бросить вызовъ своему народу и посмѣяться надъ его лучшими стремленіями и желаніями.

Но вѣдь это не есть побѣда правительства. Чего достигло оно, казнивъ Шмидта? Что доказало оно себѣ и другимъ?

Только свою слабость, безсиліе и жестокость!

Развѣ въ этомъ не видна слабость правительства, что убивъ человѣка, оно тѣмъ самымъ создало въ сердцахъ всего народа память объ убитомъ человѣкѣ, какъ о любимомъ народномъ героѣ.

Оно уничтожило Шмидта, убило его тѣло, его физическую оболочку, но духъ его, образъ живы въ каждомъ человѣкѣ. Правительство не могло этого убить. Оно безсильно при помощи штыковъ убить въ душѣ людей близкій и дорогой имъ обликъ казненнаго. Народъ поставитъ ему, какъ борцу за свободу, дивный памятникъ на пустынномъ островѣ Березань. То, что живетъ въ душѣ людей, будетъ вылито въ видѣ исторической статуи, напоминающей потомкамъ, что сила не въ штыкахъ и въ нагайкахъ, а въ народѣ, въ его творческой силѣ. Это будетъ апоѳеозомъ пораженія правительства и побѣды народа.

Въ этомъ и есть слабость правительства.

Убить при посредствѣ физической силы матерію не трудно, это доступно нашему правительству; но убить духъ или создать себѣ добрую славу, заставить потомство чтить и съ любовью вспоминать себя, это не доступно палачамъ. Для этого не нужно нагаекъ. Въ этомъ правительство безсильно...

Въ 9 часовъ вечера наканунѣ казни, въ казематъ, гдѣ содержался Шмидтъ, явился священникъ Бартеневъ, Шмидтъ исповѣдался, былъ сосредоточенъ и кротокъ. Не такъ держали себя со священникомъ остальные приговоренные. Когда онъ сталъ ихъ утѣшать и дѣлалъ ссылки на евангельское ученіе, они оборвали его и просили указать то мѣсто въ Евангеліи, гдѣ сказано, что человѣку можно лишать жизни другого человѣка. Когда же священникъ не зналъ, что отвѣтить на это, они попросили его оставить ихъ въ покоѣ. Священникъ на это обидѣлся и жаловался на матросовъ Шмидту.

Всю ночь Шмидтъ бодрствовалъ, писалъ письма сестрѣ, сыну и другимъ роднымъ.

Въ 3 часа утра къ нему вошла стража и сообщила, что бы готовился къ отъѣзду на казнь.

Черезъ потайныя двери приговоренные были сняты на баржу, и ихъ повезли на островъ Березань.

Море было тихо; сквозь густой мракъ ночи пробивались первые блѣдные проблески скораго утренняго разсвѣта, обѣщавшаго ясный теплый день.

Полной грудью вдыхали приговоренные свѣжій морской воздухъ, соленая влага съ легкимъ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ бодрила ихъ, они были рады видѣть передъ смертью любимую, родную имъ стихію. Ночью на островъ предварительно высадились войска, по взводу отъ минеровъ, пѣхоты и артиллеріи въ полномъ вооруженіи, при 13-ти офицерахъ.

Здѣсь были командиръ и офицеры «Прута», жандармскій ротмистръ, священникъ, четыре готовыхъ гроба, вкопанные столбы. лопаты...

Разстрѣливали ихъ матросы канонерской лодки «Терецъ» въ числѣ 60-ти человѣкъ. Они были выстроены въ 50-ти шагахъ отъ столба, имѣя въ тылѣ 3 взвода войскъ, поставленныхъ на всякій случай.

Шмидтъ быстро направился къ мѣсту казни, гдѣ стояли вкопанные въ землю столбы.

Онъ обратился съ прощаньемъ къ братьямъ-матросамъ, къ солдатамъ, просилъ не забывать лейтенанта Шмидта, проливающаго кровь за любимый народъ, за его свободу и счастье, за родину. — «Такихъ какъ я много, будетъ еще больше!»

Простился съ офицерами, расцѣловался съ командиромъ «Прута» и просилъ не привязывать себя къ столбу и не закрывать лица мѣшкомъ.

Онъ былъ безъ шапки, въ одномъ бѣльѣ. Стоялъ съ открытымъ благороднымъ лицомъ, съ высоко поднятой головой.

Нервымъ съ правой стороны стоялъ Шмидтъ, затѣмъ Гладковъ, послѣднимъ Антоненко.

Затѣмъ Шмидтъ со слезами простился и поцѣловался съ дорогими товарищами по несчастью, приговоренными къ смерти.

Раздалась барабанная дробь... Еще минута... Матросы взяли ружья на прицѣлъ... Шмидтъ крикнулъ.

«Прощайте и убивайте!.. Затѣмъ пли... и залпъ, второй... третій... Всего было десять залповъ...

Послѣ четвертаго залпа пули перебили веревки, и Антоненко и Частникъ свалились.

Шмидтъ упалъ навзничь!

Гладковъ повисъ на веревкѣ...

Антоненко и Частникъ долго бились въ судорогахъ на землѣ, ихъ прикончили отдѣльными двумя выстрѣлами...

Яркимъ золотомъ свѣтлые лучи восходящаго солнца озарили печальную картину. Тѣла еще были теплы, кровь сочилась...

Пронесся съ моря утренній предразсвѣтный вѣтерокъ, набѣжалъ сердитый валъ и пѣнистыми брызгами окатилъ хмурыя лица палачей, когда они спѣшили сѣсть на судно и уплыть подальше отъ этихъ красныхъ пятенъ крови, отъ страшныхъ призраковъ убитыхъ.

Наступилъ день. Минеры уложили изрѣшеченныя тѣла въ простыя гроба, опустили ихъ въ могилы и спѣшно забросали землей.

На этомъ мѣстѣ, политомъ человѣческой кровью, благодарный народъ воздвигнетъ своему любимому герою дивный монументъ, который будетъ говорить потомству о жестокости правителей и о народной любви.

ГЛАВА II.

Казнь безъ суда.

Для полноты картины современныхъ казней, нельзя не отмѣтить упрощенныхъ пріемовъ, при посредствѣ которыхъ отнималась жизнь человѣческая, когда власти рѣшали откинуть всякій стыдъ и страхъ и всю излишнюю ненужную комедію суда.

И тогда судъ упразднялся...

Казнили людей по спискамъ, по указаніямъ шпіоновъ и сыщиковъ, полицейскихъ и черносотенцевъ, казнили безъ суда и слѣдствія, безъ права сказать свое послѣднее слово, безъ возможности знать за минуту смерти, что будутъ убиты, безъ молитвы безъ покаянія, безъ послѣдняго «прости» своимъ дѣтямъ, женамъ, роднымъ.

Набросаю картину кровавыхъ дѣйствій на протяженіи ста слишкомъ верстъ по Моск.-Каз. жел. дорогѣ, которыми правительство отомщало народу за всѣ его стремленія къ свободѣ, къ свѣту, къ улучшенію своего экономическаго быта.

Цѣлымъ рядомъ ужасныхъ жестокихъ казней безъ суда оно рѣшило оставить въ памяти мѣстнаго населенія неизгладимый слѣдъ кровавой вакханаліи съ безумными жестокостями, упиваясь ими въ своей дикой злобѣ.

И правительство достигло своего...

Это вселило ужасъ, который кровавымъ призракомъ гнался вслѣдъ за уходящимъ поѣздомъ, гдѣ жестокіе мстители праздновали свою кровавую побѣду подъ стоны умирающихъ, избитыхъ, израненныхъ людей; заглушаемые грохотомъ и лязганіемъ несущагося поѣзда и звономъ бокаловъ «веселаго пира».

***

Это происходило днемъ около 3 часовъ.

Совершенно случайно, проѣзжая на лошадяхъ черезъ Люберцы, машинистъ Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о пребываніи солдатъ на станціи. Когда его обыскали то нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили его къ офицеру на станцію.

На допросѣ онъ не говорилъ своей фамиліи.

Офицеръ, просматривая списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ и фотографическія карточки, сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ:

— Вы — машинистъ Ухтомскій, вы будете разстрѣляны.

— Я такъ и думалъ, — хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій.

По внѣшности онъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Небольшого роста, съ живыми умными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень скромнаго, даже застѣнчиваго человѣка.

Ему предложили, не желаетъ ли онъ исповѣдываться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

Послѣ исповѣди его вмѣстѣ съ тремя рабочими люберскаго тормазнаго завода повели къ разстрѣлу.

На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза, онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ.

Его случайные товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнью была ужасна.

Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовленія, потомъ обратился къ солдатамъ: «Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ же какъ я исполнилъ честно долгъ передъ своей присягой; но наши присяги разныя... Капитанъ, командуйте»...

Раздался залпъ... Рабочіе упали.

Ухтомскій остался недвижимъ со скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла.

Раздался второй залпъ, и онъ упалъ на снѣгъ... Онъ былъ живъ... въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотря на окружающее.

Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосерднымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученія выстрѣломъ въ голову.

***

Когда поѣздъ подходилъ къ станціи «Голутвино», солдаты стали спрыгивать, не ожидая остановки, на тихомъ ходу съ площадокъ вагоновъ, заняли переѣздъ на Коломенскій заводъ, разсыпались по путямъ станціи, окружили всѣ запасные пути, станцію и близприлегающую дорогу.

Внутри окруженнаго пространства оказалось человѣкъ 300, которые были препровождены на станцію.

На платформѣ было много народа, но сразу всѣ отхлынули внутрь вокзала.

Затѣмъ вышелъ полковникъ Риманъ съ московскими жандармами, которые начали показывать всѣ двери и разсказывать, куда какая ведетъ, такъ что видно было, что они знали уже раньше расположеніе вокзала.

Ко всѣмъ ходамъ и выходамъ станціи были приставлены часовые, главный же выходъ на улицу былъ заколоченъ еще до пріѣзда семеновцевъ.

Дежурнымъ по станціи въ это время находился Тупицынъ. Его задержали вѣ дежурной комнатѣ, а дежурство сдали Климову. Тупицину пе позволили выходить изъ этой комнаты.

На станціи въ это время случайно находился начальникъ станціи Надежинъ.

При обыскѣ у машиниста Варламова нашли револьверъ со сломаннымъ куркомъ, и онъ не хотѣлъ отдавать его солдатамъ, говоря, что этотъ револьверъ стрѣлять не можетъ, что онъ несъ его въ депо для исправленія.

Когда его привели въ дежурную комнату, къ полковнику Риману, Варламовъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ объясниться, ваше высокородіе, я — желѣзнодорожный машинистъ Варламовъ.

Полковникъ прервалъ: «Застрѣлить его», и приказалъ вести его на кухонное крыльцо.

Солдаты направились черезъ залъ III класса, сзади за ними послѣдовалъ Риманъ. Никто не вѣрилъ, что его разстрѣляютъ. Всего меньше вѣрилъ самъ Варламовъ и спокойно прошелъ черезъ толпу, наводнившую залу. Но какой ужасъ овладѣлъ всѣми, когда съ того крыльца явственно донеслись два револьверныхъ выстрѣла.

Сомнѣнья не могло быть.

Риманъ, возвращаясь въ залъ съ револьверомъ въ рукахъ, натолкнулся у буфетнаго прилавка на запасного фельдфебеля 1-ой роты, Ильичева, только что возвратившагося изъ Маньчжуріи. Событіе совершилось слишкомъ быстро, внезапно... и трагично.

Одни утверждаютъ, что Ильичевъ не посторонился, другіе, что не отдалъ чести; нѣкоторые говорили, что Риманъ придрался къ его небрежному костюму, и въ отвѣтъ на какія-то слова Ильичева полковникъ крикнулъ:

— Посмѣй только кто слово сказать — разстрѣляю... — и послѣ этого послѣдовали 4 револьверныхъ выстрѣла.

Первая пуля попала ему въ високъ, а двѣ остальныя въ затылокъ, такъ какъ въ это время фельдфебель уже упалъ на полъ ничкомъ.

Раздалась команда: «Руки кверху», и начался обыскъ.

Риманъ съ солдатами всталъ въ коридорѣ, отдѣляющемъ телеграфную комнату отъ чернаго холоднаго выхода. Въ этомъ коридорѣ имѣются только двѣ двери. Дверь направо вела къ выходу на улицу. Черезъ эту дверь проходили всѣ тѣ, кто получалъ свободу.

Дверь налѣво вела въ телеграфную комнату, гдѣ ожидала несчастныхъ смерть. Никто изъ входящихъ сюда не предполагалъ, что его ждетъ черезъ полчаса. Заключенные тамъ (10—12 человѣкъ) беззаботно разговаривали между собою, шутили. Они предполагали, что ихъ скоро выпустятъ.

Въ этой же комнатѣ были начальникъ станціи Надежинъ и помощникъ его Шалухинъ.

Къ 6 часамъ вечера закончились операціи полковника Римана на вокзалѣ. Никто, кромѣ активныхъ дѣятелей его, не зналъ о случившемся. Всѣ вдовы и сироты были твердо увѣрены до самаго утра, что ихъ мужья, отцы и братья арестованы и что поэтому они и не могли вернуться къ своимъ семьямъ на ночь. Заботливая вдова Дорфъ около 9 часовъ вечера подумала о своемъ мужѣ и остальныхъ гостяхъ, забранныхъ въ ея квартирѣ, погоревала о томъ, что они сидятъ весь день не ѣвши, приготовила имъ поужинать и со своимъ старшимъ сыномъ, мальчуганомъ лѣтъ 12, отослала на станцію ужинъ на 4-хъ человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени сынъ возвратился и сказалъ, что на станцію никого не пропускаютъ, и ужинъ принесъ назадъ. Съ легкой душой, со спокойнымъ сердцемъ легла въ эту ночь вдова Дорфъ, не зная о перемѣнѣ въ своей семьѣ.

Жена начальника станціи еще дня за три до этого происшествія перебралась въ квартиру ревизора движенія, расположенную во второмъ этажѣ вокзала надъ первымъ классомъ.

Изъ оконъ этой квартиры прекрасно видно то мѣсто, гдѣ разстрѣляли ея мужа и остальныхъ людей. Но, не предполагая о возможности разстрѣла, она не слѣдила за тѣмъ, что дѣлается вокругъ вокзала. Она такъ была увѣрена, что мужъ ея, будучи совершенно невиновнымъ, не могъ подвергнуться такой ужасной случайности.

Надежинъ служилъ на Московско-Казанской жел. дор. 39 лѣтъ; хорошо былъ извѣстенъ начальству какъ добрый и вѣрный служака; въ 30-лѣтній юбилей онъ получилъ отъ желѣзнодорожнаго начальства въ подарокъ золотые часы съ надписью и золотой цѣпочкой; а въ 35-лѣтній юбилей ему прислали золотой жетонъ, по которому онъ получилъ право разъѣзжать безплатно въ I классѣ по дорогамъ общества Моск.-Казан. жел. дор., и, наконецъ, въ январѣ 1905 года ему прислали изъ Петербурга свидѣтельство о дарованіи почетнаго гражданства за его отличную и усердную службу.

На слѣдующее утро казни никто не зналъ, гдѣ находятся арестованные, что съ ними случилось. Рано утромъ вдова Дорфъ послала своего сынишку сбѣгать на станцію и поразспросить солдатъ; они отвѣтили, что ничего не знаютъ, и мальчуганъ ни съ чѣмъ возвратился домой.

Вдова Надежина еще съ вечера посылала нѣсколько разъ на станцію своего старшаго сына-гимназиста провѣдать, гдѣ ея мужъ и что съ нимъ, и каждый разъ онъ приходилъ съ отвѣтомъ: «Ничего не узналъ, солдаты не говорятъ, на станцію не пускаютъ».

Всю ночь семья Надежиныхъ не ложилась спать, ожидая съ часу на часъ, что вотъ-вотъ, сейчасъ вернется самъ Надежинъ, и тогда они спокойно уснутъ. Въ воздухѣ чувствовалось что-то зловѣщее; мертвая тишина на станціи, холодное равнодушіе ча-

совыхъ и гнетущая неизвѣстность невольно настраивали человѣка самымъ мрачнымъ и подавляющимъ образомъ.

Утромъ, когда еще было темно, Надежина послала вновь сына на развѣдки. «Ничего не узналъ», былъ его отвѣтъ. Нѣсколько разъ онъ ходилъ туда, и все безрезультатно. Въ это время прибѣжала маленькая дѣвочка вдовы Шелухиной и говоритъ:

«У насъ папы нѣтъ со вчерашняго вечера».

— «У насъ тоже нѣтъ», отвѣтила Надежина.

Черезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ сынъ-гимназистъ и съ возгласомъ:

— «Убили, всѣхъ убили»... падаетъ на скамью въ передней.

Слово «убили» какъ искра разнеслось по всей мѣстности отъ одного къ другому, изъ жилища въ жилище.

Одни отъ ужаса не могли понять, гдѣ, кого, за что убили. Другіе, наоборотъ, содрогнулись отъ простоты и ясности представленія, что такъ должно случиться: «они» для того и прибыли сюда, чтобы пролить кровь... убить...

Многія вдовы пошли на станцію искать свои трупы, но и тутъ онѣ ошиблись; въ отвѣтъ получили, что всѣ закопаны въ ямѣ. Другія вдовы такъ и не ходили никуда. Въ нѣмомъ изступленіи оставались онѣ дома подъ гнетущей тяжестью рокового вопроса: «за что»?

Одна молодая барышня, Аврамова, разыскивая своего брата, рано утромъ отправилась по запаснымъ путямъ на станцію и, встрѣтивъ ремонтнаго рабочаго, спросила, не знаетъ ли онъ, гдѣ ея братъ?

— А вотъ сейчасъ его провезли на подводѣ вмѣстѣ съ остальными убитыми въ яму закапывать, — отвѣчалъ рабочій.

Она опрометью побѣжала по указанному направленію.

На краю голутвинскаго кладбища на чистомъ снѣгу ясно обрисовывалась яма, большая, глубокая. Въ длину двѣ съ половиной сажени, въ ширину сажень.

Около ямы остановились два воза съ трупами, на каждомъ по 13 человѣкъ. Около воза хлопотали ремонтные рабочіе. Присутствовали здѣсь солдаты, мѣстные жандармы и полицейская власть.

Двое рабочихъ брали трупы за ноги и за голову, подносили къ ямѣ и передавали двумъ другимъ рабочимъ, находившимся на днѣ ямы. Тѣ укладывали ихъ рядомъ, головой къ церкви. Въ каждомъ ряду улеглось по 10 человѣкъ.

Лица ихъ были искажены. Большія муки терпѣли они, прежде чѣмъ смерть пресѣкала ихъ жизнь.

Нѣкоторыя лица были окровавлены, особенно у помощника прис. пов. Тарарыкова.

Трупы въ большинствѣ случаевъ были прямы, за исключеніемъ трехъ, согнутыхъ такъ сильно, что ихъ пришлось положить сверху. Въ числѣ этихъ трехъ оказался старикъ-рабочій Зайцевъ.

Ихъ хоронили въ шубахъ, сверху побросали на нихъ галоши и шапки. Только одинъ трупъ былъ раздѣтъ, въ одной рубашкѣ, которая была вся въ крови.

Долго смотрѣла Аврамова на эту потрясающую картину. Она не могла двинуться, уйти, оторваться отъ этого ужаснаго зрѣлища, отъ этой молчаливой страшной работы — укладыванія рядами еще вчера живыхъ, полныхъ силъ и жизни ея знакомыхъ, ея родныхъ. Она не могла оторваться отъ этого, и когда послѣдній трупъ, Зайцева, былъ опущенъ въ яму, ей кто-то тихо сказалъ: «Идите домой».

Она пошла, ничего не понимая, не оглядываясь пазадъ.

Придя домой, она ничего не сказала отцу и матери.

Только къ вечеру ея душевныя муки разразились рыданіями, и тогда она разсказала родителямъ все, что видѣла, пережила и перестрадала въ это ужасное утро.

Священникъ пришелъ служить панихиду, когда могила была уже зарыта.

Вещи, деньги, находившіяся при убитыхъ, никому не были возвращены.

Затѣмъ доблестные воины стали собираться въ дорогу и во вторникъ, т.-е. на третій день, уѣхали назадъ въ Москву. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Послали за священникомъ Виноградовымъ, у котораго солдаты того же отряда убили сына. Онъ отказался и не пошелъ.

Не молебенъ надо было служить, а панихиду по убіеннымъ.

Вмѣсто него молебенъ служилъ отецъ Никифоръ, провозгласилъ многолѣтіе Семеновскому полку и въ словѣ, обращенномъ къ молящимся, воздалъ хвалу отряду полка, уничтожившему крамолу и водворившему миръ и спокойствіе.

Они уѣхали, оставивъ небольшую часть солдатъ еще дня на три.

Уѣзжая, поручили мѣстной полиціи искать крамольниковъ, значившихся въ ихъ спискахъ и убивать ихъ. Въ числѣ такихъ крамольниковъ они указали на студента Николая Сапожкова, Бронислава Старкевича, рабочаго Криворотова и др. Криворотовъ имѣлъ неосторожность послѣ отъѣзда солдатъ возвратиться къ себѣ въ семью; нагрянула полиція, сдѣлала обыскъ и увела Криворотова. Онъ былъ убитъ и похороненъ.



Около 11 часовъ вечера 20 декабря, когда въ домѣ Криворотова всѣ спали, раздался сильный стукъ въ дверь. Старуха-мать подошла къ двери и спросила: «Кто тамъ?» Не получая отвѣта, она рѣшила не отпирать двери, но сынъ ея запротестовалъ и сказалъ ей, чтобы отперла. Тогда вошли трое мущинъ, хорошо зна-

комыхъ обывателямъ этого дома: старшій городовой Семенъ Ивановъ, сильно выпившій, младшій городовой Василій Коньковъ и желѣзнодорожный жандармъ. Послѣдній не хотѣлъ входить безъ огня и требовалъ, чтобы освѣтили квартиру. Болѣе храбрый Ивановъ подбодрилъ своего пріятеля, увѣривъ, что, кромѣ семьи Криворотовыхъ, здѣсь никого нѣтъ.

Надо думать, что, идя на это преступное дѣло, ихъ пугалъ кровавый призракъ готовящагося злодѣянія, и они подбадривали другъ друга.

Василій Криворотовъ лежалъ въ постели, когда они вошли къ нему въ комнату при свѣтѣ зажженной лампы. Онъ очень удивился, увидавъ ихъ; поздоровался съ ними за руку, такъ какъ хорошо былъ знакомъ, и спросилъ:

— Ивановъ, по какому дѣлу ты пришелъ ко мнѣ?

— Вставай, Василій, одѣвайся. Пойдемъ съ нами на станцію, — дѣло есть, — равнодушно отвѣтилъ Ивановъ.

Но отъ этихъ простыхъ словъ Криворотовъ пришелъ въ ужасъ, словно онъ увидѣлъ смерть. Отъ холодныхъ, равнодушныхъ словъ «пойдемъ на станцію» вѣяло могилой.

— За какими дѣлами мнѣ нужно на станцію итти? — съ дрожью въ голосѣ и съ ужасомъ спросилъ Криворотовъ.

— Ахъ, Вася, нужно итти къ допросу, тамъ ждутъ тебя, — сказалъ Ивановъ.

— Неправду говоришь, Ивановъ! Зачѣмъ обманываешь меменя, — воскликнулъ Криворотовъ, — я вѣдь не маленькій; послѣ того, что совершилось здѣсь, и когда я знаю, что Семеновскаго отряда въ Голутвинѣ больше нѣтъ, то допроса тоже не можетъ быть на станціи; если же ты зовешь меня туда, значитъ, съ цѣлью убить.

— Скажи правду, Ивановъ. Не томи меня. Я догадываюсь, что хочешь убить... Если бы звали меня въ часть, тогда дѣло другое...

— Какой ты Вася, дуракъ. Не слыхалъ что ли, на молебнѣ говорилъ полковникъ, что больше никого убивать не станутъ. Ну, чего бояться. Какой тутъ разстрѣлъ!.. Одѣвайся-ка скорѣе, и идемъ.

— Нѣтъ, я не пойду, — категорически запротестовалъ Криворотовъ.

Не успѣлъ онъ кончить фразы, какъ къ нему съ злобнымъ лицомъ подскочилъ жандармъ, приставилъ револьверъ къ груди и сказалъ:

— Такъ ты не пойдешь... Не будешь одѣваться...

Бѣдная старушка-мать такъ напугалась, что сама начала уговаривать своего Васю итти скорѣе на станцію, не сердить жандарма, такъ какъ тамъ ему ничего худого не сдѣлаютъ, а если будетъ сердить, то ему же хуже будетъ.

Она сама торопила своего сына итти подъ разстрѣлъ. Желая смягчить гнѣвъ жандарма, она — мать его, уговаривала его не прекословить и итти на смерть скорѣе, безъ борьбы, безъ сопротивленія...

Онъ началъ медленно одѣваться, а Ивановъ ему любезно помогалъ. Когда же онъ прощался со старухой и женой, Ивановъ предупредительно замѣтилъ ему:

— Чего такъ трогательно прощаешься? Чай не на смерть идешь!

Сколько въ этой хитрости скрыто лукавства и въ то же время жестокости. Знать, что человѣкъ черезъ 10 минутъ будетъ имъ убитъ, и благодушно бесѣдовать съ нимъ, не дать ему приготовиться къ смерти, проститься съ близкими!

Когда его повели изъ дома, жена не вытерпѣла, выбѣжала за нимъ и закричала, захлебываясь отъ рыданій; старуха-мать тоже бросилась во дворъ. Вася остановился и крикнулъ имъ:

— Саша! Маманя! не плачьте. Если что случится, знайте — я безвинный иду!

Больше его не видали.

Даже и трупа не видали.

Его привели на станцію, поставили на то мѣсто, гдѣ два дня тому назадъ было убито Риманомъ 26 человѣкъ, около угольной стѣнки брикетовъ, недалеко отъ семафорной будки.

Дали въ него нѣсколько выстрѣловъ. Семафорщики слышали эти выстрѣлы: показали, что это было въ 12 часовъ ночи. Утромъ въ 5 часовъ 21 декабря трупъ Криворотова свезли желѣзнодорожные сторожа на салазкахъ на кладбище и, говорятъ, похоронили его въ общей могилѣ сверху остальныхъ труповъ, для чего раскапывали братскую могилу.



На утро поѣздъ съ солдатами продвинулся впередъ и остановился у платформы Подосинки. Во главѣ съ Риманомъ солдаты направились къ дачѣ Михельсона, гдѣ онъ жилъ вдвоемъ съ женой и кухаркой.

Всѣ въ домѣ еще спали, и никто изъ нихъ не зналъ о предстоящемъ визитѣ. Въ эту ночь у него находились 2 дружинника съ револьверами, для охраны его дачи отъ грабежа мѣстныхъ хулигановъ. Обыкновенно каждую ночь къ нему приходило нѣсколько человѣкъ дружинниковъ.

При обыскѣ у него нашли два офицерскихъ револьвера, отобранныхъ имъ при разоруженіи маньчжурскихъ войскъ, потомъ прокламаціи и какіе-то списки. Имъ приказали скорѣе одѣваться и выходить на улицу. Они не предполагали, для чего ихъ требуютъ, были увѣрены, что ведутъ на допросъ. Михельсонъ одѣлся въ лучшую пару и вмѣстѣ съ солдатами вышелъ въ переулокъ, окаймленный лѣсомъ. Какъ только всѣ трое оказались у края лѣса, солдаты почти въ упоръ выстрѣлили въ нихъ, и они упали мертвые. Оба дружинника были совсѣмъ мальчики, одинъ изъ нихъ не старше 16-ти лѣтъ. Почему-то лицо одного было искажено страшными муками и все залито кровью.

Жена и кухарка въ это время были на дачѣ.

Услышавъ выстрѣлы и понявъ въ чемъ дѣло, жена выждала, когда уйдутъ солдаты, посмотрѣла на трупъ своего мужа, одѣлась и ушла куда-то. Кухарка осталась до глубокаго вечера сторожить трупы, но къ ночи не выдержала, заперла дачу и тоже ушла неизвѣстно куда.

Эти три трупа остались лежать цѣлую недѣлю на мѣстѣ казни, какъ нѣмые свидѣтели кровавой расправы. Птицы повыклевали имъ глаза, и собаки поживились ихъ мясомъ. Только черезъ недѣлю крестьяне деревни Жулебина выкопали имъ общую могилу и похоронили ихъ вмѣстѣ.



Солдаты, оставивъ поѣздъ на полторы версты, группами по 5—6 человѣкъ стали подходить съ разныхъ сторонъ къ станціи Люберцы. Когда шла первая группа, повстрѣчались имъ 3 заводскихъ слесаря, изъ которыхъ одинъ, Казаковъ, несъ подъ мышкой въ слесарную сломанный револьверъ. Солдаты ихъ остановили и велѣли поднять руки кверху; когда Казаковъ исполнилъ приказаніе. револьверъ выскользнулъ изъ подмышки и упалъ на снѣгъ. Тогда одинъ солдатъ съ размаху ударилъ Казакова штыкомъ, онъ упалъ въ тотъ моментъ, когда остальные выстрѣлили въ него. Пули просвистали мимо, а Казаковъ вскочилъ на ноги и давай Богъ ноги — наутекъ. По немъ было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ, но онъ успѣлъ забѣжать за домъ и укрыться въ одной частной квартирѣ, гдѣ ему сдѣлали перевязку. Одна изъ пуль попала ему въ руку и раздробила кость, такъ что Казакову пришлось лечь въ больницу въ Красковѣ, гдѣ ему отрѣзали руку. Остальные же двое его пріятелей разбѣжались въ разныя стороны и остались цѣлы.

Придя на станцію, солдаты никого тамъ не встрѣтили, но черезъ нѣсколько минутъ пришелъ помощникъ начальника станціи, Смирновъ, и спросилъ ихъ: зачѣмъ они пріѣхали сюда и какого полка.

Въ свою очередь, тѣ тоже его спросили: кто онъ таковъ.

— Я — Смирновъ, — отвѣтилъ помощникъ начальника станціи.

— Васъ-то намъ и нужно, — сказали солдаты и арестовали его, посадивъ въ контору станціи. Когда пришелъ полковникъ Риманъ, онъ объявилъ Смирнову, что черезъ нѣкоторое время его разстрѣляютъ; уговаривалъ его назвать своихъ товарищей и тѣхъ лицъ, которые ѣздили съ поѣздомъ, уѣхавшимъ въ Фаустово и указать, гдѣ они теперь скрываются.

Его арестовали въ срединѣ дня и только на слѣдующее утро, часовъ около восьми, привели казнь въ исполненіе. Все время онъ томился въ ожиданіи смерти въ самой конторѣ, всю почь онъ писалъ прощальныя письма къ своимъ родителямъ, знакомымъ и страшно нервничалъ.

Подъ утро онъ уже не могъ переносить дольше этихъ мукъ ожиданія смерти и обратился къ офицеру съ просьбой убить его сейчасъ же, на мѣстѣ. Тогда его вывели на платформу къ водокачкѣ, и Риманъ *самъ* выстрѣлилъ ему въ упоръ въ лицо; пуля попала въ шею, лицо исказилось въ страшныхъ мукахъ, но онъ все-таки оставался стоять на мѣстѣ; второй выстрѣлъ револьвера пришелся вскользь затылочной части, не убивъ его; и только третьимъ выстрѣломъ въ високъ были прекращены его страданія: онъ упалъ на снѣгъ.

Въ то время, когда Смирновъ сидѣлъ подъ конвоемъ въ конторѣ станціи, другая часть солдатъ производила обыски въ селеніи Люберцы. Недалеко отъ станціи, на углу, есть трактиръ, въ которомъ былъ арестованъ машинистъ Ухтомскій, тамъ же арестовали еще многихъ рабочихъ люберцкаго завода, которые, не предполагая ничего страшнаго, пошли туда чайку попить.

На квартирѣ при обыскѣ у крестьянина Киселева нашли револьверъ, и онъ началъ оправдываться. Офицеръ приказалъ ему молчать, но онъ не послушался; послѣ трехкратнаго повторенія его разстрѣляли на дворѣ станціи около 10 часовъ утра.

Послѣ Смирнова были убиты еще четверо рабочихъ, забранныхъ ночью во время обысковъ. Ихъ продержали на станціи до разстрѣла.

Послѣ 10 часовъ утра аресты все еще продолжались, и на станцію привели еще до 40 человѣкъ рабочихъ и крестьянъ. Въ числѣ ихъ находился и забранный Ухтомскій. Они всѣ готовились къ смерти, такъ были увѣрены, что ихъ убьютъ. Они знали теперь, что если привели кого-нибудь на станцію, того ожидаетъ смерть. Свидѣтельствомъ тому служила смерть Киселева съ 4-мя товарищами и передъ этимъ смерть Смирнова.

Когда къ двумъ часамъ дня явился Риманъ, чтобы привести казнь въ исполненіе, онъ началъ по списку выкрикивать фамиліи; оказалось налицо только пять человѣкъ, изъ нихъ рабочій Крыловъ, машинистъ Ухтомскій и еще трое, фамиліи которыхъ не установлены мною. Остальнымъ же лицамъ Риманъ предложилъ присягнуть и поклясться передъ иконой, что никогда въ жизни не будутъ участвовать или способствовать какимъ бы то ни было забастовкамъ и во всемъ будутъ подчиняться своему начальству. Тѣмъ же, кто не захочетъ присягнуть, онъ угрожалъ смертной казнью.

Конечно, всѣ присягнули, даже скорѣе спѣшили присягнуть, чтобы уйти и избавиться отъ грознаго призрака кровавой расправы.

Остальнымъ пятерымъ предложили исповѣдываться, что нѣкоторые и исполнили.

Потомъ въ четвертомъ часу дня ихъ повели вдоль платформы, вправо, на глазахъ публики, смотрѣвшей изъ оконъ; пересѣкли путь, вышли на слободскую улицу; въ концѣ этой улицы около бани Масляникова ихъ поставили спиной къ солдатамъ, лицомъ къ лѣсу, кромѣ Ухтомскаго, который смотрѣлъ по направленію слободки.

Послѣ двухъ залповъ всѣ были мертвы.

Смерть Ухтомскаго описана.

Убитыхъ похоронили въ общей могилѣ на люберцкомъ кладбищѣ.

Хоронилъ мѣстный священникъ, были допущены родственники и близкіе люди. Говорятъ, что у нѣкоторыхъ лица сильно искажены.

Въ то время, какъ полковникъ Риманъ возвращался послѣ разстрѣла на станцію, попалась какая-то женщина и горько плакала. Обращаясь къ полковнику, она завывающимъ голосомъ причитала: «За что убили-то мово? Что онъ такое сдѣлалъ? Вѣдь вотъ такой же его товарищъ, вмѣстѣ всюду шлялся, пріятель-то его, Фунтовъ, живъ остался. А мово-то убили. Гдѣ же справедливость?!» и вновь залилась горькими слезами. Риманъ спросилъ: какой Фунтовъ. «А вонъ, батюшка, Фунтовъ — слесарь заводскій», и указала на молодого парня, находившагося недалеко отъ мѣста казни.

Риманъ приказалъ его арестовать и посадить съ собою въ поѣздъ.

Затѣмъ полковникъ Риманъ, сдавъ станцію на попеченіе капитана Мейера, съ частью отряда уѣхалъ дальше по направленію къ Голутвину. На 36-й верстѣ трупъ Фунтова съ простреленной головой былъ выброшенъ съ поѣзда и найденъ на линіи.



Закончивъ всѣ свои дѣла въ Голутвинѣ, полковникъ Риманъ спѣшно выѣхалъ въ Ашитково, чтобы казнить тамъ заранѣе намѣченныхъ трехъ лицъ: начальника станціи Сергѣя Виноградова, помощника Бунина и почтоваго чиновника Алексѣя Еремѣева. Пріѣхалъ онъ на станцію Ашитково въ 8 часовъ утра 19 декабря безъ испрашиванія пути и безъ увѣдомленія станціи о приходѣ поѣзда. Виноградовъ въ это время спалъ, но, услышавъ на станціи шумъ, проснулся и попросилъ жену посмотрѣть въ окно, что такое значитъ. Самъ онъ былъ боленъ и оставался въ постели. Жена сказала, что пришелъ изъ Рязани санитарный поѣздъ

съ солдатами. Въ это время постучали въ дверь его квартиры, и онъ велѣлъ прислугѣ отпереть. Вошли солдаты и ворвались къ нему въ спальню, заставъ его и жену въ одномъ бѣльѣ. Пришлось обоимъ одѣваться въ присутствіи солдатъ. Такъ какъ Виноградовъ былъ боленъ, плохо себя чувствовалъ и одѣвался крайне медленно, то черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ офицеръ и крикнулъ: «Скорѣе одѣвайтесь, идите внизъ». Отъ крика проснулась маленькая, 3-хъ лѣтъ, дочка и заплакала.

— Есть у васъ оружіе? — спросилъ офицеръ. Виноградовъ отдалъ ему свой револьверъ.

Одѣвшись, Виноградовъ спросилъ у жены лѣкарства, а у сестры табаку. Бѣдняга, онъ не догадывался, что его ведутъ разстрѣливатъ и что больше ему не нужно будетъ лѣчиться и не потребуется больше лѣкарствъ, не придется также выкурить папироски.

Жена очень взволновалась этими сборами; когда онъ прощался съ дочкой и женой, то сказалъ имъ, чтобы онѣ не скучали — скоро вернется, что, должно-быть, повезутъ его въ Москву на допросъ, и просилъ ихъ спокойно ждать возвращенія и на прощанье поцѣловалъ ихъ. Больше ни жена ни дочь не видали его.

Жена накинула на себя шубу и хотѣла послѣдовать за мужемъ, посмотрѣть, куда поведутъ его, но солдатъ, оставшійся въ квартирѣ у дверей, грубо оттолкнулъ ее:

— Куда лѣзешь, твоего мужа разстрѣливать повели, все равно не спасешь его! Прислушайся-ка лучше, выстрѣлы сейчасъ будутъ.

Она заметалась по комнатѣ какъ безумная, останавливалась, прислушивалась, молила солдата быть милосерднымъ къ ней, дать ей возможность выйти изъ квартиры, потомъ минутами не вѣрила его словамъ, зная, что такъ не убиваютъ людей, — сначала судятъ, выслушиваютъ преступника, потомъ даютъ приговоренному къ казни приготовиться къ послѣднимъ минутамъ жизни, углубиться въ свою совѣсть, исповѣдаться передъ духовникомъ,

сказать послѣднее «прости» женѣ, дочери. Нѣтъ, она не вѣрила минутами, что его разстрѣляютъ, казнятъ за что-то; рѣшила, что солдатъ сказалъ нарочно.

Черезъ нѣсколько времени солдатъ обратился къ ней: «Ну, теперь иди, готово». Она обезумѣла отъ радости, что сейчасъ увидитъ мужа, что страхъ, пережитый ею, былъ напрасный, выдуманный... Выстрѣловъ она не слыхала или не поняла, что былъ ружейный залпъ.

Она бросилась на колѣни.

Въ полной увѣренности, что своимъ участіемъ она поможетъ выяснить истинную виновность мужа, она подойдетъ прямо къ офицеру и скажетъ ему, что онъ членъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, докажетъ ему, что здѣсь нѣтъ ничего преступнаго и тѣмъ облегчитъ участь своего мужа.

Она не знала, что было уже поздно. Мужъ былъ убитъ, и трупъ его лежалъ на мѣстѣ казни, недалеко отъ станціи.

Она бросилась сначала въ контору станціи, никого тамъ не было, выбѣжала на платформу, никто не могъ сказать, гдѣ находится мужъ, куда его повели. Увидѣвъ на переѣздѣ и на линіи дороги по направленію къ Москвѣ солдатъ, она побѣжала туда въ горячей надеждѣ увидѣть офицера и отъ него узнать о готовящейся судьбѣ мужа. Солдаты не пустили, грубо оттолкнули ее, сказавъ: «Не лѣзь, обожди, сейчасъ уѣдемъ, тогда найдешь, что тебѣ нужно, съ собой не увеземъ», и при этомъ закончили слова циничной бранью.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ уѣхалъ.

Недалеко отъ переѣзда она увидала у края дороги, ведущей къ лѣсу, что-то темное, лежащее на снѣгу, въ родѣ человѣческаго тѣла. Какое-то страшное предчувствіе ее толкало туда, что-то заставляло ее, помимо воли, вглядываться въ этотъ темный предметъ. Она пошла по направленію къ нему безсознательно, какъ будто бы сверхъестественная сила руководила ею.

И вдругъ она разглядѣла, — ясно, безошибочно разглядѣла, что этотъ трупъ ея Сергѣя. Окрашенный кровью снѣгъ уничтожилъ въ ней всякую надежду...

«Не знаю, что было со мной. Я упала передъ нимъ на колѣни, начала цѣловать моего Сережу. Цѣловала лицо, губы; хотѣла поцѣловать его голову, сняла шапку — о, Господи! въ ней были мозги!! Тутъ я лишилась чувствъ, и что было потомъ со мною — не помню».

Выстрѣлы были направлены въ голову со стороны затылка и раскрошили черепъ.

Обстоятельства разстрѣла были таковы:

Въ то время, когда солдаты явились въ квартиру начальника станціи Виноградова, другая часть солдатъ направилась къ пом. нач. станціи Бунину и въ почтовую контору къ чиновнику Фадѣеву.

Бунинъ, пом. начальн. станціи, только что всталъ и оканчивалъ свой утренній туалетъ; онъ незадолго до описываемаго случая возвратился изъ Забайкалья, менѣе мѣсяца, и потому не успѣлъ фактически принимать участія въ начавшемся съ 7-го декабря движеніи; возвратился онъ крайне утомленный, изнервничавшійся вслѣдствіе усиленной и тяжелой работы во время военныхъ дѣйствій, и потому, желая отдыха, стремясь къ покою, онъ не хотѣлъ и не могъ быть дѣйствующимъ лицомъ въ дружинѣ или желѣзнодорожномъ союзѣ.

Бунинъ быстро одѣлся и подъ конвоемъ солдатъ отправился на станцію. Подождавъ немного, явился вскорѣ, тоже подъ конвоемъ, начальникъ станціи Виноградовъ. Имъ приказали слѣдовать дальше къ переѣзду на запасный путь. Они шли въ полной увѣренности, что ихъ сейчасъ посадятъ въ вагонъ и отправятъ въ Москву на допросъ. Когда они дошли до переѣзда, полковникъ Риманъ приказалъ повернуть направо по дорогѣ, ведущей къ лѣсу. Они медленнымъ шагомъ направились туда: впереди шелъ Бунинъ, сзади Виноградовъ. Раздался залпъ подъ

командой, и оба они грохнулись на снѣгъ, за секунду передъ этимъ не ожидая такого конца.

Затѣмъ дали по нимъ нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, но они уже были мертвы.

У Бунина не оказалось никакого оружія; обысковъ въ квартирѣ ни у того ни у другого не дѣлали.

Въ то время, когда солдаты торопили Виноградова и Бунина одѣваться, другая часть солдатъ подъ командой офицера направилась въ почтовую контору, маленькое отдѣльное зданьице, стоящее неподалеку отъ станціи; тамъ занимался почтовый чиновникъ Алексѣй Еремѣевичъ Фадѣевъ.

Когда вошелъ офицеръ, онъ, увидавъ Фадѣева, спросилъ:

— Вы — Алексѣй Еремѣевъ, служащій въ здѣшней почтовой конторѣ?

Тотъ нашелся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не Еремѣевъ, а Фадѣевъ.

Онъ ни слова не сказалъ, что офицеръ принялъ отчество Фадѣева за его фамилію. Тогда офицеръ ушелъ, оставивъ Фадѣева въ покоѣ. Ему бы слѣдовало сидѣть въ конторѣ и никуда не выходить, а онъ пошелъ къ переѣзду и повернулъ влѣво отъ переѣзда въ тотъ моментъ, когда Риманъ возвращался къ тому же переѣзду, убивъ Бунина и Виноградова. Кто-то изъ стоящихъ здѣсь сыщиковъ подошелъ къ офицеру и сказалъ ему:

— Что же вотъ этого не убили? — и, указывая на Фадѣева. — Это здѣшній ораторъ.

Тогда офицеръ не спрашиваясь, кто онъ и что онъ, видя только одну спину идущаго и имѣя указанія какого-то шпіона, что есть ораторъ, скомандовалъ солдатамъ выстрѣлить.

Онъ былъ убитъ наповалъ, не пришлось даже тратить лишнихъ зарядовъ на дополнительные выстрѣлы.

Затѣмъ сейчасъ же всѣ солдаты и офицеры уѣхали въ поѣздѣ по направленію къ Москвѣ.

Эта расправа заняла времени у отряда всего только двадцать минутъ.

***

Про чертежника коломенскаго завода Аврамова свидѣтели показали, что онъ не участвовалъ ни на митингахъ, ни въ собраніяхъ, ни въ дружинѣ. Ему было всего 17 лѣтъ. Въ этотъ день онъ возвращался въ 3-емъ часу дня изъ заводской конторы къ себѣ домой въ деревню Боброво. Ничего не зная о пріѣздѣ солдатъ, онъ безпечно бесѣдовалъ со своимъ товарищемъ. Въ это время отъ него недалеко раздался окрикъ солдата: «остановись. Руки кверху». Аврамовъ, не обративъ вниманія, продолжалъ путь. Солдатъ бѣгомъ догналъ его, схватилъ за шиворотъ и отправилъ въ телеграфную комнату. Потомъ онъ тоже былъ разстрѣлянъ.

Рабочій Пушковъ, проходя съ двумя своими товарищами черезъ переѣздъ, былъ остановленъ солдатами въ седьмой разъ. Каждый разъ его обыскивали и отпускали. Такая непріятная процедура начала его раздражать, и когда его обыскали въ послѣдній разъ и вновь отпустили, онъ не вытерпѣлъ и, чтобы посмѣяться надъ ними, сказалъ: «Вотъ 10 разъ меня обыскивали, а въ шапкѣ-то и не посмотрѣли, а тамъ бомба». Его сейчасъ же задержали и отправили въ телеграфную комнату, гдѣ ожидала его смерть.

Сынъ помощника мастера коломенскаго завода Стопчукъ, прогуливаясь со своей женой, былъ остановленъ солдатами и подвергнутъ обыску. При немъ и женѣ ничего не нашли и хотѣли уже отпустить, но въ это время одинъ изъ солдатъ спросилъ его фамилію.

Услышавъ фамилію «Стопчукъ», его сейчасъ же арестовали и отправили въ телеграфную комнату. Жену отпустили домой. Прощаясь съ ней, Стопчукъ успокоивалъ ее, говоря, что

это недоразумѣніе, что его сейчасъ офицеръ отпуститъ, такъ какъ ни въ какихъ партіяхъ, союзахъ и митингахъ онъ не участвовалъ. Но онъ больше не возвратился.

По показанію свидѣтелей его разстрѣляли, дѣйствительно, по недоразумѣнію, по ошибкѣ, что подтвердилось на слѣдующій день, когда къ офицеру явился старикъ Стопчукъ и просилъ его:

— За что убили моего сына?

— За то, что онъ участвовалъ въ стачечномъ комитетѣ, на митингахъ и собраніяхъ и въ союзахъ, — отвѣтилъ офицеръ.

Старикъ на это возразилъ, что убитый сынъ его совершенно не виновенъ въ этомъ, такъ какъ не только не принималъ никакого участія, но даже избѣгалъ всяческія собранія и шелъ противъ нихъ.

— А вотъ у меня есть другой сынъ, который дѣйствительно бывалъ на сходкахъ и митингахъ и даже ораторствовалъ.

На это Риманъ отвѣтилъ:

— Печальное недоразумѣніе. Тогда надо и того забрать и убить.

Но было уже поздно, такъ какъ тотъ уже скрылся; теперь его разыскиваютъ.

Про подобную ошибку — разстрѣла «по недоразумѣнію» свидѣтели говорятъ, называя студента Сапожкова. Убили Александра Сапожкова, который былъ совершенно ни въ чемъ не виненъ. Мѣстная полиція была о немъ хорошаго мнѣнія, какъ о спокойномъ и неопасномъ человѣкѣ. Солдаты разыскивали Николая Сапожкова, его брата, который значился въ спискѣ охраннаго отдѣленія. Но солдаты его не нашли и передъ отъѣздомъ своимъ поручили розыски мѣстной полицейской власти.

По счастливой случайности Николай Сапожковъ избѣгъ смерти, которая была отъ него на волосокъ. Въ то время, когда солдаты громко кричали одному обывателю на улицѣ селенія

Боброва: «Гдѣ Сапожковъ. Укажи, гдѣ Николай Сапожковъ, а не то застрѣлю тебя», Сапожковъ въ это время проходилъ мимо нихъ, соблюдая удивительное хладнокровіе и спокойствіе.

Его не узнали мѣстныя полицейскія власти, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ длинную шубу и папаху.

Всѣ эти событія шли одно за другимъ съ поразительной быстротой. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ всѣ обыски были окончены. Въ телеграфную комнату доставлены 24 человѣка. Всѣ они не знали, за что ихъ арестовали и съ совершеннымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ относились къ своей участи. Они ожидали, что ихъ вызовутъ къ офицерамъ, и тѣ выяснятъ причину ареста.

Могъ ли предполагать заводскій чертежникъ Плотниковъ, возвращавшійся домой, что его убьютъ за пререканія по поводу многихъ обысковъ на пути его слѣдованія. Вѣдь онъ не совершилъ ничего преступнаго, и если вызвалъ раздраженіе въ солдатѣ, отправившемъ его въ телеграфную комнату, то только потому, что его самого солдаты раздражили безцѣльными, грубыми и многочисленными обысками.

Такъ и всѣ остальные. Не чувствуя за собой въ большинствѣ случаевъ никакой вины, которая произошла отъ довѣрія къ освободительнымъ реформамъ, возвѣщеннымъ царскимъ манифестомъ отъ 17 октября, всѣ арестованные ни минуты не предполагали, что они будутъ казнены безъ суда и слѣдствія, безъ молитвы и причастія, не простившись съ дѣтьми и женами, не высказавъ имъ своей послѣдней воли.

Въ 5 часовъ вечера въ началѣ шестого, полковникъ Риманъ выстроилъ солдатъ въ шеренгу по платформѣ вокзала, вызвалъ изъ телеграфной комнаты 12 человѣкъ и велѣлъ слѣдовать имъ подъ конвоемъ на запасные пути къ семафорной будкѣ. Несчастные предполагали, что ихъ ведутъ въ вагонъ, чтобы отправить въ Москву на дознаніе. Сторожъ Н., отворивъ дверь, пропустилъ несчастныхъ мимо себя, будучи увѣренъ, что ихъ

отправляютъ въ Москву. Они разговаривали между собою, держа себя весьма безпечно.

Послѣдовать за ними сторожъ не посмѣлъ, но, пріотворивъ дверь, слушалъ. Черезъ нѣсколько минутъ сторожъ услыхалъ два залпа и затѣмъ много частыхъ выстрѣловъ. Тогда онъ понялъ, что произошло.

Когда арестованные прошли саженей 70 отъ станціи вправо, по направленію къ Рузаевкѣ, туда, гдѣ на запасныхъ путяхъ стояли порожніе вагоны, и поровнялись съ угольнымъ складомъ, немного не доходя до семафорной будки, раздался по нимъ по командѣ полковника залпъ, затѣмъ другой, и, когда всѣ упали и корчились на снѣгу отъ ранъ, ихъ добили отдѣльными выстрѣлами...

Когда все смолкло, и темная, безмолвная ночь скрыла отъ человѣческихъ глазъ совершенное убійство, старикъ - священникъ, окончивъ вечерню, выходилъ изъ храма, стоявшаго недалеко отъ мѣста преступленія, и, услышавъ выстрѣлы, перекрестился. Онъ не думалъ, что это убивали невинныхъ людей. Онъ не предполагалъ, что завтра такимъ же путемъ убьютъ его родного сына на станціи Ашитково. Но это все случилось. У отца Виноградова на другой день въ 10 час. утра убили сына, начальника станціи Ашитково.

Убили его еще проще: взявъ его изъ квартиры, обыскавъ, ничего не найдя, предложили ему слѣдовать за офицеромъ и солдатами. Его повели къ пустымъ вагонамъ, и, когда онъ поравнялся съ ними, ему приказали итти дальше по направленію къ лѣсу. Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, безъ команды, по мановенію руки полковника, солдаты дали залпъ, и несчастный упалъ мертвымъ.

***

Въ то время, когда пришелъ поѣздъ съ однимъ паровозомъ и двумя вагонами подъ управленіемъ поручика желѣзнодорож-

наго баталіона Костенки, на станціи Сортировочная дежурнымъ находился служащій Ладновъ.

Минутъ черезъ пятнадцать появился безъ испрашиванія пути поѣздъ съ солдатами Семеновскаго полка, которые не доѣзжая станціи, повыскакивали изъ вагоновъ и безъ всякого предупрежденія открыли жестокій огонь направо и налѣво по запаснымъ путямъ, гдѣ находилось много народа.

Кто поближе оказался, тотъ поплатился своею жизнью; многіе залѣзли подъ вагоны и попрятались за колеса, садились на оси.

Въ это время офицеръ вышелъ на платформу, встрѣтилъ дежурнаго по станціи Ладнова и узналъ отъ него, что въ зданіи никого нѣтъ.

Осмотрѣвъ и убѣдившись въ этомъ, приказалъ произвести обыскъ въ нѣсколькихъ домахъ, находящихся поблизости отъ платформы. Когда вошли въ квартиру таксировщика Воронича, то дверь его квартиры нашли запертой.

Стали стучать, потомъ прикладами сшибли дверь съ петель. Войдя въ квартиру, застали старика 60 лѣтъ, крайне встревоженнаго и не понимающаго, что за событія происходятъ кругомъ. Онъ былъ глуховатъ на оба уха, и потому не слыхалъ стука въ дверь, когда же ее начали ломать, подумалъ, что это хулиганы пришли грабить его имущество. Онъ отыскалъ револьверъ и ждалъ, что за грабители такіе ломаютъ дверь и зачѣмъ они врываются въ чужую квартиру.

Жилъ онъ только вдвоемъ со старухой-женой, которая раньше, въ 1904 году, была душевно больной и лѣчилась въ Казани нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ она поправилась и послѣдніе два года жила съ мужемъ на станціи Сортировочная, гдѣ тотъ прослужилъ 10 лѣтъ.

Старуха тоже ничего не понимая, что творится кругомъ, въ безпокойствѣ металась изъ угла въ уголъ и шептала молитвы.

Наконецъ дверь была сломана и на порогѣ явились солдаты и офицеръ; старикъ, увидѣвъ ихъ, былъ очень изумленъ, растерянъ, потомъ отъ радости перекрестился, что тревога его напрасна, положилъ револьверъ на столъ и направился навстрѣчу желаннымъ гостямъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ офицеръ скомандовалъ: «въ штыки его».

И тутъ же въ квартирѣ началась кровавая, жестокая расправа. Съ четырехъ сторонъ воткнули штыки въ тѣло несчастнаго старика, а офицеръ собственноручно жестокимъ ударомъ раскроилъ ему черепъ; только раздался сухой трескъ расколотаго черепа и безумный вопль сумасшедшей женщины, которая въ одинъ мигъ, въ этотъ ужасный мигъ, снова потеряла разсудокъ.

Но солдаты не остановились, они приставили штыки къ груди сумасшедшей женщины и приготовились вонзить ихъ въ тѣло, но въ отвѣтъ почувствовали безумные, страшные глаза на нихъ и безумное спокойствіе несчастной и остановились, проколовъ только одежду.

Теперь она помѣщена на излѣченіе въ больницу св. Пантелеймона на ст. Удѣльной, близъ Петербурга.

Побывъ на станціи Сортировочная всего минутъ 40, главный отрядъ двинулся дальше, оставивъ здѣсь подъ командой офицера полуроту солдатъ, которые продолжали весь день стрѣлять по запаснымъ путямъ.

На слѣдующее утро около Сортировочной было подобрано служащими желѣзныхъ дорогъ при участіи солдатъ 8 труповъ, которые солдаты отправили въ товарномъ вагонѣ на станцію Москва, не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы узнать личность убитыхъ.

Девятый трупъ былъ Воронича.

Кромѣ того, рождественниками ночью было подобрано и увезено 25 труповъ.

Итого, убито здѣсь 34 человѣка.

Солдаты простояли на этой станціи дней 10, держали себя съ служащими станціи крайне грубо и рѣзко. Два характерныхъ разсказа пришлось услышать дежурнымъ тамъ, а именно: одинъ солдатъ со смѣхомъ разсказывалъ другому, какъ шли двѣ бабы по полю, влѣво отъ запасныхъ путей; онъ имъ крикнулъ: «стрѣлять буду». Бабы сломя голову бросились бѣжать, спотыкались, скользили по неровной дорогѣ, смѣшно взмахивали руками. Солдатъ взялъ на прицѣлъ одну, выстрѣлилъ, — она такъ и «сковырнулась», а другая убѣжала.

Говорилъ мнѣ это одинъ изъ слушателей этого разсказа. Сообщаю его для показанія той атмосферы, въ которой держали солдатъ карательнаго отряда.

***

Никакая пропаганда, никакая агитація среди голодныхъ и обездоленныхъ людей не достигла тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которые приходилось наблюдать мнѣ въ районѣ дѣйствій отряда Семеновскаго полка. Я поражался, напримѣръ, видя старуху за 50 лѣтъ, всю свою жизнь глубоко вѣровавшую въ Бога и царя, готовую отдать всю свою жизнь за горячо любимаго монарха-миропомазанника, сразу переродившуюся послѣ кроваваго дѣйствія въ ея квартирѣ полковника Римана. Она съ такимъ ѣдкимъ анализомъ разбирала все, что произошло вокругъ и что творится еще теперь.

Не отвлеченнымъ путемъ дошла она до этого, не изученіемъ книгъ и исторіи пришла она къ тѣмъ выводамъ, а, просто, послѣ жестокаго потрясенія всего внутренняго ея существа, съ болью и ужасомъ въ душѣ глаза ея увидѣли и поняли, что называютъ дѣятели бюрократизма подавленіемъ «крамолы».

Ея сынъ, 19-лѣтній парень, во время разговора старухи со мной, хитро посмѣивался и подтрунивалъ надъ ней:

— Хороша старуха стала. Бывало, съ ухватомъ бросалась, когда подъ пьяную руку сболтнешь зрящее слово, а теперь поди же ты!?

Но старуха не унималась и, не обращая на его слова вниманнія, продолжала раскрывать свою больную, изстрадавшуюся душу.

А велико, должно-быть, ея внутреннее потрясеніе, если пришлось ей въ одинъ мигъ, въ одну страшную минуту видѣть разстрѣлъ ея невиннаго сына на ея же глазахъ, въ ея же комнатѣ, уставленной образами и украшенной царскимъ портретомъ со всей царской фамиліей.

«Посторонись, старуха», крикнулъ ей Риманъ и лѣвой рукой отстранилъ ее, а правой выстрѣлилъ въ лобъ ея любимца, ни въ чемъ неповиннаго, непонимающаго за что приставляется къ его лицу дуло револьвера. Онъ не шевельнулся, не сдѣлалъ даже попытки защититься; только черезъ мигъ грохнулся на полъ безъ звука, безъ вскрика кровавый трупъ.

Въ этотъ мигъ поняла старуха грозную дѣйствительность, и въ ея душѣ открылась бездна...

Не доѣзжая полутора верстъ до станціи, поѣздъ съ солдатами повстрѣчалъ на запасныхъ путяхъ много крестьянъ съ подводами, разбиравшихъ остатки товаровъ. Они, не торопясь, съ большой дѣловитостью выбирали предметы, наиболѣе необходимые имъ. Поэтому не обратили вниманія на проходившій поѣздъ. Правда, перовцы предупреждали ихъ, что съ вечера ожидаютъ казаковъ, но они не вѣрили, не могли понять къ чему это. Зачѣмъ нужны теперь казаки? Когда раньше, вначалѣ грабежа, не присылали никого, допустили все расхитить, а теперь и товаровъ-то ничего почти не осталось? Рѣшили по своей простотѣ, что перовцы нарочно придумали, чтобы попугать ихъ, посмѣяться надъ ними, сдѣлавшими конецъ на своей клячонкѣ съ сотню верстъ.

Но ихъ благодушіе скоро было разсѣяно залпами изъ оконъ медленно проходившаго поѣзда, отъ которыхъ попадали ихъ клячонки и съ крикомъ и съ стономъ грохнулись на снѣгъ раненые люди.

Стрѣльба началась ожесточенная; солдаты поспрыгивали съ вагоновъ, разсыпались по запаснымъ путямъ и стрѣляли по бѣжавшимъ вдоль путей. Другая часть крестьянъ бросилась влѣво, на поляну, употребляя всѣ усилія достигнуть лѣса, окаймляющаго поляну.

Но ихъ расчетъ былъ невѣренъ; пули были быстрѣе, и много людей полегло на этой полянѣ, только немногіе добрались до лѣса и избѣжали смерти.

Сколько было убито на этой полянѣ и на запасныхъ путяхъ, трудно сказать: точныхъ свѣдѣній нѣтъ и получить ихъ врядъ ли удастся; большинство изъ убитыхъ были пріѣзжіе изъ дальнихъ деревень, неизвѣстные мѣстному населенію.

По показанію сторожа М., трупы всѣхъ убитыхъ солдаты собрали и сложили въ два вагона, а потомъ вечеромъ отправили съ поѣздомъ по направленію къ Москвѣ. По его мнѣнію было 53—57 убитыхъ.

Старикъ К., который много ужасовъ видѣлъ передъ тѣмъ, пока не набросились на него солдаты и штыками нанесли ему 9 тяжелыхъ ранъ. Предполагая, что онъ убитъ, солдаты бросили его на снѣгу и ушли. Кто-то его поднялъ, и какимъ-то путемъ удалось его отправить въ Басманную больницу; тамъ онъ поправился и недавно выписался изъ больницы. Живетъ въ настояще: время въ Перовѣ. Три раза приходилъ я къ нему и каждый разъ встрѣчалъ рядъ подозрительныхъ вопросовъ: «Вамъ, батюшка, зачѣмъ его нужно? вѣдь онъ совершенно ни въ чемъ не виноватъ!» Я объяснялъ цѣль моего посѣщенія и указывалъ на необходимость его видѣть лично. Каждый разъ получалъ уклончивый отвѣтъ, что онъ только что уѣхалъ въ Москву, что онъ живетъ всегда въ Москвѣ; когда же я спросилъ его московскій адресъ, то оказалось, что его въ Москвѣ нѣтъ, такъ какъ живетъ въ Перовѣ. Я былъ удивленъ такимъ недовѣріемъ, и когда постарался выяснить причину, почему онъ прячется отъ меня, то оказалось, что онъ боится, что его добьютъ теперь до смерти,

такъ какъ тогда его били, да не добили, что я разыскиваю его съ цѣлью убить совсѣмъ, т.-е. исправить ошибку солдатъ, такъ какъ только по ошибкѣ и халатности ихъ онъ остался живъ. Боязнь этого старика такъ велика, что до сихъ поръ мнѣ не удалось его разыскать.

Такой страхъ имѣетъ до нѣкоторой степени реальную подкладку. Солдаты, стрѣляя въ бѣгущихъ людей, иногда на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженей, не убивали насмерть, а только ранили, и оставляли ихъ корчиться и страдать на снѣгу.

Правда, съ отрядомъ солдатъ пріѣхалъ ихъ собственный красный крестъ съ военнымъ врачомъ, но онъ предназначался для своихъ раненыхъ, такъ какъ начальниками войскъ ожидалось вооруженное сопротивленіе боевой дружины. Нужно замѣтить, что ихъ предположеніе не оправдалось, и изъ солдатъ никто не былъ раненъ.

Всѣхъ раненыхъ поднималъ и уносилъ къ себѣ санитарный отрядъ поѣздовъ Дальняго Востока, приходившихъ сюда въ желѣзнодорожную мастерскую для ремонта. Кромѣ того, нѣкоторыхъ раненыхъ относили въ мѣстную больницу. И вотъ изъ этой больницы 16 декабря вечеромъ солдаты унесли 3 тяжело раненыхъ, еще съ признаками жизни; зачѣмъ, куда и для чего ихъ взяли, неизвѣстно. Что стало съ ними потомъ, тоже неизвѣстно. Достовѣрно утверждаю только то, что раненые были сильно изуродованы, такъ что признать ихъ нельзя было и что этихъ раненыхъ, числомъ 3, солдаты унесли изъ мѣстной перовской больницы и что они были съ признаками жизни.

Во всякомъ случаѣ, свидѣтель К., которому я имѣю всѣ основанія довѣрять, слышалъ изъ прямыхъ офиціальныхъ источниковъ, что 3 раненыхъ были взяты по приказанію полковника, такъ какъ этимъ людямъ «не мѣсто быть въ больницахъ».

Относительно раненыхъ, помѣщенныхъ въ санитарныхъ поѣздахъ, упорно циркулируетъ въ населеніи ужасный слухъ, который передавался тѣми больными, получившими выздоровленіе,

которые сами это слышали. Въ санитарный поѣздъ явился Риманъ и потребовалъ выдачи ему дружинниковъ для разстрѣла, которые остались еще въ живыхъ. Комендантъ въ чинѣ полковника, завѣдующій санитарнымъ поѣздомъ, отвѣтилъ, что этого онъ не сдѣлаетъ, что санитарный поѣздъ не для того существуетъ, чтобы въ немъ разстрѣливать раненыхъ; что это есть убѣжище для раненыхъ, признанное всѣми народами, установленное всѣми кодексами законоположеній, всѣми государствами.

И Риманъ ушелъ ни съ чѣмъ!

На платформѣ никого не было. Выстроивъ солдатъ на платформѣ, полковникъ крикнулъ:

— Кто есть на станціи — выходи.

Вышелъ станціонный жандармскій унтеръ-офицеръ Подгорный.

— Есть на станціи кто-нибудь? — спросилъ полковникъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, окромя бабъ, съ испугу убѣжавшихъ укрыться сюда, никого нѣтъ.

Дѣйствительно, оказалось, что въ залѣ I класса находилось много бабъ, преимущественно женъ жандармовъ и станціонныхъ служащихъ. Собрались онѣ сюда съ ранняго утра, такъ какъ начальникъ станціи, Фроловъ, еще съ вечера предупредилъ, что пріѣдетъ московское начальство устанавливать порядокъ. Полковникъ приказалъ солдатамъ разогнать бабъ и никого на станцію не пускать.

— Кому принадлежитъ это оружіе, выходи на середину комнаты, — крикнулъ Риманъ.

Весь блѣдный, въ испугѣ вышелъ хозяинъ квартиры, станціонный жандармъ, Подгорный и сталъ увѣрять Римана, что онъ ни въ чемъ не виновенъ, а оружіе это находится у него потому, что онъ жандармъ. Офицеръ нацѣливаетъ въ него револьверъ и говоритъ:

— Всѣ вы, мерзавцы, чтобы спастись отъ смерти, готовы назваться жандармами. Чѣмъ докажете, не выходя изъ комнаты, что вы жандармъ?

Онъ вытащилъ свою одежду и думалъ, что такимъ неоспоримымъ вещественнымъ доказательствомъ онъ разсѣетъ всякія сомнѣнія. Но для полковника Римана это было неубѣдительно, и несчастному предстояла смерть. Къ счастью, жена его отыскала проѣздной билетъ съ фотографической карточкой.

Такимъ образомъ онъ былъ спасенъ.

Но и спасеніе было пока кажущемся, потому что Риманъ злобно крикнулъ ему:

— Ну, одѣвайся, мерзавецъ, въ жандармскую форму и бѣги на станцію.

Эти приказанія: «бѣги домой», «бѣги на станцію» въ понятіяхъ населенія равносильны: «готовься къ смерти»...

Много разъ приходилось убѣждаться перовцамъ, что приказаніе «бѣги домой» есть ничто иное, какъ привычка хорошаго охотника никогда не стрѣлять по птицѣ, спокойно сидящей на суку. Онъ предварительнно спугнетъ ее, а потомъ уже стрѣляетъ въ летъ. Такъ и тутъ: поймавъ свою жертву, руководитель «усмиренія» милостиво отпускаетъ его на свободу, и приказавъ ему: «Бѣги домой, да поживѣй», слѣдитъ за нимъ, какъ тотъ на крыльяхъ счастья несется прочь отъ этого рокового мѣста, а затѣмъ... раздается залпъ, безъ команды, безъ словъ, и несчастный падаетъ на снѣгъ.

Разсказываютъ про одного смекалистаго солдатика, Коновалова, котораго задержали вмѣстѣ съ двумя рабочими на улицѣ: ихъ обыскали и, ничего не найдя, приказали имъ — «бѣгите домой! да живо, безъ оглядки»... они и бросились бѣжать...

Солдатикъ-то, хорошо зная, что теперь нельзя плошать, что его жизнь зависитъ отъ него самаго, ударился въ бѣгъ, какъ звѣрь; онъ бѣжалъ зигзагами, дѣлая громадные скачки въ стороны, когда уставалъ — бросался въ канаву, въ снѣгъ, потомъ вновь бѣжалъ...

По немъ стрѣляли, какъ по дикому волку стрѣляютъ опытные охотники; пули свистали вокругъ него, не причиняя вреда.

И звѣрь ушелъ отъ нихъ... Коновалова ранили въ руку, и онъ остался живъ, а оба его товарища сразу полегли отъ перваго залпа, обливаясь кровью. Они были убиты.

Разсказываютъ, что когда Орловскій подходилъ къ станціи и уже поднялся на верхнія ступеньки, полковникъ приказалъ разстрѣлять его. Нѣсколько пуль сразили его, онъ упалъ еще живой, остальное было сдѣлано штыками. Потомъ отнесли его въ вагонъ, и только утромъ удалось служащимъ вмѣстѣ съ ремонтными рабочими доставить трупъ къ вдовѣ Орловской.

Онъ былъ такъ сильно изуродованъ, что если бъ не одежда, то нельзя было бы его признать. Все лицо было истыкано штыками; глазныя впадины были пробиты до мозга. Подбородокъ, щеки, носъ представляли изъ себя сплошную кровавую маску: «Только губы остались цѣлы», сказала вдова, — молодая, красивая женщина, находящаяся въ послѣдней степени беременности. Что должна была она пережить въ эту минуту, когда ремонтные рабочіе принесли ей обезображенное тѣло, вмѣсто любимаго, вчера еще живого мужа. Съ дрожью въ голосѣ она спросила меня, когда я съ ней разговаривалъ: «Скажите, зачѣмъ это «они» такъ изуродовали его? Ну, убили бы, если это нужно. Лишили бы жизни человѣка и достаточно, но зачѣмъ такое издѣвательство? Зачѣмъ такъ истерзали его тѣло? Что это? злоба ли? месть ли проявлена на немъ? Какъ это ужасно! Не нахожу словъ, чтобъ передать вамъ, что я пережила за это время».

Покончивъ съ Орловскимъ, полковникъ Риманъ встрѣтился на платформѣ съ другимъ помощникомъ начальника станціи, Ларіоновымъ, который былъ дежурнымъ на станціи. Ларіоновъ возвращался съ запасныхъ путей, куда онъ отводилъ пріѣхавшій съ семеновцами поѣздъ. Риманъ, увидѣвъ его въ формѣ, спросилъ:

— Вы — помощникъ начальника станціи, Ларіоновъ?

— Да.

— Идите ко мнѣ въ кабинетъ!



Черезъ нѣсколько минутъ они оттуда вышли, и полковникъ громко ему сказалъ:

— Слѣдуйте за мной.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до того мѣста, гдѣ стояли 4 солдата, около лѣсенки раздалась грозная команда:

— Въ штыки его.

Первый ударъ штыка пришелся въ позвоночникъ; Ларіоновъ упалъ въ страшныхъ мукахъ, началъ кричать, просить пощады, милосердія. На него посыпались удары штыками. Раздался отчаянный вопль, который разнесся далеко по окрестности. Свидѣтельница О. разсказывала, что, находясь далеко отъ станціи, она слышала душу раздирающій крикъ Ларіонова, когда, по ея выраженію, «его пороли штыками». Наконецъ его запороли досмерти, и офицеръ для успокоенія своей совѣсти, чтобы не оставить его въ живыхъ, выстрѣлилъ ему въ високъ. То, чего такъ долго молилъ бѣдняга Ларіоновъ, чтобы послѣднимъ выстрѣломъ прекратить его ужасныя страданія, онъ получилъ послѣ своей смерти.

***

Въ одну изъ частныхъ квартиръ пришелъ полковникъ Риманъ съ обыскомъ; вся семья въ это время была въ сборѣ, тутъ же находились оба его сына: одному было 20 лѣтъ, другому 22. Они работали въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ качествѣ токарей. Полковникъ, ничего не найдя, распросивъ, кто они, гдѣ работаютъ, удовлетворился ихъ отвѣтами и съ миромъ ушелъ.

Ребята, посидѣвъ еще нѣсколько времени дома, пошли прогуляться по улицѣ и кстати поиграть на билліардѣ. Къ нимъ подошли еще двое пріятелей, и вчетверомъ они продолжали путь.

Когда они подошли къ переѣзду черезъ полотно желѣзной дороги, ихъ остановили солдаты и обыскали. Ничего не найдя,

хотѣли отпустить, но одинъ изъ солдатъ замѣтилъ: «Ребята, да вѣдь это забастовщики! въ штыки ихъ». И, дѣйствительно, въ одно мгновеніе солдаты набросились на нихъ и начали пороть ихъ штыками; двое пріятелей бросились бѣжать, тогда ихъ уложили пулями, а два брата полегли тутъ же по краямъ дороги. Одинъ былъ исколотъ штыками, а другой раненъ пулей въ животъ и штыками.

Старикъ, ничего не зная о случившемся, пошелъ смотрѣть, что вообще дѣлается и, подойдя къ переѣзду, увидалъ лежащихъ по краямъ дороги своихъ сыновей.

Одинъ изъ нихъ еще былъ живъ, раненый пулей въ животъ; другой же мертвъ, его трудно было отцу признать за своего сына. Ни одного зуба не было во рту, глаза, носъ, переносица,— все было испорото штыками. Раненаго сына подняли санитары маньчжурскихъ поѣздовъ, и къ 12 часамъ ночи онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ санитарномъ вагонѣ. Принеся трупъ другого сына къ себѣ домой, снимая съ него пальто, старики увидѣли примерзшихъ къ одеждѣ нѣсколько зубовъ, которые вылетали изъ его рта подъ жестокими ударами штыковъ.

— Я самъ солдатъ, — началъ старикъ, — служилъ Царю вѣрой и правдой и готовилъ для его царской службы четырехъ сыновей. Но вотъ наши же солдаты убили у меня двоихъ!.. И какъ убили: терзали, мучили, пронзали штыками, все тѣло изуродовали до неузнаваимости. Зачѣмъ убили, за что? За что издѣвались надъ ними? Я самъ солдатъ, — старикъ выпрямился и суровымъ взглядомъ обвелъ кругомъ, — но на это у меня нѣтъ пониманія, нѣтъ указанія въ воинскомъ уставѣ. Я пойду къ Царю и спрошу его, за что убили моихъ сыновей? И если это, дѣйствительно, убили ихъ солдаты по его приказанію, то не дамъ ему для царской службы двухъ другихъ сыновей, которыхъ я рощу, чтобы не сдѣлать ихъ такими же палачами. Лучше убью своими руками, нежели отдамъ ему въ солдаты.

***

Въ третьемъ часу дня путевой сторожъ Дрожжинъ, сидя у себя дома, обратился къ своей старухѣ съ просьбой, чтобы вмѣсто него пошла на Семеновскій путь для исполненія служебныхъ обязанностей.

«Мнѣ какъ-то жутко, ступай самъ», отвѣтила старуха. «Ну, ладно, попью чайку, схожу — успѣю еще», согласился сторожъ и, напившись чаю, отправился. Не успѣлъ онъ дойти до своего участка, какъ мѣткая пуля попала ему въ животъ, и когда онъ упалъ, солдаты набросились на него и начали пороть штыками. Особенно пострадалъ животъ, такъ что кишки выпали наружу и примерзли къ одеждѣ. Солдаты, думая, что съ нимъ покончили совсѣмъ, пошли далѣе. Несчастный Дрожжинъ былъ живъ и пролежалъ на морозѣ 4 часа съ распоротымъ животомъ; въ седьмомъ часу вечера его подняли санитары и отнесли къ себѣ въ вагонъ; только въ первомъ часу ночи онъ умеръ на ихъ рукахъ, послѣ того, какъ они зашили ему кишки и животъ. На другой день старуха получила его трупъ и сама похоронила.

Разсказывая мнѣ исторію убійства мужа, она, какъ бы въ противовѣсъ милостивому отношенію солдатъ къ своему покойнику, привела случай, видѣнный ею изъ окна своей квартиры, расположенной близъ дорожнаго пути. «Это еще слава Богу, съ моимъ мужемъ-то милостиво обошлись. Попороли штыками да и бросили, а вотъ тутъ, недалеко отъ моихъ оконъ, шли двое, въ нихъ выстрѣлили, они упали; солдаты бросились и ну ихъ штыками!.. Пороли, пороли... потомъ бросили, видятъ еще идутъ двое и тѣхъ также. Я кричу: «Батюшки, батюшки, да что же это такое дѣлается? Убили ихъ!» Въ это время я не знала, что съ моимъ-то также покончили. Не отхожу отъ окна и все смотрю. Солдаты недалеко отъ пути встали во фронтъ, съ ними офицеръ. Вдругъ вижу одинъ-то изъ четырехъ, лежащихъ на снѣгу, зашевелился, должно-быть, застоналъ еще, такъ какъ солдатъ очнулся, подошелъ къ нему, подергалъ за одежду — видитъ ше-

велится и ну его штыкомъ началъ пороть; поролъ, поролъ, — надо думать запоролъ совсѣмъ и опять отошелъ въ сторону. Не прошло и 20 минутъ, какъ этотъ-то опять зашевелился, головой замоталъ — страсть живучъ былъ, солдатъ всердцахъ опять подошелъ и штыкомъ доколол его, а потомъ и офицеръ подошелъ и выстрѣлилъ ему въ голову. На Дальнемъ Востокѣ и то, должно, такъ не было!!!» закончила Дрожжина свой безыскусственный страшный разсказъ.

* * *

Во всѣхъ домахъ происходили повальные обыски по 3 — 4 раза.

Во время одного изъ такихъ обысковъ въ квартирѣ семьи Оводовыхъ, послѣ того, какъ отъ удара прикладомъ слетѣла съ петель дверь кладовки, и вся одежда и бѣлье при помощи штыковъ оказались разбросанными по полу, старшій сынъ хозяйки квартиры, Иванъ Оводовъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Вы, ваше благородіе, не грабить пришли, а обыскивать, такъ, пожалуйста, поделикатнѣе обращайтесь съ вещами.

По увѣренію старухи-матери онъ былъ выпивши, потому рѣшился такъ сказать.

Въ комнатѣ жильцовъ нашли 4 топора, какъ оказалось краденные изъ вагоновъ и два мѣшочка съ дробью.

Офицеръ пришелъ въ раздраженіе и сталъ угрожать присутствующимъ револьверомъ, который держалъ въ рукѣ. Когда же нашли сломанный револьверъ, то онъ злобно спросилъ:

— Чей это?

— Мой, отвѣтилъ сынъ Иванъ.

— Посторонись, старуха, — крикнулъ Риманъ, и выстрѣломъ изъ револьвера въ лобъ убилъ его.

* * *

Обстоятельства смерти Япукова таковы:

Къ нему пришли солдаты на квартиру съ обыскомъ и своимъ рѣзкимъ, безцеремоннымъ обращеніемъ съ нимъ начали его

раздражать. Онъ все крѣпился и терпѣлъ. Когда же его имущество и вещи полетѣли въ разныя стороны, постель и подушки остались на полу вмѣстѣ съ добромъ изъ сундуковъ, онъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе и, получивъ въ отвѣтъ за это грубыя ругательства со стороны солдатъ, вступилъ съ ними въ пререканія. Нѣсколько разъ офицеръ крикнулъ ему молчать, но тотъ все не унимался. Обыскъ приходилъ уже къ концу, никакого оружія не было найдено, но раздраженіе все расло другъ противъ друга. Передъ тѣмъ, какъ уходить солдатамъ, офицеръ приказалъ Яшукову слѣдовать за нимъ.

Выйдя на улицу, онъ скомандовалъ солдатамъ разстрѣлять его, и тутъ же на шоссе, ведущему къ Карачарову, нѣсколькими выстрѣлами его убили.

Онъ работалъ въ качествѣ молотобойца въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Другого рабочаго въ тѣхъ же мастерскихъ кузнеца Похомова взяли солдаты на штыки на улицѣ послѣ обыска въ его квартирѣ. Тамъ нашли у него револьверъ, который онъ призналъ своимъ. Почему-то офицеръ не убилъ его на мѣстѣ, а велѣлъ итти за нимъ на улицу и, пройдя нѣсколько шаговъ, скомандовалъ: «въ штыки его». Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ отъ однихъ только штыковъ.

*
* *

Въ Перовѣ 10-лѣтняя дѣвочка, Настя, при видѣ, какъ револьвернымъ выстрѣломъ офицеръ убилъ ея родного брата на ея глазахъ, бросилась въ испугѣ къ матери и закричала: «какіе они злые, какіе злые глаза; мама, они насъ убьютъ сейчасъ...» потомъ выпрямилась блѣдная... на стройныхъ тонкихъ ножкахъ, приблизилась къ офицеру и крикнула въ глаза: «зачѣмъ убили моего Ваню, убейте и меня».

Сколько трагизма, сколько ужаса въ этомъ дѣтскомъ крикѣ.

*
* *

Когда я велъ бесѣду съ отцомъ Иваномъ и распрашивалъ его о подробностяхъ убійства полковникомъ Римановъ его сына, Сергѣя Виноградова, на станціи Ашитково, гдѣ онъ служилъ начальникомъ станціи, и убійствъ, произведенныхъ здѣсь въ Голутвинѣ, онъ мнѣ сказалъ:

— Тяжело разсказывать о происшедшемъ, такъ тяжело, что вы не повѣрите. Когда утромъ 19 декабря прибѣжалъ ко мнѣ надзиратель и сказалъ:

— Батюшка, пожалуйте хоронить.

— Кого хоронить? — спросилъ я.

— Убіенныхъ, — отвѣтилъ и пояснилъ, — убіенныхъ, которыхъ вчера пріѣхавшіе солдаты убили; 26 человѣкъ — начальника станціи, помощника и многихъ другихъ.

Когда онъ мнѣ это сказалъ, я понялъ тогда, какіе выстрѣлы я слышалъ наканунѣ, когда въ церкви кончалъ свою вечернюю молитву. Именно въ этотъ моментъ разстрѣляли этихъ невинныхъ, несчастныхъ людей. Тогда мнѣ стало такъ тяжело, такъ страшно передъ Богомъ и людьми, что пролита чистая, невинная кровь. Я ненахожу словъ, чтобы выразить вамъ, что я пережилъ въ эту минуту. Скажу вамъ, что когда къ вечеру того же дня я узналъ по телеграфу о таковомъ же разстрѣлѣ моего родного любимаго сына, Сергѣя, въ Ашитковѣ, я не былъ такъ глубоко потрясенъ, я не испыталъ и сотой доли тѣхъ мукъ и страданій, что пережилъ въ то утро, когда узналъ о казни невинныхъ — Надежина и Шелухина.

Поймите, что сынъ мнѣ родной, самый близкій человѣкъ, любимый мой, но смерть его не перевернула мою душу, не ужаснула меня, потому что я слышалъ, что онъ былъ виновенъ, если считать за вину участіе во всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ. Я пожалѣлъ его, погоревалъ о невозвратимой утратѣ, но не былъ такъ убитъ и удрученъ, какъ извѣстіемъ о разстрѣлѣ невинныхъ — Надежина и Шелухина.

Помолчавъ минуту, старикъ-священникъ продолжалъ:

— Убили безъ суда, безъ слѣдствія, убили невинныхъ людей, какъ разбойниковъ, въ два-три часа, такихъ людей, за которыхъ я готовъ понести отвѣтъ передъ Богомъ, такъ какъ въ невиновности ихъ я увѣренъ такъ же, какъ въ самомъ себѣ.

ГЛАВА III.

За что?

Этотъ простой вопросъ и въ то же время роковой, вслѣдствіе своей неразрѣшенности, всюду преслѣдуетъ меня, куда бы я не пошелъ, съ кѣмъ бы не встрѣтился въ своихъ бесѣдахъ о дѣйствіяхъ подъ Москвой усмирительнаго отряда.

«Скажите Бога ради, за что убили моего мужа? — встрѣтила меня такими словами Надежина, вдова убитаго начальника станціи въ Голутвинѣ. — Вы собирали свѣдѣнія, разспрашивали многихъ очевидцевъ случившагося, вы, навѣрное, теперь знаете, за что его убили. Скажите, не томите меня! Я страшно мучаюсь этимъ вопросомъ. Вѣдь не могли же его убить невинно? Я этому не вѣрю! Значитъ, было за что!.. Но за что же? За что? Не знаю!!. И, глубоко задумавшись, долго она не замѣчала моего присутствія. Я не хотѣлъ прерывать ея мрачныхъ мыслей и выжидалъ, когда она сама заговоритъ со мною.

Посѣщеніе этой несчастной семьи оставило во мнѣ глубокій слѣдъ; какъ живую представляю себѣ эту блѣдную, худощавую женщину съ просѣдью густыхъ темныхъ волосахъ. На изстрадавшемся лицѣ чувствуется глубокій отпечатокъ ея тяжелыхъ думъ; грустные добрые глаза съ такой печалью, съ выраженіемъ такого безысходнаго горя обращались ко мнѣ съ вопросомъ: «Скажите, за что его убили?!» — что мнѣ казалось, весь ужасъ ея положенія, всѣ тяжкія страданія, переживаемыя ею, потому такъ

мучительны, такъ невыносимы для нея, что не находитъ она отвѣта на свой роковой вопросъ.

Ее не то убиваетъ, что она лишилась своего любимаго супруга съ которымъ прожила всю свою жизнь, не то гнететъ ее, что она лишилась кормильца семьи въ шесть душъ дѣтей и теперь будетъ съ ребятками влачить свою голодную жизнь. Нѣтъ, ее мучаетъ страшная неизвѣстность о преступности мужа. Если бы онъ былъ доказанный преступникъ, ея горе было бы другое, оно вылилось бы въ другую опредѣленную, ясную форму; она страдала бы, но не такъ; она знала бы тогда, что онъ понесъ законную кару: «Зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ»; но здѣсь ее мучаетъ предположеніе, что онъ преступникъ, тайный, страшный преступникъ, котораго казнили въ 2—3 часа, какъ разбойника, среди дороги, безъ исповѣди, безъ послѣдняго слова передъ смертью, обращеннаго къ дѣтямъ, къ семьѣ, къ обществу. А что преступленіе должно быть налицо, тому служитъ поручительствомъ ея глубокая вѣра въ то, что «невиннаго» правительство не могло убить; это противно ея пониманію; понятіе «разстрѣляніе безъ вины и суда» не укладывается въ ея внутреннемъ существѣ, во всемъ томъ, что составляло до сихъ поръ ея жизнь, смыслъ внутренней жизни, душу и сердце...

«Нѣтъ, невиннаго не могли убить, — за нимъ есть вина и вина страшная». И вотъ опять во всей грозной силѣ встаетъ передъ нею все тотъ же вопросъ: «За что?.. Онъ былъ на митингѣ въ театрѣ одинъ разъ и говорилъ слово, обращенное къ рабочимъ, въ которомъ указывалъ что, благодаря желѣзнодорожной забастовкѣ, развился грабежъ, что рабочіе безобразничаютъ, расхищаютъ чужое имущество на вокзалѣ, что такъ нельзя поступать, что противно пониманію порядочности, честности. Быть-можетъ, за это его убили?..» Она замолчала и углубилась въ свои думы, правой рукой нервно потирая лобъ, стараясь разрѣшить мучительный вопросъ. «Нѣтъ, нѣтъ. Не можетъ быть. За это не могли его убить. Онъ защищалъ прави-

тельство, онъ потому пошелъ на митингъ, чтобы своимъ словомъ повлiять на рабочихъ въ хорошую сторону и удержать ихъ отъ грабежа, подобнаго тому, что былъ въ Перовѣ. Нѣтъ. Не за это его убили!.. «Такъ за что же, за что?!.» воскликнула она съ новыми муками въ голосѣ и, вновь, не находя отвѣта, углубилась въ свои мысли.

«Быть-можетъ, за то, что у него въ карманѣ были служебныя депеши за подписью стачечнаго комитета?» спросила она меня, но вѣдь, знаете ли, онъ не могъ ихъ не получать, потому что каждый день приходили и отходили воинскiе поѣзда съ Дальняго Востока, которые требовали немедленной отправки, въ противномъ случаѣ грозили разнести всю станцiю. Тогда волей-неволей приходилось открывать имъ станцiю и запрашивать путь на сосѣднюю. Нѣтъ, это онъ долженъ былъ дѣлать, да, кромѣ того, онъ сейчасъ же телеграфировалъ о происходящемъ въ Москву своему начальству, но никакого отвѣта не получалъ. Нѣтъ, нѣтъ, за это не могли его убить! Здѣсь нѣтъ ничего преступнаго!»

«Такъ за что же? Я не знаю... Скажите, вы, быть-можетъ, вы что-нибудь знаете, слышали, скажите!.. Я готова услышать всю правду, какова бы она не оказалась!

«За что?»

Но вопросъ ея оставался безъ отвѣта. Я не находилъ словъ, чтобы сказать ей что-нибудь въ утѣшенiе, чтобы облегчить ея страданье, чтобы дать отгадку на ея неразрѣшимый вопросъ. Я не могъ сказать ей: «Вашъ мужъ убитъ невинно. Слышите, г-жа Надежина, я выяснилъ черезъ членовъ стачечнаго комитета, что вашъ мужъ убитъ невинно, какъ и многiе другiе; въ этомъ ручаюсь вамъ своею честью, чѣмъ хотите, что вашъ мужъ ни въ чемъ неповиненъ!»

Я не сказалъ ей этого, потому что она не поняла бы моихъ словъ, какъ не могла бы понять санскритскаго языка.

Никакіе доводы, никакія доказательства, убѣжденія не могли бы поколебать ея глубокой вѣры въ то, что правительство не могло разстрѣлять неповиннаго человѣка.

Въ ея воображеніи рисуется, что офицеры судебнымъ порядкомъ разбирали преступность каждаго и послѣ явныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ приговаривали виновныхъ къ разстрѣлу. Такимъ оказался ея мужъ. Только вина его осталась тайной для несчастной женщины. Чтобы переубѣдить ее, ей слѣдовало видѣть судъ, происходившій въ Перовѣ. Тамъ каждый лично, своими глазами убѣждался, что тутъ убивали людей безъ суда, безъ вины, иногда въ силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздраженію. Убивали на глазахъ у всѣхъ открыто...

И убили въ оставшихся въ живыхъ ихъ вѣру въ человѣческій законъ, въ поддерживающую его государственную власть, вѣру въ правду на землѣ, ту вѣру, съ которой дожили до глубокой старости, которую унаслѣдовали отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ. Тамъ, въ Перовѣ, рѣдко приходилось слышать этотъ роковой вопросъ...

«За что?»

Наоборотъ, когда я спрашивалъ крестьянъ, за «что» убили сына или мужа, получался рѣзкій категорическій отвѣтъ.

Тамъ, въ Перовѣ, не осталось сомнѣнія, за что казнили столькихъ людей.

Многіе даже спѣшили забѣжать впередъ и вывести меня изъ возможности впасть въ ошибку и разъяснили мнѣ: «Не думайте, что такого-то убили за то, что онъ занимался расхищеніемъ товара изъ вагоновъ и что у него въ домѣ было награбленное имущество. Вовсе нѣтъ.

Когда однажды пришелъ полковникъ дѣлать обыскъ, то хозяинъ квартиры спросилъ его:

— Вы, ваше высокородіе, чего, собственно, ищете? Заранѣе скажу вамъ, что награбленнаго имущества въ домѣ много.

— Намъ этого не нужно, оставляйте у себя. Мы ищемъ оружія!

И, дѣйствительно, никакого товара не тронули; много банокъ стояло съ водкой, много другого товара было, — все оставили на своихъ мѣстахъ, ничего не тронули, а такъ какъ никакого оружія не было, то и ушли.

Но бѣдная вдова Надежина не въ состояніи понять того, что такъ ясно поняли перовцы, и въ продолженіе двухъ часовъ моей бесѣды съ ней слово «за что» не сходило съ ея устъ.

Много припоминала она «преступностей» своего мужа, но каждый разъ, задумавшись послѣ минутнаго молчанія, какъ судья, углубившійся въ свою совѣсть передъ тѣмъ, какъ вынести оправдательный вердиктъ, она съ оживленіемъ говорила: «нѣтъ, нѣтъ! не за это... Навѣрно, есть другая вина. За это нельзя казнить человѣка!»

Не забыла она привести даже такой случай изъ его преступной дѣятельности. Когда онъ однажды обратился къ женѣ съ просьбой отдать старое пальтишко сына мальчику одного рабочаго, который долгое время находился безъ работы и чрезвычайно нуждался въ помощи. «Я отдала пальто, потому что самой было очень жаль мальчишку — такой онъ бѣдный выглядѣлъ, а у сына-то было хорошее новое пальто. Ну, я и отдала... Нѣтъ, за это не могли его убить. Что же изъ того, что это былъ сынъ рабочаго, и онъ пожалѣлъ бѣднаго мальчугана. За это не убиваютъ!..»

«Такъ за что же? Какъ это ужасно, я не знаю, за что? Все, что только я припомнила, все, что только я знала, все, что могло быть поставлено ему въ вину, я вамъ разсказала. Вѣдь, правда, за это его не могли приговорить къ смертной казни?»

Я съ ней согласился и хотѣлъ было уходить, но она остановила меня и сказала:

«Я хочу спросить вашего мнѣнія; вотъ я написала письмо къ одному изъ начальниковъ и спрашиваю его, «за что» убили моего мужа: я вамъ прочту, и вы посовѣтуете, послать ли его?»

Я выслушалъ это письмо.

Именемъ своихъ дѣтей она умоляла его сказать всю правду, сказать «за что» убили ея мужа? Она проситъ его потому, что когда дѣти подрастутъ, чтобы надъ ними не тяготѣла тайна страшнаго преступленія отца, за которое онъ былъ казненъ. Лучше выслушать горькую истину, нежели томиться въ постоянной неизвѣстности ужасной, страшной тайны преступленія. Кончивъ чтеніе, она спросила:

« Ну, какъ, совѣтуете послать это письмо. Получу я отвѣтъ на свой вопросъ?»

Что долженъ былъ сказать я измученной женщинѣ? Получитъ ли она отвѣтъ на свой роковой вопросъ: « За что?.. » Пусть пошлетъ она это письмо полковнику Риману, и своей искренностью, тѣмъ безысходнымъ горемъ и страданьемъ, которыя чувствуются въ каждомъ словѣ, въ каждой строкѣ, написанной подъ вліяніемъ глубокой вѣры въ правду, это письмо тронетъ сердце убившаго и онъ отвѣтитъ ей также искренне, что онъ убилъ ея мужа « невинно ».

В. Владимировъ.

Борьба русскаго народа противъ смертной казни.

Никогда и нигдѣ протестъ противъ смертной казни не достигалъ такой страшной силы, какъ за послѣднее время у насъ, въ Россіи. Начиная съ октября мѣсяца прошлаго года, положительно не проходило дня, чтобы въ лицо институту юридическаго убійства и его сторонникамъ не были брошены позорные упреки и тяжкія обвиненія. Населеніе громадной страны все слилось въ одномъ крикѣ: «Долой смертную казнь!» Съ одинаковою силою, изъ самой глубины сердца вырвался этотъ крикъ у рабочаго, крестьянина, учащейся молодежи, доктора, учителя, адвоката, священника, земца, писателя, желѣзнодорожнаго служащаго, газетнаго работника... Точно по заранѣе выработанному плану многочисленные союзы, корпораціи и собранія, при обсужденіи положенія Россіи и своихъ нуждъ, считали необходимымъ заявить правительству то въ формѣ рѣшительнаго требованія, то въ видѣ ходатайства о своемъ глубокомъ отвращеніи къ смертной казни и о необходимости ея полной и немедленной отмѣны.

Послѣ декабрьскихъ, январьскихъ и февральскихъ казней и разстрѣловъ, особенно послѣ осужденія лейтенанта Шмидта, снова поднялась буря народнаго негодованія. Лишенные возможности собираться, какъ прежде, на свободные митинги, русскіе граждане прибѣгли на этотъ разъ къ печати и телеграфу. Страницы газетъ наполняются письмами протеста. «Довольно крови, не надо казней», пишетъ уважаемый профессоръ и ректоръ университета. «Не обагряйте страну не-

винною кровью защитниковъ свободы!» телеграфируютъ предсѣдателю очаковскаго суда рабочіе фабрикъ и заводовъ С.-Петербурга отъ имени группы петербургскаго пролетаріата. «Не нарушайте заповѣди о правдѣ и милости,— просятъ петербургскіе студенты духовной академіи, — мы именемъ Христа, заложившаго краеугольный камень любви и соціализма, призываемъ судъ къ сознанію своего долга и отвѣтственности передъ родиной»... А тѣ, кто сидятъ теперь въ переполненныхъ тюрьмахъ, тѣ, кто вмѣстѣ со свѣтомъ и воздухомъ лишены возможности обратиться къ оставшемуся у насъ средству протеста—къ печати, протестуютъ противъ казней объявленіемъ голодовки. Если у кого-нибудь могла оставаться хотя бы тѣнь сомнѣнія объ осужденіи массой русскаго народа смертной казни, то послѣ того, какъ пролилась кровь Шмидта и его товарищей-матросовъ, всякое сомнѣніе этихъ недовѣрчивыхъ людей должно было исчезнуть. Чтобы остановить стихійное проявленіе протестовъ потребовалось спѣшное изданіе особаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ: священникамъ было строго запрещено служеніе панихидъ по казненнымъ; предписывалось арестовывать всѣхъ манифестантовъ; изъять изъ продажи портреты Шмидта. Противъ волновавшихся флотскихъ экипажей въ Севастополѣ выставили двѣнадцать пушекъ. Какъ будто пушками можно выбить изъ сердца лучшихъ русскихъ людей и всего народа глубокое отвращеніе къ юридическому убійству!

Какъ бы въ отвѣтъ на эти требованія русскаго народа, пронесся слухъ о законодательной отмѣнѣ смертной казни. Указывали даже день и часъ, когда будто бы былъ подписанъ этотъ актъ—вечеръ 17-го февраля. Указывали даже день, когда появится и манифестъ объ этомъ—19-е февраля. День освобожденія народа отъ рабства долженъ былъ стать днемъ освобожденія борцовъ за его свободу отъ смерти. Но прошло

19-е февраля, прошло много недѣль послѣ того, и русское общество не дождалось подтвержденія желанной вѣсти. Наоборотъ, въ печати было сообщено, что законъ объ отмѣнѣ смертной казни, хотя и одобренный правительствомъ, долженъ пройти черезъ Государственную Думу, а до тѣхъ поръ dura lex-sed lex, и торопится вершить свое кровавое дѣло смертная казнь...

Но русскій народъ уже высказалъ свое мнѣніе по этому вопросу, и если въ Государственную Думу соберутся дѣйствительно *его* представители, то ихъ первымъ дѣломъ, ихъ первымъ закономъ будетъ отмѣна смертной казни. Такъ было вездѣ: когда какой-нибудь народъ принималъ участіе въ дѣлѣ управленія родной страною, онъ всегда начиналъ съ отмѣны смертной казни за политическія преступленія, за которыя у насъ въ Россіи она почти исключительно и примѣняется. Такъ, во Франціи послѣ революціи конвентъ рѣшилъ 14 брюмера IV года отмѣнить смертную казнь со дня опубликованія общаго мира. Революція 1848 года въ той же Франціи отмѣнила смертную казнь за политическія преступленія. Въ Германіи въ революціонный 1848 годъ смертная казнь была отмѣнена въ цѣломъ рядѣ германскихъ государствъ (по парагр. 9 «Основныхъ правъ» 27-го декабря 1848 года), и лишь торжество реакціи привело въ этихъ государствахъ къ ея возстановленію. Въ Швейцаріи установленіе конституціи 1874 года привело къ объявленію отмѣны смертной казни за всѣ преступленія, а по закону 28-го марта 1879 года она осталась безусловно отмѣненной во всей республикѣ за политическія преступленія.

Въ настоящее время въ однихъ государствахъ смертная казнь совершенно отмѣнена или не примѣняется, а въ другихъ назначается лишь за самыя важнѣйшія преступленія, обыкновенно противъ личности. По общему правилу политическія преступленія не подлежатъ наказанію смертью.

Тамъ, гдѣ смертная казнь еще не отмѣнена, въ парламентахъ ведется горячая борьба за ея отмѣну. Сторонниками отмѣны обыкновенно являются представители рабочаго класса; ихъ поддерживаютъ радикалы и либералы, но такъ какъ численное господство въ парламентахъ не всегда на сторонѣ этихъ представителей, то, обыкновенно, предложенія объ отмѣнѣ смертной казни отвергаются палатами. Такъ, напримѣръ, 10-го декабря 1904 года во французской палатѣ депутатовъ, при обсужденіи бюджета Министерства Юстиціи, соціалистъ Жоресъ сдѣлалъ предложеніе не включать въ бюджетъ 1906 года ассигновокъ по приведенію смертныхъ приговоровъ въ исполненіе. Эти расходы достигаютъ во Франціи 37.000 франк. на жалованье палачу, на ремонтъ и храненіе гильотины и пр. Такое же предложеніе было сдѣлано и относительно бюджета 1905 года, но также было отвергнуто палатою. Впрочемъ, правительство заявило, что оно занято вопросомъ объ отмѣнѣ смертной казни. Не прошло предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни и въ Швеціи, внесенное въ 1900 году депутатомъ Нистремомъ.

Защитниками смертной казни выступаютъ на Западѣ представители консервативныхъ, наиболѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія. У насъ въ Россіи, кромѣ представителей администраціи, широко пользующейся правомъ преданія смерти, открытыми сторонниками смертной казни заявили себя весьма немногіе. Такъ, въ засѣданіи Московской думы 29 ноября такимъ сторонникомъ заявилъ себя одинъ изъ членовъ монархической партіи, назвавшій измѣнниками тѣхъ гласныхъ, которые предложили просить объ освобожденіи отъ казни севастопольскихъ матросовъ. Самымъ рѣшительнымъ и жестокимъ образомъ высказываются въ защиту смертной казни и наши аграріи. По сообщенію газетъ, собраніе землевладѣльцевъ на недавнемъ московскомъ съѣздѣ «хладнокровно выслушало кровожадную

рѣчь своего члена, который даже наше военное положеніе находилъ игрой въ солдаты и предлагалъ вѣшать всякаго, кто потушитъ фонарь на улицѣ».

Какая страшная жестокость, какое страшное ослѣпленіе! Неужели сторонники смертной казни не видятъ, что ручьи насильственно проливаемой человѣческой крови безсильны потушить давно вспыхнувшій пожаръ, что каждая новая капля падаетъ на этотъ костеръ масломъ, что пламя разгорается все сильнѣе, что вмѣсто одной погибшей головы вырастаютъ двѣ новыхъ? «Долой смертную казнь»—таково единодушное требованіе русскаго народа. Безчисленные, появившіеся въ печати, протесты, изъ которыхъ мы помѣщаемъ здѣсь лишь очень немногіе, громко кричатъ объ этомъ. И да будетъ услышанъ скорѣе этотъ мощный вопль народа!

Мих. Гернетъ.

Протесты противъ смертной казни:

Петербургская группа „союза писателей".

«Смертная казнь идетъ по всей Россіи. Смертная казнь стала повседневнымъ явленіемъ, стала буднемъ русской жизни. Смертную казнь выноситъ военный судъ съ лишеніемъ подсудимыхъ права обжалованія, она производится безъ суда по приказу перваго попавшагося офицера. Мы дожили, наконецъ, до того, что смертная казнь назначается за печатное слово, за свободное мнѣніе, высказанное въ газетной статьѣ. Въ Верхнеудинскѣ осуждены на смертную казнь директоръ реальнаго училища Окунцовъ, докторъ Шикманъ и писатель Мирскій, — всѣ трое за статьи въ мѣстныхъ газетахъ, членами редакціи которыхъ они состоятъ. Какъ передаетъ телеграмма, адвокаты не были допущены къ защитѣ. И хотя военный прокуроръ не требовалъ смертной казни, судъ вынесъ смертный приговоръ. Это — не судъ, это — убійство.

Мы обращаемся ко всѣмъ, въ комъ есть правда и совѣсть, въ комъ не потухли еще негодованіе и гнѣвъ, мы предлагаемъ присоединиться къ нашему протесту. Довольно смертныхъ казней! Довольно разстрѣловъ и висѣлицъ! Довольно жертвъ! Пора прекратить эту правительственную бойню! Ножъ казни надъ новыми жертвами не можетъ, не долженъ опуститься. Уполномоченные общаго собранія членовъ петербургской группы союза писателей. 1 марта 1906 г. Подписали: предсѣдатель собранія Н. Ф. Анненковъ и члены комитета.

Союзъ писателей.

Собраніемъ «союза писателей» была принята 14 октября 1905 г. слѣдующая резолюція: признать смертную казнь преступленіемъ, опубликовать имена всѣхъ участниковъ военныхъ судовъ, признавая ихъ преступниками, подвергнуть ихъ бойкоту со стороны общества.

Союзъ фармацевтовъ.

Исполнительный комитетъ московскаго союза фармацевтовъ-служащихъ, принимая во вниманіе, что на общихъ собраніяхъ союза единогласно была принята резолюція, требующая отмѣны смертной казни, какъ явленія варварскаго, противорѣчащаго здравому смыслу и элементарному праву человѣка на жизнь, присоединяетъ и свой голосъ къ громовому голосу всей великой мученицы, стремящейся къ свободѣ, Россіи. Фармацевты, какъ корпорація лицъ, обслуживающихъ интересы народнаго здравія и работающихъ для поддержанія жизни людей, не могутъ не возмущаться той смѣлостью, съ какой бюрократія, скрываясь подъ тогой правосудія, расправляется съ лучшими сынами Россіи и отнимаетъ у нихъ лучшее ихъ достояніе — жизнь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исполнительный комитетъ выражаетъ свой протестъ противъ тѣхъ жестокихъ насилій и

изувѣрствъ, коимъ подверглись русскія женщины — Спиридонова и Измаиловичъ.

Долой смертную казнь! Долой современную инквизицію!

Исполнительный комитетъ моск. союза фарм.-служ.

Моряки торговаго флота.

«Позвольте намъ, морякамъ всего торговаго флота, выразить ту безконечную симпатію, обширную, какъ наша родная стихія — океанъ, лейтенанту Шмидту, котораго постигло незаслуженное наказаніе. Шмидтъ и окружающіе его намъ дороги какъ моряки-коммерсанты, а онъ — какъ человѣкъ, поднявшій крестъ, безстрашно ставшій за нашего Монарха и за его народъ. Онъ — невинная жертва всеобщаго политическаго психоза, и мы, любящіе въ немъ правду всѣми помыслами нашими, возстаемъ противъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ. За что же его казнить?.. За любовь къ Царю и народу? Неужели тѣ, кому нужна наша кровь, кровь тружениковъ моря, еще не упились ею, столь обильно наводнявшей всю нашу многострадальную, истерзанную, дорогую намъ всѣмъ Россію! Нѣтъ, довольно крови по произволу! Мы просимъ, умоляемъ, наконецъ, требуемъ прекращенія самосуда и вѣримъ, даже убѣждены, что ропотъ пробудившагося гиганта-океана слышенъ далеко за предѣлы человѣческаго христіанскаго терпѣнія». Союзъ моряковъ русскаго торговаго флота, общество каспійскихъ судоводителей, редакція журнала «*Рѣка и Море*», редакція журнала «*Маякъ*». Кромѣ того, отдѣльныя подписи, числомъ 64.

Телеграмма гражданъ Ялты и Алупки.

«Ваше Императорское Величество! Во время судебнаго разбора дѣла о возстаніи лейтенанта Шмидта и матросовъ на крейсерѣ «Очаковѣ» прокуроръ военнаго суда заявилъ,

что онъ не требуетъ смертной казни. Однакоже военный судъ приговорилъ Шмидта къ повѣшенію, троихъ подсудимыхъ — Частника, Антоненко и Гладкова — къ разстрѣлу, Ваше Величество! Существуютъ приговоры выше военнаго суда: это — приговоры человѣческой совѣсти, этотъ приговоръ и не позволилъ прокурору требовать смертной казни, такъ какъ нельзя отнимать у человѣка то, что не можетъ быть ему возвращено вновь. Съ этимъ мнѣніемъ согласны лучшіе люди нашего народа и наши лучшіе пастыри. Ваше Величество! Мы обращаемся къ Вамъ со всеподданнѣйшей просьбой о помилованіи лейтенанта Шмидта, трехъ подсудимыхъ: Частника, Антоненко, Гладкова и объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи».

Два протеста Пироговскаго общества врачей.

1. «Правленіе Пироговскаго общества беретъ на себя смѣлость *за всѣхъ русскихъ врачей* горячо протестовать противъ смертной казни, этого позорнаго насилія, противорѣчащаго даже русскимъ законамъ; правленіе увѣрено, что всѣ русскія медицинскія общества и врачебныя организаціи единодушно поддержать правленіе въ этомъ протестѣ противъ позорной казни, косвенными исполнителями которыхъ являются и врачи, обязанные при нихъ присутствовать».

2. «Правленіе Пироговскаго о-ва врачей высказало уже ранѣе свой протестъ противъ всякой смертной казни вообще. Казнь лейтенанта Шмидта и другихъ осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ, при всѣхъ тѣхъ глубоко возмутительныхъ нарушеніяхъ права, которыя допущены судомъ, была бы величайшимъ незабываемымъ преступленіемъ со стороны властей и тяжкимъ позоромъ для страны. Отъ имени русскихъ врачей правленіе взываетъ о необходимости сохранить жизнь осужденнымъ».

2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ въ Кіевѣ 4 — 11 сент. 1905 годи.

«Признавая актомъ величайшаго позора для человѣчества смертную казнь, 2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ выражаетъ свое негодованіе и протестъ противъ примѣненія ея въ Россіи».

Группа гласныхъ г. Москвы.

«Тяжелое время, переживаемое Россіей, омрачилось новымъ грознымъ событіемъ, совершившимся въ Севастополѣ. Городъ, увѣнчанный славой доблестныхъ подвиговъ русскихъ войскъ, сталъ скорбнымъ свидѣтелемъ ужасовъ братоубійственной борьбы.

«Русское общество, подавленное кровавой междоусобицей, полно пламеннаго стремленія внести въ страну спокойствіе и умиротвореніе. Кровью истекающая страна можетъ быть исцѣлена лишь любовью и милосердіемъ.

«Въ скорбные дни Москва должна возвысить свой голосъ и заявить правительству, что ужасы кровопролитія измучили страну и что братоубійственное истребленіе затихнетъ и страна вернется къ созидательному труду, если милосердіе будетъ отвѣтомъ на ужасы распри.

«Предлагаемъ городской думѣ представить правительству, что, въ цѣляхъ предотвращенія дальнѣйшей междоусобной борьбы, виновникамъ севастопольскихъ событій должно быть оказано милосердіе, въ видѣ освобожденія отъ смертной казни».

Заявленіе подписали: П. А. Столповскій, С. Н. Мамонтовъ, В. А. Абрикосовъ, С. В. Пучковъ, М. С. Зерновъ, А. И. Геннертъ, С. В. Ганешинъ, Г. А. Мейнгардтъ, В. К. Р[illegible], С. А. Поповъ, Н. С. Остроуховъ, М. В. Челноковъ, С. С. Протопоповъ, А. Г. Голиковъ, Л. Л. Катуаръ, М. Л. Лосевъ, А. А. Мануйловъ, Н. М. Кишкинъ, М. Г. Комиссаровъ, П. А. Вишняковъ, Н. И. Астровъ и П. Н. Финляндскій.

Союзъ союзовъ.

«Согласно газетнымъ извѣстіямъ, сегодня совершается военно-полевой судъ надъ кронштадтскими матросами и солдатами. Сотни людей обвиняются въ возстаніи, и судъ угрожаетъ имъ только одной мѣрой наказанія—смертной казнью. Слѣдствіе по столь многосложному дѣлу закончено въ какіе-нибудь три дня, но самъ судъ будетъ располагать сутками-двумя для рѣшенія вопроса о стольких жизняхъ. Наконецъ въ силу недавняго постановленія гражданская защита совершенно устранена отъ возможности вступить въ огражденіе интересовъ обвиняемыхъ солдатъ и матросовъ. Въ отношеніи матросовъ, составляющихъ большинство обвиняемыхъ, это будетъ первый случай суда при подобныхъ условіяхъ. Въ виду этого мы заявляемъ: 1. Что обвиненіе этихъ людей въ указанномъ порядкѣ идетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ страны, давно и категорически высказавшимся противъ смертной казни. 2. Что вся обстановка суда совершенно исключаетъ правомѣрное и безпристрастное отношеніе къ подсудимымъ. Мы видимъ въ участникахъ кронштадтскаго бунта прежде всего людей, возставшихъ противъ невыносимаго гнета нашихъ военныхъ уставовъ и обычаевъ во имя своего человѣческаго достоинства и самыхъ элементарныхъ человѣческихъ потребностей. Это достоинство ежечасно оскорблялось. Эти потребности совершенно игнорировались, какъ признано, между прочимъ, и официальнымъ сообщеніемъ 31-го октября въ отношеніи военно-сухопутныхъ частей. Возстаніе въ Кронштадтѣ не имѣло характера насилія противъ частныхъ лицъ; если отдѣльные участники движенія и совершали грабежи и насилія, то все же эти грабежи и насилія, какъ показываетъ масса свидѣтелей, производились за рѣдкими исключеніями не матросами. Считая, что это движеніе кронштадтскихъ матросовъ есть только одно изъ проявленій

всенароднаго освободительнаго движенія противъ гнета отжившаго режима, мы видимъ въ жестокихъ репрессіяхъ противъ участниковъ его лишь новое доказательство, что обѣщаніе ликвидировать самодержавный полицейскій режимъ на дѣлѣ совершенно не выполняется».

Собраніе делегатовъ московскихъ союзовъ 22 ноября 1905 г.

Собраніе отправило къ гр. С. Ю. Витте и военному министру слѣдующія телеграммы: «Представители мѣстныхъ союзныхъ организацій, получивъ телеграмму о предстоящей, по приговору коменданта крѣпости Кушка, смертной казни инженера Соколова и другихъ, поражены этимъ новымъ беззаконіемъ и обращаютъ вниманіе ваше на непоправимыя послѣдствія такой жестокости, возлагая на правительство всю отвѣтственность, если приговоръ не будетъ отмѣненъ, пока еще не поздно». Гр. С. Ю. Витте была отправлена еще телеграмма слѣдующаго содержанія: «Если вѣрно извѣстіе о намѣреніи примѣнить полевой судъ и смертную казнь надъ севастопольскими матросами и прочими обвиняемыми въ возстаніи, считаемъ необходимымъ еще разъ напомнить о безуміи такой мѣры, которая окончательно уничтожитъ всякую надежду на мирный исходъ освободительнаго движенія и создастъ новыя совершенно непреодолимыя затрудненія правительству».

Собраніе служащихъ и рабочихъ М.-Яр.-Арх. ж. д.

Собраніе служащихъ и рабочихъ Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги въ количествѣ 3.000 человѣкъ единогласно постановило отправить слѣдующую телеграмму: «Экстренно. Петербургъ, графу Витте, министру путей сообщенія Немѣшаеву, военному министру Редигеру, копія въ главный штабъ, Кушка, коменданту крѣпости. Са-

мара, Асѣеву и по всѣмъ станціямъ и службамъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Получена копія телеграммы Руина о полевомъ судѣ въ Кушкѣ надъ желѣзнодорожными служащими въ цѣляхъ смертной казни. Требуемъ немедленной отмѣны смертной казни надъ ними или опроверженія подлинности извѣстія. Встревожены свыше всякой мѣры. При неполученіи немедленнаго отвѣта будемъ вынуждены забастовать, несмотря на единодушное желаніе избѣжать забастовки. Предупредить послѣднюю и самыя ужасныя, связанныя съ ней послѣдствія возможно лишь немедленнымъ отвѣтомъ. Всѣ послѣдствія забастовки будутъ лежать на васъ».

Собраніе городскихъ служащихъ.

«Собраніе городскихъ служащихъ въ количествѣ 5.000 человѣкъ, выслушавъ сообщеніе о смертномъ приговорѣ надъ инженеромъ Соколовымъ и другими лицами, выражаетъ свое глубокое негодованіе новому произволу правительства и требуетъ немедленной отмѣны смертной казни. Въ противномъ случаѣ немедленно начнетъ агитацію за всеобщую политическую забастовку».

С.-Петербургскіе рабочіе.

Въ виду невозможности должнымъ образомъ откликнуться на приговоръ суда надъ Шмидтомъ и другими севастопольскими героями, рабочіе фабрикъ и заводовъ С.-Петербурга отъ лица группы петербургскаго пролетаріата послали на имя предсѣдателя суда въ Очаковъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Не обагряйте страну невинной кровью гражданина Шмидта и другихъ защитниковъ русской свободы. Помните, что имена ихъ дороги для Россіи. Долой смертную казнь!»

Студенты С.-Петербургской духовной академіи.

Группа студентовъ Петербургской духовной академіи на частномъ собраніи 21-го февраля постановила послать въ Очаковъ на имя прокуратуры военнаго суда слѣдующую телеграмму:

«Вся христіанская этика и міровая мораль основаны на одномъ великомъ принципѣ—любви къ ближнему. Приговоръ военнаго суда въ Очаковѣ надъ лейтенантомъ Шмидтомъ является новымъ позорнымъ клеймомъ на страну, исповѣдующую Христа и Его ученіе. Не нарушайте заповѣди о правдѣ и милости въ судахъ. Совершеніе казни надъ Шмидтомъ будетъ равносильно нравственной и моральной смерти правосудія. Мы, студенты духовной академіи, именемъ Христа, заложившаго краеугольный камень любви и соціализма, призываемъ судъ къ сознанію своего долга и отвѣтственности передъ родиной и говоримъ ему: «Страна—за Шмидта, и имѣетъ ли онъ право пренебрегать голосомъ страны?»

Курсисты строительныхъ курсовъ.

Слушатели первыхъ московскихъ строительныхъ курсовъ, собравшись въ частномъ собраніи, единогласно постановили: «Мы, слушатели, протестуемъ противъ ужаснаго убійства, совершеннаго бюрократіей надъ великимъ борцомъ за свободу, лейтенантомъ Шмидтомъ.

«За что казненъ Шмидтъ?

«За то, что онъ хотѣлъ провести въ жизнь манифестъ, изданный Государемъ; за то, что онъ боролся съ бюрократіей, которая всячески старалась и старается оттянуть минуту проведенія въ жизнь манифеста.

«Мы, слушатели строительныхъ курсовъ, присоединяемъ свой голосъ къ тѣмъ прогрессивнымъ партіямъ, которыя

требуютъ полной отмѣны смертной казни во всѣхъ ея видахъ.

«Желая почтить память лейтенанта Шмидта и его товарищей, объявляемъ трехдневную забастовку. *Курсисты*».

Московскій городской комитетъ партіи „народной свободы".

Московскій городской комитетъ партіи «народной свободы» (конституціонно-демократической), обсудивъ вопросъ о смертномъ приговорѣ, произнесенномъ надъ лейтенантомъ Шмидтомъ, и рѣшительно осуждая смертную казнь, какъ дикую и варварскую расправу, постановилъ выразить свой негодующій протестъ.

Хирургическое общество.

Въ засѣданіи хирургическаго общества подъ предсѣдательствомъ проф. Ѳ. И. Синицына большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного голоса предсѣдателя принята была слѣдующая резолюція по поводу смертной казни: «Истязанія, пытки и смертная казнь переполнили русскую землю изъ конца въ конецъ. Цѣнность человѣческой жизни пала. Весь цивилизованный міръ содрогнулся передъ ужасами, совершающимися въ странѣ, давшей великихъ ученыхъ и мыслителей. Хирургическое общество въ Москвѣ, поставившее на своемъ знамени изысканіе средствъ охраненія драгоцѣннаго блага людей — ихъ здоровья и жизни и развитіе научной мысли въ странѣ, несовмѣстимое съ безправіемъ и потоками крови, не можетъ оставаться спокойнымъ и безразличнымъ къ происходящимъ ужасамъ. Оно сливаетъ свой голосъ съ другими обществами, учрежденіями и гражданами въ общемъ протестѣ: на зарѣ новой жизни нѣтъ мѣста и обычаямъ варварства. Довольно крови. Не истязайте братьевъ и сестеръ. Въ насиліи — гибель страны, гибель цивилизаціи. Конецъ истязаніямъ и пыткамъ! Долой смертную казнь!»

Руская группа международнаго союза криминалистовъ. Съѣздъ въ Кіевѣ.

«Смертная казнь, сохранившаяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ только за нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ политическихъ преступленій, а на практикѣ широко примѣняемая и во многихъ другихъ случаяхъ, должна быть безусловно исключена изъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, такъ какъ нѣтъ такихъ интересовъ или соображеній государственнаго характера, которые могли бы оправдать ея примѣненіе».

Второй съѣздъ адвокатовъ въ г. Москвѣ окт. 1905 г.

1) Принимая во вниманіе, что смертная казнь, сама по себѣ осужденная наукой и современнымъ правосознаніемъ, у насъ, въ Россіи, примѣняется не только къ тяжкимъ, но и менѣе важнымъ преступленіемъ, какъ то: нанесенію ранъ, увѣчій, побоевъ, которыя по общему закону не влекутъ за собою даже лишенія правъ;

2) что она примѣняется у насъ не по общему равному для всѣхъ закону, а по специальному для каждаго отдѣльнаго случая абсолютно безконтрольному и безапелляціонному усмотрѣнію административныхъ властей;

3) что роль военныхъ судовъ при обсужденіи преступленій, переданныхъ имъ на основаніи этихъ статей, благодаря ст. 18 пол. объ охранѣ, 279 воинск. уст. о наказан. и секретнаго Высочайшаго повелѣнія 11 августа 1887 г., является совершенно формальной, и смертный приговоръ вполнѣ предрѣшенъ властью, передавшей дѣло военному суду;

4) что такимъ образомъ смертная казнь является у насъ исключительно произволомъ административныхъ властей,

что находится въ самомъ вопіющемъ противорѣчіи съ началами законности, обѣщанными указомъ 12 декабря.

Съѣздъ находитъ примѣненіе смертной казни у насъ явленіемъ позорнымъ, не имѣющимъ оправданія, возмущающимъ общественную совѣсть и отрицающимъ всякое понятіе законности, и постановляетъ:

1) провозгласить въ настоящемъ собраніи образованіе лиги борьбы противъ смертной казни;

2) избрать комитетъ лиги изъ пяти членовъ союза съ правомъ коптаціи безъ различія профессій и политическихъ убѣжденій;

3) объ открытіи лиги объявить во всеобщее свѣдѣніе и открыть подписку въ члены лиги черезъ газеты;

4) поручить избранному комитету, совмѣстно съ центральнымъ бюро союза, войти въ соглашеніе съ различными обществами и союзами, какъ въ Россіи, такъ и за границей, объ объединеніи для борьбы противъ смертной казни путемъ изданія листковъ, воззваній, сочиненій, организаціи публичныхъ лекцій и, вообще, использовать всѣ пути проявленія общественнаго мнѣнія для борьбы со смертной казнью;

5) считая дѣятельность всѣхъ лицъ (военныхъ судей, прокуроровъ, секретарей и т. д.), участвующихъ въ постановленіи по требованію администраціи смертныхъ приговоровъ и причастныхъ къ дѣлу исполненія смертной казни легализированной формой убійства, съѣздъ приглашаетъ всѣ органы союза составлять періодически списки означенныхъ лицъ, публиковать эти списки для преданія этихъ лицъ суду общественнаго мнѣнія. Предложить всѣмъ членамъ союзовъ и обществъ подвергнуть ихъ всевозможному бойкоту; предложить всѣмъ партіямъ и союзамъ выставить требованія о политической отвѣтственности тѣхъ же лицъ».

СПИСОКЪ

различныхъ обществъ, организацій и собраній, протестовавшихъ въ печати противъ смертной казни.

Собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Районныя собранія партіи «*народнй свободы*» въ Москвѣ, собранія партіи «народной свободы» въ Костромѣ, Владимирѣ (губернскомъ), Вышнемъ-Волочкѣ, Казани, Клину, Пензѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Нахичевани, Ржевѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ, Суджѣ, Симферополѣ, Екатеринбургѣ, Черниговѣ, Красноярскѣ, Харьковѣ, Рыбинскѣ, Яранскѣ и др.

200 избирателей крестьянъ и казаковъ с. Плиски, Борзненскаго уѣзда, Черниговъ. губ.

Предвыборное собраніе въ г. Тотьмѣ.

Предвыборное собраніе въ Москвѣ.

Предвыборное собраніе въ Уральскѣ.

Предвыборное собраніе въ Курскѣ.

Предвыборное собраніе въ Саратовѣ.

Предвыборное собраніе въ Ярославлѣ.

Предвыборное собраніе въ посадѣ Клинцы, Черниговъ. г.

Предвыборное собраніе въ Черниговѣ.

Предвыборное собраніе въ г. Борзны, Черниговъ. губ.

Члены Государственной Думы отъ Самары, Одессы, Москвы и др.

Казанскій отдѣлъ лиги женскаго равноправія.

Московскій отдѣлъ союза равноправія женщинъ.

Симферопольскій союзъ равноправія женщинъ.

Воронежскій союзъ равноправія женщинъ.

Кружокъ женщинъ с. Великаго.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета.

Педагогическій персоналъ Яронской женской гимназіи.

Педагогическій персоналъ Маріинской женск. гимназіи.

Орловское педагогическое общ., 4 марта.

Зубцовское общ. взаимопомощи учащимъ и учащимся, 16 марта.

Общ. попеченія объ улучшеніи быта учащихся въ начальн. учил. г. Москвы, 5 марта.

Учредительное собраніе лиги образованія, 4 марта.

Младшая группа Казанскаго отдѣла академич. союза.

Харьков. группа младш. препод. Акад. союза.

Студенты С.-Петербургской духовной академіи.

Студенты Московской духовной академіи.

Общ. взаимопомощи русскихъ техниковъ, 26 февраля.

Воронежскій отдѣлъ Высочайше утвержд. русскаго общества охраненія народнаго здравія.

39 участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей г. Москвы.

Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты.

Консультація присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ въ Ялтѣ.

Моряки торговаго флота.

Слесаря Міусскаго парка въ Москвѣ.

Рабочіе и служащіе въ Нарвской мануфактурѣ.

С.-Петербургскіе рабочіе и мн. др.

Городскіе служащіе въ Москвѣ.

Рабочіе вагонныхъ мастерскихъ казеннаго Александровскаго завода.

Служащіе и рабочіе М.-Я.-А. жел. дор.

110 заключенныхъ во Владимир. исправ. арест. отдѣл.

Крестьянскій союзъ.

Митингъ протеста 23 ноября въ Москвѣ.

Союзъ писателей.

Митингъ всѣхъ войскъ Иркутскаго гарнизона 28 ноября.

Митингъ русской колоніи въ Лондонѣ.

Первый всероссійскій делегатскій съѣздъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, 9 октября.

Соединенное засѣденіе членовъ центральнаго бюро «союза союзовъ» всероссійскихъ и мѣстныхъ петербурскихъ бюро, союзовъ, 17 — 18 октября 1905 г.

Пироговское общество врачей.

Саратовское отдѣленіе врачебнаго общества взаимопомощи.

Москов. терапевт. общ.

Общ. взаимопомощи ветеринарныхъ фельдшеровъ въ г. Москвѣ, 15 марта.

Московское правленіе общества врачей, практикующихъ на кавказскихъ минер. водахъ.

Ветлужскій врачебно-санитарный совѣтъ.

2-ой съѣздъ психіатровъ.

Саратовское одонтологическое общ.

Общ. тульскихъ врачей.

Общ. смоленскихъ врачей.

Курское общ. врачей.

Коломенское медицинское общ.

Харьковское медицинское общ.

Общ. врачей въ гор. Баку.

Общ. врачей Уфимской губ.

Общ. врачей въ Харьковѣ.

Общ. дантистовъ въ Москвѣ.

Макарьевскій врачебный совѣтъ Нижегородск. губ.

Служащіе въ Шадринскомъ уѣздномъ земствѣ.

Служащіе въ Михайловскомъ двор. зем. банкѣ.

Владимирское губернское земское собраніе, 1 декабря.

Воронежская земская управа.

С.-Петербургская дума, 22 октября.

Московская городская дума, 29 ноября.

Тверская городская дума.

Редакціи почти всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и журналовъ.

Наказаніе смертной казнью.

Нынѣ существующая система наказаній представляетъ собою пережитокъ понятій, сложившихся въ давно прошедшія времена. Въ ней есть слѣды *родовой мести, уплаты* за причиненное зло, установившейся въ эпоху общинъ, и, наконецъ, *системы устрашенія*, выработанной въ деспотическихъ монархіяхъ и теократіяхъ Востока. Но главнымъ образомъ выработана была нынѣшняя система наказаній съ цѣлью охраненія привиллегій, захваченныхъ имущими и правящими классами. И уже въ силу этого къ ней нельзя относиться иначе, какъ съ самымъ безпощаднымъ отрицаніемъ.

По мѣрѣ того, какъ идею *мести* становилось все труднѣе защищать въ современномъ обществѣ, для оправданія нашей системы наказаній стали все болѣе и болѣе настаивать на томъ, что она необходима въ видахъ *устрашенія* людей съ преступными наклонностями, а также въ видахъ *устраненія преступниковъ изъ общества*. При этомъ наиболѣе лицемѣрные изъ ея защитниковъ прибавляютъ еще, что она имѣетъ цѣлью также и *исправленіе* преступниковъ. Несмотря на равнодушіе общества и даже реформаторовъ къ этому вопросу, за послѣднее время было сдѣлано, однако, не мало изслѣдованій, которыми доказано, что ни одной изъ названныхъ трехъ цѣлей наша система наказаній *не достигаетъ*. Тюрьмы не только не устрашаютъ заключенныхъ и не исправляютъ ихъ, но, напротивъ того, онѣ толкаютъ ихъ на новыя

и худшія преступленія, такъ какъ дѣлаютъ ихъ еще болѣе неприспособленными къ жизни общественной, усиливаютъ въ нихъ неохоту или даже ненависть къ правильному труду и развиваютъ въ половомъ отношеніи такія наклонности, которыя прямо намѣчаютъ ихъ въ кандидаты на уголовное преслѣдованіе.

Изъ вора тюрьма дѣлаетъ виртуоза воровства или же грабителя; изъ человѣка, провинившагося въ чемъ-нибудь небольшомъ противъ общественной нравственности, она дѣлаетъ одного изъ типовъ, описанныхъ Крафтъ Эббингомъ, и т. д. Такъ что изъ моихъ личныхъ тюремныхъ наблюденій и многочисленныхъ бесѣдъ съ людьми изъ тюремной администраціи въ Европѣ и Америкѣ я могъ только вынести одно непреложное заключеніе: *тюрьма*—всякая тюрьма, въ силу *основныхъ* ея началъ, *есть университетъ преступности.* Кромѣ того, — и на это обстоятельство, совершенно упускаемое изъ вида, слѣдуетъ обратить особое вниманіе,— всякая тюрьма и всякій судъ, поощряя шпіонство, доносъ и провокацію, сыскную полицію и частныя сыскныя агентства *), становится центромъ распространенія въ обществѣ разврата въ самыхъ отвратительныхъ его формахъ.

Но если, говоря вообще, наша система наказаній не достигаетъ своихъ цѣлей исправленія и устрашенія, а, напротивъ того, наши тюрьмы постоянно ухудшаютъ формы преступности, то смертная казнь, точно такъ же, какъ и пытки, является совершенно лишнею жестокостью, которая, въ свою очередь, служитъ *только* къ распространенію и усиленію жестокости въ обществѣ.

---

*) Частныя сыскныя агенства такъ размножились въ Англіи, что во всѣхъ большихъ, особенно приморскихъ городахъ, ихъ считаютъ десятками, и есть газеты, въ которыхъ ихъ объявленія занимаютъ цѣлые столбцы. Средства, употребляемыя ими для провокаціи, обнаруживаются иногда на судѣ.



Извѣстно, что въ странахъ, уничтожившихъ у себя смертную казнь, количество преступленій, наказывавшихся смертью, *никогда* не увеличивалось. Извѣстно также, что въ Англіи и во Франціи наиболѣе звѣрскіе убійцы выходили именно изъ той толпы, которая въ ночь передъ казнью собирается вокругъ тюрьмы или на площади и проводитъ всю ночь въ пьянствѣ и развратѣ. Въ Женевской республикѣ смертная казнь была уничтожена послѣ того, какъ одинъ убійца сознался, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ присутствовалъ при одной смертной казни. Съ тѣхъ поръ мысль объ убійствѣ не покидала его. Извѣстно, наконецъ, что въ Англіи, гдѣ въ началѣ XIX вѣка казнили за множество проступковъ, напр., за кражу бѣлья, развѣшаннаго на заднихъ дворикахъ, число подобныхъ проступковъ послѣ уничтоженія казни за нихъ отнюдь не увеличилось, а, напротивъ того, вслѣдствіе дѣйствія общеизвѣстныхъ общихъ причинъ, шло уменьшаясь. Теперь по вторникамъ и по средамъ всѣ дворики въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ бываютъ завѣшаны бѣльемъ, и *много его остается на ночь въ самыхъ пустынныхъ улицахъ на границѣ* полей, не пропадая. Между тѣмъ въ Англіи, гдѣ вѣшаютъ до сихъ поръ съ библейскою свирѣпостью за убійство, убійства свирѣпѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Словомъ, имѣется громадная масса фактовъ, доказывающихъ *ненужность, зловредность* смертной казни. Только косность ума да трусость собственниковъ удерживаютъ этотъ пережитокъ варварскихъ временъ.

Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что фактъ существованія смертной казни поддерживаетъ въ обществѣ мысль, что убійство есть *хорошее средство возмездія* и представляетъ собою *дѣйствительное средство устрашенія* противъ злодѣяній лицъ, принадлежащихъ къ правительству и къ эксплуатирующимъ классамъ. И покуда смертная казнь будетъ су-

ществовать, будетъ существовать также и убійство со стороны угнетаемыхъ.

Вообще за послѣднее время человѣческая жизнь истребляется въ такихъ количествахъ и такъ безшабашно не только на войнѣ, но и въ видахъ устрашенія крестьянъ и рабочихъ и подчиненія ихъ богатымъ и правящимъ классамъ, что человѣческая жизнь перестаетъ считаться чѣмъ-то цѣннымъ. Достаточно вспомнить о массовыхъ избіеніяхъ въ Парижѣ послѣ паденія Коммуны, въ Миланѣ, въ крестьянскихъ бунтахъ въ Андалузіи и по всей Италіи и, наконецъ, въ послѣднее время въ Россіи. За бѣлымъ терроромъ всегда, однако, слѣдуетъ красный терроръ, и послѣдній является, такимъ образомъ, прямымъ порожденіемъ перваго.

Единственный выходъ для современнаго общества — это признаніе высшаго начала, чѣмъ месть и устрашеніе. Нужно признать открыто, что узаконенное устрашеніе, введенное въ систему и производимое судомъ и палачами подъ предлогомъ охраненія общества, *оказалось ложнымъ началомъ*, недѣйствительнымъ для намѣченной цѣли и пагубнымъ для общественной нравственности. Что же касается до смертной казни, то пора признать, что не только она ненужная жестокость, но она *главный источникъ, который поддерживаетъ въ обществѣ жестокость нравовъ*.

П. Крапоткинъ.

$^{18}/_{31}$ марта 1906 г.

Психологія казнимыхъ.

«Подъявшій мечъ — отъ меча и погибнетъ», «Око за око», «Que messieur les assassins commencent» — **въ этихъ** афоризмахъ резюмируется въ сущности вся аргументація защитниковъ смертной казни. Она же недавно повторена и гр. Витте въ его двухъ отвѣтныхъ телеграммахъ членамъ Государственной Думы отъ двухъ приволжскихъ губерній.

Въ этомъ сборникѣ, посвященномъ борьбѣ съ государственными убійствами, юристы и соціологи со всей силой своей спеціальной компетенціи подвергаютъ критическому анализу вопросъ о смертной казни съ точки зрѣнія права и общественной пользы.

Я же берусь за перо, чтобы вскрыть лицемѣрный софизмъ, кроющійся въ бутадѣ Альфонса Карра, перелицованный теперь графомъ Витте.

Я хочу доказать здѣсь, что въ смертной казни воздается не «Око за око» и не «Зубъ за зубъ», а воздается гораздо больше, несоизмѣримо больше... Можетъ-быть, это такъ и нужно, можетъ - быть и правомѣрно, и нравственно не только примѣнять смертную казнь, какъ государственное мѣропріятіе, но даже усилить ея значеніе, напр., замѣнить гильотину или висѣлицу четвертованіемъ, костромъ, колесованіемъ; я этого вопроса совершенно не касаюсь, на него отвѣтятъ другіе. Моя задача показать, что государство,

утверждающее, что, казня убійцъ смертью, оно воздаетъ имъ тою же мѣрою, какою они мѣрили, или грубо ошибается, или лицемѣрно и преступно лжетъ.

Въ смертной казни необходимо различать два элемента кары: физическій элементъ — лишеніе человѣка жизни насиліемъ и психическій элементъ — лишеніе человѣка надежды, опустошеніе его души мрачнымъ и безвыходнымъ отчаяніемъ,—словомъ, созданіе такой нравственной пытки, которая количественно и качественно несравнима съ самымъ актомъ физическаго насилія, совершаемымъ ради лишенія жизни.

Каждый изъ насъ приговоренъ къ смерти, но съ неопредѣленнымъ срокомъ. Если бы этотъ срокъ былъ опредѣленъ, если бы намъ былъ извѣстенъ день и часъ нашей смерти, то жить стало бы невозможно, люди стали бы прибѣгать къ самоубійству, только бы избѣжать мучительно навязчивой, все покрывающей и все заслоняющей мысли о роковомъ днѣ, о неизбѣжномъ срокѣ.

Солдатъ готовится къ весьма возможной и вѣроятной смерти, идя въ бой; больной предвидитъ возможность рокового исхода болѣзни и готовится къ кончинѣ... Но ихъ психологическое состояніе все-таки совершенно несравнимо съ состояніемъ приговореннаго къ смертной казни и казнимаго.

Какъ бы ни было опасно и рискованно военное дѣйствіе, на которое идетъ солдатъ, какъ бы ни былъ тяжелъ недугъ, который поразилъ больного, у нихъ все-таки остается надежда, у нихъ все-таки нѣтъ ощущенія той безусловной, абсолютной безпомощности, которая охватываетъ всю душу, весь мозгъ приговореннаго къ смертной казни и вытѣсняетъ изъ его сознанія всякое иное впечатлѣніе.

Все, что можетъ сказать по этому поводу психологъ по профессіи, каковъ пишущій эти строки, конечно, будетъ

очень скудно и блѣдно, хотя бы по тому одному, что у него не можетъ быть достаточныхъ матеріаловъ.

Только большіе художники, поднимающіеся въ своей творческой интуиціи до ясновидѣнія, могутъ дать живой и яркій образъ того душевнаго состоянія, въ которомъ живетъ приговоренный къ смертной казни.

Въ этомъ отношеніи совершенно исключительное мѣсто въ литературахъ всего міра занимаетъ Достоевскій, который и самъ стоялъ на эшафотѣ въ полной увѣренности въ томъ, что будетъ казненъ, и творческій геній его былъ, можетъ-быть, единственнымъ въ смыслѣ созданія художественныхъ изображеній, именно самыхъ исключительныхъ психологическихъ состояній.

Я цитирую здѣсь цѣлую страницу изъ «Идіота», ту именно, гдѣ князь Мышкинъ разсказываетъ о видѣнной имъ въ Швейцаріи смертной казни; не говоря уже о томъ, что для созданія этой страницы нашъ великій писатель воспользовался, конечно, автобіографическимъ матеріаломъ *), но эти строки такъ сильны, производятъ на читателя такое леденящее отъ ужаса впечатлѣніе, что ихъ не только должно было напомнить въ этомъ сборникѣ, но слѣдовало бы ихъ напечатать на зерцалѣ во всѣхъ судилищахъ, которыя полномочны выносить смертные приговоры.

---

*) Сравните въ Дневникѣ писателя (изд. Пантелеевыхъ, стр. 326): „Мы, Петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ, но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное большинство изъ насъ почло бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій... Приговоръ смертной казни, разстрѣляніемъ, прочитанный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, *десять ужасныхъ, безмѣрно-страшныхъ минутъ ожиданія смерти.*



„— Нѣтъ, во Франціи все головы рубятъ.

— Что же, кричитъ?

— Куды! Въ одно мгновеніе. Человѣка кладутъ, и падаетъ этакій широкій ножъ, по машинѣ, гильотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочитъ такъ, что и глазомъ не успѣешь мигнуть. Приготовленія тяжелы. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно! Народъ сбѣгается, даже женщины, хоть тамъ и не любятъ, чтобы женщины глядѣли.

— Не ихъ дѣло.

— Конечно! Конечно! Этакую муку!.. Преступникъ былъ человѣкъ умный, безстрашный, сильный, въ лѣтахъ, Легро по фамиліи. Ну вотъ, я вамъ говорю, вѣрьте не вѣрьте, на эшафотъ всходилъ — плакалъ, бѣлый какъ бумага. Развѣ это возможно? Развѣ не ужасъ? Ну кто же со страху плачетъ? Я и не думалъ, чтобъ отъ страху можно было заплакать не ребенку, человѣку, который никогда не плакалъ, человѣку въ сорокъ пять лѣтъ. Чтò же съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ? Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: „не убій“, такъ за то, что онъ убилъ и его убивать? Нѣтъ, это нельзя. Вотъ я ужъ мѣсяцъ назадъ это видѣлъ, а до сихъ поръ у меня какъ передъ глазами. Разъ пять снилось.

— Хорошо еще вотъ, что муки не много,—замѣтилъ онъ,—когда голова отлетаетъ.

— Знаете ли чтò? — горячо подхватилъ князь: — вотъ вы это замѣтили, и это всѣ точно такъ же замѣчаютъ, какъ вы, и машина для того выдумана, гильотина. А мнѣ тогда же пришла въ голову одна мысль: а чтò, если это даже и хуже? Вамъ это смѣшно, вамъ это дико кажется, а при нѣкоторомъ воображеніи даже и такая мысль въ голову вскочитъ. Подумайте: если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная, и, стало-быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ — душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное тò, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ онъ склизнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть се-

кунды всего и страшнѣе. Знаете ли, что это не моя фантазія, а что такъ многіе говорили? Я до того этому вѣрю, что прямо вамъ скажу мое мнѣніе. *Убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе.* Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу, или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно;* тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно*, и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: „Ступай, тебя прощаютъ". Вотъ этакой человѣкъ, можетъ-быть, могъ бы разсказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!"..

...„— Это ровно за минуту до смерти,—съ полною готовностію началъ князь, увлекаясь воспоминаніемъ и, повидимому, тотчасъ же забывъ о всемъ остальномъ, — тотъ самый моментъ, когда онъ поднялся на лѣсенку и только что ступилъ на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ въ мою сторону; я поглядѣлъ на его лицо и все понялъ... Впрочемъ, вѣдь какъ это разсказать! Мнѣ ужасно бы, ужасно бы хотѣлось, чтобы вы или кто-нибудь это нарисовалъ! Лучше бы, если бы вы! Я тогда же подумалъ, что картина будетъ полезная. Знаете, тутъ нужно все представить, что было заранѣе, все, все. Онъ жилъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни, по крайней мѣрѣ, еще чрезъ недѣлю; онъ какъ-то разсчитывалъ на обыкновенную формалистику, что бумага еще должна куда-то пойти и только чрезъ недѣлю выйдетъ. А тутъ вдругъ по какому-то случаю дѣло было сокращено. Въ пять часовъ утра онъ спалъ. Это было въ концѣ октября; въ пять часовъ еще холодно и темно. Вошелъ тюремный приставъ, тихонько, со стражей, и осторожно тронулъ его за плечо; тотъ приподнялся, облокотился, — видитъ свѣтъ: „Что такое?" — „Въ десятомъ часу смертная казнь". Онъ со сна не повѣрилъ, началъ было

спорить, что бумага выйдетъ чрезъ недѣлю, но когда совсѣмъ очнулся, пересталъ спорить и замолчалъ, такъ разсказывали, потомъ сказалъ: „Все-таки тяжело такъ вдругъ"... и опять замолкъ, и уже ничего не хотѣлъ говорить. Тутъ часа три-четыре проходятъ на извѣстныя вещи: на священника, на завтракъ, къ которому ему вино, кофей и говядину даютъ (ну, не насмѣшка ли это? Вѣдь, подумаешь, какъ это жестоко, а съ другой стороны, ей-Богу, эти неневинные люди отъ чистаго сердца дѣлаютъ и увѣрены, что это человѣколюбіе), потомъ туалетъ (вы знаете, что̀ такое туалетъ преступника?), наконецъ, везутъ по городу до эшафота... Я думаю, что вотъ тутъ тоже кажется, что еще безконечно жить остается, пока везутъ. Мнѣ кажется, онъ, навѣрно, думалъ дорогой: „Еще долго, еще жить три улицы остается; вотъ эту проѣду, потомъ еще та останется, потомъ еще та, гдѣ булочникъ направо... еще когда-то доѣдемъ до булочника!" Кругомъ народъ, крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ, — все это надо перенести, а, главное, мысль: „Вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнятъ, а меня-то казнятъ!" Ну, вотъ это все предварительно. На эшафотъ ведетъ лѣсенка; тутъ онъ предъ лѣсенкой вдругъ заплакалъ, а это былъ сильный и мужественный человѣкъ, большой злодѣй, говорятъ, былъ. Съ нимъ все время неотлучно былъ священникъ, и въ тележкѣ съ нимъ ѣхалъ, и все говорилъ,—врядъ ли тотъ слышалъ: и начнетъ слушать, а съ третьяго слова ужъ не понимаетъ. Такъ должно быть. Наконецъ сталъ всходить на лѣсенку; тутъ ноги перевязаны и потому движутся шагами мелкими. Священникъ, должно-быть, человѣкъ умный, пересталъ говорить, а все ему крестъ давалъ цѣловать. Внизу лѣсенки онъ былъ очень блѣденъ, а какъ поднялся и сталъ на эшафотъ, сталъ вдругъ бѣлый, какъ бумага, совершенно какъ бѣлая, писчая бумага. Навѣрно, у него ноги слабѣли и деревенѣли, и тошнота была,—какъ будто что̀ его давитъ въ горлѣ, и отъ этого точно щекотно,—чувствовали вы это когда-нибудь въ испугѣ или въ очень страшныя минуты, когда и весь разсудокъ остается, но никакой уже власти не имѣетъ? Мнѣ кажется, если, напримѣръ, неминуемая гибель, домъ на васъ валится, то тутъ вдругъ ужасно захочется сѣсть и закрыть глаза и ждать—будь что̀ будетъ!.. Вотъ тутъ-то, когда начиналась эта слабость, священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ къ самымъ губамъ вдругъ подставлялъ, маленькій такой крестъ, серебряный, четырехконечный,—часто подставлялъ, поминутно. И какъ только крестъ касался

губъ, онъ глаза открывалъ, и опять на нѣсколько секундъ какъ бы оживлялся, и ноги шли. Крестъ онъ съ жадностью цѣловалъ, спѣшилъ цѣловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что-то про запасъ, на всякій случай, но врядъ ли въ эту минуту что-нибудь религіозное сознавалъ. И такъ было до самой доски... Странно, что рѣдко въ эти самыя послѣднія секунды въ обморокъ падаютъ! Напротивъ, голова ужасно живетъ и работаетъ, должно-быть, сильно, сильно, сильно, какъ машина въ ходу; я воображаю, такъ и стучатъ разныя мысли, все неконченныя и, можетъ-быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: „Вотъ этотъ глядитъ — у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица заржавѣла...“ а, между тѣмъ, все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никакъ нельзя забыть, и въ обморокъ упасть нельзя, и все около нея, около этой точки, ходитъ и вертится. И подумать, что это такъ до самой послѣдней четверти секунды, когда уже голова на плахѣ лежитъ, и ждетъ, и... *знаетъ*, и вдругъ услышитъ надъ собой какъ желѣзо склизнуло! Это непремѣнно услышишь! Я бы, если бы лежалъ, я бы нарочно слушалъ и услышалъ! Тутъ, можетъ-быть, только одна десятая доля мгновенія, но непремѣнно услышишь! И представьте же, до сихъ поръ еще спорятъ, что, можетъ-быть, голова когда и отлетитъ, то еще съ секунду, можетъ-быть, знаетъ, что она отлетѣла,— каково понятіе! А что́, если пять секундъ!.. Нарисуйте эшафотъ, такъ, чтобы видна была ясно и близко одна только послѣдняя ступень; преступникъ ступилъ на нее: голова, лицо блѣдное, какъ бумага, священникъ протягиваетъ крестъ, тотъ съ жадностію протягиваетъ свои синія губы и глядитъ,—и *все знаетъ*. Крестъ и голова— вотъ картина, лицо священника, палача, его двухъ служителей и нѣсколько головъ и глазъ снизу, все это можно нарисовать какъ бы на третьемъ планѣ; въ туманѣ, для аксессуара... Вотъ какая картина“.

Есть еще книга — теперь, можетъ-быть, немного забытая и которую современнымъ поколѣніямъ, въ особенности въ такіе бурные историческіе моменты, какіе переживаемъ мы теперь, не худо бы освѣжить въ своей памяти — это «Le dernier jour d'un condamné» Виктора Гюго.

Разсказъ, какъ извѣстно, ведется отъ имени самого приговореннаго къ смерти преступника. В. Гюго въ этомъ

дневникѣ своего несчастнаго героя нарочито подчеркиваетъ именно эти, даже съ самой смертью несоизмѣримыя по степени психической боли и безнадежнаго отчаянія, душевныя страданія его.

«Теперь я въ плѣну. Тѣло мое въ кандалахъ и въ острожной камерѣ; душа моя, тоже какъ въ тюрьму, заключена въ одну идею, одну ужасную, кровавую, безнадежную идею. У меня нѣтъ иной мысли, иного убѣжденія, иной достовѣрности, кромѣ того, что я приговоренъ къ смерти! Чтобы я ни дѣлалъ эта адская мысль всегда здѣсь, рядомъ со мной, она совершенно одинака и ревниво отгоняетъ отъ меня все, что могло бы меня разсѣять, она смотритъ мнѣ прямо въ глаза, и этотъ холодный призракъ встряхиваетъ меня своими ледяными руками, какъ только я попробую отвернуться и закрыть глаза...

«Правосудіе торжествуетъ, что оно нашло способъ казнить смертью, не причиняя физическаго страданья. Какъ будто это такъ важно! Развѣ можно сравнивать физическую боль съ нравственнымъ мученіемъ?!.. «Кассаціонная жалоба?.. Нѣтъ! Не надо! Это веревка, которая держитъ подсудимаго надъ бездной и трещитъ ежеминутно пока, наконецъ, не оборвется»...

«Теперь 10 часовъ, еще 6 часовъ и меня уже не будетъ въ живыхъ, отъ меня останется только какое-то грязное отребье, валяющееся на столѣ анатомическаго театра, и это сдѣлаютъ со мной люди... А вѣдь изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы меня ненавидѣлъ, напротивъ, всѣ жалѣютъ и каждый могъ бы спасти»!..

«А все-таки они меня убьютъ, хладнокровно, съ соблюденіемъ церемоніала, въ убѣжденіи, что они дѣлаютъ нѣчто нужное и полезное... О, Боже!.. Неужели я долженъ умереть еще сегодня? Неужели именно я»?!.

«Этотъ глухой шумъ, доносящійся до меня извнѣ, эти толпы народа, весело торопящагося вдоль набережныхъ, эти жандармы, которые теперь уже одѣваются въ казармахъ, этотъ священникъ въ черной ризѣ и тотъ, другой, этотъ ужасный человѣкъ съ красными руками,—все это ради меня, все это для меня. Это именно я долженъ умереть, я — тотъ самый, который сидитъ вотъ здѣсь, у этого стола, похожаго на любой другой столъ, я, который могъ бы быть не здѣсь, я, котораго я ощущаю, осязаю, который одѣтъ въ это платье»...

«О, помилованье! помилованье! Пусть лучше каторга, каторга пять лѣтъ, двадцать лѣтъ, вѣчная каторга съ клеймомъ, но даруйте жизнь! Вѣдь каторжникъ все-таки дышитъ, ходитъ, видитъ солнце!»

«Я стараюсь собрать мои воспоминанья, я возвращаюсь мыслью къ моему преступленію. Я бы хотѣлъ раскаяться. До приговора меня мучила совѣсть... Теперь въ моей душѣ нѣтъ мѣста другимъ мыслямъ, кромѣ мысли о смерти... А я хотѣлъ бы, очень хотѣлъ бы раскаяться. Теперь въ эту самую минуту, кругомъ меня, вокругъ этой тюрьмы и той площади, гдѣ совершится казнь и во всемъ городѣ люди живутъ, движутся, шутятъ, хлопочатъ по своимъ дѣламъ, читаютъ газеты, дѣвушки готовятъ бальныя платья къ вечеру, матери играютъ съ своими дѣтьми».

«Уже четверть второго. Вотъ что я испытываю: мучительная головная боль, лобъ горитъ, спина мерзнетъ. Когда я встаю и наклоняюсь — такое ощущеніе, какъ будто у меня въ головѣ жидкость, въ которой плаваетъ мой мозгъ, и она толкаетъ его о стѣнки черепа. Меня всего подергиваетъ, какъ будто меня пронизываютъ электрическія искры. Глаза ѣстъ, какъ будто дымомъ. Болятъ локти... Осталось еще два часа сорокъ пять минутъ и все это пройдетъ!»

«Помилуйте! Помилуйте! или ради Бога еще хоть пять минутъ жизни! Еще только одну минутку, чтобы дождаться помилованья, или я буду защищаться, я буду кусаться»...

«Четыре часа. На лѣстницѣ слышны шаги...»

Въ новѣйшей литературѣ этотъ же элементъ мрачнаго безысходнаго, опустошающаго душу безнадежнаго отчаянія, какъ основного и опредѣляющаго все содержаніе сознанія человѣка, приговореннаго къ смерти, психологическаго мотива, сжато и художественно изображенъ несчастнымъ Оскаромъ Уайльдомъ въ его «Балладѣ Рэдингской тюрьмы» *):

..... «Онъ не умретъ позорной смертью,
Онъ не умретъ, другой —
Не ощутитъ вкругъ шеи петлю
И холстъ надъ головой,
Сквозь полъ онъ не уронитъ ноги
Надъ страшной пустотой.

*

Молчащими не будетъ ночью
И днемъ онъ окруженъ,
Что все слѣдятъ, когда заплачетъ,
Когда издастъ онъ стонъ,
Слѣдятъ, чтобъ у тюрьмы не отнялъ
Тюремной жертвы онъ.

*

Онъ не увидитъ на разсвѣтѣ,
Что вотъ пришла бѣда,
Пришелъ, дрожа, священникъ въ бѣломъ,
Какъ ужасъ навсегда,
Шерифъ и комендантъ весь въ черномъ,
Чей образъ — ликъ суда.

*) Переводъ Бальмонта, стр. 5—6.

*

Онъ не надѣнетъ торопливо
Свой каторжный нарядъ,
Межъ тѣмъ, какъ грубый докторъ смотритъ,
Чѣмъ новымъ вспыхнулъ взглядъ,
Держа часы, гдѣ осужденья
Звучатъ, стучатъ, стучатъ...

*

Онъ не узнаетъ тяжкой жажды,
Что въ горлѣ — какъ песокъ,
Предъ тѣмъ, когда палачъ въ перчаткахъ
Прильнетъ на краткій срокъ,
И узника скрутитъ ремнями,
Чтобъ жаждать онъ не могъ.

*

Слова молитвъ заупокойныхъ
Не приметъ онъ, какъ гнетъ,
И, между тѣмъ, какъ ужасъ въ сердцѣ
Кричитъ, что онъ живетъ,
Онъ не войдетъ, касаясь гроба,
Подъ страшный низкій сводъ.

*

Не глянетъ онъ на вышній воздухъ
Сквозь узкій кругъ стекла,
Молясь землистыми губами,
Чтобъ боль скорѣй прошла,
Не вздрогнетъ онъ отъ губъ Кайафы,
Стирая потъ съ чела».

Въ основѣ презумпціи правомѣрности и справедливости смертной казни, которая предполагается ея защитниками, лежитъ допущеніе, что одна жизнь всегда равна другой жизни, и каждая смерть тождественна другой смерти.

Безъ всякаго сомнѣнія, съ точки зрѣнія этической каждая жизнь равноцѣнна каждой другой жизни, и смерть кого бы то ни было, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ есть фактъ, всегда себѣ равный и тождественный. Но это не такъ съ точки зрѣнія психологической, съ точки зрѣнія содержанія сознанія.

«Я» умирающаго не тождественно у ребенка, взрослаго или старца. Оно не тождественно у человѣка, умирающаго отъ болѣе или менѣе продолжительной болѣзни или отъ внезапно надвинувшейся опасности; «я» казнимаго, приговореннаго къ смертной казни, ожидающаго ее и ведомаго на эшафотъ и, подавно, совершенно особое.

Душа ребенка есть поистинѣ та animula, blondula, vagula, о которой говоритъ Викторъ Аврелій: «У него нѣтъ сознанія опасности, нѣтъ смертнаго страха». Heim *) передаетъ, что 8-лѣтній мальчикъ, падая съ высоты въ 22 метра, сохранилъ отъ этой катастрофы, которая по счастливой случайности окончилась для него благополучно, только то воспоминаніе, что его озабочивала во время паденія одна мысль, какъ бы не потерять полученнаго имъ въ подарокъ перочиннаго ножа. Подобное же наблюденіе сообщаетъ Egger *) о ребенкѣ, тонувшемъ и забавлявшемся блескомъ рѣчныхъ ракушекъ и голышей, но испугавшемся, когда водоросли коснулись его лица.

Душевное содержаніе старца богато воспоминаніями, но скудно надеждами, радость бытія въ большей или меньшей степени уже утратила для него свою цѣнность, яркость сознанія, его «я» поблекло и вотъ почему, — а это уже изъ области ежедневнаго нашего наблюденія и легко можетъ быть провѣрено даже en masse, напр., въ богадѣльняхъ —

*) Rev. Philosoph. 1896. I.

*) Ibid.



старикъ относится спокойно, иногда безразлично, нерѣдко даже съ вожделѣніемъ къ идеѣ о близости кончины *).

Его психологія близка къ психологіи человѣка, хотя бы и молодого, но умирающаго послѣ долгой болѣзни. По отношенію къ содержанію сознанія такихъ лицъ въ научной литературѣ существуетъ, какъ легко себѣ представить, очень мало точныхъ наблюденій, ибо требуется сочетаніе исключительныхъ условій, а именно: необходимо, чтобы субъектъ былъ уже на порогѣ могилы спасенъ отъ тяжкой болѣзни, грозившей близкой и неминуемой смертью, и, чтобы это лицо было достаточно пригодно по своему развитію и умѣло анализировать и передавать свои ощущенія такъ, чтобы они представляли дѣйствительную цѣнность для психологическихъ этюдовъ и, наконецъ, чтобы около него нашелся въ такую минуту психологъ, который интересуется такими состояніями, изслѣдуетъ и опубликовываетъ ихъ.

Къ числу такихъ рѣдкихъ въ научной литературѣ данныхъ принадлежатъ слѣдующія наблюденія французскаго психіатра Sollier **). Въ первомъ изъ нихъ рѣчь идетъ о молодой женщинѣ, страдавшей тяжелымъ морфинизмомъ, и, вслѣдствіе лишенія ея привычнаго яда, впавшей въ коллапсъ (тяжелое обморочное состояніе съ упадкомъ сердечной дѣятельности, которое легко можетъ кончиться смертью, если не принять немедленныхъ мѣръ); у нея мысль о близости смерти была совершенно ясна, всѣ чувства очень обострились, она слышала самый легкій шопотъ и разли-

*) Мечниковъ (Etudes sur la nature humaine, Ch. XII), вообще, опредѣляетъ прогрессъ, и самою цѣлью его полагаетъ уничтоженіе, благодаря развитію медицины и гигіены существующихъ искаженій (désharmonies) человѣческой природы, что даетъ въ результатѣ людямъ возможность доживать до *физіологической* старости и *нормальной* смерти, при чемъ, конечно, уже не остается мѣста страху смерти.

**) Rev. Philosoph. 1896. III.



чала малѣйшіе оттѣнки мимики на лицахъ окружавшихъ ее. Она совершенно не страдала. И даже въ тотъ моментъ, когда пульсъ очень упалъ, дыханіе стало поверхностнымъ и замедлилось, конечности похолодѣли, она утверждала, что чувствуетъ себя прекрасно и отказывалась отъ лѣкарствъ. Когда она пришла въ себя, она воскликнула: «О, какъ хорошо мнѣ было, изъ какого далека я вернулась». Она передавала потомъ, что въ ту минуту, когда она чувствовала, что теряетъ сознаніе, она испытывала состояніе необыкновеннаго блаженства, не ощущала себя больше на землѣ, хотя и продолжала слышать и видѣть все, что происходило вокругъ нея и, сверхъ того, ея прошлая жизнь проносилась передъ нею, какъ въ панорамѣ. Въ другомъ случаѣ совершенно тождественномъ Sollier не наблюдалъ ни этого послѣдняго явленія, ни сознанія неизбѣжной смерти, но ощущеніе физическаго благополучія было такъ же рѣзко выражено, какъ и въ первомъ случаѣ. Третье наблюденіе Sollier относится до женщины, дважды бывшей на волосъ отъ смерти. Въ первый разъ она умирала отъ перитонита. Ее охватило состояніе благополучія, точнѣе, отсутствія всякаго страданія. Во второй разъ Sollier у нея же наблюдалъ коллапсъ при отученіи ея отъ морфія; у нея не наблюдалось ни мысли о смерти, ни феномена яркихъ воспоминаній изъ прошлаго, но констатировано то же состояніе блаженства. Наконецъ еще у одной женщины Sollier сдѣлалъ слѣдующія два наблюденія: она, умирая отъ тифа, слышала, какъ врачи, приговоривъ ее къ смерти, сказали, что это вопросъ только нѣсколькихъ часовъ. Мысль о близости конца не вызвала у нея никакой душевной реакціи. Она же, подъ вліяніемъ сильнаго послѣродового кровотеченія, снова испытала предсмертное состояніе, оно было опять связано съ ощущеніемъ блаженства, несмотря на совершенно ясное сознаніе близкой кончины.

Egger *), котораго я уже цитировалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей ясно сознаніе неизбѣжной смерти, отмѣчаетъ слѣдующіе кардинальные психологическіе феномены: 1) ощущеніе физическаго благополучія, блаженства; 2) анэстезію (утрата осязательной чувствительности) и анальгезію (утрата болевой чувствительности) при сохраненіи нормальной остроты слуха и зрѣнія; рѣзкое ускореніе психическихъ процессовъ: дѣятельности мысли и воображенія; 3) во многихъ случаяхъ воспроизведеніе въ памяти воспоминаній прошлаго.

Sollier очень вѣрно указываетъ на вѣроятную причинную связь между первыми двумя психологическими феноменами: именно анестезія и анальгезія и создаютъ это состояніе физическаго блаженства, оно въ существѣ сводится къ прекращенію страданій.

Piéron **) подтверждаетъ это объясненіе своими наблюденіями надъ нѣсколькими случаями агоній, въ которыхъ наблюдалось ощущеніе умирающими полета своего тѣла вверхъ, что обусловлено анестезіею подошвъ и что, какъ показали другіе ученые, можетъ быть даже вызвано искусственно экспериментальнымъ путемъ.

Наконецъ Féré къ этому толкованію эйфоріи умирающихъ присоединяетъ еще и предположеніе, что она объясняется своего рода наркозомъ подъ вліяніемъ самоотравленія организма продуктами патологическаго обмѣна веществъ.

Я думаю, что это предположеніе весьма основательно, особенно по отношенію къ тѣмъ хроническимъ смертельнымъ болѣзнямъ, которыя, не сопровождаясь особыми страданіями, связаны, однако, съ рѣзкимъ измѣненіемъ въ питаніи

*) Le moi des mourants. R. Ph. 1906.

**) Piéron. Rev. Philosoph. 1902. XII.



и въ обмѣнѣ. Такъ весьма вѣроятно, что именно этимъ состояніемъ, если можно такъ выразиться, своеобразнаго опьяненія должно объяснить то всѣмъ, даже и не врачамъ, знакомое душевное благополучіе многихъ чахоточныхъ, которые не теряютъ надежды до послѣдней минуты и наканунѣ кончины мечтаютъ о лучшемъ будущемъ и создаютъ планы на много лѣтъ впередъ.

Всѣмъ сейчасъ сказаннымъ, я, отнюдь, не хочу утверждать, что смерть всегда легка. Увы! «естественная физіологическая кончина», «евтаназія» еще долго останется только мечтою нѣкоторыхъ біологовъ, какъ, напр., Мечниковъ. Но я хочу подчеркнуть здѣсь, что въ послѣднемъ актѣ человѣческой трагедіи могутъ быть очень мучительны предсмертныя страданія, можетъ быть очень тягостна и продолжительна агонія, но *душевная боль,* но то, исполненное леденящаго ужаса, психическое состояніе, которое свойственно послѣднимъ не только мгновеніямъ, но днямъ, иногда даже недѣлямъ и мѣсяцамъ приговореннаго къ смертной казни, у умирающихъ отъ болѣзни обычно отсутствуетъ, самый же моментъ конечнаго перехода отъ бытія къ небытію даже незамѣтенъ и потому легокъ. «Тяжело умирать, хорошо умереть», сказалъ на своемъ смертномъ одрѣ Некрасовъ.

Остается разсмотрѣть психологическое состояніе взрослаго и здороваго человѣка, внезапно оказавшагося вслѣдствіе несчастнаго случая или катастрофы лицомъ къ лицу со смертью.

Казалось бы, что его психическое состояніе должно быть подобно состоянію преступника, идущаго на эшафотъ.

Я надѣюсь, основываясь на точныхъ психологическихъ документахъ, показать, что даже въ столь, казалось бы, анологичныхъ положеніяхъ эти два «я», «я» человѣка, неожиданно попавшаго на край, повидимому, неизбѣжной гибели и «я», осужденнаго на смерть, несравнимы.

Швейцарскій профессоръ Heim, разсказывая о своемъ паденіи въ горахъ во время экскурсіи и сдѣлавшій по этому поводу анкету у лицъ, подвергавшихся той же опасности, утверждаетъ, что на ряду съ другими ощущеніями, о которыхъ я уже говорилъ выше по поводу наблюденій Sollier, съ момента паденія и до момента, когда счастливая случайность задерживаетъ на краю бездны, испытывается ощущеніе физическаго благосостоянія (bien-être), тоже подтверждаетъ и Whymper, упавшій въ такой же горной экскурсіи, съ высоты въ нѣсколько сотъ футовъ, по счастью въ мягкій снѣгъ. Ливингстонъ, такимъ образомъ, передаетъ ощущенія, пережитыя имъ, когда на него бросился левъ: «Онъ схватилъ меня за плечо и мы вмѣстѣ покатились. Онъ ревѣлъ у меня надъ ухомъ и трепалъ меня. Толчокъ ошеломилъ меня и вызвалъ состояніе оглушенія, въ составъ котораго не входили ни ужасъ ни чувство боли, несмотря на то, что я ясно сознавалъ все происходившее. Это было похоже на то, что испытываютъ нѣкоторые оперируемые подъ наркозомъ: не чувствуютъ ножа, но могутъ слѣдить за операціей. Страхъ былъ уничтоженъ шокомъ». Въ особенности много такихъ и подобныхъ примѣровъ можно бы было привести изъ относительно довольно нерѣдкихъ разсказовъ утопавшихъ и спасенныхъ въ послѣднюю минуту.

Но я не хочу утомлять этимъ вниманіе читателя; моею задачей было показать, что даже въ такихъ исключительныхъ положеніяхъ, какъ то, въ которомъ находилась, напр., Heim или Ливингстонъ, трагизмъ неизбѣжной гибели не усугубляется ужасомъ смерти, а, напротивъ, смягчается особымъ состояніемъ, близкимъ къ наркозу.

Природа великодушнѣе людей!..

Посмотримъ теперь, что переживаютъ въ свои послѣднія минуты приговоренные къ смерти.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что такому приговору обыкновенно, если не исключительно, подвергаются люди въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ богатствѣ своихъ физическихъ и психическихъ силъ, съ очень ярко выраженнымъ «я».

Страхъ смерти, отсутствующій или ничтожный у ребенка, притупившійся или даже также отсутствующій у старца, у человѣка, полнаго силъ и не подготовленнаго къ смерти болѣзнью или исключительнымъ шокомъ, возникаетъ съ чрезвычайной силою именно изъ контраста между этою полнотой ощущаемой жизни, между этой яркостью «я» и неизбѣжнымъ грядущимъ разрушеніемъ его и обращеніемъ въ ничто.

Литература, изъ которой можно почерпать болѣе или менѣе достовѣрныя и точныя данныя о психикѣ казнимыхъ, сводится, къ сожалѣнію, къ бѣглымъ репортерскимъ замѣткамъ о совершеніи смертныхъ казней, преимущественно во Франціи. Обращаясь за неимѣніемъ лучшаго къ этимъ количественно довольно обильнымъ *) документамъ, я выбираю оттуда наиболѣе цѣнныя наблюденія. Grison, описывая казнь Poirier и разсказывая о такъ называемомъ туалетѣ осужденнаго, говоритъ буквально слѣдующее: «Я стою отъ него на разстояніи не болѣе метра и я читаю на лицѣ его то ужасное разрушеніе личности, которое производитъ идея смерти. За эти двѣ минуты онъ постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Когда приступили къ связыванію его, ему было лѣтъ тридцать; ему — вѣрныхъ пятьдесятъ въ ту минуту, когда

*) A. Bataille. Causes criminelles et mondaines. Grison. Sonvenirs de la place de la Roquette. Moreau succèsseur de l'abbé Crozes. Sonvenirs de la grande et petite Roquette. H. Sanson. Memoires des Sansons. Macé. Mon musée criminel и мн. др. того же автора, также отдѣльные факты изъ этой области въ обширной криминологической литературѣ, въ особенности въ изданіяхъ Лакассань.



палачъ беретъ въ руки ножницы, чтобы отрѣзать воротъ его рубахи.

Онъ же, присутствуя при такомъ же туалетѣ осужденнаго Boudas, такъ описываетъ состояніе казнимаго: «Онъ шепталъ: «Невиненъ, невиненъ», повидимому, не сознавая, что онъ твердитъ, и въ это время глаза его стали стеклянными, и лицо исказилось неподвижно-ужасною улыбкою, тою улыбкою, которая описана Дарвинымъ и происходитъ вслѣдствіе судорожнаго сокращенья мышцъ лица *).

Казнь Prévost у того же автора: «Отъ осужденнаго осталась только тѣнь его. Нѣтъ больше блестящаго гвардейца, красавца-сержанта, покорителя женскихъ сердецъ. Это уже не тотъ здоровякъ обвиняемый съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, котораго мы видѣли на судѣ. Онъ даже не похожъ на самого себя, какимъ онъ былъ, когда его перевозили послѣ суда изъ одной тюрьмы (подслѣдственныхъ) въ другую (осужденныхъ), хотя онъ и тогда уже значительно измѣнился къ худшему. Теперь это дряхлый старикъ, аскетической худобы; кожа лба сморщена и похожа на пергаментъ, да и вообще цвѣтъ тѣла у него трупный».

Аббатъ Moreau, священникъ тюрьмы Grande Roguette, гдѣ содержатся приговоренные къ смерти, и въ обязанности котораго входило сопровождать ихъ до эшафота, такъ резюмируетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ при исполненіи своей тяжелой миссіи: «Это чудовищно. Дрожишь въ таинственномъ ужасѣ и испытываешь такое угнетенное состояніе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Я на моемъ вѣку напутствовалъ очень много умирающихъ; во время кампаніи 1870 года я былъ полковымъ священникомъ, потомъ священникомъ при большой парижской больницѣ; мнѣ часто

*) Souvenirs de la grande et petite Roquette par l'abbé Moreau, succésseur de l'abbé Crozes. vol. II. p. 432.



приходилось служить единственной поддержкой и быть единственнымъ утѣшителемъ многихъ несчастныхъ, но никогда я не испытывалъ такого невыносимаго ужаса, никогда не требовалось такого напряженія воли, чтобы справиться со своими нервами, какъ въ первую минуту этой ужасной четверти часа, которая предшествуетъ казни. Моментъ пробужденія приговореннаго къ смерти исполненъ невыносимаго ужаса... Приговоренный спитъ. Его будятъ и говорятъ ему: «Ты сейчасъ умрешь!» О, это пробужденіе! О, это мгновенье! я его не забуду никогда, такъ же, какъ не забуду никогда эту мертвенную блѣдность, эти судорожныя подергиванья, искажающія его лицо».

Точно такія же указанія даетъ и Maxime du Camp **) (кстати замѣтить, тотъ самый, которому Тургеневъ обязанъ тѣмъ, что присутствовалъ при казни Троппмана) и вообще почти всѣ авторы, писавшіе о смертной казни; цитаты, въ родѣ вышеприведенныхъ, можно въ изобиліи заимствовать изъ соотвѣтствующихъ литературныхъ источниковъ, но я не хотѣлъ бы загромождать ими эту статью мою. Я не могу также иллюстрировать ее личными впечатлѣніями, хотя мнѣ представлялся неоднократно случай присутствовать при смертной казни, такъ, напримѣръ, въ 1889 г. въ Парижѣ двойная казнь Allorto и Seillier едва ли не была даже отложена на нѣсколько дней, чтобы предоставить эту возможность членамъ собиравшагося въ 1889 г. въ Парижѣ конгресса криминальной антропологіи. Хотя я и врачъ по профессіи, притомъ старый

**) Maxime du Camp (Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie. Vol. III. p. 375): „Jusqu'à la dernière seconde, c'est là l'idée poignante qui les torture: aurai-je ma grâce? pourquoi ne l'aurai-je pas? см. также въ той же главѣ описаніе казни и дальше (р. 392—393) изображеніе психическаго состоянія нѣсколькихъ казнимыхъ.

больничный врачъ, т.-е. такой, которому зрѣлище агоніи и смерти не въ диковинку, и, смѣю думать, не отличаюсь особою нервностью или сантиментальностью, я долженъ сознаться, что у меня не только не хватило мужества присутствовать при казни, но я даже не могу представить себѣ, какъ можно рѣшиться на это безъ опасенія создать себѣ на всю жизнь такой кошмаръ, такое подавляющее, назойливое и навязчивое воспоминаніе, отъ котораго едва ли можно отдѣлаться. Въ этомъ меня особенно убѣждаетъ мое единственное личное воспоминаніе, связанное со смертной казнью. Это было въ 1884 году въ Парижѣ; я работалъ въ то время въ антропологическомъ институтѣ Broca, занимаясь какъ разъ вопросомъ о краніологіи преступниковъ, и поэтому былъ своевременно предупрежденъ о казни Кампи, и явился въ тотъ день на разсвѣтѣ въ лабораторію, куда должны были немедленно изъ-подъ ножа гильотины быть доставлены смертные останки казненнаго. Насъ было въ лабораторіи всего нѣсколько человѣкъ: профессора Laborde и Manouvrier, тогда еще только завѣдующій лабораторіей антропологической школы, лабораторный служитель и я. Все люди привычные къ трупамъ и вскрытіямъ, проводившіе цѣлые дни среди скелетовъ и череповъ. Но, очевидно, правъ великій поэтъ, утверждающій устами Мефистофеля, что «Blut ist ein ganz besondrer Saft», и я, какъ сегодня, помню нервное настроеніе, блѣдныя лица и трясущіяся руки присутствовавшихъ и участвовавшихъ въ опытахъ и кефалометрическихъ измѣреніяхъ.

У автора настоящей статьи не было иной цѣли, какъ на рядѣ психологическихъ документовъ обосновать и еще разъ подтвердить приведенное выше утвержденіе Достоевскаго, что смертная казнь есть кара, по жестокости и ужасу несоизмѣримая даже съ самымъ страшнымъ преступленіемъ, и что, слѣдовательно, казня смертью, государство воздаетъ не

«око за око», но творитъ, если даже допустить справедливость этого нехристіанскаго, а ветхозавѣтнаго принципа, нѣчто совершенно несправедливое и является несравненно болѣе жестокимъ, чѣмъ преступникъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе, хотя бы даже самое звѣрское.

Меня могутъ упрекнуть въ томъ, что я оставилъ совершенно безъ разсмотрѣнія тѣ случаи смертной казни, которые въ душѣ казнимаго вызываютъ не отчаяніе и ужасъ передъ неизбѣжною смертью, но иныя эмоціи другого высшаго психологическаго порядка: героическое повышеніе душевнаго тонуса, счастье самопожертвованія за родину, гордую радость отдать свою жизнь за свои религіозныя вѣрованія или политическія убѣжденія. Само собою разумѣется, что представленный мною выше анализъ психики казнимаго, не обнимаетъ психологическихъ феноменовъ этой категоріи. Само собою разумѣется также, что въ послѣднюю роковую минуту содержаніе сознанія у протопопа Аввакума или Дантона, Шарлоты Кордэ или Софьи Перовской, христіанскихъ мучениковъ въ Колизеѣ или жирондистовъ на эшафотѣ совершенно иное, чѣмъ у обычныхъ жертвъ палача — все равно: парижской Grande Roquette или сахалинской каторжной тюрьмы.

Я умышленно не упоминалъ о той категоріи фактовъ и связанныхъ съ ними психологическихъ состояній и говорилъ только о послѣдней группѣ, чтобы трактовать тему, которой посвященъ этотъ этюдъ, въ ея, такъ сказать, простѣйшей формѣ, предполагая, что если отрицаніе смертной казни справедливо даже по отношенію къ закоренѣлому и озвѣрѣвшему преступнику, то a fortiori этимъ отрицается допустимость смертной казни за преступленія идейныя.

Но теперь, въ ту минуту, когда я заканчиваю эту статью, меня охватываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы та узко-спеціальная точка зрѣнія, съ которой я разсматривалъ вопросъ о

смертной казни, могла бы прибавить новые аргументы и дать новое оружіе въ руки той плеядѣ борцовъ противъ смертной казни, которые въ этомъ сборникѣ дѣлаютъ благородныя усилія, съ цѣлью избавить современное общество и государство отъ этого позорнаго и жестокаго средневѣкового пережитка. Я опасаюсь, что тѣ страницы, которыя я занялъ, могли бы съ большей пользой для этого дѣла, долженствовавшаго бы быть общимъ и одинаково важнымъ для всѣхъ безъ различія вѣры, степени культуры, національности и общественно-политическаго міросозерцанія, могли бы, говорю я, быть использованы другимъ, болѣе краснорѣчивымъ и въ вопросахъ этого порядка болѣе авторитетнымъ писателемъ. Если это такъ, то прошу читателя извинить мнѣ это, ибо у меня все-таки есть передъ нимъ та заслуга, что я въ началѣ этой статьи напомнилъ ему неизгладимое художественное изображеніе смертной казни великимъ мастеромъ, Достоевскимъ, и заключаю ее напоминаніемъ не менѣе значительнаго сужденія по тому же поводу великаго мыслителя и моралиста Владиміра Соловьева *):

«Смертная казнь безчеловѣчна не со стороны чувства, а со стороны нравственнаго принципа. Вопросъ совершенно принципіальный: должно ли признавать въ человѣческой личности какой-нибудь предѣлъ для внѣшняго на нее дѣйствія, что-нибудь неприкосновенное и неупраздняемое извнѣ? Тотъ ужасъ, какой внушаетъ убійство, достаточно показываетъ, что есть такой предѣлъ и что онъ связанъ съ жизнью человѣка. Не самый фактъ физическаго существованія важенъ, а то, что въ узкія рамки этого факта вмѣщена для насъ теперь и имъ обусловлена вся безконечная судьба человѣка. Убійство возмутительно не разрушеніемъ видимой дѣйствительности, всегда ограниченной и большею частью неважной, а тѣми

*) Вл. Соловьева. Собр. Соб. т. VII стр. 549 — 550.



безграничными возможностями, которыя оно, не вѣдая ихъ, уничтожаетъ.

«Это есть преступленіе по преимуществу, потому что здѣсь переступается крайній предѣлъ между двумя существами и ниспровергается послѣднее основаніе всякихъ отношеній,—то, что есть необходимое условіе для всего остального. Но вотъ страшное дѣло совершилось, человѣкъ превратилъ другого въ бездушную вещь. Допустимъ, что этому нельзя было помѣшать, допустимъ, что общество пока не виновато. Оно возмущается, негодуетъ, и это хорошо: было бы очень печально, если бы оно оставалось равнодушнымъ. Но справедливо ужасаясь передъ убійствомъ, какимъ дѣломъ выразитъ оно свое чувство?—новымъ убійствомъ. По какой же это логикѣ повтореніе зла есть добро? Развѣ убійство возмутительно тѣмъ, что убитъ хорошій человѣкъ? Онъ былъ, можетъ-быть, негодяемъ. Но возмутительно самое дѣйствіе воли, переступающей нравственный предѣлъ, возмутителенъ человѣкъ, говорящій другому: «Ты для меня ничто, я не признаю за тобою никакого значенія, никакого права, даже права на существованіе», и доказывающій это на дѣлѣ. Но вѣдь именно такъ и поступаетъ общество относительно преступника, и притомъ безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, безъ страсти, безъ порочныхъ инстинктовъ, безъ душевнаго разстройства. Виновна, но заслуживаетъ снисхожденія, фанатическая толпа, которая подъ вліяніемъ безотчетнаго негодованія убиваетъ преступника на мѣстѣ; но общество, которое дѣлаетъ это медленно, хладнокровно, отчетливо, не имѣетъ извиненія.

«Особое зло и ужасъ убійства состоитъ, конечно, не въ фактическомъ отнятіи жизни, а во внутреннемъ отреченіи отъ основной нравственной нормы, въ рѣшимости отъ себя, собственнымъ дѣйствіемъ разорвать окончательно связь общечеловѣческой солидарности относительно этого дѣйствитель-

наго, передо мною стоящаго, ближняго, такого же, какъ и я, носителя образа и подобія Божія. Но эта рѣшимость покончить съ человѣкомъ гораздо яснѣе и полнѣе, чѣмъ въ простомъ убійствѣ, выражается въ смертной казни, гдѣ, кромѣ этой рѣшимости и ея исполненія, совсѣмъ ничего нѣтъ. У общества по отношенію къ казнимому преступнику остается только animus interficiendi въ абсолютно чистомъ видѣ, совершенно свободной отъ всѣхъ тѣхъ физіологическихъ и психологическихъ условій и мотивовъ, которые затемняли и закрывали сущность дѣла въ глазахъ самого преступника, совершилъ ли онъ убійство изъ корыстнаго расчета или подъ вліяніемъ менѣе постыдной страсти. Никакихъ такихъ осложненій мотиваціи не можетъ быть при смертной казни; все дѣло здѣсь выведено на чистоту: единственная цѣль—покончить съ этимъ человѣкомъ, чтобы его вовсе не было на свѣтѣ. Смертная казнь есть убійство, какъ такое, абсолютное убійство, то-есть принципіальное отрицаніе коренного нравственнаго отношенія къ человѣку».

Н. Баженовъ.



*
* *

— Палачъ, онъ всегда въ красномъ кафтанѣ. Это, говорятъ, имѣетъ историческое происхожденіе.

Солдатъ произноситъ эти слова отчетливо, и подъ пушистыми русыми усами, около яркаго нѣжнаго рта, чуть замѣтно дрожитъ удовлетворенность собой. Нѣжные сѣрые глаза съ длинными рѣсницами быстро пробѣгаютъ по поблѣднѣвшимъ опечаленнымъ лицамъ молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ стоятъ въ углу сводчатой, похожей на гробъ, камеры и смотрятъ на узенькое окно. Неба не видно. Только стѣна сѣрая, покрытая зелеными струпьями старыхъ мховъ. Къ стѣнѣ тѣсно-тѣсно прижалась, точно проситъ у нея защиты отъ чего-то страшнаго, тоненькая береза съ длинными гибкими, какъ дѣтскія руки, вѣтками. Зима. Вѣтки покрыты блестящей ледяной шкуркой. Онѣ тихо звенятъ, не то шепчутъ, не то поютъ.

— Всегда на этомъ дворѣ казнятъ? — низкорослый, приземистый студентъ спрашиваетъ рѣзкимъ, грубымъ голосомъ; хочетъ стряхнуть съ себя власть суровой тишины, которая ползетъ откуда-то изъ глубины старыхъ камней.

— Нѣтъ, по большей части на главномъ дворѣ. А только такъ какъ господина Иванова держали очень серьезно, то ихъ здѣсь казнили. Тогда начальство все чего-то опасалось...

Снисходительная усмѣшка морщитъ яркія губы солдата.

— Вы видѣли, какъ его казнили? — молодой голосъ звучитъ еще рѣзче, еще грубѣе.

— Всенепремѣнно. Я при всѣхъ казняхъ присутствовалъ, — онъ поглаживаетъ рукой усы и расправляетъ плечи. — Господина Иванова въ этой камерѣ сначала и держали. Только какъ начали матерьялъ для эшафота на дворъ таскать, такъ ихъ въ кордегардію на ночь перевели. Не хотѣлъ,—говоритъ: «Не все ли мнѣ равно? Вѣдь знаю, что для меня строите?» Но все-таки увели. Такъ оно приличнѣе.

Въ голосѣ звучитъ неожиданная степенность.

Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, тонкая и гибкая, прижимается крѣпче къ холодной стѣнѣ и гладитъ узкой, бѣлой рукой кружевныя голубоватыя узоры плѣсени. На маленькомъ лицѣ глаза становятся все больше. Она отвела ихъ отъ рѣшетки и смотритъ немигающимъ взглядомъ на пригожее лицо солдата.

— Онъ передъ казнью говорилъ?

Приземистый студентъ впивается глазами въ то же пригожее солдатское лицо, точно хочетъ вырвать отъ него что-то безконечное, важное, нужное, цѣнное.

— Нѣтъ, ничего. Только когда палачъ на него сталъ саванъ надѣвать, такъ господинъ Ивановъ разсердился. Зачѣмъ, говоритъ, это шутовство? Даже убить не можете просто, все... .вотъ ужъ не помню, какъ сказалъ, въ родѣ, какъ лицемѣры или злодѣи. А только большого спокойствія былъ человѣкъ. Вѣдь совсѣмъ молодой... Должно-быть, не больше какъ 23 лѣтъ.

— Да, вы навѣрно знаете?

Студентъ молча кивнулъ головой и протянулъ костлявую руку къ окну.

— Гдѣ его?.. Около самой стѣны?

— Да, да... — услужливо подтвердилъ солдатъ. — Посерединкѣ. Тутъ и зарыли, около самой березки. Красивый былъ человѣкъ. Кудрявый, широкоплечій, румяный,

даже у насъ съ лица не перемѣнился. Вотъ ужъ, какъ въ пѣснѣ говорится, брови соболиныя, очи соколиныя... Черные такіе глаза...

— Нѣтъ. Голубые, — женскій голосъ глухой и твердый звучалъ откуда-то изъ темнаго угла, точно сама камера заговорила.

Всѣ шевельнулись и, подчиняясь этому голосу, обратили въ его сторону блѣдныя лица. Тамъ стояла высокая, еще не старая женщина. Ея лицо сливалось съ лиловатой тѣнью. Только глаза, громадные, молодые синіе глаза, выступали изъ мрака, жили какой-то мучительной, жуткой жизнью.

Солдатъ, недовольный, что его прервали, вѣжливо сказалъ:

— Голубые? А вы изволили когда-нибудь видѣть господина Иванова?

— Это... мой сынъ.

Пригожее лицо жандарма вдругъ стало жалкимъ, приниженнымъ, растеряннымъ. Онъ медленно выпрямился, опустилъ руки и съ легкой хрипотой въ увѣренномъ голосѣ сказалъ:

— Точно такъ-съ.

А. Вергежскіи.

Смертная казнь предъ судомъ Европы.

Редакція сборника «Противъ смертной казни» предприняла анкету, результаты которой оказались блестящими. Въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго,—редакція обращалась не къ той Европѣ, которая на ростовщическихъ условіяхъ ссужаетъ капиталами русское правительство за нѣсколько дней до открытія Государственной Думы; та Европа, быть-можетъ, мало смущается карательными экспедиціями и смертными казнями.

И тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что передъ нами общественное мнѣніе *всей* Европы, выраженное ея признанными авторитетами, знаменитыми учеными, писателями и политическими дѣятелями. Единодушіе и быстрота, съ которой эти лучшіе люди нашего времени откликнулись на призывъ сборника, доказываютъ, что поставленная имъ задача отвѣчаетъ завѣтнымъ и глубочайшимъ стремленіямъ всей мыслящей Европы. Единодушіе отвѣтовъ доходитъ до того, что въ письмахъ, пришедшихъ изъ разныхъ странъ, встрѣчается сходство не только въ основной мысли, но въ стилѣ и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Разница только въ темпераментѣ отвѣта, въ оттѣнкахъ общаго, подчасъ несдержаннаго негодованія противъ жестокости, которая стала очевидной всему міру, благодаря махровому ея расцвѣту на нашей несчастной родинѣ.

Отъ сухого ученаго юриста Іеллинека до изысканныхъ феминистовъ, братьевъ Маргеритъ, отъ дипломата Д'Эстурнеля де-Констана до Макдональда, представителя рабочей партіи въ англійскомъ парламентѣ, и итальянскаго соціалиста Ферри, — всѣ въ одинъ голосъ, кто съ мольбой, кто съ угрозой, обращаются къ намъ съ «того берега», требуя уничтоженія смертной казни за политическія преступленія. То, что смертная казнь, уничтоженная въ Россіи за общія преступленія еще въ XVIII вѣкѣ, примѣняется такъ свободно за преступленія политическія, является въ глазахъ европейцевъ особенно вопіющимъ контрастомъ.

Приговоръ Европы, если можно такъ выразиться, постоянно возвращается, прямо или скрыто, къ основному аргументу сторонниковъ смертной казни, выраженномъ въ знаменитой фразѣ Альфонса Карра: «Que Messieurs les assassins commencent». Въ качествѣ журналиста (онъ былъ съ 1839 г. редакторомъ «Фигаро» и сатирической газеты «Les Guêpes») А. Карръ пріобрѣлъ особую извѣстность своими нападками на адвокатуру и «смягчающія обстоятельства». Какой самодовольной мѣщанской сытостью вѣетъ отъ этого: «Que Messieurs les assassins commencent!» — «Пусть господа убійцы начнутъ». Эта фраза сдѣлалась ходячимъ афоризмомъ, лозунгомъ въ оправданіе смертной казни.

Почти во всѣхъ письмахъ изъ-за границы мы встрѣчаемъ самую безпощадную критику этого любезнаго приглашенія къ «господамъ убійцамъ». Разсуждая практически, въ немъ— центръ вопроса. Кто же долженъ начать? Доведенные до отчаянія вооруженнымъ, организованнымъ произволомъ, энтузіасты, или государство, проявляющее въ своихъ репрессіяхъ жестокость, доходящую до садизма.

Іеллинекъ, знаменитый нѣмецкій юристъ и изслѣдователь государственнаго и международнаго права, учитъ, что воля государства отличается отъ всякой другой однимъ свойствомъ,

которое называется господствомъ; съ этимъ свойствомъ прочно связана и обязанность самоограниченія; въ противномъ случаѣ, мы придемъ къ неизбѣжному отрицанію всякаго публичнаго права.. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ правовомъ порядкѣ заключается минимумъ требованій общественной нравственности, Іеллинекъ, въ полномъ согласіи съ своей доктриной, рѣшительно возстаетъ въ своемъ письмѣ противъ смертной казни. Какъ бы въ отвѣтъ на эту научную точку зрѣнія Бьернсонъ-Бьернстьерне, этотъ давно оцѣненный и любимый въ Россіи писатель, спрашиваетъ: «Неужели же думаютъ, что возможно внушить уваженіе къ власти въ странѣ, гдѣ понятія о добрѣ и злѣ, о томъ, что низко и что возвышенно, до такой степени перевернуты?»..

Какъ бы продолжая ту же мысль, Октавъ Мирбо восклицаетъ съ свойственной ему пылкостью: «Какъ оно (общество) смѣетъ наказывать за убійство, подавая само примѣръ убійствъ, — примѣръ дикій и ежедневный... Говорятъ, что оно защищается. Неправда! Оно провоцируетъ... Въ противоположность А. Карру я скажу: «Пусть господа законодатели начнутъ первые...»

Въ болѣе спокойномъ тонѣ, хотя столь же непоколебимо, подаютъ свои голоса противъ смертной казни другіе соотечественники Октава Мирбо. Они стоятъ на болѣе практической точкѣ зрѣнія.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо поставить д'Эстурнель де-Констана, извѣстнаго дипломата, иниціатора и дѣятельнаго члена первой Гаагской конференціи. Несмотря на дипломатическую сдержанность, официальное положеніе и почтенный возрастъ, располагающій человѣка къ осторожности, д'Эстурнель, сдѣлавъ оговорку, что онъ разсматриваетъ вопросъ съ практической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что «въ интересахъ русскаго же правительства разумнѣе было бы сохранить чувство мѣры и проявить больше мягко-

сти... Нисколько не устрашая, казнь достигаетъ прямо противоположныхъ результатовъ, зажигая въ ихъ (революціонерахъ) сердцахъ жажду мести». Этотъ добрый совѣтъ очень похожъ на урокъ. Характеренъ конецъ письма д'Эстурнеля: «Кровь жертвы страшнѣе, чѣмъ заговоръ революціонера; самая дѣйствительная противоправительственная пропаганда—это пропаганда мертвыхъ...»

Къ д'Эстурнелю примыкаетъ Сеньобосъ, историкъ-профессоръ Сорбоны, авторъ хорошо извѣстной у насъ «Политической исторіи современной Европы». Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ рѣшительно предсказывалъ побѣду оппозиціи на выборахъ въ первую русскую Думу, несмотря на возмутительный избирательный законъ и репрессіи, онъ былъ такъ увѣренъ въ негодности нашей бюрократіи и всеобщемъ противъ нея возмущеніи, что считалъ это лучшимъ залогомъ успѣха оппозиціи. Въ связи съ этимъ взглядомъ на бюрократію онъ пишетъ по поводу смертной казни: «Это не наказаніе, а средство управленія... Что же можетъ думать французъ о режимѣ, совершенно идущемъ вразрѣзъ съ понятіями о правосудіи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ».

Членъ Института, Луи Гаве (Louis Havet) находитъ, что смертная казнь питаетъ жестокость власть имущихъ и ожесточеніе слабыхъ. Привѣтствуя усилія, направленныя къ уничтоженію ея, онъ замѣчаетъ: «Если это вамъ удастся, власть въ первый разъ получитъ возможность показаться передъ русскимъ народомъ и передъ Европой съ необагренными кровью руками»... Воспоминая объ уничтоженіи крѣпостного права, онъ считаетъ будущій день отмѣны смертной казни не менѣе счастливой и не менѣе славной эрой для нашего отечества.

А Круазе, деканъ филологическаго факультета Сорбонны, категорически заявляетъ: «Масса порядочныхъ людей не вѣритъ ни въ виновность жертвъ ни въ безпристрастіе судей...

Какое же это наказаніе, если оно покрываетъ судей позоромъ, а казненныхъ—славой. Это въ одно и то же время и преступленіе и глупость».

«Президентъ «Лиги Мира», Фредерикъ Пасси тоже ставитъ вопросъ на реальную почву и напоминаетъ, что «мертвецы возвращаются и тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ грознѣе, шире, безсердечнѣе примѣнялась смертная казнь»...

Пройдемъ мимо проф. философіи Бутру и прелестнаго письмеца Лависса (директора Ecole normale) и прежде, чѣмъ перейти къ писателямъ и политическимъ дѣятелямъ соціалистическаго направленія, остановимся не надолго на Брандесѣ и англійскихъ либералахъ.

Георгъ Брандесъ знакомъ европейской и русской читающей публикѣ. Онъ знаетъ и любитъ «загадочную» Россію. Въ 80-хъ годахъ онъ читалъ публичныя лекціи въ Петербургѣ и Москвѣ. За этимъ появилась, надѣлавшая много шума, его книга «Очерки путешествія по Польшѣ и Россіи», послѣ которой, какъ онъ самъ признавался, онъ считалъ бы легкомысліемъ перешагнуть границу нашего отечества раньше, чѣмъ тамъ не кончится царство дикаго произвола.

Недавно въ «Politiken» была напечатана статья Брандеса о сіонизмѣ. Разбирая это движеніе, авторъ приводитъ слова, сказанныя Плеве въ одной частной бесѣдѣ: «Я держу Россію въ рукѣ, какъ этотъ карандашъ» (министръ во время бесѣды вертѣлъ карандашъ). Сангвиническаго Брандеса эти циническія слова привели въ ярость.

Продолжая любить загадочную страну «черной земли», онъ всѣми силами души ненавидитъ ея варварскій, далеко еще не отошедшій въ вѣчность, строй. Письмо его отъ начала и до конца дышитъ этой ненавистью. Поэтому мы не дѣлаемъ выдержекъ и отсылаемъ читателей прямо къ письму.

Англійскіе либералы, Клиффордъ, а также Генри Вильсонъ, Аильменъ Моодъ (переводчикъ Л. Толстого) и Кар-

пентеръ, авторъ извѣстной книги: «Тюрьма, полиція и наказаніе», высказываются опредѣленно и рѣшительно.

Моодъ удивляется, что «правительства такъ медлятъ и такъ боятся подать хорошій примѣръ подданнымъ, выказавъ уваженіе къ человѣческой жизни»... Онъ считаетъ сохраненіе смертной казни непрерывнымъ позоромъ для всѣхъ странъ, въ которыхъ она примѣняется. Карпентеръ находитъ, что «отмѣна смертной казни должна стоять въ наши дни на очереди всякаго уважающаго себя народа... потому что двѣ неправды не создаютъ правды, и что не умѣть найти другого средства для выраженія осужденія убійству, кромѣ совершенія другого убійства, значитъ, обнаруживать свое безсиліе и наивность».

Это доводы англійскаго «Общества пропаганды противъ смертной казни», представляющаго собой организованную борьбу противъ этого варварскаго института.

Къ умѣреннымъ надо отнести и извѣстнаго бельгійскаго криминалиста антропологической школы, Лорана, который особенно возмущается противъ правительственнаго террора. «Что касается московскихъ и всѣхъ другихъ убійствъ, послѣдовавшихъ за попытками къ возстанію, то намъ трудно себѣ представить возможность чего-нибудь подобнаго гдѣ-либо, кромѣ Турціи. Вотъ, что думаю я и что, будьте увѣрены, думаютъ у насъ люди, наиболѣе умѣренные и наиболѣе консервативные о смертной казни, какъ ее примѣняетъ ваше правительство, или, вѣрнѣе, о безуміи, обуявшемъ кровожадныхъ звѣрей»...

Такъ пишутъ не молодые утописты и фантазеры (большинство приведенныхъ нами авторовъ находится въ возрастѣ около или свыше 50 лѣтъ), а люди умѣренные, буржуазнаго склада и привычекъ, консервативнаго и либеральнаго лагеря. Напомнимъ читателю, что послѣдніе два термина на Западѣ имѣютъ иное значеніе, чѣмъ въ Россіи. У насъ кон-

серватизмъ почти всегда идетъ рядомъ съ реакціонностью; въ странахъ конституціонныхъ консервативныя партіи, являясь представительницами крупнаго землевладѣнія, какъ въ Англіи и Германіи, или, сливаясь съ клерикальнымъ направленіемъ, какъ въ Бельгіи, всегда конституціонны, не взываютъ къ насилію и разбою и борятся исключительно парламентскими средствами. Точно также и либерализмъ русскій, всегда олицетворявшій собою стремленіе къ правовому порядку, безъ какой-либо опредѣленной политической программы, не совпадаетъ съ либерализмомъ англійскимъ, на знамени котораго написаны: свобода торговли, законодательное покровительство рабочимъ, гомруль, неразрывно связанный съ именемъ Гладстона и т. д. При всемъ различіи внутренняго содержанія этихъ терминовъ у насъ и въ Европѣ они сходятся на одномъ отрицательномъ признакѣ: *не* пролетарскомъ характерѣ міровоззрѣнія и программы. И это обстоятельство дѣлаетъ представителей того и другого направленія авторитетами въ тѣхъ кругахъ нашего отечества, гдѣ на всякую пролетарскую программу смотрятъ, какъ на опасную и революціонную. А между тѣмъ нигдѣ протестъ противъ смертной казни не достигаетъ такой ясности и не находится въ такомъ гармоническомъ единеніи съ міровоззрѣніемъ, идеалами и программой, какъ въ партіи рабочей, все равно, будетъ ли она называться соціалистической, какъ во Франціи и Бельгіи, независимой рабочей партіей, какъ въ Англіи, или соціалъ-демократической, какъ въ Германіи.

Эту часть нашей анкеты открываетъ А. Франсъ, писатель скорѣе соціалистическаго *настроенія,* чѣмъ партіи.

Нельзя не вспомнить о его дѣятельномъ участіи въ устройствѣ народныхъ университетовъ, его лекціяхъ рабочимъ, предсѣдательствѣ на митингахъ протеста противъ погромовъ. А. Франсъ не хладнокровный наблюдатель или теоретикъ. Въ его словахъ слышенъ крикъ ужаса, негодо-

ваніе художника, возмущеніе оскорбленнаго гумманиста. «Пусть ваши судьи одумаются; они не судятъ, а убиваютъ... Напрасно они станутъ утирать свои окровавленныя руки о тексты законовъ, болѣе смертоносныхъ, чѣмъ япопскія пушки»...

Обратимся теперь къ представителямъ рабочей партіи. Кейръ Гарди, бывшій рабочій въ шахтахъ, глава упомянутой нами партіи въ англійскомъ парламентѣ, назвавъ смертную казнь ужаснымъ остаткомъ варвaства, въ концѣ своего письма прибавляетъ: «По-моему, совершеніе этого наказанія съ соблюденіемъ всѣхъ предписываемыхъ закономъ и религіей церемоній, болѣе безчеловѣчно, чѣмъ самое хладнокровное убійство изъ всѣхъ, когда-либо совершенныхъ».

Макдональдъ, секретарь рабочей партіи, окончательно строитъ свой протестъ на соціалистическомъ міросозерцаніи.

«Не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ Макдональдъ, что смертная казнь разжигаетъ преступныя страсти людей и содѣйствуетъ огрубленію общественныхъ нравовъ. А такъ какъ рабочее движеніе можетъ имѣть успѣхъ лишь въ просвѣщенномъ государствѣ, то *(по мнѣнію рабочей партіи)* должно быть безотлагательно упразднено все, что дѣлаетъ сердца болѣе черствыми и питаетъ грубые инстинкты. Мы, члены рабочей партіи, не можемъ понять, какимъ образомъ христіанская цивилизація поддерживаетъ такое ужасное «законное» преступленіе, какимъ является смертная казнь».

Отсылая читателей къ письму Вандервельде, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о статьѣ Энрико Ферри. Одинъ изъ величайшихъ современныхъ ораторовъ, глава итальянской соціалъ-демократической партіи, онъ болѣе извѣстенъ въ Россіи, какъ криминалистъ соціологической школы. Единственно правильной борьбой съ преступленіемъ онъ считаетъ борьбу на почвѣ соціальнаго прогресса, а смертная казнь, по его мнѣнію, есть безполезное варварство.

«Но что можно сказать, восклицаетъ Ферри, о смертной казни, отмѣненной для обыкновенныхъ преступниковъ и сохраненныхъ для политическихъ!... Дикій, грубый *эгоизмъ* толкаетъ обыкновеннаго убійцу на убійство другого человѣка. У политическаго убійцы другой стимулъ — *альтруизмъ;* вѣдь онъ дѣйствуетъ не въ собственномъ интересѣ, не изъ чувства личной мести, ненависти или корысти. Онъ дѣйствуетъ ради идеала, который можетъ быть ошибочнымъ, но который всегда альтруистиченъ. Онъ вѣритъ, что дѣйствуетъ въ интересахъ человѣчества, родины или угнетеннаго класса...

... Присужденіе къ смерти революціонеровъ (включая сюда и политическихъ убійцъ) ведетъ къ уменьшенію числа наиболѣе возвышенныхъ и альтруистическихъ натуръ, оно благопріятствуетъ преобладанію и господству натуръ наиболѣе низкихъ, отсталыхъ и эгоистичныхъ. А это страшно понижаетъ уровень души націй».

Таковы въ самыхъ существенныхъ чертахъ результаты нашей анкеты. Закончимъ этотъ краткій очеркъ словами братьевъ Маргеритъ: «Общество не будетъ болѣе палачомъ и перестанетъ дѣлать зло ради зла... Все это скоро уйдетъ въ прошлое, исчезнуть дикари, рабы, человѣчество крови и грязи.

«Будемъ и мы крѣпко надѣяться, что посланные русскимъ народомъ въ первую Думу излюбленные ими люди услышатъ несущіеся къ нимъ со всѣхъ сторонъ голоса лучшихъ людей—своихъ и чужихъ—слившіеся въ одинъ кличъ: «Долой смертную казнь!»

«Къ нимъ, излюбленнымъ людямъ русской земли, направлена эта книга. Пусть они помнятъ, что пора положить предѣлъ кровавой оргіи, что каждый день передъ вооруженными убійцами трепещутъ безоружныя жертвы»...

О. Гольдовскій.

Письма:

Отвѣтъ Георга Еллиника.

Гейдельбергъ 4 апрѣля 1906 г.

На ваше письмо отъ 20 марта отвѣчаю слѣдующее:

Вы желали бы, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о допустимости смертной казни съ точки зрѣнія событій, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время въ Россіи. Вы полагаете, что мнѣнія людей мысли могутъ оказать вліяніе на образъ дѣйствій правительства. Я въ этомъ сомнѣваюсь. Врядъ ли въ какомъ-либо другомъ изъ современныхъ государствъ завѣты гуманности такъ беззастѣнчиво попираются, какъ въ Россіи, гдѣ одна часть населенія занята лишь мыслью о томъ, какъ бы истребить другую. Управляющіе и управляемые въ одинаковой степени обагрены кровью. Что пользы въ протестахъ тамъ, гдѣ люди не имѣютъ ушей, чтобы слышать? Какъ горько, даже издали, слышать о непрекращающемся поруганіи человѣчества въ странѣ, которая все же выражаетъ притязаніе на принадлежность къ семьѣ цивилизованныхъ государствъ.

Проф. Гейдельбергскаго университета

Еллинекъ.

Къ вопросу о смертной казни.

Смертная казнь не является ни самымъ жестокимъ, ни самымъ безчеловѣчнымъ изъ наказаній, придуманныхъ человѣкомъ, но изъ всѣхъ наказаній — это самое неразумное. Будучи грубымъ и неудачнымъ, какъ средство возмездія за противообщественные по-

ступки или, по крайней мѣрѣ, принимаемые за таковые, смертная казнь тамъ, гдѣ она еще примѣняется, свидѣтельствуетъ о неспособности даннаго общества отказаться отъ тѣхъ средствъ защиты, къ которымъ прибѣгали во времена дикаго варварства. По самому существу своему противорѣча мысли объ исправленіи, это наказаніе нецѣлесообразно съ точки зрѣнія устрашенія. Для достиженія послѣдней цѣли оно должно было бы быть связано со всѣми тѣми ужасами, которыми оно сопровождалось въ стародавнія времена; нужна была вѣра въ вѣчныя мученія ада, вѣра, господствовавшая нѣкогда въ христіанскомъ мірѣ. Но эта вѣра отходитъ въ область преданія; несмотря на всѣ старанія церковной ортодоксіи, этому позорному порожденію злого духа противится сознаніе даже малокультурныхъ классовъ населенія. Даже самое отсталое изъ европейскихъ государствъ не осмѣливается прибѣгать къ тѣмъ жестокостямъ, которыми сопровождалась въ средніе вѣка смертная казнь, равно какъ и отмѣнены тѣ дикія зрѣлища, въ которыя превращали нѣкогда — и для своего времени вполнѣ логично — приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. И въ основѣ этого стремленія опустить завѣсу тайны надъ зрѣлищемъ убійства во имя закона лежитъ сознаніе, что этотъ родъ наказанія противорѣчитъ всѣмъ нашимъ культурнымъ понятіямъ.

Тамъ, гдѣ отпадаетъ мотивъ исправленія, равно какъ и мотивъ устрашенія, приводятъ иногда въ оправданіе смертной казни принципъ возмездія. Но если бы мы желали платить равнымъ за равное, то мы должны были бы требовать смертной казни за убійство, совершенное подъ вліяніемъ аффекта, чего, какъ извѣстно, мы не дѣлаемъ. Наши уложенія о наказаніяхъ говорятъ лишь мало о дѣйствительномъ возмездіи, а если и проводятъ практику возмездія, то въ сильно измѣненномъ видѣ, при чемъ видоизмѣняющимъ факторомъ является, какъ нашъ взглядъ на то, что воля не свободна, такъ и наше культурное сознаніе, которому противно всякое убійство, совершаемое по холодному рас-

чету, будь то въ интересахъ отдѣльной личности или цѣлаго общества. Пока мы будемъ убивать именемъ закона, мы будемъ санкціонировать убійство во имя частныхъ интересовъ. Мы тѣмъ самымъ отрицаемъ то основное положеніе, что жизнь человѣка неотъемлема.

Отсюда вытекаетъ вся безсмысленность выраженія шута Карр'а· «que messieurs les assassins commencent!» Не отдѣльный индивидуумъ, а все общество отвѣтственно за то, что произошло. Только тогда убійство найдетъ свое полное осужденіе въ открытомъ сознаніи всѣхъ, когда мы вообще перестанемъ убивать во имя общества. Совершаетъ убійство все же рука человѣка, хотя и направляемая велѣніемъ закона. Законъ — твореніе рукъ человѣка, и его правосудіе служитъ выраженіемъ человѣческихъ интересовъ и страстей.

Берлинъ, 28 марта 1906 г.

Эдуардъ Бернштейнъ.

Письмо Бьернстерне Бьернсонъ.

Ни въ одной, конечно, странѣ законодательство не заключаетъ въ себѣ такой безсмылицы, какую мы находимъ въ русскомъ законодательствѣ, уничтожившемъ смертную казнь за уголовныя преслѣдованія, но оставившемъ ее за политическія преступленія.

Не значитъ ли это сказать жителямъ этой злополучной страны:

«Если ты нарушаешь законъ съ цѣлью обогащенія, удовлетворенія ненависти, мщенія, низменныхъ аппетитовъ, похоти, жажды крови, — ты останешься въ живыхъ.

Но —

«если ты нарушаешь законъ, чтобы спасти общество, проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ, что служишь милліо-

намъ людей, не заботясь объ опасности, какой себя подвергаешь, то за это ты умрешь.

Неужели же думаютъ, что возможно внушить уваженіе къ власти въ странѣ, гдѣ понятія о добрѣ и злѣ, о томъ, что низко и что возвышенно, до такой степени перевернуты?..

Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ.

Отвѣтъ Брандеса.

Я врагъ всякаго доктринерства вообще; тѣмъ болѣе въ настоящій моментъ мнѣ кажется было бы непростительнымъ доктринерствомъ видѣть въ протестѣ противъ смертной казни средство борьбы съ современной русской дѣйствительностью.

Не стоитъ, право, прибѣгать къ этимъ окольнымъ путямъ. Если бы смертная казнь, какъ таковая, и имѣла право на существованіе, то въ томъ видѣ, въ какомъ она примѣняется въ Россіи, она представляется «horor of horors» (сплошнымъ ужасомъ), самымъ гнуснымъ и отвратительнымъ варварствомъ. Пока во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ весь цвѣтъ молодежи воспитывается для войны, чтобы десятками тысячъ быть въ одинъ моментъ разорванными гранатами, быть пронзенными пулями, быть истерзанными, изувѣченными, быть искромсанными въ полевыхъ госпиталяхъ на операціонныхъ столахъ или покинутыми на произволъ судьбы на полѣ битвы, — до тѣхъ поръ будетъ простымъ доктринерствомъ ратовать противъ смертной казни. Допустимъ даже, что въ это время будутъ подвергнуты смертной казни съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, по всѣмъ правиламъ современной техники въ крупныхъ государствахъ десятки преступниковъ, въ мелкихъ — единичные, — преступники, подобные тѣмъ, которые растлили 6-лѣтнихъ дѣвочекъ и разрѣзали ихъ потомъ на мелкіе кусочки или перерѣзали матери горло рабочими ножницами. Стоитъ ли въ такую минуту, когда

намъ приходится разрѣшать болѣе серьезные вопросы, останавливаться на томъ, будетъ ли подобный субъектъ осужденъ на двадцатилѣтнюю каторгу или же сразу вычеркнутъ изъ списка живыхъ?

Въ Скандинавскихъ государствахъ обезглавливаютъ только такихъ преступниковъ и то рѣдко. За послѣднія десять лѣтъ былъ приведенъ въ исполненіе одинъ смертный приговоръ.

Самое ужасное въ Россіи не то, что подобные приговоры существуютъ, а то, что смерть превратилась въ орудіе *политической* борьбы, что достойныя уваженія люди приговариваются къ смерти военными судами, т.-е. беззаконно, безъ судей, безъ защитниковъ, безъ присяжныхъ, безъ разслѣдованія или, что еще хуже, къ пыткамъ, или отдаются на грубый произволъ офицеровъ и солдатъ.

Россія покрылась позоромъ. Среди какого другого народа нашлось бы столько палачей? Народъ состоитъ изъ жертвъ и палачей, и, несмотря на всѣ попытки къ возстанію, палачи удерживаютъ власть въ своихъ рукахъ, что возможно только при полной деморализаціи населенія.

Георгъ Брандесъ.

Письмо Эмиля Бутру.

Парижъ 25 марта 1906 г.

Я, какъ и многіе другіе, читалъ не мало авторовъ, высказывавшихся за и противъ смертной казни. Я принималъ участіе въ серьезныхъ дебатахъ по этому сложному вопросу, который такъ страстно волнуетъ меня и моихъ товарищей по профессіи, и я долженъ сознаться, что несомнѣнной очевидности для меня нѣтъ ни на одной, ни на другой сторонѣ; нерѣдко логика доводовъ одной и другой стороны меня смущала. Одни утверждаютъ, что жизнь исходитъ отъ Бога, отсюда они выводятъ заключеніе, что человѣкъ не имѣетъ права лишать себя жизни, но это можно

дѣлать по отношенію къ другимъ. Другіе придерживаются того взгляда, что какъ жизнь, такъ и совѣсть не что иное, какъ временное, преходящее сочетаніе молекулъ, не имѣющихъ цѣнности сами по себѣ: и отсюда они выводили заключеніе, что жизнь человѣка неприкосновенна. Сбитый съ толку подобными разсужденіями, я предпочелъ обратиться къ голосу чувства, которое говоритъ мнѣ, что человѣколюбіе, что милосердіе прекрасно и достойно человѣка.

Но въ то же время мнѣ приходятъ въ голову и другія мысли.

Смертная казнь — гнусное наказаніе, но съ другой стороны отмѣна смертной казни встрѣчаетъ много вѣскихъ возраженій. Тюрьма только портитъ преступниковъ, но оставлять ихъ на свободѣ невозможно. Я гдѣ-то читалъ, что въ Даніи снова введены розги въ уложеніе о наказаніяхъ. Къ какому бы заключенію ни прійти, всегда будешь противорѣчить самому себѣ, всегда будешь осмѣивать самого себя. Репрессіи всегда кончаются плохо, но, безъ сомнѣнія, ихъ приходится терпѣть, пока не нашли ничего лучшаго; но это не значитъ, что человѣческой мысли не слѣдуетъ искать выхода изъ этого положенія. Если по поводу какого-либо вопроса, говоритъ Кантъ, можно съ одинаковымъ правомъ высказываться за и противъ, это значитъ, что вопросъ поставленъ неправильно.

Несомнѣнно, насиліе — самый скверный исходъ. Не слѣдуетъ огорчаться, что не удается найти такой системы репрессій, которая имѣла бы несомнѣнныя преимущества по сравненію съ существующей. Если бы удалось придумать такую удовлетворительную систему, то мы свыклись бы съ мыслью, что таковъ естественный порядокъ вещей, что должны существовать (бунтовщики) нарушители порядка и усмирители, и что подвергать обсужденію вопросъ о репрессіяхъ, значитъ, поколебать самыя устои общества.

Но такъ какъ ни одна система репрессій не раціональна и не даетъ рѣшенія вопроса, умѣстно спросить себя, не поступитъ ли общество лучше, если вмѣсто того, чтобы восхищаться усиліями отдѣльныхъ ученыхъ, стремящихся къ невозможному, оно будетъ стараться измѣнить тотъ порядокъ вещей, который приводитъ его къ репрессіямъ. Чтобы люди научились не вредить другъ другу, они должны научиться быть терпимыми. А для того, чтобы быть терпимыми, они должны научиться примѣнять въ жизни тѣ добродѣтели, безъ которыхъ, по словамъ древняго мудреца, не можетъ существовать никакое общество: а именно, справедливость и умѣренность. Люди должны перевоспитать себя, они должны стать лучше. Вотъ истинный исходъ. Сила сильна до тѣхъ поръ, пока она справедлива. Люди уважаютъ правосудіе только тогда, когда они въ него вѣрятъ. Двигаться по пути къ прогрессу заставляетъ человѣка не изобрѣтеніе болѣе суровыхъ или болѣе мягкихъ каръ, а нѣчто другое, болѣе дѣйствительное, а именно, умѣнье господствовать надъ самимъ собой, чувство справедливости и долга. Вопросъ политическій остается такимъ же, какимъ онъ былъ въ глазахъ Платона: вопросомъ морали и воспитанія.

Эмиль Бутру.

Письмо Луи Гавэ.

Многоуважаемый товарищъ!

Вотъ уже цѣлый годъ, какъ вся Европа страстно слѣдитъ за событіями, происходящими въ вашей странѣ; всѣ мыслящіе люди привѣтствовали усилія людей мысли, подобныхъ вамъ, и издали лелѣяли вмѣстѣ съ вами мечту о нарожденіи новой свободной Россіи, которая будетъ, наконецъ, въ состояніи водворить внутренній миръ и которая въ союзѣ съ болѣе старыми по свободѣ націями будетъ работать на благо всего человѣческаго рода. Эту прекрасную мечту нарушили сперва безчисленныя убійства, ружейные и пушечные выстрѣлы, звѣрское изувѣченіе случай-

ныхъ прохожихъ, а затѣмъ — открытый терроръ, ежедневныя казни за мрачными стѣнами тюремъ, таинственныя исчезновенія людей, о которыхъ не говоритъ уже ни русская ни иностранная печать. Въ государствѣ, гдѣ законъ щадитъ даже презрѣнную кровь отъявленныхъ убійцъ, тамъ льются непрерывные потоки самой горячей, самой чистой крови!

Можетъ ли, однако, разсчитывать на продолжительное существованіе строй, полный затаеннаго ужаса, можетъ ли такой порядокъ самъ собой смягчиться, чтобы закончиться періодомъ сравнительнаго удовлетворенія и покорности, — періодомъ, который послѣ столькихъ страданій будетъ казаться сноснымъ и который оптимисты будутъ сравнивать съ всевозстановляющимъ сномъ? Нѣтъ, здравый смыслъ предсказываетъ другое: онъ предвидитъ новый взрывъ кровавой революціи и лихорадочной жестокости; послѣдствія революціи будутъ ужасны даже въ томъ случаѣ, если ей удастся водворить нормальный строй въ Россіи, но еще болѣе они будутъ ужасны, если революція откроетъ собой лишь эпоху нескончаемыхъ, не знающихъ милосердія и въ то же время тщетныхъ репрессій. Чѣмъ затаеннѣе молчаніе сегодняшняго дня, тѣмъ зловѣщѣе угрозы завтрашнему дню. Какими средствами предотвратить ихъ, хотя бы отчасти? Во всякомъ случаѣ, не иностранцамъ ихъ выдумать. Но, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ такому мыслителю и патріоту, какъ вы, они не могутъ не выразить той горячей симпатіи, съ которой они слѣдятъ за вашими чаяніями, не могутъ не выразить убѣжденія, что правда на вашей сторонѣ, что вашими устами говоритъ прозорливость и мудрость.

Ратуя противъ смертной казни, какъ политическаго средства, вы ополчаетесь противъ самаго гибельнаго института, развивающаго у власть имущихъ чувство жестокости, а въ слабыхъ— чувство озлобленія. Вы стремитесь облагородить русскую политику въ самомъ ея первоисточникѣ, потому что, въ случаѣ осуществленія вашихъ надеждъ, правительство впервые сумѣетъ по-

казаться передъ народомъ и передъ Европой съ руками, не обагренными кровью. Это былъ бы полный переворотъ, нѣчто новое, скажу болѣе, нѣчто необычайное по своимъ послѣдствіямъ. И въ то же время вы и ваши друзья дѣйствовали бы въ духѣ національной традиціи, потому что въ Россіи смертная казнь уже давно вычеркнута изъ уложенія о наказаніяхъ, потому что этимъ она преподала уже урокъ народамъ Запада, потому, наконецъ; что вернувшись къ своему прежнему почетному праву, она извлекла бы изъ своего собственнаго прошлаго исцѣленіе отъ настоящаго и гарантію для будущаго.

Съ дѣтства у меня сохранилось, уважаемый товарищъ, воспоминаніе о томъ радостномъ отзвукѣ, который раскатился по всему европейскому материку, при извѣстіи объ отмѣнѣ крѣпостного права. И тотъ моментъ, когда вы и ваши единомышленники добьетесь отмѣны смертной казни, будетъ не менѣе счастливымъ, не менѣе знаменательнымъ.

Л. Гавэ.
Членъ института.

Письмо Альфреда Круазэ.

Парижъ, 2 апрѣля 1906 г.

Смертная казнь сама по себѣ вещь ужасная. Большая часть цивилизованныхъ народовъ отмѣнила уже этотъ родъ наказанія даже по отношенію къ убійцамъ; въ большинствѣ прочихъ странъ смертная казнь примѣняется все рѣже и рѣже, и самое исполненіе ея стараются скрыть отъ взоровъ толпы, какъ нѣчто позорное. Съ точки зрѣнія политической, она безсмысленна и внушаетъ отвращеніе: честные люди не вѣрятъ ни въ виновность жертвы, ни въ безпристрастіе судей. Общественное мнѣніе осу-

ждаетъ однихъ и возвеличиваетъ другихъ, окружая послѣднихъ ореоломъ мученичества.

Что же это за наказанніе, которое безчеститъ судей и прославляетъ осужденныхъ? Это въ одно и то же время и преступленіе и безсмыслица.

Альфредъ Круазе.

Письмо Лависса.

Изучая прошлое, наши современники удивляются, открывая учрежденія и нравы, которые они называютъ варварскими и которые, тѣмъ не менѣе, казались нашимъ предкамъ вполнѣ разумными и естественными. Когда наше настоящее станетъ прошлымъ, наши потомки найдутъ его менѣе дикимъ, чѣмъ времена нашихъ отцовъ, но все же оно будетъ имъ казаться жестокимъ и отвратительнымъ.

Удивительную картину нарисуютъ наши будущіе историки-философы, если, просвѣтвленные знаніемъ прошлаго, они возстановятъ перечень нашихъ ошибокъ, которыя будущее несомнѣнно осудитъ. Они освѣтятъ и ускорятъ движеніе человѣчества къ прогрессу. Безконечно длиненъ будетъ этотъ перечень. Тамъ найдутъ себѣ мѣсто и смертная казнь за нарушеніе частнаго права, т.-е. попросту самый несложный, звѣрскій первобытный законъ возмездія: «око за око, зубъ за зубъ». Въ примѣненіи къ дѣяніямъ, такъ называемымъ противообщественнымъ, это будетъ месть, пресѣченіе, сознаніе своего безсилія защищать себя помощью разума и непреложнаго права; это будетъ злоупотребленіе силой и низость.

Проф. Лависсъ.

Письмо П. и В. Маргеритъ.

26 марта 1906 г.

Смертная казнь должна исчезнуть изъ цивилизованнаго міра. Вотъ ужъ цѣлое столѣтіе, какъ раздается мощный голосъ Виктора Гюго противъ этой гнусности — убивать убійцъ именемъ право-

судія. Общество перестанетъ быть палачомъ и платить зломъ за зло. Оно ссылается на примѣръ, и само даетъ примѣръ, внушающій отвращеніе. Все это скоро канетъ въ вѣчность, гдѣ также исчезнетъ рабство, варварство и гуманность, основанная на крови и грязи. Ночь смѣнится разсвѣтомъ, а разсвѣтъ смѣнитъ надъ обновленнымъ краемъ золотая заря. Будемъ надѣяться!

Поль и Викторъ Маргеритъ.

Письмо Октава Мирбо.

Когда хоть на минуту задумаешься надъ тѣмъ, что самоуправляющіяся и даже демократическія общества все еще оставляютъ за собою во главѣ своихъ правъ право убивать кого имъ вздумается или кто имъ не нравится, то поистинѣ приходишь въ ужасъ и спрашиваешь себя со страхомъ и отчаяніемъ, въ какое варварское время мы живемъ и къ чему были всѣ революціи, которыми мы такъ гордимся?

Какъ можетъ общество надѣяться уничтожить когда-либо убійство? Какъ оно даже смѣетъ наказывать за него, если оно само даетъ примѣръ убійствъ, — примѣръ дикій и повседневный? Какъ можетъ оно безъ смѣха заставлять насъ чтить эту жизнь человѣческую, которую оно за одно слово уничтожаетъ съ такой удивительной дикостью? Говорятъ, что оно защищается? Неправда. Оно провоцируетъ.

Во Франціи [1]) мы все еще носимся съ безсмысленной фразой, написанной во время оно плохимъ писателемъ, который неспособенъ былъ стать даже порядочнымъ садовникомъ, невѣжественнымъ и глупымъ Альфонсомъ Карромъ: «Пустъ гг. убійцы первые подадутъ примѣръ». Эта фраза и по настоящее время остается сильнѣйшимъ аргументомъ,—аргу-

[1]) Во Франціи смертная казнь за политическія преступленія не существуетъ больше съ 1848 г.



ментомъ побѣдоноснымъ противъ тѣхъ, кто требуетъ уничтоженія смертной казни.

Если я нахожу чудовищнымъ право, присваиваемое себѣ обществомъ убивать убійцъ вмѣсто того, чтобы ихъ воспитывать или лѣчить, то что сказать о правѣ, которое оно захватило — убивать тѣхъ, кого оно называетъ своими врагами, т.-е. тѣхъ, которые не раздѣляютъ его взглядовъ на многіе соціальные, моральные, философскіе и политическіе вопросы?.. То-есть тѣхъ, кто, видя человѣческую скорбь, мечтаетъ о пришествіи въ міръ нѣсколько большей справедливости, нѣсколько большаго счастья.

До тѣхъ поръ, пока общество сохранитъ за собою пользованіе правомъ убивать,—несчастный индивидъ, недовольныя коллективныя единицы, мечтатели, поэты, апостолы, порабощенныя и угнетаемыя массы, даже честолюбцы уже по одному этому будутъ имѣть то же право,—право необходимое, безусловное—защищаться убійствомъ... На гильотину, на повѣшеніе они будутъ отвѣчать ножомъ; на массовыя казни—бомбой, пожаромъ, убійствами... И такимъ образомъ увѣковѣчится между людьми духъ варварства. Можно думать, что законы какъ будто только для того и созданы...

Въ противоположность Альфонсу Карру я скажу: «Пусть господа законодатели подадутъ примѣръ».

Увы! Законодатели...

Октавъ Мирбо.

Письмо Фредерика Пасси.

25 марта 1906 г.

Милостивый Государь!

Вы предприняли анкету по вопросу о смертной казни и оказали мнѣ честь, предложивши мнѣ высказать свое мнѣніе по этому поводу. Я охотно и безъ колебанія испол-

няю ваше желаніе, такъ какъ это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, надъ которымъ я много разъ задумывался и относительно котораго я составилъ себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе. По моему мнѣнію, смертная казнь осуждена безповоротно со всякой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія гуманности, съ точки зрѣнія правосудія, съ точки зрѣнія соціальнаго самосохраненія и, наконецъ, съ точки зрѣнія уменьшенія преступности; и уже простой расчетъ долженъ былъ давно продиктовать какъ правительствамъ, заботящимся о своемъ самосохраненіи, такъ и философамъ, уважающимъ человѣческое достоинство, необходимость отказаться отъ этого рода наказанія.

Я не буду останавливаться на вопросѣ о томъ, имѣетъ ли человѣкъ право вообще, принципіально, изъ чувства самозащиты убивать себѣ подобныхъ (своихъ противниковъ); я не буду разбирать теоріи о непротивленіи злу,— теоріи, проповѣдуемой, на мой взглядъ, черезчуръ прямолинейно, вашимъ великимъ соотечественникомъ Толстымъ. Я разсматриваю вопросъ съ практической точки зрѣнія и утверждаю, что въ настоящій моментъ, при тѣхъ способахъ пресѣченія преступленій, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, смертная казнь ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ она не необходима, и, представляя сомнительныя выгоды и мнимыя гарантіи, она служитъ источникомъ большихъ неудобствъ и великихъ несчастій.

Первое и самое очевидное — это ея безповоротность и въ случаѣ ошибки ея непоправимость.

Человѣческое правосудіе, къ несчастію, не непогрѣшимо, и нерѣдко, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приговоръ былъ вынесенъ на основаніи самыхъ неопровержимыхъ уликъ, приходится, иногда спустя много времени, убѣдиться, что судьи были введены въ заблужденіе. Какъ бы несовершенно подобное запоздалое удовлетвореніе ни было, оно все же,

если только осужденный живъ, возможно, и какъ попранная невинность, такъ и возмущенная общественная совѣсть могутъ быть, хоть отчасти, удовлетворены. Если же жертвы нѣтъ больше въ живыхъ, — ничего ужъ невозможно, и сознаніе этой непоправимости, усиливая народную скорбь и угрызенія совѣсти судей, въ то же время вызываетъ всеобщее негодованіе противъ приговора и противъ учрежденія, вынесшаго его,— негодованіе, иногда не основательное и подрывающее уваженіе, на которое эти учрежденія въ правѣ разсчитывать. А отсюда одинъ шагъ до ненависти къ суду и правительству, отъ имени котораго онъ выноситъ свой приговоръ; и нерѣдко народныя волненія являлись лишь отголоскомъ возмущенной народной совѣсти, возставшей противъ несправедливости.

Смертная казнь имѣетъ и другую отрицательную сторону: съ перваго взгляда она кажется одинаковой для всѣхъ; на дѣлѣ же это не такъ: смертная казнь не страшная для однихъ, очень страшна для другихъ и въ то же время поражаетъ разно, въ зависимости отъ того, имѣетъ ли осужденный семью, жену, дѣтей, для которыхъ потеря непоправима.

Но самый вѣскій доводъ противъ смертной казни — это то, что она совершенно не достигаетъ своей цѣли. Смертная казнь, по словамъ приверженцевъ ея, необходима, потому что — это единственное наказаніе, способное устрашить закоренѣлыхъ преступниковъ,—единственное наказаніе, котораго они, дѣйствительно боятся. Опытъ доказываетъ противное, и всѣ выдающіеся криминалисты это подтверждаютъ. Если что и удерживаетъ преступниковъ, утверждаютъ всѣ въ одинъ голосъ, начиная съ Беккарія и кончая Росси, такъ это не суровость кары, а ея неизбѣжность. Мало того, и это тоже фактъ, подтверждаемый всѣми криминалистами: чѣмъ суровѣе наказанія, чѣмъ преслѣдованіе

преступленій болѣе проникнуто гнѣвомъ и ненавистью, вмѣсто того, чтобы сохранить необходимое для подобной тяжелой обязанности спокойствіе и хладнокровіе, — тѣмъ нравы становятся ожесточеннѣе и грубѣе, какъ бы изъ стремленія къ согласованію. Эшафотъ, висѣлица, разстрѣлъ, говорятъ,—мѣра, правда, слишкомъ суровая; но зато вѣрно поражающая: одни только мертвецы не возвращаются. Заблужденіе, грубое заблужденіе!.. Мертвецы возвращаются, и тѣмъ въ большемъ количествѣ и тѣмъ болѣе грозные, чѣмъ шире и чѣмъ безсердечнѣе примѣнялась смертная казнь. Многіе злодѣи (фактъ этотъ доказанъ) присутствовали при приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, и вмѣсто того, чтобы внушить имъ спасительный страхъ, этотъ актъ научилъ ихъ относиться съ циничнымъ презрѣніемъ къ жизни, и съ какимъ-то дикимъ самохвальствомъ они свыкаются съ мыслью, что когда-либо они сами явятся дѣйствующими лицами подобной же кровавой церемоніи. Кровь рождаетъ кровь, жестокость вызываетъ жестокость. Эта истина доказана съ несомнѣнностью для убійцъ, для поджигателей и отравителей. Тѣмъ болѣе справедливо это правило по отношенію къ такъ называемымъ политическимъ преступникамъ, поступки которыхъ квалифицируются какъ политическія преступленія, будутъ ли они жестокими, или нѣтъ, будутъ ли они носить характеръ правонарушеній, или нѣтъ. *Sanguis martyrum—semen Christianorum* Кровь мучениковъ создала христіанъ, говорили во времена Діоклетіана и Нерона. Природа человѣка съ тѣхъ поръ не измѣнилась: желаютъ потопить въ потокахъ крови идею, проповѣдь, вѣру, будь она хороша или дурна — значитъ, сдѣлать ея приверженцевъ апостолами, а, если они погибнутъ, — мучениками. Это значитъ, придать имъ въ глазахъ толпы, а иногда и избраннаго общества, ореолъ мученичества; это значитъ, быть принужденнымъ выслушать отъ

общества, бывшаго, можетъ-быть, до того времени индиферентнымъ, изреченіе древняго философа: «Ты сердишься, значитъ, ты не правъ».

Со всѣхъ точекъ зрѣнія смертная казнь — мѣра дикая, не достигающая цѣли, и опасная. Ея недостатки извѣстны, преимущества ея отмѣны тоже извѣстны, такъ какъ ужъ существуетъ много государствъ, гдѣ осуществленъ опытъ отмѣны этой казни. И трудно понять, какимъ образомъ народы, считающіе себя цивилизованными, стремятся сохранить этотъ проклятый пережитокъ древняго варварства. Сила, какъ гласитъ загадка Самсона, по поводу меда, въ его сладости. Жестокость, рано или поздно, родитъ жестокость. Мечомъ убивающій отъ меча и погибнетъ!

Фредерикъ Пасси.

Отвѣтъ профессора Ш. Сеньобоса.

Трудно французу понять вашъ вопросъ, а еще труднѣе отвѣтить на него.

Во Франціи пока еще примиряются съ тѣмъ, что власти рубятъ головы людямъ, осужденнымъ за преступленіе противъ человѣчества: поэтому отъ времени до времени допускается казнь разбойника, убившаго съ цѣлью грабежа. Однако этого стыдятся, такъ какъ казнятъ въ темнотѣ, на разсвѣтѣ, скрывая гильотину отъ взоровъ присутствующихъ... Но и здѣсь сочли бы глупостью, если бы правительство употребляло гильотину, чтобы избавиться отъ противника. Смертная казнь по политическимъ дѣламъ по единодушному соглашенію уничтожена въ 1848 году, и никто никогда съ тѣхъ поръ не заикался о ея возстановленіи.

Въ Россіи смертная казнь была уничтожена еще въ XVIII вѣкѣ по отношенію къ убійцамъ и разбойникамъ, и ее при-



мѣняютъ только къ противникамъ бюрократіи! Это не наказаніе, а средство управленія!

Что же можетъ думать французъ о режимѣ, совершенно идущемъ въ разрѣзъ съ понятіями о правосудіи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ?!..

Примите и проч.

24 марта 1906 г. *Ш. Сеньобосъ.*

Отвѣтъ Анатоля Франса, члена французской академіи.

Какъ! Послѣ Манджуріи надо еще совѣтовать вашимъ палачамъ-бюрократамъ щадить кровь Россіи?

Неужели же спустя сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ Беккаріи и Ж.-Ж. Руссо приходится еще провозглашать передъ европейцами гнусность смертной казни? Пусть судьи ваши одумаются: они не судятъ, а убиваютъ. Они обвиняютъ свои жертвы за покушенія на «общественное благо». Но, вѣдь, въ Россіи еще не установлено общественное благо.

Напрасно они станутъ утирать окровавленныя руки о тексты законовъ, болѣе смертоносные, чѣмъ японскіе снаряды. Эти законы гнета и насилія заранѣе оправдываютъ всякое возмущеніе. Они даютъ русскому народу право законной самозащиты противъ дикаго безумія агонизирующаго стараго порядка.

Анатоль Франсъ.

членъ французской академіи.

Письмо д' Эстурнель де-Констана.

Сенатъ. Парижъ, 27 марта 1906 г.

Милостивый Государь!

Наравнѣ со всѣми здравомыслящими людьми всѣхъ странъ я непримиримый врагъ смертной казни вообще, а въ особенности за политическія преступленія. Я не ста-

новлюсь на точку зрѣнія морали, а тѣмъ болѣе — чувства: вѣдь, встрѣчаются люди, противопоставляющіе разуму и чувству интересы общества. Я разсматриваю вопросъ съ точки зрѣнія политики. Я полагаю, что въ интересахъ русскаго же правительства разумнѣе было бы сохранить чувство мѣры и проявить больше мягкости. Суровыя кары вызываютъ лишь жажду мести и порождаютъ ненависть. Казня одного революціонера, правительство разсчитываетъ устрашить остальныхъ, но оно достигаетъ прямо противоположныхъ результатовъ, зажигая въ ихъ сердцахъ жажду мести. Кровь одной жертвы болѣе опасна, чѣмъ всѣ подготовленія къ возстанію. Наиболѣе дѣйствительной противоправительственной пропагандой является пропаганда мертвыхъ.

Примите увѣреніе въ моей преданности.

д'Эстурнель де-Констанъ.

Письмо Лорана.

Я считалъ смертную казнь уже давно отмѣненной въ вашей странѣ для уголовныхъ преступниковъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ о чувствахъ ужаса и отвращенія, которыя мнѣ внушаютъ, какъ и всякому цивилизованному человѣку, столь многочисленныя казни, отмѣчающія начало конституціоннаго (!) режима и совершающіяся въ большинствѣ случаевъ даже безъ всякаго подобія правильнаго суда. Что касается московскихъ убійствъ и всѣхъ другихъ, послѣдовавшихъ за попытками возстаній, которыя стихійно родились изъ правительственной анархіи, то намъ въ наше время трудно себѣ представить ихъ возможность, кромѣ какъ только въ Турціи. Но письма, которыя мы получаемъ отъ нашихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Россіи, не оставляютъ, къ сожалѣнію, никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Де-

спотическая Россія никогда не имѣла права на названіе цивилизованнаго государства, несмотря на противоестественный союзъ, которымъ ее почтила Французская республика. Но отдавая все, что она имѣетъ лучшаго и наиболѣе цивилизованнаго на растерзаніе солдатчинѣ, полиціи, бюрократіи и всѣмъ лакеямъ палачей, изъ которыхъ состоитъ ея чиновничья іерархія, деспотизмъ падаетъ ниже даже варварскихъ народовъ. Что меня удивляетъ, такъ это то, что въ Европѣ еще считаютъ возможнымъ принимать въ обществѣ уважающихъ себя людей, всѣхъ этихъ .... чиновниковъ, начиная съ министровъ, которые покрыты гораздо бо́льшимъ количествомъ крови, чѣмъ всѣ палачи тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ еще смертная казнь, но гдѣ она приводится въ исполненіе согласно закону и обставлена всѣми юридическими гарантіями. Когда въ 1849 году гнусный Гейнау, подвергшій сѣченію венгерокъ, осмѣлился показаться въ Брюсселѣ, на концертѣ, въ публикѣ произошло такое движеніе ужаса, что негодяй долженъ былъ оставить Бельгію и бѣжать въ Лондонъ. Сознаюсь, что не могу понять, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ появленіе вашихъ .... чиновниковъ не вызываетъ такого же эффекта.

Вотъ что я думаю и что—будьте увѣрены—думаютъ у насъ люди, наиболѣе умѣренные и наиболѣе консервативные о смертной казни, какъ ее примѣняетъ ваше правительство или, вѣрнѣе, о безуміи, обуявшемъ кровожадныхъ звѣрей, когда для нихъ стала очевидной невозможность дальнѣйшаго существованія деспотизма—этой самой невозможной изъ политическихъ утопій. Примите съ пожеланіемъ вашей родинѣ покончить поскорѣе съ этими ужасами и стать, наконецъ, рядомъ съ цивилизованными націями, выраженіе моей преданности.

Лоранъ.

О смертной казни.

Вотъ уже 50 лѣтъ въ Бельгіи никого не казнятъ. Смертная казнь еще вписана въ наши законы, но нѣтъ людей, которые могли бы приводить въ исполненіе смертные приговоры. Послѣдніе палачи давно уже умерли, и потому каждый разъ, когда судъ произноситъ по буквѣ закона смертный приговоръ, министръ спѣшитъ его замѣнить каторжными работами.

Этимъ я хочу сказать, что въ Бельгіи трудно найти хоть одного человѣка, который не дрожалъ бы отъ ужаса, узнавъ, что въ томъ или другомъ городѣ общество людей совершаетъ коллективное убійство, приговаривая своихъ членовъ къ смерти.

Я никогда не присутствовалъ при казни и желаю отъ всей души никогда не присутствовать. О казни я сужу по описанію вашего Толстого. Послѣдній, описавъ казнь одного преступника, говоритъ, что испытанныя имъ при этомъ чувства отвращенія и возмущенія сдѣлали то, что вопросъ о смертной казни пересталъ быть для него вопросомъ.

То же чувство испытываю я, воспроизводя въ своемъ воображеніи тотъ, созданный коллективнымъ могуществомъ механизмъ, который служитъ для казни виновнаго, еще хуже—для казни побѣжденнаго и безоружнаго противника; послѣдній въ этомъ случаѣ обращается уже въ настоящаго мученика...

Долженъ ли я сказать, о комъ думаю, когда пишу эти строки?

Во всякомъ же случаѣ, какъ бы слабы ни были мои слова, пусть они помогутъ вашему великодушному усилію.

Эмиль Вандервельде.

Брюссель.

Письмо Кейръ Гарди.

Апрѣля 7-го 1906 г.

Я сожалѣю, что не могъ раньше отвѣтить на ваше письмо, и теперь затрудняюсь сдѣлать это иначе, какъ лишь въ очень краткой формѣ.

Я смотрю на отнятіе жизни во имя закона или на смертную казнь, какъ принято называть такое отнятіе жизни, какъ на ужасный остатокъ варварства. Въ пользу смертной казни нельзя сказать, что она какимъ-либо образомъ способствуетъ исправленію преступника. Поэтому она должна быть разсматриваема, какъ актъ мести со стороны общества индивидууму, который, быть-можетъ, въ минуту страсти лишилъ жизни своего ближняго. Смертная казнь вовсе не дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на другихъ. По-моему, совершеніе этого наказанія, съ соблюденіемъ всѣхъ предписываемыхъ закономъ и религіей церемоній, болѣе безчеловѣчно, чѣмъ самое хладнокровное убійство изъ всѣхъ, когда-либо совершенныхъ. Изъ этихъ очень краткихъ замѣчаній вы заключите, что я высказываюсь за немедленную отмѣну смертной казни, гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Кейръ Гарди.

Отвѣтъ Генри Вильсона.

Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ относительно смертной казни я долженъ сказать, что я недостаточно компетентенъ въ этомъ предметѣ; тѣмъ не менѣе мое личное мнѣніе—рѣшительно противъ нея. Было время, когда въ Англіи вѣшали за кражу 5 шиллинговъ. Когда стали распространяться болѣе гуманныя идеи, многіе предсказывали, что отмѣна смертной казни повлечетъ за собою значительное увеличеніе преступности. Этого не случилось; напротивъ, она уменьшилась.

Я не думаю, что смертная казнь имѣетъ такое устрашающее значенiе, какое нѣкоторые придаютъ ей.

По-моему, заслуживаетъ вниманiя вопросъ, не было ли бы болѣе правильнымъ видѣть въ убiйцѣ больного. Мнѣ кажется, что страхъ быть заключеннымъ, можетъ-быть, на всю жизнь въ домъ для умалишенныхъ преступниковъ многихъ могъ бы удержать отъ совершенiя преступленiя, и скорѣе, чѣмъ страхъ быть повѣшеннымъ.

Генри Вильсонъ.

29 марта 1906 г.

Отвѣтъ Эдуарда Карпентера.

«Отмѣна смертной казни должна стоять въ наши дни на очереди у всякаго уважающаго себя народа, потому что (не говоря уже о другихъ соображенiяхъ) общество теперь переросло вѣру въ воздаянiе, а правило «око за око, зубъ за зубъ», какъ бы оно не удовлетворяло человѣчество эпохи варварства, *не* выражаетъ нашего теперешняго отношенiя къ вопросу о смертной казни, потому что намъ ясно, что двѣ неправды не создаютъ правды, и что не умѣть найти другого средства для выраженiя своего осужденiя убiйства, кромѣ совершенiя другого убiйства, это значитъ обнаружить свое безсилiе и наивность; потому что мы начинаемъ понимать сложность человѣческихъ побужденiй и значенiе незамѣтнаго влiянiя среды и ярко представляемъ себѣ всю чудовищность смертнаго приговора въ тѣхъ очень частыхъ случаяхъ, когда выполненiе его технически мало чѣмъ отличается отъ умышленнаго убiйства; потому что безсмысленно и жестоко возлагать на одного человѣка,—какъ у насъ при теперешней системѣ на министра внутреннихъ дѣлъ,—сверхчеловѣческую задачу отдѣленiя такихъ случаевъ, гдѣ смертная казнь должна быть примѣнена, отъ тѣхъ, гдѣ она не должна имѣть мѣста; потому что достоинство и величiе нацiи,—если только можно

говорить о достоинствѣ и величіи въ примѣненіи къ ней,— инстинктивно отвращаютъ отъ идеи пользованія ея огромной властью для уничтоженія индивидуума, который согрѣшилъ противъ нея, какъ бы ни былъ великъ грѣхъ и какъ бы ни было развращено лицо, совершившее его; потому что при очевидномъ фактѣ большей или меньшей отвѣтственности общества за жизнь, развитіе и поведеніе каждаго изъ сыновъ его, единственно возможною цѣлью наказанія представляется исправленіе, соединенное съ такою благородной суровостью, въ которой опредѣленно выражалось бы осужденіе обществомъ преступленія».

Эдуардъ Корпентеръ.

Отвѣтъ Рамзея Макдональда.

Рабочая партія въ англійской палатѣ общинъ единодушно высказывается противъ смертной казни. Она представляетъ собою остатокъ варварскихъ временъ, когда за смерть воздавали смертью. Многіе придерживаются взгляда, что только смертная казнь гарантируетъ отъ частыхъ убійствъ. Но лица, которыя такъ думаютъ, не видятъ всей чудовищной преступности смертной казни. Убійство совершается или въ припадкѣ душевной болѣзни, или въ страстномъ порывѣ, или подъ вліяніемъ ненависти, дѣйствующей съ такой силой, что человѣкъ не въ состояніи предвидѣть послѣдствій. Человѣкъ, убивающій своего ближняго, дѣйствуетъ нерасчетливо. Съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что смертная казнь разжигаетъ преступныя страсти людей и дѣлаетъ болѣе грубыми общественные нравы. А такъ какъ рабочее движеніе можетъ имѣть успѣхъ только въ просвѣщенномъ государствѣ, то (по мнѣнію рабочей партіи) должно быть безотлагательно упразднено все, что дѣлаетъ сердца болѣе черствыми и питаетъ грубые инстинкты.

Не имѣя устрашающаго значенія, смертная казнь въ то же время дѣйствуетъ какъ искра. Болѣе того, ничто такъ не возмущаетъ, какъ зрѣлище эшафота. Это — позорное сознаніе общества, что оно безсильно предохранить индивидуума отъ нравственной гибели. Это—обнаруженіе банкротства общественной морали.

Отъ того, что это преступленіе (т.-е. смертная казнь) совершается во имя закона, общество не очищается; семья же казненнаго подвергается обезчещенію, отъ нея отворачиваются, на нее налагается неизгладимое пятно позора, надъ нею произносится приговоръ, подобный тому, который нѣкогда былъ произнесенъ надъ Измаиломъ.

Мы, члены рабочей партіи, не можемъ понять, какимъ образомъ христіанская цивилизація поддерживаетъ такое ужасное «законное» преступленіе, какимъ является смертная казнь.

Рамзей Макдональдъ.

Членъ парламента.

(Главный секретарь рабочей партіи).

Письмо Айльмена Моода.

Я всѣмъ сердцемъ симпатизирую протесту противъ смертной казни. Странно, въ самомъ дѣлѣ, что правительства такъ медлятъ и такъ боятся дать хорошій примѣръ своимъ подданнымъ, высказавъ уваженіе къ человѣческой жизни.

Одинъ изъ доводовъ, имѣющихъ для меня рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ, заключается въ указаніи на невозможность избѣжать ошибокъ и на невознаградимость этого наказанія. Въ маленькомъ городѣ Чельмефордѣ, близъ котораго я живу, на памяти современниковъ дважды была примѣнена смертная казнь черезъ повѣшеніе, на основаніи при-

говора суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые судили совершенно безпристрастно и искренне хотѣли быть справедливыми; въ обоихъ случаяхъ впослѣдствіи было обнаружено, что казненные были совершенно невинны. Въ одномъ случаѣ правда сдѣлалась извѣстной, благодаря предсмертному покаянію настоящаго убійцы, много лѣтъ спустя послѣ совершенія преступленія.

Это соображеніе, что люди могутъ ошибаться, и что смерть невознаградима, не единственный и не самый важный аргументъ противъ смертной казни, но одинъ изъ многихъ аргументовъ, дѣлающихъ сохраненіе этого наказанія постояннымъ позоромъ для всѣхъ странъ (Англіи и Россіи въ томъ числѣ), въ которыхъ она терпится и примѣняется.

Айльменъ Моодъ.

Гельмсфордъ. 2 апр. 1906 г.

Письмо Альфреда Уоллэса.

Я всю жизнь былъ и теперь остаюсь рѣшительнымъ противникомъ смертной казни по слѣдующимъ (а также и по нѣкоторымъ другимъ) соображеніямъ:

1) потому что тотъ же самый принципъ неприкосновенности человѣческой жизни, который наполняетъ насъ ужасомъ передъ убійствомъ, какъ передъ самымъ большимъ преступленіемъ, равнымъ образомъ запрещаетъ намъ отнимать жизнь у убійцы;

2) потому что признакъ заранѣе *обдуманнаго намѣренія*, которое мы всегда разсматриваемъ какъ отягчающее вину обстоятельство, какъ нельзя въ большей степени имѣется налицо, когда отнимается жизнь у преступника;

3) потому что въ большей части случаевъ, если не всегда, въ самомъ обществѣ лежитъ первопричина убійства. Мы никогда не знаемъ всѣхъ особенностей характера, — всего комплекса силъ и вліяній, которыя привели виновнаго къ роковому поступку;



4) потому что, отнимая у преступника жизнь, мы причиняемъ зло и страданіе, неизмѣримыя по своимъ послѣдствіямъ, которыя могутъ сказаться въ далекомъ будущемъ, благодаря вліянію, оказываемому безплотнымъ духомъ на воплощенныя души;

5) потому что наши доказательства виновности, когда дѣло идетъ объ убійствѣ, по общему правилу, менѣе совершенны, чѣмъ въ дѣлахъ о другихъ преступленіяхъ. Далеко нерѣдко случается, что невинный человѣкъ предается смертной казни по ошибкѣ, откуда слѣдуетъ, что судьи, которымъ свойственно ошибаться, никогда не должны бы назначать этого жестокаго и неотмѣнимаго наказанія;

6) потому что аргументъ, что смертная казнь устрашаетъ другихъ, даже если бы онъ былъ вѣрнымъ, не можетъ служить оправданіемъ преступленія юридическаго убійства.

Наконецъ я представляю себѣ, что, если бы общество было раціонально устроено, если бы всѣмъ прививались нравственные навыки взаимнаго сочувствія, и всѣ имѣли бы одинаковую возможность наслаждаться полной и счастливой жизнью, то убійства совершались бы рѣдко, а, можетъ-быть, и никогда не совершались бы. Наше унизительное и нехристіанское отношеніе къ виновникамъ преступленій, совершаемыхъ почти всецѣло благодаря нашему же нерадѣнію, одно изъ самыхъ явныхъ доказательствъ несостоятельности нашей прославленной цивилизаціи.

Альфредъ Уоллэсъ.

Приложенie.

ПОИМЕННЫЙ СПИСОКЪ

приговоренныхъ къ смертной казни русскими судами въ періодъ съ 1826 по 1906 гг.*).

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1. Кн. Трубецкой, полков. . .	По дѣлу «декабристовъ» 1825 года. Къ смертной казни отсѣченіемъ головы.	Смертная казнь замѣнена другими наказаніями.
2. Кн. Оболенскій, поруч. . .		
3. Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй, полковникъ.		
4 и 5. Братья Борисовы, подпоручики.		
6. Горбачевскій, подпоруч. .		
7. Спиридовъ, майоръ.		
8. Кн. Борятинскій, шт.-ротм.		
9. Кюхельбекеръ, кол. ас. . .		
10. Якубовичъ, кап.		
11. Поджіо, подполков		
12. Муравьевъ, Артамонъ, полков		
13. Видковскій, прапор.		
14. Бечасновъ, прапор.		
15. Давыдовъ, полков.		
16. Юшневскій, 4-го класса . .		
17. Бестужевъ, Алекс., шт.-кап.		
18. Андреевичъ, подпор.		
19. Муравьевъ, Никита, капит.		

*) Настоящій списокъ составленъ: 1) по даннымъ, сообщеннымъ В. Богучарскимъ въ его статьѣ «Кровавый синодикъ», (напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Міра Божьяго» за 1905 г.) и въ его сборникѣ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.» 2) по свѣдѣніямъ изъ полнаго собр. закон. 1834 г. и 3) по газетнымъ сообщеніямъ. Въ него вошли имена приговоренныхъ *судами* за преступленія изъ политическихъ мотивовъ. Къ сожалѣнію, списокъ является далеко не полнымъ.

Прив.-доц. *М. Гернетъ.*

Фамилии приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
20. Пущинъ, колеж. ас.	По дѣлу «декабристовъ» 1825 года. Къ смертной казни отсѣченіемъ головы.	Смдртная казнь замѣнена другими наказаніями.
21. Кн. Волконскій, г.-майоръ.		
22. Якушкинъ, капит		
23. Пестовъ, подпор.		
24. Арбузовъ, лейтенантъ . . .		
25. Завалишинъ, лейтенантъ. .		
26. Повалло - Швейковскій, полков		
27. Пановъ, поручикъ.		
28. Сутгофъ, поручикъ		
29. Кн. Щепинъ - Ростовскій, штабсъ-капит.		
30. Дивовъ, мичманъ		
31. Тургеневъ, Н. И., литерат.		
32. Пестель, полков	Къ смертной казни черезъ четвертованіе.	Повѣшены 13 іюля 1826 г.
33. Рылѣевъ, поэтъ, подпор. .		
34. Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй, подполков.		
35. Бестужевъ - Рюминъ, подпоручикъ.		
36. Каховскій, отставн. поруч.		
37. бар. Соловьевъ, шт. кап. .		См. казнь замѣнена друг. наказаніями.
38. Сухиновъ, Ив. Ив., пор. .		
39. Мазалевскій, прап.		
40. Сухиновъ, Ив. Ив.	Заговоръ, поднять возстаніе въ Сибири	Повѣсился.
41. Бочаровъ.		Разстрѣляны въ Сибири.
42. Голиковъ		
43. Бондоревъ.		
44. Птицынъ.		
45. Непомнящій		
46. Высоцкій, Петръ, подпор.	*) За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
47. Мальчевскій, Францъ, »		
48. Нѣмоевскій, Вицентій, обыватель		
49. Пршибыльскій, Өома, рядовой.		
50. Громанъ, Клементій, ун. о.		
51. Бышинскій, Ив., у. о. . . .		
52. Банчакевичъ, Люд. подпр.		
53. Чарковскій, Леонъ, »		
54. Рачинскій, Леонъ, »		

*) Лица, помѣченныя въ этомъ спискѣ №№ 46—307, были заочно осуждены за участіе въ польскомъ возстаніи къ смертной казни. Манифестомъ 4 сент. 1834 г. всѣ они «обращены въ изгнаніе на всегда». Въ случаѣ возвращенія должны были подлежать смертной казни.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
55. Пончевскій, Клемен. подпр.	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были розысканы.
56. Зелинскій, Ив., у.-о.		
57. Козьмянъ, Адамъ, у.-о. . .		
58. Энглертъ, Владиславъ, у.-о.		
59. Китлинскій, Феликсъ, » »		
60. Лѣщинскій, Войцехъ, » »		
61. Мацѣіовскій, Казиміръ, » »		
62. Вержбицкій, Ремигій, » »		
63. Смолинскій, Станисл., » »		
64. Поплавскій, Викентій, » »		
65. Боярскій, Антонъ, у.-о. . .		
66. Троинскій, Ѳаддей, фельдф.		
67. Сташевскій, Вацлавъ, у.-о.		
68. Махнацкій, Камиллъ, у.-о. .		
69. Верпезобре, Эдуиздъ, у.-о.		
70. Ольшевскій, Ив., у.-о. . .		
71. Фальковскій, Ант., » »		
72. Мацѣіовскій, Евстаѳій, у.-о.		
73. Обуховичъ, Францъ, » »		
74. Гарчинскій, Осипъ, у.-о. .		
75. Минишевскій, Карлъ, фельд.		
76. Ныко, Аппол., подпор.. . .		
77. Малянкевичъ, Ѳома, у.-о. .		
78. Плохецкій, у.-о.		
79. Непомуценъ - Млодецкій, Иванъ, у.-о.		
80. Добжелевскій, Мартынъ . .		
81. Фальковскій, Ив., фельд. .		
82. Пѣховскій, Осипъ, у.-о. . .		
83. Бризенмейстеръ, Августинъ, у.-о.		
84. Полянскій, Игнатій, у.-о. .		
85. Свѣркоцкій, Ѳома, фельд.		
86. Клоссъ, Карлъ, фельд. . .		
87. Запасникъ, Ант., у.-о. . . .		
88. Обремскій, Каз. у.-о.		
89. Радлицкій, Апрр., у.-о. . .		
90. Карчевскій Ѳед. у.-о. . . .		
91. Зджарскій, Войцехъ, фельд.		
92. Хельмонскій, Францъ, подпрапорщикъ.		
93. Скочевскій, Юліанъ, подпр.		
94. Вашкевичъ, Осипъ, фельд.		
95. Япушинскій, Ант., у.-о. . .		
96. Раевскій, Мартынъ, у.-о. .		
97. Скальскій, Ант., фельд. . .		
98. Фитинскій, Симонъ, у.-о. .		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
99. Бернацкій, Ксаверій, у.-о.	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 г.	Не были разысканы.
100. Кулаковскій, Зенонъ, ф.		
101. Павловскій, Ив., у.-о. . .		
102. Войцеховскій, Осипъ, у.-о.		
103. Шаблицкій, Сильвестръ, ун.-оф.		
104. Ковальскій, Осипъ, у.-о. .		
105. Карпинскій, Викентій, ф.		
106. Колачинскій, Гаспоръ, у.-о.		
107. Трушковскій, Станисл. у.-о.		
108. Виславскій, Маркелъ, ф.		
109. Скридскій, Людовикъ, ф.		
110. Гулевичъ, Ѳедоръ, фельд.		
111. Зомбковскій, Валент., ф.		
112. Елинскій, Ѳедоръ, у.-о. .		
113. Литостанскій, Максимиліанъ, у.-о.		
114. Дембицкій, Іороминъ, ф.		
115. Лисѣцкій, Францъ, ф. . .		
116. Добржинскій, Леонъ, у.-о.		
117. Манускій, Маркелъ, у.-о.		
118. Павловскій, Феликсъ, подпрапор.		
119. Пихельскій, Ив., подпр. .		
120. Словяновскій, Михаило, подпрапорщикъ.		
121. Боровскій, Ант., фельд. .		
122. Пепловскій, Павелъ, у.-о.		
123. Массальскій, Осипъ, ф. .		
124. Мильцеръ, Францъ, ф. . .		
125. Лясота, Адамъ, у.-о. . . .		
126. Гротовскій, Андрей, у.-о.		
127. Баерскій, Осипъ, у.-о. . .		
128. Зветковскій, Людов., у.-оф.		
129. Мейснеръ, Фердин., у.-о. .		
130. Лисѣцкій, Францъ, у.-о. .		
131. Саскій, Доминикъ, у.-о. .		
132. Морачевскій, Гаврило, у.-о.		
133. Консиновскій, Матвѣй, у.-о.		
134. Кѣтлинскій, Леопольдъ, ун.-оф.		
135. Лубенскій, Феликсъ, у.-о.		
136. Новосѣльскій, Андрей, » »		
137. Ковецкій, Констант., » »		
138. Пательскій, Осипъ, ф. . .		
139. Мазурчевичъ, Станиславъ, ун.-оф.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
140. Бачевскій, Антонъ, у.-о.	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 г.	Не были розысканы.
141. Шимановскій, Феликсъ, ун.-фо.		
142. Липинскій, Леонъ, у.-о.		
143. Рыдецкій, Станисл., у.-о.		
144. Козловскій, Венед., у.-о.		
145. Янушевскій, Ив., у.-о.		
146. Вержбицкій, Антонъ, у.-о.		
147. Мыстыковскій, Мих. ф.		
148. Чайковскій, Станисл. ф.		
149. Бржезинскій, Ив., ф.		
150. Шамота, Францъ, у.-о.		
151. Мшанецкій, Степанъ, у.-о.		
152. Любовицкій, Осипъ, » »		
153. Глашинскій, Францъ, » »		
154. Пенчиковскій, Ив., у.-о.		
155. Яворскій, Кастанъ, у.-о.		
156. Остророгъ, Мих., у.-о.		
157. Модзелевскій, Викентій, подпрапорщикъ.		
158. Берльеръ, Едуардъ, у.-о.		
159. Пьяновскій, Андрей, » »		
160. Скомпскій, Францъ, » »		
161. Паѣнцкій, Іеронимъ, » »		
162. Коперскій, Лукьянъ, ф.		
163. Козловскій, Осипъ, ф.		
164. Хрусцинскій, Вильг., у.-оф.		
165. Гускій, Ксаверій, у.-о.		
166. Барженцкій, Эразмъ, у.-о.		
167. Парисъ, Антипъ, у.-о.		
168. Радзѣіовскій, Викторъ. у.-о.		
169. Ражицкій, Людовикъ, у.-о.		
170. Гаучъ, Викентій, у.-о.		
171. Добровольскій, Іосифъ, подпоруч.		
172. Зѣлинскій, Осипъ, рядов.		
173. Трашсковскій, Конст., ф.		
174. Кобылинскій, Карлъ, у.-о.		
175. Тыльскій, Викторъ, у.-о.		
176. Попинскій, Станисл., отст. подпоруч.		
177. Циховскій, Северинъ, отст. подпрапорщикъ.		
178. Пашкѣвичъ, Карлъ, отст. ун.-оф.		
179. Набѣлякъ, Людовикъ, редакторъ газетъ.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
180. Гощинскій, Северинъ, редакторъ газетъ	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были розысканы.
181. Рупневскій, Рохъ, студентъ Варш. университ. .		
182. Орнишевскій, Людов., студентъ.		
183. Насіоровскій, Валент., студентъ.		
184. Тризцинскій, Эд., студ. .		
185. Янковскій, Люд., студ. . .		
186. Свентославскій, Алексад., студентъ.		
187. Красновскій, Валент., студентъ.		
188. Реттель, Леонардъ, бывш. ученикъ Варш. лицея. . .		
189. Заливскій, Осипъ, подпор.		
190. Чарнецкій, Ант.. подпор.		
191. Грабовскій, Яковъ, фельд.		
192. Росляковскій, Ант., капитанъ.		
193. Слубицкій, Викентій, пор.		
194. Свенцицкій, Осипъ, пор.		
195. Сицинскій, Маркелъ, подпоруч.		
196. Косицкій, Алексѣй, подпоручикъ.		
197. Пршерадскій, Адамъ, подпоручикъ.		
198. Пршерадскій, Титъ, подпоручикъ.		
199. Кршиштонорскій, Осипъ, подпоручикъ.		
200. Заіончковскій, Юліанъ, подпоручикъ.		
201. Лоссовскій, Матвѣй, подпоручикъ.		
202. Гавронскій, Андрей, капитанъ		
203. Госфортъ, Рудольфъ, подпоручикъ.		
204. Карспицкій, Карлъ, подпоручикъ.		
205. Долингеръ, Станиславъ, подпоручикъ.		
206. Шиндлеръ, Антонъ, у.-о.		
207. Урбанскій, Петръ, поруч.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
208. Человскій, Леонъ, подпор.	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были розысканы.
209. Лоскій, Александръ, подпоручикъ.		
210. Балинскій, Людовикъ, подпрапорщикъ.		
211. Михайловскій, Людовикъ, подпоручикъ.		
212. Боркѣвичъ, Люд., подпор.		
213. Яблковскій, Люд., »		
214. Лазовскій, Ив., »		
215. Стрненскій, Александръ, подпоручикъ.		
216. Вендроговскій, Адамъ, у.-о.		
217. Волошинскій, Игнатій, подпоручикъ.		
218. Бетковскій, Леонъ, подпоручикъ.		
219. Герникъ, Игнатій, ф. . .		
220. Лобановскій, Ив., поруч.		
221. Орловскій, Александръ, подпоручикъ.		
222. Маврикій-Гауке, графъ, подпоручикъ.		
223. Ольшевскій, Антипъ, у.-о.		
224. Гаевскій, Альбертъ, у.-о.		
225. Новосельскій, Феликсъ, подпоручикъ.		
226. Іокишъ, Осипъ, подпр. .		
227. Гартпель, Викентій, подпр.		
228. Пухальскій, Алексѣй, подпрапорщикъ.		
229. Бѣлявскій, Осипъ, подпр.		
230. Василевскій, Осипъ, у.-о.		
231. Жарскій, Ант., подпр. . .		
232. Борковскій, Карлъ, у.-о. .		
233. Глембоцкій, Осипъ, у.-о.		
234. Липскій, Антипъ, у.-о. . .		
235. Пѣнтко, Игнатій, у.-о. . .		
236. Допивскій, Александръ, подпрапорщикъ.		
237. Раковскій, Люд., у.-о. . .		
238. Штиковскій, Ант., у.-о. .		
239. Дорнфельдъ, Северинъ, у.-о.		
240. Коссъ, Леонъ, у.-о.		
241. Бржезинскій, Андрей, подпрапорщикъ.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
242. Фрезе, Станисл., подпр. .	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были розысканы.
243. Венчленскій, Ксаверій, подпрапорщикъ.		
244. Сколимовскій, Ант., у.-о.		
245. Дорантовичъ, Θаддей, подпрапорщикъ.		
246. Прешель, Христофоръ, подпрапорщикъ.		
247. Гриффель, Юліанъ, подпрапорщикъ.		
248. Графъ Платеръ, Эдуардъ, подпрапорщикъ.		
249. Звѣржховскій, Леопольдъ, подпр.		
250. Заржецкій, Векентій, у.-о.		
251. Яшовскій, Александр., у.-о.		
252. Прошковскій, Матвѣй, подпрапорщикъ.		
253. Бартковскій, Ив., студен.		
254. Гевартовскій, Леопольдъ, студентъ.		
255. Фалинскій, Станисл., студ.		
256. Пивоварскій, Ад., студ. .		
257. Шиманскій, Напол., студ.		
258. Кобылинскій, Викентій, студентъ.		
259. Лидке, Александръ, студ.		
260. Бацевичъ, Ан., студентъ.		
261. Сухорскій, Поликарпъ, студентъ		
262. Міончинскій, Александръ, студентъ		
263. Швейцеръ, Мих.		
264. Мейзнеръ, Осипъ.		
265. Витковскій, Кастанъ, студ.		
266. Модлинскій, Игнатій, студ.		
267. Яроновскій, Конст., быв. ученикъ 6 кл. варш. уч. .		
268. Домбскій, Юліанъ, студ.		
269. Горженскій, Леонъ, студ.		
270. Пашковичъ, Казим., подполковникъ		
271. Островскій, Іосафатъ Болеславъ, студентъ		
272. Бронниковскій, Ксаверій, патронъ при гражд. трибуналѣ.		

Фамилии приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
273. Мохнацкій, Маврикій, магистръ правъ	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года	Не были розысканы.
274 Графъ Малоховскій, Густавъ, быв. посолъ		
275. Графъ Гуровскій, Ад., помѣщикъ		
276. Гржимала, Францъ, ред. газетъ		
277. Бабскій, Напол., писецъ при редакціи газеты		
278. Дембинскій, Мих., увол. помощ. секр. правит. комис. финансовъ		
279. Корманскій, Влад. Казим., отст. подпоруч		
280. Штольцманъ, Карлъ, пор.		
281. Радзѣіовскій, Александръ, отст. у.-о.		
282. Трищинскій, Францъ, б. посолъ Орл. повѣта		
283. Циховскій, Адольфъ, отст. подпоручикъ		
284. Мнѣвскій, Александр., пом.		
285. Пршиборовскій, Конст., житель Калишс. воев.		
286. Понинскій, Нап., житель Краков. воев.		
287. Кн. Четвертинскій, Янутъ, подпор.		
288. Корженіовскій, Онуфрій, ун.-оф.		
289. Нѣшокоцъ, Викентій, пор.		
290. Антонини, Яковъ, майоръ.		
291. Графъ Солтыковъ, Романъ, б. посолъ повѣта		
292. Звѣрковскій, Валентинъ, членъ комит. кред. общ.		
293. Графъ Островскій, Владиславъ, б. пос. повѣта.		
294. Гр. Островскій, Антипъ, быв. сенаторъ		
295. Гр. Ледуховскій, Ив., быв. посолъ повѣта		
296. Воловскій, Францъ, быв. депутатъ Варш. округа		
297. Лущевскій, Ад., быв. посолъ повѣта		

Фамилии приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
298. Лелевель, Іох., быв. посолъ повѣта	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были розысканы.
299. Кн. Чарторыжскій, Ад., б. сенаторъ, воевода		
300. Моравскій, Ѳеофилъ, быв. посолъ		
301. Баржиковскій, Станис., б. посолъ		
302. Скршинецкій, Ив., полков.		
303. Нѣмоіовскій, Бонавентура, помѣщикъ		
304. Моравскій, Ѳедоръ, пом.		
305. Бернацкій, Алонзій, б. пос.		
306. Свирскій, Іосифъ, б. пос.		
307. Шанѣцкій, Ив. Ольрихъ, быв. депутатъ		
308. Петрашевскій, Михаилъ	По дѣлу «Петрашевцевъ» 1849 г. приговорены къ разстрѣлянію.	Смертная казнь замѣнена другими наказаніями.
309. Спѣшневъ, Николай		
310. Момбели, поруч.		
311. Григорьевъ, поруч.		
312. Львовъ, капит.		
313. Филипповъ, студ.		
314. Достоевскій, Ф. М., писат.		
315. Ахшарумовъ, канд.		
316. Дуровъ, отст. кол. ас.		
317. Ханыковъ, студ.		
318. 319. Дебу, братья, чинов.		
320. Толль, учит.		
321. Ястржембскій, пом. инсп.		
322. Плещеевъ, поэтъ		
323. Кашкинъ, чинов.		
324. Головинскій, чинов.		
325. Пальмъ, поруч.		
326. Тимковскій, чинов.		
327. Европеусъ, от. кол. сек.		
328. Шапошниковъ, мѣщ.		
329. Петровъ, Антипъ, кр.	Въ 1861 г. къ разстрѣлу. (Крестьян. волнен.).	Разстрѣлянъ.
330. Ариголдъ, офицеръ	Въ 1862 г. приговорены къ разстрѣлу за хран. и распространеніе между солдат. брошюръ возмутител. содерж.	Разстрѣляны.
331. Сливицкій, офицеръ		
332. Ростковскій, юнкеръ		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
333. Красовскій, подполков . . 334. Яковлевъ, студ. . . . . . . 335. Волковъ, кан. сл. 20 л. . 336. Васильевъ п. гр. 18 л. . .	тоже	Смерт. казнь замѣн. каторг.
337. Ушаковъ, офицеръ	Въ 1863 г. за пропаганду между фабрич. и рабочими.	Замѣнена каторгой.
338. Иваницкій, шт.-кап . . . . 339. Мрочекъ, поруч. . . . . . . 340. Станкевичъ, подпор. . . . 341. Кеневичъ, дворянинъ. . .	Въ 1864 г. приговорены къ разстрѣлянію по дѣлу о «казанск. заговорѣ».	Разстрѣляны.
342. Орловъ, Ив., студ. . . . . 343. Новицкій, дворянинъ. . . 344. Госцевичъ, » 345. Алехновичъ, » 346. Маевскій, мѣщ.	тоже.	Замѣнена кат.
347. Чернякъ, офицеръ.	Въ 1865 г. по тому же дѣлу.	Разстрѣлянъ.
348. Каракозовъ, Дмитрій, быв. студ. 25 л.	Въ 1866 г. за покушеніе на убійство Императора Александра II.	Повѣшенъ.
349. Ишутинъ, пот. поч. гр. 26 л.	По тому же дѣлу.	Замѣн. каторг.
350.*) Ковальскій, Иванъ. . . .	Въ 1878 г. за вооруженное сопротивленіе жандармамъ.	Разстрѣлянъ.
351. Дубровинъ, офицеръ . . .	Въ 1879 г.	
352. Бранднеръ. . . . . 353. Антоновъ. . . . . 354. Осинскій, Валер	Въ 1879 г. приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.	Повѣшены.
355. Лешернъ, Софья.		Замѣн. каторг.
356. Горскій. . . . . 357. Бильчанскій. . . . . 358. Федоровъ (Гобстъ).	Въ 1879 г.	Повѣшены.
359. Чубаровъ . . . . 360. Лизогубъ. . . . . 361. Давиденко . . . . 362. Виттенбергъ. . . . . 363. Логовенко, матросъ	Въ 1879 г. 5 авг. приговорены воен.-окружн. судомъ въ Одессѣ къ смерт. каз. черезъ повѣш.	10 августа всѣ повѣшены.
364. Малинка . . . . 365. Дробязгинъ . . . . 368. Майданскій	Въ 1879 г., приговорены въ Одессѣ къ смерт. каз. черезъ повѣшеніе.	7/XII повѣшены.

*) Въ 1876 г. были приговорены къ смертн. казни двое (казнены); въ 1877 г. четверо (казнены); въ 1878 г. 23 (казнены); намъ имена ихъ неизвѣс.

Фамилии приговоренныхъ.	За что?	Примѣчанія.
367. Соловьевъ		
368.*) Мирскій.		Замѣн. каторг.
369. Розовскій	Въ 1880 г. приговор.	5/III повѣ-
370. Лозинскій	въ Кіевѣ, къ повѣш.	шены.
371. Поповъ, Михаилъ	Въ 1880 г. пригов. въ	Смерт. каз. за-
372. Ивановъ, Игнатъ.	Кіевѣ, къ повѣш.	мѣнена катор.
373. Млодецкій	Въ 1880 г. въ С.-Пе-	22 февр. повѣш.
374. Сабуровъ (Оболешовъ) . .	тербургѣ.	Смерт. каз. за-
375. Михайловъ, Адріанъ. . . .		мѣнена катор.
376. Квятковскій		4/XI повѣшенъ.
377. Ширяевъ.	Въ 1880 году въ	Смерт. казнь за-
	С. - Петербургѣ,	менена катор.
378. Прѣсняковъ, рабоч.	военно-окружнымъ	4/XI повѣшенъ.
379. Тихоновъ, рабоч.	судомъ.	Заменена
380. Окладскій, рабоч.		каторгой.
381. Желябовъ.	Въ 1881 г. за убій-	
382. Михайловъ, Тимоѳей . . .	ство Императора	Повѣшены
383. Кибальчичъ	Александра II при-	3 апрѣля
384. Рысаковъ.	говорены къ повѣ-	1881 года.
385. Перовская, Софья	шенію.	
386. Гельфманъ, Геся.		Умерла въ Петропав. крѣп.
387. Щедринъ.	Въ 1881 г. въ Кіевѣ.	Замѣн. каторг.
Онъ же (Щедринъ)	Въ Иркутскѣ за оскор дѣйств. тюрем. инсп.	Замѣнена приковываніемъ къ тачкѣ.
388. Легкій.	За убійство тюрем. надзирателя.	Повѣшенъ.
389. Соньковскій	Въ 1881 г. за покуш. на жизнь Черевина.	Замѣнена каторгой.
390. Михайловъ, Ал., дв. 25 л.		
391. Колодкевичъ, 31 г.		
382. Фроленко,сынъфельд.33л.	Народовольцы.	Замѣнена ка-
393. Исаевъ, сынъ почт. 24 л.	Въ 1882 году при-	торжными ра-
394. Емельяновъ,сынъ пс.20 л.	говорены въ С.-Пе-	ботами.
395. Клѣточниковъ.	тербургѣ къ повѣ-	
396. Тетерка, столяръ.	шенію.	
397. Сухановъ, отст. лейт. . .		Разстрѣлянъ.
398. Лебедева, Татьяна, 29 л.		Заменена ка-
399. Якимова, дочь свящ. 26 л.		торгой.
400. Нагорный	Въ 1882 г. за убій-	Заменена ка-
401. Евсѣевъ.	ство шпіона Прейма.	торгой.
402. Поливановъ	Въ 1882 г. въ Саратовѣ.	

*) Въ 1879 г. было приговорено къ смертной казнѣ, кромѣ указанныхъ лицъ, еще четверо, имена которыхъ намъ неизвѣстны.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
403. Желваковъ, студ	Въ 1882 г. въ Одессѣ за убійство воен. прокурора.	Повѣшены.
404. Халтуринъ, раб.		
405. Кутитонская, Марія	Въ 1883 г. за покушеніе на жизнь губернатора.	Замѣнена каторгой.
406. Богдановичъ.	Въ 1883 г. приговорены въ С.-Петербургѣ къ повѣшенію.	Замѣнена заключен. въ Петропавлов. крѣпость, гдѣ всѣ и умерли.
407. Буцевичъ.		
408. Грачевскій.		
409. Теллаловъ		
410. Златопольскій.		
411. Неустроевъ, учитель гимн.	Въ 1883 г. за пощечину ген.-губернат.	Разстрѣляны.
412. Мышкинъ, Ип. Ник	Въ 1884 г. за оскор. надз. въ Шлис. крѣп.	
413. Минаковъ.		
414. Рогачевъ, офицеръ	Въ 1884. г. въ С.-Петербургѣ, къ повѣшенію.	Повѣшены.
415. Бар. Штромбергъ, офиц.		
416. Ашенбренеръ, офицеръ .		Замѣнена заключеніемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.
417. Похитоновъ, офицеръ . .		
418. Тихоновичъ, офицеръ. . .		
419. Юначевъ, офицеръ.		
420. Фигнеръ, Вѣра Ник. . . .		
421. Волькенштейнъ, Людм . .		
422. Лисянскій	Въ 1885 г. въ Харьк.	Повѣшенъ.
423. Манучаровъ	Въ 1885 г. въ Ростовѣ на Дону.	Замѣн. каторг.
424. Бордовскій, миров. судья.	Въ 1885 г. въ Варшавѣ, къ повѣшенію.	Повѣшенъ.
425. Люри, офицеръ.		Замѣн. карторг.
426. Куницкій, быв. студ. . . .		Повѣшенъ.
427. Шмаусъ, рабоч		Замѣн. каторг.
428. Петрусинскій рабоч. . . .		Повѣшены.
429. Оссовскій, рабоч.		
430. Ковалевскій, рабоч.	Въ 1886 г. въ Варш.	Повѣшенъ.
431. Лопатинъ.	Въ 1887 г. въ С.-Петербургѣ, къ повѣшенію.	Замѣнена каторгою.
432. Салово		
433. Ивановъ, Сергѣй.		
434. Стародворскій.		
435. Канашевичъ.		
436. Сухомлиновъ.		
437. Якубовичъ П. Ф.		
438. Генераловъ, В., студ. . . .	Въ 1887 г. въ С.-Петербургѣ, за покушеніе на жизнь Императора Александра III.	Всѣ повѣшены.
439. Осиповъ, В., студ.		
440. Ульяновъ, А., студ.		
441. Андрюшкинъ, П		
442. Шевыревъ.		
443. Оржихъ.	Въ 1888 г.	Замѣн. каторг.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
444. Зотовъ.	Въ 1889 году за вооружен. сопротивл. властямъ.	Повѣшены.
445. Коганъ-Бернштейнъ.		
446. Гаусманъ.		
447. Гинцбургъ, Софья.	Въ 1890 г.	Замѣн. каторг.
448. Балмашевъ, С.	Убійство министра.	Повѣшены.
449. Лекертъ.	Покуш. на уб-о.	
450. Качуръ	Покуш. на убійство.	Замѣн. катор.
451. Гершуня	Участіе въ боев.орган.	
452. Мельниковъ		

За 1905 годъ.

453. Пиляшекъ, кр.	Въ Варшавѣ.	Замѣн. каторг.
454. Каляевъ, Иванъ	Въ апрѣлѣ убійство В. Кн. Сергѣя Александровича.	Повѣш. 10 мая.
455. Дейчъ.	За покушеніе на убійство пристава.	Замѣн. каторг.
456. Маньковскій.	6 іюня въ Двинскѣ за покуш. на жизнь полицмейстера.	Оправданъ при вторичномъ разборѣ дѣла.
457. Окржея.	11 іюня въ Варшавѣ (бомба въ участокъ).	Повѣшенъ.
458. Зелинскій	За покуш. на убійство окол. надзир.	Оправданъ при вторичномъ разборѣ дѣла.
459. Евлагинъ.	За убійство тюрем. надзир. и покуш. на уб-о началь. тюрьмы.	
460. Крыжановскій.		
461. Рогачевъ, рядов	За покуш. на уб-о начальн. дисциплинарнаго бат. полковника Давыдова въ г. Херсонѣ.	Разстрѣляны четверо 24/VIII.
462. Пархоменко, рядов.		
463. Ермаковъ, рядов		
464. Бурименко, рядов		
465. Харчукъ, рядов.		
466. Мочедлоберъ, рядов.	За покуш. на убійство команд. полка 20/VII.	Повѣшенъ 6/X.
467. Сидорчукъ.	За уб-о житом. пристава Куярова; 19/VII.	Замѣн. каторг.
468. Васильевъ, рабоч.	За уб-о окол. надзир.	Повѣш. 20/VIII.
469. Комаровскій.	За нанес. раны город.	Замѣн. каторг.
470. Гершковичъ.	За покуш. на убійство пристава Стаховича и дворника 18/VII.	Казненъ 20/VIII.
471. Гурджизде.	За уб-о окол. надзир.	
472. Куликовскій.	За уб-о москов. градонач. гр. Шувалова.	Замѣн. каторг.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
473. Тевзадзе, рабоч. 17 лѣтъ.	За уб-о тифлис. кондитера Алихванова.	
474. Николаишвили		
475. Друя, мѣщ	За покуш. на убійство городового;	
476. Персицъ	За покуш. на уб-во.	Замѣн. катор.
477. Прокопе		
478. Петровъ, матр.	Безпорядки на «Прутѣ» въ Севастополѣ.	Разстрѣляны 24/VIII.
479. Афименко, матр.		
480. Черный, матр.		
481. Дорофѣевъ.	Безпорядки въ портѣ Александра III. Приговорены 12/VIII въ Либавѣ.	Замѣнена аторжными работами.
482. Шпаковскій		
483. Ткачевъ.		
484. Анненковъ.		
485. Субботинъ.		
486. Лазаревъ.		
497. Тарашевъ.		
488. Колесниковъ.		
489. Каспржакъ, 65 лѣтъ. . . .	Убійство 2-хъ офиц., 2-хъ городовыхъ, въ Варшавѣ.	Повѣш. 26/VIII.
490. Хмельницкій.	За покуш. на убійство солдата въ Варшавѣ.	Повѣш. 28/VIII.
491. Никифоровъ.	Уб-о нач. охран. отд. въ Нижн. Новг.	Повѣш. 12/VIII.
492. Дайнего, матр.	Въ Севастополѣ.	Разстрѣл. 3/IX.
493. Кушуба, матр		
494. Лаго, 20 лѣтъ.	За пок. на уб-о нѣжинск. пристава Крещаповскаго, 17/IX.	Замѣнена кат.
495. Зьяньянцъ.	За уб-о быв. бакинскаго губерн. кн. Накашидзе.	Замѣнена кат.
496. Майрамовъ.		
497. Саханьянцъ		
498. Артюновъ		
499. Агасеньянцъ, малолѣт. . .		Дѣло направл. къ дослѣдов.
500. Краузе	За пок. на уб. город.	Повѣшенъ.
501. Алешкеръ	За пок. на уб. сыщик.	Замѣнена кат.
502. Орыма.	За уб-о казака.	Казненъ 30/IX въ Варшавѣ.
503. Саламъ Оглы	За уб-о страж., воор. сопротивл. 25/IX.	
504. Джорджій	Въ Баку 22/IX за уб. околод. надзир.	
505. Лупандинъ, рабоч	Вооруж. нападеніе къ повѣш.	

1906 годъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
506. Розенцвейгъ. . . . . 507. Гольшаинъ . . . . 508. Рифкиндъ . . . . 509. Шаеръ . . . . 510. Пфеферъ	Въ Варшавѣ, за принадлежность къ боевой организаціи анархистовъ коммунистовъ.	Разстрѣл. 3/I.
511. Марковскій.	За убійство начал. жел.-дор. станціи въ Люблинѣ.	Разстрѣлянъ.
512. Озоль, владѣлецъ книжной лавки	По приг. воен. суда въ Венденѣ, Лифл. губ.	Разстрѣлянъ.
513. Заславскій 16 лѣтъ	Попытка освободить арестованнаго.	Зам. безср. кат.
514. Штеймбергъ, мѣщ. 20 л. 515. Задзе, мѣщ. 21 г.	Приговорены 28/I къ повѣш. въ Ригѣ.	Повѣш. 28/II.
516. Струнинъ, кочегаръ (Петрунинъ?).	Покуш. на убійство коменданта Кушкин. крѣп. Прасолова.	Замѣнена кат.
517. Пулиховъ, Ив. . . . . 518. Измайловичъ, Анна . . . . 519. Оксенкрухъ 20 лѣтъ. . . .	Покуш. на убійство минск. губ. Курлова и полиц. Нарова къ повѣш. 16/II.	Повѣш. 25/II. Замѣнена кат.
520. Якуновичъ.	Покуш. на убійство окол. надз. въ Вильно.	Замѣнена кат.
521. Баташевъ, раб.	Нанесеніе раны. жандарму въ Тулѣ.	Замѣнена кат.
522. Цвѣтковъ, канониръ. . . .	Главн. воен. судъ 13/II.	Бѣжалъ.
523. Бушуевъ	Покуш. на уб-во уф. в.-губ. Келеповскаго (февр.).	Замѣнена кат.
524. Борзинъ, Янъ.	Уб-о казака въ Ригѣ.	Казненъ.
525. Джорбжіашвили	Уб-о генер. Грязнова въ Тифлисѣ.	Казненъ 1/III.
526. Окунцовъ, дир. реал. уч. 527. Шинкманъ, докторъ. . . . 528. Мирскій, ссыльный	изд. «Революц. газеты», по 99, 100, 103 п. 3 ст. уг. ул.	Замѣнена кат.
529. Неизвѣстная.	Уб-во ген.-ад. Сахарова въ Саратовѣ.	Замѣнена кат.
530. Бакмановъ.	Покуш. на уб-о в.-губ. въ Саратовѣ.	Замѣнена кат.
531. Орына. . . . . 532. Барышевичъ.	Вооруж. напад. на патруль въ Варшавѣ къ повѣш.	

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
533. Петровъ, Сергѣй......	По дѣлу бобруйскаго дисципл. баталіона приговорены къ смертн. к. марта 1906 г.	
534. Петровъ, Николай.....		
535. Кошинъ, Иванъ.......		
536. Быстровъ, Василій.....		
537. Сарниковъ, Николай ...		
538. Гребешковъ Михаилъ...		
539. Казанцевъ, Степанъ....		
540. Кодырсь, Кодіоръ.....		
541. Калашниковъ. Ден.....		
542. Гуревичъ, Леонидъ		
533. Васильевъ, Ив.		
544. Мочалинъ, Пав.		
545. Федоровъ, Вас.......		
546. Тицъ, студ..........	Заочно приг. за агитацію въ Приб. Краѣ.	
547. Григоровичъ, техникъ ..	Забассовки.	Казн. 2 марта въ 3 ч. дня въ Читѣ.
548. Цупоманъ, (Цукерманъ?) пом. нач. ст.		
549. Столяровъ, раб.		
550. Ванштейнъ, жел.-д. служ.		
551. Кузнецовъ, дирек. музея въ Читѣ		Замѣнена кат.
552. Кларкъ, жел.-дор. служ. .		Замѣнена кат.
553. Кривоносенко, мѣщ. ...		
554. Фабричный, ряд.......	За уб-во командира батальон. въ Вяткѣ (приг. 8/II).	
555. Шмидтъ, лейт........	Вооруж. возстаніе. 18/II.	Разстрѣляны.
556. Частникъ, кандукт.....		
557. Антоненко, командоръ.. .		
558. Гладковъ, машин......		
559 и 560. Чекальскіе, братья.	За пок. 21 дек. 1905 г. на уб-о земск. страж. Варш. губ.	
361. Зерницкій	За уб-о 23/XII 1905 г. зем. стр. въ Заверцъ.	Казненъ 24 фев.
562. Бауманъ, Янъ, кр......	За уб-о говодового въ Ригѣ.	
563. Темансъ, прис. пов. ...	Заочно къ повѣш. въ Ревелѣ.	Не разысканъ.
564. Пяцъ, тов. гор. головы. .	То же.	Не разысканъ.
565. Слиндеръ, несоверш. ...	За пок. на уб-о жанд. въ Вильнѣ.	

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
566. Замошниковъ	По 51 ст. и 1 ч. 100 ст. угол. улож. (почт. забастовка).	Замѣнена каторгой.
567. Хмѣлевъ		
568. Костылевъ		
569. Андреевскій		
570. Рыбинъ		
571. Бергманъ	По 51 ст. и 3 ч. 102 ст. угол. улож. (участіе въ почтов. союзѣ). Въ Читѣ.	
572. Розовъ (?)		
573. Дмитріевъ, Іосифъ		
574. Афанасьевъ		
575. Мейлунъ		
576. Грековъ		
577. Сосновскій		
578. Богоявленскій		
579. Коротковъ, кр.	Въ Екатеринославѣ за участіе въ сообщ. съ цѣлью ниспроверженія существ. строя.	
580. Жуковъ, рядов. дис. бат.	Покуш. на уб-о генер.	Замѣнена кат.
581. Финовскій	За нападеніе на патруль въ Люблинѣ.	
582. Боришевскій		
583. Михельсонъ	Стрѣльба въ чиновъ пол., напад. на ювелирн. магазинъ.	Казненъ.
584. Конаржевскій		Повѣшенъ.
585. Спекъ	За пок. на уб-о полиц.	Казнены.
586. Бисенокъ	Стрѣльба въ драгуна въ Митавѣ.	
587. Берденниковъ	За уб. надз. въ Томскѣ.	
588. Земгалъ	За нападеніе на городового въ Ригѣ.	Дѣло кассировано.
589. Іогансонъ, несоверш.		
590. Хойнатскій, Ив.	Разгромъ гминнаго управл. и оскорбленіе порт. Государя.	Повѣшены въ Варшавѣ.
591. Гузинскій, Владиславъ		
592. Случче		Разстрѣл. 6/II.
593. Пумпуръ. учитель	Въ Прибалт. краѣ.	Повѣш. 30/I.
594, Кронбергъ, вол. пис.		
595. Клопи, сыроваръ	Въ Прибалт. краѣ.	Разстрѣляны.
596. Чиче		
597. Данбергъ, сѣдельникъ		
598. Зарницкій		
599. Кабельяни	Уб-о пристава.	Разстрѣленъ.
600. Спиридонова	Уб-о Луженовскаго.	Замѣнена кат.
601. Чекальскій		
602. Коровинъ, фельд.	Дѣло «саперовъ» въ Кіевѣ къ разстрѣлу апрѣль 14.	
603. Квашнинъ, »		
604. Рябый, у.-о.		
605. Гланто, несоверш.	За уб-о кассира.	

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
606. Гольдбергъ, кр.	Пок. на уб-о двухъ городовыхъ.	
607. Короткій	За уб-о полиц. и рана полицм., Вильна къ повѣш.	Разстрѣл. 1/II 1906 г.
608. Гордѣевъ, раб.		Повѣш. 12/II.
609. Гольсобель.		Повѣш. 12/II.
610. Медвѣдниковъ, инж. тех.		Повѣш. 12/II.
611. Малютинскій. машин. . .		Повѣш. 12/II.
612. Пашинскій, нач. стан. . .		Замѣнена кат.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
На 72 стран. 11 строка снизу	Пакье:	Карра:
Въ спискѣ приговоренныхъ къ смертной казни на страницѣ 332 подъ № 531	Орына.	Орыма.
На страницѣ 333 подъ № 550	Ванштейнъ.	Вайнштейнъ.


Digitized by Google

